Рассел
УИТФИЛД

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ГЛАДИАТРИКС

Гладиатрикс
Рассел Уитфилд

Аннотация
Рассел Уитфилд. Гладиатрикс
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX
XX

XXI
XXII
XXIII
XXIV
XXV
XXVI
XXVII
XXVIII
XXIX
XXX
XXXI
XXXII
XXXIII
XXXIV
XXXV
XXXVI
XXXVII
XXXVIII
XXXIX
XL
XLI
XLII
XLIII
XLIV
XLV
XLVI

XLVII
XLVIII
XLIX
L
LI
LII
LIII
LIV
LV
LVI
ЭПИЛОГ
ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА
БЛАГОДАРНОСТИ

Аннотация

I век н. э. В период правления Домициана страсть римлян к гладиаторским боям достигла величайшего размаха. Император, стремясь к новизне и разнообразию, выводит на арену необычных бойцов — женщин.

Одна из них — Лисандра, чудом пережившая кораблекрушение у побережья Малой Азии и попавшая в рабство. У себя на родине она принадлежала к древнему культу — и эта спартанская жрица-воительница никогда не примет невольничью судьбу. В свирепых схватках Лисандра совершенствует свое боевое мастерство и обретает восторженную любовь толпы. Но одновременно растет число ее опаснейших недругов…

Впервые на русском языке — в переводе Марии Семеновой, прославленного автора «Волкодава».

Рассел Уитфилд
Гладиатрикс

Посвящается моей маме, которой мне так не хватает…

I

Тот самый первый раз Лисандра не забудет до конца своих дней.

Она в одиночестве шла по темному проходу к амфитеатру, залитому ярким солнцем, и чем ближе подходила, тем яснее доносился сверху этот звук. Ритмичный медленный ропот поначалу улавливался лишь самым краешком сознания. Далекий, едва слышный, он постепенно завораживал, точно песня сирен, просачивался сквозь каменную толщу, отдаваясь во всем ее теле, в самых костях.

Лисандра изо всех сил удерживала в повиновении клокочущий водоворот чувств. Страх бился в жилах девушки. Он был так силен, что в какой-то момент она даже споткнулась, но тотчас рванулась вперед, жаждая ответить на чудовищный вызов. Эта краткая вспышка сожгла ужас воительницы. Лисандра сделала еще шаг и ступила из полутьмы в резкий свет арены.

Рев толпы обрушился точно живая волна, и девушка даже пошатнулась под его бешеным напором. Ряды, запруженные вопящей толпой,

поплыли у нее перед глазами. Амфитеатр напоминал пасть прожорливого божества, питающегося ничтожными смертными. Мириады искаженных лиц, рты, распахнутые в крике… Рев, полный страстного вожделения, предвкушения…

Недавно разглаженный песок арены источал явственное зловоние. Ноздри Лисандры наполнились запахом крови и дерьма животных. Сегодня здесь потрудились венаторы — охотники на диких зверей, перебившие на потеху зрителям несколько сотен хищников. Желудок Лисандры поднялся к горлу. Ей хотелось как можно быстрее бежать из этого овеществленного Тартара.

Отчаянным усилием воли она подавила этот позыв.

Невменяемый рев трибун между тем достиг апогея. Сузившиеся зрачки Лисандры уловили движение по ту сторону арены. Из противоположного туннеля показалась еще одна женщина, ее противница.

Лисандра едва заметила раба, служителя арены. Он подошел к ней и сунул в ладони, мокрые от пота, два коротких меча. Все ее внимание было поглощено соперницей. Она даже успела сообразить, что их подбирали не иначе как по телесным различиям. Сама Лисандра была рослой

и стройной, противница же — невысокой, крепко сбитой, с толстыми руками и ногами. Подобное телосложение, на взгляд спартанки, было грубым и пошлым. Взять хоть эти излишне полные груди, настоящее вымя, готовое разорвать белую ткань туники и вывалиться на свободу! Типично галльскую внешность довершала копна соломенно-светлых волос, разительно отличавшихся от вороных локонов самой Лисандры.

Общего у двух женщин было мало — оружие в руках, да еще понимание того, что через считанные минуты в живых останется только одна из них.

Уроженка Галлии повернулась туда, где сидели вельможи, и вскинула правую руку. Лисандра, еще толком не привыкшая к этикету арены, повторила ее жест. Движение вышло уверенным, спартанка недаром провела почти всю жизнь в храме, где строго соблюдались ритуалы. Впрочем, это было уже не важно. Богато одетый римлянин — судя по всему, это был Секст Юлий Фронтин, управитель и прокуратор Малой Азии, — даже не потрудился ответить. Все его внимание было посвящено смуглой прелестнице рабского звания, сидевшей подле него.

Лисандра повернулась к противнице. Несколь-

ко нескончаемых мгновений две женщины стояли лицом к лицу. В сине-зеленых глазах галлийки Лисандра как в зеркале увидела отражение собственных переживаний и на миг ощутила острую жалость к ней и к себе. Они не были природными врагинями, тем не менее спартанка знала, что не имеет права на мягкосердечие. Ее взгляд посуровел. Она была твердо намерена выжить. Галлийка коротко кивнула. Должно быть, она сделала для себя такие же выводы.

Обе подняли оружие и еще несколько ударов сердца не двигались с места. Потом галлийка бросилась в яростную атаку. Железо прозвенело о железо, неожиданно красиво запев. Это Лисандра отразила наскок. Кельтская воительница выругалась и завизжала. Она вкладывала все силы в удары, воспламененные яростью. В ее нападении не было строя и смысла — лишь сплошной рубящий вихрь, бушующий во всю мощь. Галлийка действовала точно лавина, которая несется вперед и сметает все, что попадается ей на пути.

Лисандра знала, что она должна превратиться в туман. Только тогда ей удалось бы устоять перед этим напором. Вся ее жизнь была занята подготовкой к бою. Это была всего лишь ритуальная выучка, совсем не подходящая для настоящего

сражения. Но стоило ей оказаться между жизнью и смертью — и крепко вколоченная наука проявилась, заставила привычное тело отозваться, не дожидаясь осознанной мысли.

Ей казалось, что соперница двигалась в толще воды. Как только галлийка начинала очередную атаку, меч Лисандры был тут как тут, отводя разящий удар.

«Не пытайся переть силой на силу!» — напоминала себе спартанка, плетя кружева и не давая втянуть себя в бессмысленную рубку.

Такое поведение только раззадоривало противницу. Галлийка удвоила усилия. Она поднимала ногами тучи пыли, теснила Лисандру через всю арену и бешено кромсала мечом… пустой воздух.

Разочарованные зрители мяукали и мычали, требуя от поединщиц более зрелищных действий.

Светлые волосы галлийки слиплись и потемнели от пота, белая туника пошла грязно-серыми разводами. Лисандра уклонилась от очередного наскока и заметила в движениях противницы явственную усталость. Руки и плечи галлийки зримо отяжелели. Она хватала ртом воздух, теряла силы, поэтому позволила себе чуть передохнуть. Червячок сомнения в победе уже

подтачивал ее воинский дух.

Все же она храбро занесла оба меча, и по венам Лисандры вдруг промчался огонь.

«Сейчас! — в один голос кричали все ее чувства. — Сейчас!»

Она ударила в ответ.

Ее мечи стремительно мелькнули, размазываясь в воздухе. Воительница перешла от глухой защиты к безжалостному нападению. Соперница лихорадочно отбивалась, пятилась под неожиданным натиском спартанки.

Лисандра усилила напор. Теперь галлийка едва успевала останавливать ее атаки. Лисандра ощутила отчаяние противницы и еще наддала темп, наконец-то ввязавшись в последний отчаянный обмен ударами. Один клинок пришелся в другой, их стук отдался в руке. На этом силы галлийки иссякли окончательно, и Лисандра проломила ее оборону.

Когда под ее мечом распалась живая плоть, она почувствовала не сожаление, а лишь огненный, невозможно-яркий восторг. Галлийка ахнула, поперхнулась. Кровь хлынула изо рта и из раны в груди. Лисандра выдернула клинок и, продолжая движение, с силой крутанулась на месте. Новый удар пришелся покачнувшейся галлийке прямо в

шею. Начисто отсеченная голова взлетела к небу. Рот и глаза так и остались широко распахнутыми в гримасе боли и изумления. Обезглавленное тело держалось на ногах еще несколько мгновений, похожих на вечность. Потом оно с торжественной медлительностью стало заваливаться навзничь и наконец рухнуло врастяжку. Из рассеченных шейных сосудов в песок щедро полилась кровь, растекаясь багряной лужей.

Тут Лисандра болезненным толчком вернулась к реальности. На нее безудержным водопадом вновь обрушился нестройный рев толпы, а в зрачках отражалась странная и жуткая картина — у ног победительницы еще подергивалось тело соперницы, а через арену к ней шел рослый человек в одежде Харона, перевозчика мертвых. Неспешно, даже несколько церемонно, Харон подобрал срубленную голову галлийки, потом зацепил изогнутым посохом бездыханное тело, повернулся и тем же размеренным шагом побрел прочь, утаскивая за собой мертвую.

Лисандра сперва попятилась, затем повернулась и ушла обратно в туннель. Ее мысли неслись кувырком. Сумасшедший восторг, величайшее облегчение — и чувство вины.

II

Лисандра безнадежно смотрела сквозь решетку тюремной повозки. Мимо с удручающей медлительностью проползал иссушенный карийский пейзаж. Его монотонность нарушали разве что колючий куст, пыльный холм или случайный странник, державший путь к городу.

Вот уже несколько часов повозка покачивалась на ухабах, оставляя позади Галикарнас, распластавшийся под солнцем. Лисандра едва успела обозреть его улицы, пока они добирались до окраины, но город показался ей громадным. Если же сравнивать его с родной Спартой, то он был еще и безвкусным. Это было как раз объяснимо. Чего еще ждать от малоазийских эллинов, способных разве что раболепно копировать римлян! Ни с кем здесь, правда, Лисандра сама знакома не была и знала это только понаслышке, но ведь дыма без огня не бывает.

Считая ее саму, пленников в клетке было семеро, но эта повозка была не единственной в поезде Бальба. Спартанка предполагала, что ее поместили вместе с последними приобретениями

ланисты, то есть хозяина гладиаторской школы. Увы, все они происходили из каких-то варварских племен и совсем не понимали не только родного для Лисандры эллинского, но и латыни. Это обстоятельство, впрочем, отнюдь не мешало им оживленно болтать на своих невразумительных наречиях, от звука которых у Лисандры скоро начали ныть зубы.

После победного поединка спартанку бесцеремонно заперли в маленький закуток — дожидаться, пока окончится сегодняшнее представление. Справедливости ради надо сказать, что ее покормили и показали лекарю, чтобы убедиться в том, что она не получила ран. Слуги ланисты выяснили, что ее здоровье пребывало в полном порядке, опять засадили Лисандру под замок и, кажется, не вспоминали о ней до того самого момента, когда каравану Бальба настала пора трогаться в путь.

Ее извлекли из закутка и потащили к зарешеченной повозке. Лисандра пыталась о чем-то спрашивать, но ей лишь сообщили, что теперь она — собственность Луция Бальба, после чего велели заткнуться. Попытка игнорировать этот приказ окончилась здоровенной затрещиной.

Лисандра была с детства выучена терпеть физическую боль, но затрещина живо напомнила

ей о ее нынешнем положении.

«Рабыня!..»

Каждый раз, когда это слово непрошеным всплывало в сознании, Лисандру начинало нешуточным образом мутить.

Ко всему прочему, она была не просто рабыней, а невольницей, предназначенной для арены. Ниже падать было уже просто некуда, в глазах общества она стала чем-то вроде животного. Выносить эту мысль было почти невозможно. Лисандра пыталась утешаться. Она мечтала о том, как владелец рабов выяснит, кто она на самом деле такая, и жуткая, унизительная ситуация будет немедленно разрешена.

Ее невеселые размышления прервал легкий хлопок по плечу. Лисандра повернула голову. Рыжеволосая дикарка протягивала ей кусок хлеба. Рука, державшая его, оказалась до того грязной, что первым побуждением спартанки было ее оттолкнуть. Однако рыжая девушка улыбалась с таким искренним сочувствием, что Лисандра овладела собой и приняла кусок, надеясь на то, что ее ответная улыбка не будет воспринята как злобная гримаса. Рыженькая ласково, точно сестру, потрепала ее по плечу и вернулась к товаркам. Лисандра снова уставилась наружу,

отчасти согретая участием девушки.

Путешествие длилось несколько дней. К некоторому удивлению спартанки, кормили их довольно-таки регулярно. Еще поразительнее было то, что пища оказалась превыше всяких похвал. Такой вкусной ячневой каши с мясом Лисандра никогда в жизни точно не ела. В целом было похоже на то, что хозяева желали сберечь своих рабынь в добром здравии. Это весьма противоречило тому, что Лисандра слышала о жизни невольниц. Путешествие оказывалось пусть и неприятным, но, по крайней мере, весьма сносным, разумеется, если забыть про вшей, кишевших повсюду.

Через несколько дней Лисандра даже начала общаться со своими подругами по несчастью. Посредством энергичной пантомимы, которая со стороны, вероятно, могла показаться даже комичной, она выяснила, что рыжую девушку звали Хильдрет. Как и все остальные спутницы, она была из германского племени хаттов. Название этого народа, снискавшего себе славу по всей империи, было для Лисандры не пустым звуком. Даром ли вот уже несколько лет хаттские воины яростно бились с римскими легионами за рекой Рин!

Хильдрет же никогда не слышала об Элладе. Даже когда Лисандра назвала свою родину на римский лад Грецией, она лишь недоуменно передернула плечами и мотнула головой. На этом Лисандра оставила попытки что-то ей втолковать, сочтя объяснения бесполезными. Географические тонкости в любом случае пребывали за пределами их уровня взаимопонимания. Вместо этого Лисандра сосредоточилась на том, чтобы обучить Хильдрет хотя бы элементарной латыни. Тут ей пришлось убедиться в том, что россказни о врожденной туповатости варваров оказались не совсем беспочвенными. Что ж! Главным для Лисандры было как-то убить время, а вовсе не достичь результатов.

Тем не менее вскоре из тюремной повозки стали раздаваться возгласы на ужасающей, но все-таки вполне понятной латыни: «Небо, дерево, камень». Потом настал черед коротких фраз вроде «Я-не-говорю-на-латыни-а-ты-говоришь-по-германски?»

Поначалу девушки развлекались от души, но через некоторое время шумное веселье молодых дикарок привлекло внимание стражников Бальба, и пленницам было велено вести себя поскромнее. Приказы сопровождались недвусмыс-

ленными угрозами и размахиванием дубинками — вероятно, ради доходчивости.

Как бы то ни было, надежда Лисандры с пользой скоротать время вполне оправдалась. Она даже слегка удивилась, когда заметила вдалеке длинную городскую стену. Судя по всему, именно к ней и двигались повозки.

Пока караван неторопливо подбирался к стенам крепости, рабы, сидящие за решетками, примолкли в ожидании. Когда расстояние сократилось, Лисандра даже сравнила постройку с миниатюрной Троей. Ее стены выглядели весьма внушительно. Распахнулись тяжелые ворота, окованные железом, и повозки стали вкатываться под арку, увенчанную надписью: «Женская гладиаторская школа Луция Бальба».

Лисандра потянулась вперед, обхватив руками железные прутья решетки. Внутренность школы, по-латыни именуемой лудом, живо напомнила ей пчелиный улей — такая же суета и гул голосов. Спартанка увидела множество женщин, занятых воинскими упражнениями разного рода. Стук деревянного оружия мешался с выкриками наставников и возгласами учениц, полными то раздражения, то восторга. В целом обстановка показалась Лисандре знакомой и,

невзирая на обстоятельства, некоторым образом утешительной.

Дверцы передвижной клетки со скрежетом распахнулись. Стражники жестами и приказами, выкрикиваемыми на варварском гортанном наречии, позвали рабынь наружу. Лисандра кожей ощутила ужас, охвативший ее спутниц.

— Всем снять одежду и бросить ее вот сюда, — повторил стражник, теперь уже на латыни.

Лисандра только пожала плечами. В ее родной Спарте все упражнения выполнялись совсем без одежды, а красивое развитое тело было предметом гордости. Лисандра подчинилась приказу, радуясь избавлению от невозможно грязной туники.

Ее спутницы неохотно последовали примеру спартанки, и та немедленно поняла причину их смущения. Среди германцев явно не принято было гордиться своим телом. Обнаженные дикарки и в самом деле являли собой довольно странное зрелище. Лисандра сама была белокожей, но по сравнению с ней северянки выглядели едва ли не синюшными. Слишком белые торсы отягощали пухлые висячие груди. Лобковые волосы у этих женщин оказались такими пышными и притом разноцветными, что Лисандра вынуждена была

прикусить губу, чтобы не расхохотаться. В том, что подмышки у германок были заросшими, как у мужчин, она успела убедиться еще по дороге сюда, но кто мог ждать, что эти женщины окажутся до такой степени волосатыми?..

— Ты! Ты говоришь на латыни. — Голос стражника прервал ход ее мыслей.

Лисандра перестала про себя потешаться над нескладными германками и повернулась к нему. Стражник оказался невысоким, крепко сбитым и… тоже каким-то недоделанным. Не вполне варвар, но вроде того, возможно, македонец.

Лисандра выпрямилась и сказала:

— Да. И притом, кажется, лучше, чем ты.

Мужчина уставился на нее с туповатым недоумением. От таких слов у него даже челюсть слегка отвисла. Все остальные тоже притихли, ошеломленные слишком дерзким ответом. Несколько мгновений прошло в тягостной тишине, пока кто-то первым не расхохотался над озадаченным сотоварищем. В следующий миг хохотали уже все, только германки недоуменно оглядывались, не вполне понимая, что же произошло.

Македонец наконец мотнул головой.

— Отлупить бы тебя до синяков, да ладно уж, —

сказал он, но трудно всерьез угрожать, только что отсмеявшись. — Давай-ка для начала вымоем и тебя, и твоих подопечных!

Он жестом приказал девушкам идти в нужную сторону.

Когда они двинулись в указанном направлении, стражник посмотрел в спину Лисандре и сделал вывод, что слишком проворный язык уже доводил гречанку до беды. Если смотреть спереди, то ее красота была безупречной. Но вот спину в разных направлениях рассекали бледные шрамы.

* * *

Новоприбывших провели вдоль площадки для упражнений, давая им привыкнуть к здешнему окружению. Оказалось, что самое первое, внешнее впечатление не обмануло спартанку. Изнутри луд был не столько тюрьмой, сколько целым городом в миниатюре. Вдоль одной стороны обширной площадки тянулись приземистые каменные домики. Лисандра про себя рассудила, что это были жилища рабов, и мрачно подумала, что раз так, то и ей самой тоже предстояло здесь жить.

Напротив стояли роскошные строения, способ-

ные украсить любую римскую виллу. Они были расположены на гораздо большем удалении от шума и пыли. Там виднелись статуи и фонтаны. Когда Лисандра проходила мимо изваяния Минервы, как римляне называли богиню Афину, она сотворила подобающий жест приветствия и почтения.

В дальнем конце луда надо всем господствовало здание бань. Сюда-то вели и Лисандру, и остальных пленниц.

Стражники ввели девушек внутрь и передали их нескольким рабыням, которыми предводительствовала суровая германка. Она велела называть себя Гретой. По счастью, кое-кто из ее подначальных владел эллинской речью. Музыка родного языка до некоторой степени отвлекла Лисандру от невеселых раздумий.

Первым долгом их загнали в боковую комнатку, где не было почти ничего, кроме нескольких ведерок с дурно пахнувшей жидкостью. Грета велела рабыням втирать вонючий раствор в волосы. Из ведерок смутно попахивало нефтью, и Лисандра пришла к выводу, что, невзирая на смрад, вещество призвано было избавить ее от вшей, порядком-таки надоевших за последние дни.

Надо ли говорить, что даже эта гадостная отрава, используемая в качестве мыла, была предпочтительней бритья наголо!

Когда все головы были промыты теплой водой, Грета повела девушек в главное помещение бань. Вот когда губы Лисандры сами собой расползлись в улыбке чисто телесного удовольствия! Здесь обнаружился просторный и — к ее немалому удивлению — благоуханный бассейн. С поверхности воды поднимались струйки пара, так что воздух насыщала горячая влага.

Лисандру не потребовалось подгонять. Она сама шагнула к желанной воде. Хильдрет и остальные пленницы, наоборот, шарахнулись прочь. Между ними и Гретой началась шумная перепалка.

Грета сама была невольницей, но, судя по всему, умудрилась добиться в замкнутом мирке луда какой-никакой власти. Перечить ей здесь не смела ни одна живая душа. Однако и Хильдрет, похоже, уперлась насмерть и собралась стоять до конца.

Лисандра повернулась к одной из подручных Греты, той, что говорила по-эллински, и вопросительно подняла бровь.

— Что там у них происходит?

Девочка-рабыня была совсем юной, лет на шесть моложе девятнадцатилетней спартанки, маленькая и хрупкая в кости. Худенькую веснушчатую рожицу освещали большие карие глаза, а кругом вихрились непослушные темные кудри.

Девочка пожала узенькими плечами.

— В точности не скажу, но, по-моему, вот что… — Она прислушалась. — Варварки боятся купания. — Девочка отважилась чуть заметно улыбнуться. — Они полагают, что сейчас же простудятся и умрут!

— Невежественные дикарки, — надменно усмехнулась Лисандра и, не говоря более ни слова, нырнула в бассейн.

Что верно, то верно. За время совместного путешествия она почти начала видеть в них людей, но… варвары, они варвары и есть. Этакие дети-переростки, глуповатые, пугливые и суеверные. Не лучшие спутники, но выбирать ей не приходилось. Будь ее воля, они вообще не удостоились бы внимания, не говоря уж о том, чтобы тратить на них время!

Однако прикосновение к телу горячих водяных струй оказалось таким наслаждением, что очень скоро Лисандра вообще начисто забыла о Хильдрет и остальных своих спутницах. После

стольких дней, проведенных в грязной клетке, к ней наконец-то пришла чистота. Что могло с этим сравниться?! Лисандра плавала, вертелась и чувствовала, как по всему ее телу раскрываются поры, как чудесная вода смывает корку пота и пыли.

Она проплыла изрядное расстояние под водой, поднялась на поверхность, и ее медленно отнесло к стенке бассейна. Здесь Лисандра выставила из воды лишь голову и плечи и с насмешкой наблюдала за тем, как германки проигрывали свою битву за право остаться немытыми. Одна за другой они спускались в парящую воду — и каждая в свою очередь вскрикивала, обнаруживая ее «неестественную» теплоту. Но горячая душистая влага почти сразу оказывала свое действие, размягчала напряженные мышцы и очищала кожу. Скоро германки уже перекликались, восторженно обменивались впечатлениями. Грета сверху высыпала в бассейн целый мешок губок, и девушки немедленно расхватали их. Похоже, залежи грязи на телах дикарок были многолетними. По бассейну поплыла мутная пена.

Лисандра старалась держаться от них как можно дальше, но как следует поблаженствовать в воде ей не дали.

Грета многоопытным глазом проследила за своими соплеменницами и хлопнула в ладоши, приказывая всем покинуть бассейн.

К спартанке приблизилась маленькая рабыня, с которой они разговаривали перед купанием.

— Ты должна пойти со мной, — сказала она.

Остальных невольниц уже уводили другие подчиненные Греты. Лисандра подчинилась, не прекословя. После омовения она чувствовала себя лучше, чем в течение многих недель, и не была расположена спорить.

Юная провожатая увела ее в боковую комнатку, где стояла скамья, застеленная полотенцем.

— Меня зовут Вария, — представилась девочка.

— Лисандра.

Вария указала ей на скамью и предложила лечь на нее лицом вниз.

— Ты просто расслабься, — проговорила она, щедро размазывая по плечам и спине Лисандры душистое масло.

Маленькие руки споро взялись за работу. Пальцы, убиравшие из мышц последнее напряжение, оказались не только умелыми, но и неожиданно сильными.

Очень скоро Лисандра только что не мурлыкала от удовольствия, наслаждаясь массажем.

Подобное обращение немало удивляло ее, и она не преминула сказать об этом юной рабыне. Долю «живого имущества» спартанка представляла себе вовсе не такой.

— Тяготы не заставят себя ждать, — ответила Вария, разминая волшебными пальцами ноги Лисандры. — Здесь высокие требования, и тебе придется им соответствовать. Все здешние девушки-гладиаторы очень хорошо тренированы.

— Угу, — вбирая ноздрями аромат воска, отозвалась Лисандра.

— Так что одними купаниями и массажем ты не отделаешься, — продолжала Вария. — К тому же некоторые наставники бывают очень жестокими. Я вижу, у тебя и прежде был жестокий хозяин.

Маленькая рабыня провела пальцем по одному из шрамов, видневшихся на спине спартанки.

Из соседней каморки донесся резкий звук, как будто разорвалась ткань, и сразу же — крик боли. Лисандра тут же забыла, что собиралась ответить, вскинулась и вопросительно глянула через плечо.

— Это накладывают воск, — пояснила девочка. — Его действие продолжительней, чем у бритья, но варваркам первый раз всегда очень

больно.

Лисандра молча с ней согласилась. Сама она была неплохо выучена терпеть боль, но наложение воска!.. Как хорошо, что ей не требовалась эта тяжкая процедура. Она как-никак была цивилизованной женщиной. Взмах-другой бронзовой бритвой — и все!

III

Наружу Лисандра вышла в легкой светлой тунике и, благодаря неожиданной банной роскоши, в непривычно радужном расположении духа. С самого дня кораблекрушения будущее ни разу не казалось ей таким полным надежд. У порога бани к ней присоединились Хильдрет и остальные дикарки. Походка девушек свидетельствовала о том, что следы от наложения вощеной ткани были еще болезненно-свежими.

Грета велела им выстроиться в одну линию и замолчать.

Через несколько минут появился один из наставников, загорелый коротышка-парфянин. Кто-то шепнул, что у него было прозвище Палка.

Этот Палка двинулся вдоль строя, пристально осматривая новеньких. Его взгляд напомнил Лисандре кое-что из ее прошлой жизни. Палка не просто оценивал телесную крепость девушек. Он еще и заглядывал каждой в глаза, искал в них тот особый огонек, который свидетельствовал о том, что из этой особы будет толк!

— Добро пожаловать в новый дом, — выгово-

рил он наконец довольно тонким и гнусавым голосом.

Грета переводила для германок слово за словом.

— Вы все — рабыни. Двуногое имущество. Вы — нелюди. Забудьте, что вы были когда-то женщинами, забудьте все, что было вне этих стен! — Палка нехорошо улыбнулся. — Если не забудете, то это только причинит вам больше боли.

Он начал прохаживаться вдоль строя, покачивая в руке крепкий прут из упругой лозы, давший ему прозвище.

— Отныне главный и единственный смысл вашего существования состоит в том, чтобы развлекать очень требовательную публику. Вас научат драться, убивать и цивилизованно встречать смерть!.. Ради этого вы обязаны всегда и во всем повиноваться мне, а также прочим наставникам. Еще раз повторяю!.. Вы все — рабыни, и ваша судьба — служить потребностям ваших хозяев.

С этими словами Палка остановился напротив Хильдрет, не спеша, с расстановкой запустил мозолистую загорелую руку под край ее туники и накрыл ладонью пах. Германка залилась

пунцовой краской стыда, ее глаза полыхнули бессильной яростью.

Палка хихикнул, убрал руку и принялся наигранно обнюхивать пальцы.

— Каковы бы ни были эти потребности, — договорил он как ни в чем не бывало и подмигнул Хильдрет. — А ты весьма неплоха!

Да, он определенно знал, о чем велась речь.

— Повинуйтесь во всем, и ваша жизнь здесь может со временем сделаться даже приятной, — продолжал он. — Ослушаетесь — и я сделаю ваше существование настолько невыносимым, что сама смерть покажется вам избавлением. Усердно упражняйтесь, упорно учитесь и, быть может, сумеете продержаться достаточно долго, чтобы выкупиться на свободу!

Палка еще раз оглядел строй и покачал головой.

— Правда, по первому впечатлению я весьма сомневаюсь в том, чтобы кому-то из вас это удалось. Скорее всего, я попусту трачу на вас время и всем вам выпустят кишки в первой же схватке. Бегом, коровы! Бегайте кругом луда, пока я не велю прекратить!

Девушки повернулись и побежали.

Лисандра только изготовилась пуститься за

ними, когда у нее перед грудью оказался посох Палки.

— А ты погоди, гречанка. Ланиста хочет взглянуть на тебя поближе!

Лисандра смотрела на жилистого маленького парфянина. В ее взгляде презрение мешалось с насмешкой.

— Замечательно, — сказала она. — Я тоже очень хотела с ним повидаться.

Палка встретился с ней глазами, чуть выждал и вдруг с силой всадил тупой конец своего посоха ей в солнечное сплетение. Лисандру согнуло пополам, весь воздух сразу вылетел из груди. Наставник окончательно сшиб ее наземь и один за другим обрушил ей на спину несколько жестоких ударов. Пока она силилась прийти в себя от боли и неожиданности, Палка сгреб девушку за волосы и поднял ее лицо к своему. Его выпуклые глаза горели злобой.

— Уйми свой норов, милочка, а то мы с тобой не столкуемся, ясно?

Он швырнул девушку обратно на землю, и посох пронесся перед самым ее носом.

— Ланиста, говорю, на тебя поближе взглянуть хочет!

Лисандра с ненавистью смотрела на своего му-

чителя. Ее честь — честь спартанки — требовала немедленно встать и превратить эту наглую харю в кровавое месиво. Она уже подобралась для прыжка, но самообладание, уже почти утраченное, быстро вернулось к ней. Лисандра скрутила собственную ярость, выбросила ее из себя и покорно кивнула.

Время для свободы и мести еще придет. Тогда этот человеческий отброс поплатится сразу за все.

Палка с невозмутимым видом двинулся в сторону покоев Луция Бальба и жестом велел Лисандре следовать за собой. Надсмотрщик понимал, что эта короткая стычка некоторым образом выбила его из колеи. В глазах Лисандры он увидел презрение, самонадеянную наглость и полное отсутствие страха. Ему пришлось сознаться себе в том, что подобной девки он ни разу не видел за все годы, проведенные им на арене и подле нее. Он ведь весьма добротно ей вмазал. После такого удара не только девка — большинство мужиков утратили бы всякую волю к непокорству. А эта гречанка… Да, она не бросилась на него, но не потому, что испугалась. Ее остановило нечто другое.

Палка понял, что настанет день, когда ему

придется разделаться с нею уже окончательно. Потому что иначе…

* * *

Дом Луция Бальба был самым роскошным из всех, замеченных Лисандрой при въезде в луд. Чистенький, белый, богато украшенный, он стоял дальше всех от пыльной учебной площадки. Перед домом располагался цветник со статуями нескольких римских и местных божеств, возглавляемых, разумеется, изваянием императора Домициана. Его фигура была раскрашена и увита гирляндами. На взыскательный взгляд Лисандры, она выглядела чуточку аляповато.

Палка наградил спартанку последним недобрым взглядом и возле порога передал ее какому-то смазливому юноше. От этого красавчика пахло духами, его бледно-голубой хитон был короче, чем у Лисандры. Светлые волосы юнца были самым непристойным образом напомажены и завиты. Пухлая мордашка, которую они обрамляли, выглядела избалованной и капризной.

— Привет, — выговорил он на плохом эллинском, и Лисандра немедленно признала афинский акцент. — Я Эрос.

— Ну да, — сказала она. — Кто же еще!..

Эрос обиженно хмыкнул и повел ее в рабочую комнату, выглядевшую несколько неопрятной и захламленной, что шло вразрез с общей роскошью и ухоженностью дома.

— Тебя ждет хозяин, — сказал Эрос и удалился.

Его недовольство Лисандрой сквозило даже в походке.

Луций Бальб давно и прочно завоевал себе место на рынке развлечений Галикарнаса. В этом большом городе игры и празднества происходили не так уж редко, и Бальб был главным поставщиком занятных новинок. Еще бы, ведь он являлся единственным ланистой в провинции, который выставлял на гладиаторские бои исключительно женщин. Другие владельцы школ тоже, случалось, не брезговали держать в своих «конюшнях» воительниц, но чисто женское заведение было у него одного.

По совести говоря, Бальб совсем не ждал, что его последнее приобретение сумеет выжить в бою, сражаясь как димахайра, то есть двумя мечами. Это требовало многих месяцев подготовки, а гречанка была куплена едва ли семь дней назад. Что ж, она появилась весьма вовремя. Его главная воительница очень некстати свалилась с больным животом, тем самым поставив хозяина перед

немыслимой перспективой крупного штрафа. Распорядителю игр очень не понравился бы срыв заявленного боя в последнюю минуту. Он имел право наказать Бальба полновесным штрафом за неявку бойца.

Впрочем, всегдашнее везение и в этот раз оказалось на его стороне. Поминая добрым словом богиню Фортуну, хозяин гладиаторской школы еще раз перебрал в памяти обстоятельства, приведшие к нему эту новую девушку. Помнится, его караван как раз двигался берегом в сторону Галикарнаса, и вот однажды Палка оторвал его от ужина. Парфянин был чем-то возбужден, требовал немедленно принять и выслушать его.

«Бальб, мы спасены! — с порога выпалил Палка. — Мы тут с ребятами проехались вдоль берега, решили посмотреть, не выбросило ли чего полезного штормом. — Вечно вытаращенные глаза парфянина так и горели. — Мы нашли кое-что получше мусора или дров для костра!»

«Не тяни, Палка. Рассказывай!»

«Девка, Бальб! Мы девку нашли! Там и вправду корабль бурей накрыло. На берег чего только не выбросило!.. — Он наклонился поближе и понизил голос до шепота. — Только, Бальб, это был корабль легиона. Там были мечи, копья,

знамена… — Надсмотрщик совсем замолчал, подыскивая слова. — Ну, я ж говорю, все-все…»

Луций Бальб был не тот человек, который пренебрегает подвернувшейся возможностью.

«Полагаю, вы с ребятами все подобрали и привезли в лагерь?» — спросил он.

Палка изобразил некоторую обиду.

«А как же!»

«Ну так что особенного в этой легионерской шлюхе? — поинтересовался Бальб. — Вы, я полагаю, вдоволь повеселились, вспахивая это достаточно изборожденное поле, ну а дальше-то что? Не возьму в толк, каким образом это может нас спасти?»

«Я тебе вот что скажу, — ответил Палка. — Ребята и в самом деле хотели с ней позабавиться. Видел бы ты, как она принялась махаться! Там меч валялся. Она схватила его и насела сразу на двоих, которые оказались ближе всех! Бедный Тиро, бедный Гидеон… — Палка в притворной грусти тряхнул головой. — Она прикончила обоих на раз-два! Вот так!»

Он звонко щелкнул пальцами.

Тут-то Луций Бальб и забыл о неоконченном ужине.

«Она их… что?»

«Прикончила, Бальб! Прикончила! Говорю тебе, она владеет мечом так, как будто с ним родилась! Я сроду не видал, чтобы девка так дралась! После того как она прикончила Тиро и Гидеона, никто не рискнул подступиться к ней один на один. Пришлось сбить ее конями и связать. Только так и скрутили. Да и то она отбивалась как фурия».

«Не привирай, Палка, — предупредил Бальб. — Знаешь же, я этого не люблю».

«Да я точно тебе обещаю! — Палка прижал руку к сердцу. — С двумя клинками она легко заменит Тевту. И штраф побоку!»

«Неплохая отплата за гибель Тиро и Гидеона», — усмехнулся ланиста.

Палка поднялся на ноги.

«На самом деле они никогда мне не нравились», — сказал он и вышел, оставив хозяина размышлять о случившемся.

Луций Бальб был далеко не дурак, а посему воспринял слова парфянина со здравой толикой скепсиса. Тиро с Гидеоном были, вообще-то, изрядными забулдыгами. Пожалуй, отчаявшаяся женщина, вдобавок подхватившая меч, и вправду была способна разделаться с обоими.

Но вот после… После эта самая Лисандра весьма впечатлила его на арене. Стоило ей только под-

нять мечи, и его сомнения разом улетучились. Ланиста понял, чего она в действительности стоила. Спартанка дралась очень умело. Подобного мастерства нельзя было объяснить природным талантом. Здесь имела место явная выучка, причем очень серьезная. В схватке с галлийкой Лисандра явила способность к стратегии, чувство времени и выносливость. Она настолько заинтересовала Луция Бальба, что он решил при первой же возможности присмотреться к ней повнимательнее.

Ланиста слышал, как Эрос ввел девушку в рабочую комнату. Она позволила себе промедлить возле двери, рассматривая удалявшегося слугу. Это вызвало у Бальба невольное раздражение. Рабыня не должна заставлять хозяина ждать!

— Входи, — сказал он, и звук его голоса заставил ее обернуться.

Луций Бальб сидел по ту сторону обширного стола, заваленного свитками, и очень внимательно смотрел на подходившую девушку.

Она была несомненно хороша собой, но в свете нынешних зрительских пристрастий ее красота выглядела несколько аскетично. Мужчины, приходившие посмотреть на гладиатрикс, склонны были отдавать предпочтение пышным, рос-

кошным, необузданным и опасно-желанным уроженкам Северной Европы. По сравнению с ними Лисандра казалась слишком рослой. Она могла смотреть прямо в глаза большинству мужчин, не поднимаясь на цыпочки. Кожа у нее была почти алебастровая, а волосы по контрасту выглядели чернее ночной тьмы. Крепкие груди оказались совсем не того внушительного размера, как у модных нынче воительниц Севера.

По-настоящему поражали в ней только льдисто-синие глаза, вернее, их взгляд, внимательный и настороженный.

«Ее красота списана с мраморной статуи, — сказал себе Бальб. — Разве толпа ее поймет? Нет, здесь требуется утонченный ценитель».

— Я рада, что этому недоразумению настал конец, — проговорила Лисандра, неожиданно прервав ход его мыслей. — Я вижу, ты человек состоятельный. Для возвращения в Спарту мне потребуется занять денег…

Изумленный ланиста открыл было рот, но Лисандра вскинула руку.

— Нет, Луций Бальб, тебе не о чем волноваться. Храм Афины обладает достаточными средствами. Твои затраты будут полностью возмещены.

Бальб наконец справился с потрясением.

— Это ты о чем? — спросил он, недоумевая.

Девушка снисходительно улыбнулась.

— Мне требуются деньги, чтобы вернуться в Элладу… Грецию, как вы, римляне, называете нашу страну. Когда я вернусь домой, мои сестры немедленно вышлют тебе весь долг.

— Так ты что, жрица? — едва выговорил Бальб, не привыкший, чтобы у него вот так бесцеремонно отбирали инициативу в беседе.

Нахальная уверенность этой девчонки в том, что ее должны были отпустить на свободу по первому требованию, могла ошарашить кого угодно. Она продолжала вести себя так, словно от этой самой свободы ее отделяла пустая формальность.

— Я призванная жрица, Луций Бальб.

Она произнесла это с явной гордостью, хотя ланиста по-прежнему не мог уразуметь, о чем вообще речь. С другой стороны, он успел достаточно собраться с мыслями, чтобы не выдать Лисандре своего невежества в данном вопросе. Тучный римлянин откинулся в кресле и сложил руки на животе. Ему уже доводилось сталкиваться с подобными случаями. Иные глубоко набожные люди в самом деле считали, будто их исключительная приверженность тому или иному божеству сама собой означает избавление

от рабства. Что ж, им всем приходилось так или иначе убедиться в том, что освободить от служения Риму не могло ничто.

— Боюсь, это ты кое-чего еще не поняла.

Луций помедлил, выжидая, пока до девушки как следует дойдет смысл его слов, и был вознагражден изменившимся выражением ее глаз. Да, она явно не ожидала такого ответа. Теперь уже он вел разговор, как тому и следовало быть при беседе хозяина и живого товара.

— Мало ли кем ты была раньше, — продолжал ланиста. — Теперь это не имеет никакого значения. Согласно римскому закону, ты — моя рабыня. Моя собственность…

— Я не рабыня! — резко перебила его Лисандра и шагнула вперед.

Бальбу понадобилась вся его выдержка до последней крупицы, чтобы не отшатнуться. Он был далеко не трус, но эту гречанку видел в деле, имел реальное представление о том, на что она была способна. А жизнь свою ланиста ценил.

Он принудил себя улыбнуться.

— Твое прежнее положение никоим образом тебя не защищает… — сказал он, делая вид, будто углубился в свитки, разыскивая там некую записку, — Лисандра. Я, знаешь ли, продавал и

покупал не только жриц, но и царских дочерей, даже бывших правительниц. В глазах римского закона они все равноправны, то бишь, как рабыни, вообще лишены каких-либо прав.

Он уже видел, что гречанка не находила возражений. Конечно, она же была совсем молода — никак не более двадцати, — а стало быть, помимо умения драться, во многом неопытна.

— Кроме того, что бы ты там о себе ни говорила, ты просто нечто выброшенное морем. Ты убила двух моих людей, то есть нанесла ущерб моей собственности. Множество свидетелей укажут на тебя как на убийцу. Так что путь тебе один, как ни крути, — на арену. Вот только если тебя туда отправят преторы, то ты будешь просто убита. У тебя не будет ни единого шанса защититься.

Бальб лишь умозрительно представлял себе тот удар и ту внутреннюю ломку, которую испытывали люди, привычные повелевать, а потом угодившие в рабство, например жрецы. Но он был умным человеком и понимал, что если передавить в самом начале, то такого раба можно непоправимо сломать. Он видывал могучих дикарок, изначально способных вогнать в дрожь закаленного легионера и превращавшихся буквально в безвольные тряпки, если им слишком

ретиво внушали все тонкости их нового положения.

Такие сломленные существа были негодным вложением денег.

— Послушай, — сказал он, смягчая свой тон едва ли не до отеческого. — Жизнь на самом деле не так плоха, как ты, похоже, решила.

Тут Лисандра цинично вскинула бровь, но Луций предпочел этого не заметить.

— Я позвал тебя сюда, чтобы расспросить, откуда у тебя столь необычное боевое искусство, но теперь все сделалось очевидно…

Тут ланиста слегка блефовал. Ничего ему было не «очевидно». Он просто знал, что в некоторых религиозных сектах было принято учить жриц ритуальному искусству боя, и про себя помножил это на легендарную воинскую историю Спарты. По всему получалось, что именно тамошние уроженки должны были преуспевать на таком поприще.

— Ты с легкостью сумела выжить и победить в своем первом поединке, — продолжал он.

Ледяной взблеск гордости в глазах девушки подсказал ему, что он нащупал правильный путь.

Бальб широко развел руки.

— Я, знаешь ли, не живу сразу во всех домах, которые ты могла здесь заметить. Казармы, расположенные напротив этого здания, предназначены лишь для новых девушек и скверных бойцов. Лучшие живут совершенно иначе. Своих самых ценных гладиатрикс я содержу в роскоши.

Положим, это было некоторое преувеличение, но после грязного казарменного закутка самый захудалый домишко кому угодно показался бы Золотым дворцом Нерона.

Но Лисандра смотрела на него с плохо скрытой насмешкой.

— Так ты хочешь удержать спартанку в рабстве обещанием изобилия? — заявила она.

Бальб внутренне содрогнулся. У нее, кажется, на все был готов ответ!

Он попробовал зайти с другого конца:

— Отличный боец получает подарки от публики. Воительница может довольно скоро разбогатеть.

Ланиста сделал паузу и добавил:

— Достаточно для того, чтобы выкупиться на свободу.

Губы Лисандры сошлись в одну прямую черту.

— Ты предлагаешь мне выкупить то, что и так

мое по праву рождения!

Бальб пожал плечами.

— Надежда невелика, — сказал он. — Но тем не менее это — надежда. Большего я тебе все равно дать не могу.

Последовало долгое мгновение тишины, потом Лисандра сказала:

— Мои сестры выкупят меня на свободу, если мне будет позволено написать им письмо.

По жилам ланисты разбежалось тепло. В голосе этой особы он расслышал просительную нотку и понял, что победил.

Этот гордый ротик явно не привык произносить просьбы!.. Есть ли удовольствие, равное тому, которое ощущаешь, навязывая свою волю подобной гордячке? Приятно наблюдать, как вчерашняя свободная и надменная женщина постепенно превращается в рабыню, а из нее — в гладиатрикс. Сколько таких уже поглотили ненасытные жернова арен, но каждая новая невольница была своего рода вызовом, и это поддерживало в нем вкус к жизни. Смотреть, как сдаются гордые души вроде этой спартанки, — вот она, радость бытия!

Бальб сделал вид, будто раздумывает над ее словами, но на самом деле пропустил их мимо ушей. У бойца не должно быть надежды на то, что

его — или ее — кто-нибудь когда-нибудь выкупит. Это, знаете ли, расхолаживает. Мысль о том, что свободу можно получить как-то иначе, не завоевав ее мечом на арене, была бы губительна не только для его школы, но и для всей профессии в целом. Именно этим и объяснялось существование клятвы. Новички, правда, еще не успели ее принести, ну да это дело наживное.

— Этого я сделать не могу, — проговорил он вслух, придав голосу точно отмеренную нотку сожаления. — Если я соглашусь на это ради тебя, то должен буду предоставить такое же право и всем остальным. У меня очень скоро не останется времени для других дел, кроме как разгребать бесконечные прошения от всех и каждого. Моя школа очень быстро заглохнет, я разорюсь, на том все и кончится. Так что не могу, хотя мне и жаль.

Бальб соврал и стал ждать, как отреагирует девушка на эти слова. Она была явно непривычна к обману и не умела хитрить. Все ее чувства совершенно явственно читались на лице. Ланиста уже много раз видел подобное. Сперва смятение, потом гнев и наконец — этот характерный взгляд животного, загнанного в угол.

Морщины еще не коснулись алебастрового лба спартанки, но, надобно думать, в это самое время

жестокий жизненный опыт метил шрамами ее душу.

— Иди! Пора приступать к занятиям, — сказал он сухим деловым тоном. — У тебя неплохие задатки, но надо еще очень и очень многому научиться.

Лисандра выпрямилась, став еще выше. В глазах девушки снова полыхнула гневная, самонадеянная гордость.

— Научиться? — прошипела она. — У кого? У этих твоих… любителей? Вот уж не думаю…

Не дожидаясь, чтобы он позволил ей удалиться, спартанка повернулась и вышла из комнаты.

Бальб проводил ее глазами. Она одновременно забавляла его и возбуждала понятное любопытство. Да, последнее время боги были явно благосклонны к нему. Его девочки все уверенней завоевывали любовь зрителей. Денежные поступления делались все обильней. Гречанке предстояло сделаться великолепным дополнением к его «конюшне», настоящей курочкой, несущей золотые яйца. Ланиста решил подробнее разузнать об этом религиозном союзе, к которому она, оказывается, принадлежит.

Девушки вроде Лисандры помогали ему, что называется, не терять нюх. Ведь при таком образе

жизни, как у него, того и гляди все на свете может наскучить.

Луций неожиданно рассмеялся, крепко потер ладони и призвал к себе Эроса.

IV

Она не заплачет…

Просто потому, что спартанке не следует плакать.

Но слезы жгли ей глаза, норовили выплеснуться наружу, и девушка до скрипа сжимала зубы, чтобы этого не допустить. Она покинула виллу Бальба, упрямо выставив челюсть, и отправилась обратно на площадку для упражнений. Хорошо было уже то, что самообладание не изменило ей прямо на глазах у ланисты. Нет, она нипочем не поддастся отчаянию, встретит свою судьбу, явив мужество и твердость духа, которую в ней воспитывали с младенчества!

Так твердил разум Лисандры, но сердце кричало, требовало выпустить чувства наружу.

Школа кругом спартанки шумела сотнями голосов. Никто не замечал ее отчаянной битвы с собой. Тут и там крутились и скакали женщины, занятые постижением боевого искусства, и черты их лиц расплывались перед Лисандрой, затуманенные непролитыми слезами. Она решила остановиться, немного перевести дух и покреп-

че взять себя в руки, но именно в этот момент ее решимость рассыпалась в прах. Лисандра с размаху села на корточки. Черные волосы упали ей на лицо, а душевная боль ринулась наружу неудержимыми слезами. Они текли по лицу и капали наземь. Каждый судорожный вздох будто рвал сердце на части.

«Как же я могла так просчитаться?..»

Перед ее мысленным взором всплыла физиономия ланисты. Она как наяву услышала насмешливый голос Луция и распознала жуткую правду в его словах.

Дура, она была настолько уверена, что этот разговор все уладит и ей будет возвращена отобранная свобода, что Бальб — цивилизованный человек, гражданин Рима! — проявит уважение и к ней самой, и к ее духовному сану. Разве не сам он украсил свой луд изображениями богов?

Теперь она понимала, что внешняя набожность Бальба была иллюзорной, а единственный бог, которому он в самом деле поклонялся, звался денежным барышом. Ланиста не видел никакой разницы между цивилизованным эллином и диким варваром с Севера. Те и другие для него были всего лишь мясом, способным при разумном подходе принести ему выгоду.

«Рабство…»

Против этого слова восставала вся сущность спартанки. Луций Бальб применил его к ней. Тем самым он как бы истребил самый стержень ее бытия, превратил дальнейшее существование в некое богохульство.

Лисандра плакала и понимала, что эти слезы позорят не только ее спартанское происхождение, но и саму богиню Афину. Горе сбросило оковы воли и острыми когтями полосовало душу. Лисандра обхватила себя руками в детской надежде утишить боль. Она сама не взялась бы сказать, как долго просидела на корточках, падая в непроглядную бездну отчаяния.

— Эй, подруга!

Легкое прикосновение к плечу не сразу дошло до сознания девушки. Но потом Лисандра подняла голову и сквозь слезы, все еще застилавшие глаза, увидела самое прекрасное из человеческих существ, когда-либо представавших ее взору. Была ли то смертная женщина, или, может, одна из муз, сопровождавших Аполлона, спустилась на землю, чтобы вознести ее на небеса из этого проклятого места?.. Лисандра не взялась бы сказать об этом.

Волосы у нее были точно роскошные золотые

нити, жаркое карийское солнце зацеловало кожу до нежно-бронзового оттенка. Безупречные черты лица были совершеннее любого гимна Гомера. Эта невероятная красавица казалась сном, воспоминанием о мечте. Она опустилась на колени подле спартанки, вытерла ей лицо прохладной влажной тряпицей, снимая горечь и боль, а потом улыбнулась. Синие глаза озарились таким светом, что вместе с нею будто заулыбался весь мир.

— Тебе плохо придется, если кое-кто застанет тебя в слезах, — сказала она. — Не стоит доставлять им подобное удовольствие!

Лисандра благодарно кивнула и хотела что-то ответить, но тут между ними легла тень.

— Эйрианвен! — рявкнул грубый голос.

Это был Палка. Он смотрел на девушек сверху вниз, даже не пытаясь скрыть злорадной ухмылки.

— Что, эта новенькая уже разревелась?

— Нет, — поднимаясь на ноги, ответила Эйрианвен. — Я размахивалась и нечаянно задела ее по лицу! — Она указала на деревянный учебный меч, валявшийся неподалеку. — Оглушила маленько…

— Оглушила, говоришь?

Палка нагнулся, цепко ухватил Лисандру за подбородок и стал поворачивать ее лицо туда и сюда, как коновал крутит морду больного животного. Спартанка подавила жгучий порыв отшвырнуть его руку, понимая, что должна сыграть ту роль, которую Эйрианвен только что придумала для нее.

— По мне, так она выглядит достаточно бодрой, — сказал Палка, выпустил ее подбородок и брезгливо оттолкнул девушку от себя.

Тут Лисандра обнаружила, что новая волна гнева берет верх над ее горем, и поднялась на ноги.

Эйрианвен передернула плечами.

— Может, я начинаю сдавать?..

Палка издал свой обычный неприятный, сиплый смешок.

— Вот уж сомневаюсь, силурийка, — сказал он. — Ну, живо за работу!

Светловолосая женщина кивнула, подобрала меч и вернулась к прерванному упражнению. Ее движения отличались точностью и быстротой, удары дышали силой. Лисандра же испытала форменное потрясение, сообразив, что ее прекрасная спасительница, оказывается, происходила из варварского племени самого дикого и свирепого свойства. Силурийцы обитали в далекой

Британии и были совсем недавно приведены к покорности Секстом Юлием Фронтином. Видно, нынешний управитель Малой Азии привез с собой на новое место службы пленников и пленниц да здесь их и продал.

— На что уставилась? — прервал ее размышления голос Палки. — Ну-ка, живо, пять кругов вокруг луда, а потом — ко мне, догонять остальных!

Это был приказ. Его отдал ненавистный маленький парфянин, но привычка к дисциплине взяла свое. Не успев толком ни о чем подумать, Лисандра пустилась бежать кругом запруженного учебного поля. Длинные ноги легко и быстро поглощали назначенное расстояние.

Размеренный бег помог ей мало-помалу успокоиться, но пустота, поселившаяся глубоко в душе, никуда не делась. Лисандра отмеряла круги вдоль стен, самое присутствие которых свидетельствовало о ее нынешней несвободе, и силилась осмыслить всю бездну своего несчастья. Что такого неправого ей довелось совершить, чем она могла до такой степени оскорбить богов, что они ниспослали ей подобное наказание?..

Девушке казалось, что целая жизнь миновала с тех пор, как она покинула безопасное убежище

храма, стоявшего высоко на акрополе Спарты, и отправилась в путешествие, предначертанное ей высшими силами. Между тем это случилось неполных два года назад. Мало кому в столь юном возрасте выпадала столь высокая честь.

При всей суровости законов храма Лисандра с блеском выдержала все испытания, явив твердость духа, ясность разума и крепость тела. Сама верховная жрица признала ее достойной, а она отнюдь не была склонна к поспешным решениям.

Лисандра вспомнила лицо старой женщины, и в груди у нее болезненно кольнуло. Доведется ли ей опять увидеть ее и сестер, с которыми они вместе росли?..

Усилием воли Лисандра отогнала видение прочь. Что толку размышлять об утраченном — возможно, навсегда! Спартанка предпочла воззвать к своей гордости и к тому, что старая жрица в ней вряд ли ошиблась. Ведь не зря же она, Лисандра, во всем на голову превосходила своих ровесниц! Если на то пошло, она, пожалуй, и силой и умом выделялась среди всех жриц храма. Вот только зазнаваться ей, право, не стоило. Спартанцы всегда предпочитали судить о людях по их делам.

Лисандра покинула храм, имея вполне сложившийся план. Другие жрицы, отправлявшиеся в сходные путешествия, предпочитали действовать на территории материковой Эллады и в иных центрах цивилизации. Лисандре подобный подход казался до крайности близоруким.

«Какой смысл, — спрашивала она себя, — нести слово Афины туда, где жители и без того знакомы с эллинской религией, пусть даже и в примитивном римском истолковании?»

Пусть римляне были чужды истинной культуре, но они все же завоевали весь мир. Да, весь, кроме Спарты! Девушка постоянно указывала на это непосвященным. Их легионы удерживали дальние рубежи империи. Галлия, Иллирия, Паннония — сколько населенных варварами провинций, куда она могла нести учение Афины!

Лисандра отмеряла предписанные круги и с теплым чувством вспоминала свою первую встречу с легатом, командовавшим Пятым Македонским легионом. Спартанке было известно, что с римскими легионами нередко путешествовали женщины. Но чтобы женщина работала и сражалась… о, это была совсем другая история! Поначалу легат, как она и ожидала, хотел от нее попросту отмахнуться. Тем не менее кое-какое

впечатление на него она произвела — ручной работы алый воинский плащ, коринфский шлем, зажатый под мышкой…

В Спарте, вообще-то, не слишком увлекались риторикой, но жриц, по крайней мере, учили рассуждать о божественном. Лисандра в полной мере употребила это искусство, излагая свое дело легату. Она рассказала ему, что умеет предсказывать будущее не хуже римских авгуров, способна давать духовное напутствие его солдатам, а кроме того, в определенной степени владеет лекарским искусством.

Кажется, именно это обстоятельство и повлияло на его решение. Настоящий полководец всегда в первую голову печется о своих людях, помощь раненым на поле боя — вовсе не то, чем он может с легкостью пренебречь. Не очень охотно, со скрипом, но легат все же позволил Лисандре остаться.

Ее маленькая палатка была разбита в расположении шестой центурии первой когорты. Солдаты отреагировали на появление Лисандры, мягко говоря, без восторга. По их твердому убеждению, женщина годилась только для одного нехитрого дела, но сан жрицы девы Афины уберегал Лисандру от излишнего мужского внимания.

Может, легионеры и вожделели ее, но никому не хотелось навлекать на себя немилость богов.

Завоевать их симпатии оказалось непросто, но Лисандра, привыкшая к воистину спартанским порядкам своего храма, ни в малейшей степени не отлынивала от дела. Как все, она вставала с рассветом, как все, выходила на учебное поле и даже бралась за лопату, когда солдаты устраивали лагерь и делали палисады.

За эту готовность испачкать руки она поначалу подвергалась презрению и насмешкам. Видавшие виды, циничные легионеры только и делали, что проезжались на ее счет. Особенно усердствовал один немолодой солдат, Марк Паво. Однажды он высказался в том духе, что, мол, титьки у нее такие маленькие, что, того и гляди, за мальчика примут. Лисандра, помнится, не осталась в долгу и заявила, что-де видела, как он выходил после купания из реки. Так вот, он, похоже, тоже был еще мальчиком, если судить по величине его инструмента.

То, что она достойно отвечала на их грубые шутки, являя отменное лаконическое остроумие, со временем заставило легионеров признать ее чем-то вроде живого талисмана, приносившего им удачу. Ее в конце концов приняли как свою.

Это значило для Лисандры куда больше, чем она готова была признать. Она стала-таки одной из них — проверенной предсказательницей, жрицей, а кое для кого, в том числе для Паво, даже другом.

Потом, во время очередного и самого обычного плавания через Геллеспонт, и разразилась та буря. Разгневанный Посейдон отправил на дно всю центурию, отчего-то пощадив только ее. Паво еще пытался доплыть к ней, чтобы помочь спастись, но сам первым выбился из сил, и тяжелые доспехи увлекли его под воду. Его хриплые крики до сих пор преследовали Лисандру во сне. Посейдон, потрясатель земной тверди, от века ненавидел свою единокровную сестру Афину. В ту ночь он одним махом лишил ее жрицу друзей, достоинства и свободы. Избавление от смерти обернулось плевком в душу. Будь ее воля, Лисандра предпочла бы утонуть вместе со всеми, но не жить в рабстве.

Последний круг подходил к концу, и она немного сбросила темп. Нахлынувшие было воспоминания в итоге оказались немногим веселей безрадостного настоящего. Лисандра заново отыскала глазами статую римской Афины и спросила ее, за что же ей была отмерена столь жестокая

участь.

Увы, безмятежное мраморное лицо никак ее не надоумило.

V

Гоняли их немилосердно.

С рассвета до самого заката новые рабыни изнемогали в гимнастических упражнениях, после которых у них едва хватало сил дотащиться до крохотных жилых уголков казармы. Здесь их приковывали и оставляли до нового утра, когда снова начиналась муштра. Даже Лисандра, привыкшая гордиться своей подготовкой, находила подобный распорядок изматывающим.

Обычно день начинался с бега вокруг луда. Девушки бегали в рваном темпе — то трусцой, то стремительными рывками. Считалось, что от этого увеличиваются легкие, а в ногах прибывает силы. Затем следовал легкий завтрак для тех, кто надеялся удержать его внутри, и начиналась основная работа.

Новичкам еще не давали упражняться с деревянным оружием. Палка не уставал напоминать невольницам, что прежде следовало должным образом укрепить их тела. Предполагалось, что на это потребуется несколько недель.

Они подтягивались на перекладине, стараясь

коснуться ее подбородком, либо ложились на землю и садились быстрым усилием мышц живота, как только Палка выкрикивал лающую команду. Опять и опять — раз за разом!

Лисандра и германки, с которыми ее привезли, давно уже влились в большую группу других новичков, последних приобретений ланисты. Всех их беспощадно принуждали к работе. Тех же, кто не показывал должного усердия, ожидал стимул — от посоха из лозы до березовой палки.

Не один только Палка ставил невольницам синяки. Наставники регулярно менялись. Скоро Лисандра выучилась отличать жестких, но справедливых от несправедливо жестоких.

Одного типа звали Нестасен. Он был родом из Нубии. Солнце дикой родины сожгло его кожу до угольной черноты. Это был здоровяк, весь увитый бугристыми мышцами и заросший странным волосом, похожим на крученую проволоку. По какой-то лишь ему известной причине он с первого дня очень невзлюбил Лисандру. Спартанка стоически выносила его неприязнь, помалкивала и трудилась изо всех сил. Но Нестасен находил явное удовольствие в том, чтобы лишний раз вытянуть ее кнутом даже тогда, когда у нее все получалось лучше некуда и она сама это пони-

мала. Ей оставалось только молча принимать очередное наказание и тихо радоваться раздражению нубийца.

Женщины дружно симпатизировали другому наставнику, по имени Катувольк. Этот молодой галл любил поорать на них, но руки распускал редко. Скоро Лисандра выяснила, что его гладиаторскую карьеру прервал удар меча, пришедшийся в колено. От Катувольк можно было ожидать снисхождения. Особенно это касалось рабынь из диких племен, с которыми его связывало нечто вроде родственных чувств.

А еще был Тит — средних лет римлянин, продубленный, точно кожаная кираса, придирчивый и суровый. Он не стеснялся пускать в ход кнут, если считал это необходимым, но зря с поркой не усердствовал. В отличие от других наставников, Тит был не из гладиаторов, а из отставных солдат — свободный человек, никогда не ведавший рабства. Похоже, он уже вышел из того возраста, когда причиняют боль ради боли. Как поняла Лисандра, он стремился вколотить в своих учениц дисциплину и выдержку, а не просто так размазать их по земле. Скоро те невольницы, которые худо-бедно владели латынью, прозвали его Центурионом.

Приглядываясь к новичкам, Лисандра скоро заметила между ними большую культурную разницу. Дикарки — будь то германки, галлийки, британки или уроженки неведомых стран, лежащих по ту сторону Понта Эвксинского, — составляли свой круг.

Женщины из южного и восточного Египта, сирийки и эфиопки образовали другую группу. Они держались особняком и беспрестанно болтали друг с дружкой на своих отрывистых наречиях.

Что до самой Лисандры, она примкнула было к группке, состоявшей из римлянок, италиек, уроженок Сицилии и Эллады. Увы, здесь не было никого из Спарты, кроме нее самой. С Лисандрой пытались заговаривать, но она слушала пустопорожнюю болтовню и все более убеждалась в том, что непокоренная Спарта воистину была величайшим полисом Эллады. Конечно, Лисандра вежливо отвечала, но что могло у нее быть общего с этими швеями и неудачливыми женами, никогда прежде не знавшими ни трудностей, ни настоящей работы?

Спустя некоторое время никто уже не делал попыток с ней подружиться.

В одиночестве и темноте своей казарменной конуры Лисандра еженощно возносила Афине

молитву о разрешении от рабских уз, но богиня не посылала ей никакого ответа. Лисандра понимала, отчего так. Она была рабыней, а боги не склоняют уха к недостойным молитвам рабов.

Это была ее главная боль, превыше побоев и мучительных упражнений. Величайшим бесчестьем для любого спартанца было признание даже себе самому в том, что он испытывает страдания.

В темные предрассветные часы Лисандра не раз уже спрашивала себя, а имеет ли она нынче право называться спартанкой.

* * *

В то утро ее, как всегда, разбудил грохот открываемой двери. Лисандра вскинулась на соломенной подстилке, села и стала потягиваться, вздрагивая, когда болью отзывались свежие отметины на спине. Вот кто-то отпер снаружи дверь ее закутка, и проем заполнила мощная фигура Нестасена. Черная рожа нубийца по обыкновению кривилась в глумливой ухмылке.

— И почему это у тебя всегда воняет хуже, чем у всех остальных? — спросил он для начала.

Лисандра поднялась на ноги и пожала плечами.

— Возможно, потому, что тот смрад, который ты здесь оставляешь, не успевает выветриться, — сказала она.

Гигант-нубиец угрожающе шагнул внутрь.

— Скажи спасибо, дрянь, за тот жезл, что опускается тебе на спину. Может, другой жезл, пришедшийся в другое место, скорее научил бы тебя почтительности.

И он похабно погладил ту часть своего тела, которая имелась в виду.

— То-то Бальб тебя похвалил бы, нубиец, — ответила Лисандра.

Девушки в первый же день не без помощи Палки выяснили, что словесные и физические унижения со стороны мужчин-наставников здесь были делом обычным, но вот изнасилования отнюдь не приветствовались. Причина тому была самая понятная и простая. Беременные бабы становятся плохими бойцами.

Нестасен заворчал, посверкивая темными глазами:

— А ну живо наружу, греческая шлюха, пока я тебя на вертел не насадил!

Лисандра не сдержалась:

— Ой, как страшно!

Терпение Нестасена лопнуло, он с рыком дви-

нулся чинить расправу. Лисандра отскочила к дальней стене и приняла боевую стойку. По крайней мере, просто так этот живодер ее не возьмет! Ко всему прочему, сейчас они были не на учебной площадке. Никто не мог бы сказать про нее, что она не выполнила требований наставника или отлынивала от работы. Если этот чернокожий решил свести с ней какие-то личные счеты — быть по сему…

— Нестасен! — рявкнул откуда-то снаружи грубый голос Тита.

Нубиец замер, не сводя с Лисандры кровожадного взгляда.

— Оставь! — продолжал Тит, и его тон не предполагал возможности спора. — Иди-ка лучше собери новеньких!

Нестасен помедлил еще мгновение, потом резко повернулся, протиснулся мимо седоватого римлянина и вышел.

Старший наставник посмотрел на Лисандру и покачал головой.

— Пошли, спартанка. Давай шевелись.

Лисандра кивнула и следом за ним вышла на учебную площадку.

Женщины уже строились. Лисандра встала рядом с Хильдрет. Им не случалось разговаривать

с того самого дня, когда их привезли в луд, но от Лисандры не укрылось, что у ее былой товарки по путешествию дела шли очень неплохо.

— Доброе утро, Лисандра, — поздоровалась германка. — Как ты?

Ее латынь по-прежнему отдавала резким акцентом, но тоже, кажется, улучшалась день ото дня.

— Еще бы выбраться из этого местечка, и было бы совсем неплохо, — ответила Лисандра.

Хильдрет непонимающе заморгала, и спартанка выстроила фразу попроще:

— У меня все хорошо, Хильдрет. А у тебя?

Германка широко улыбнулась.

— У меня все хорошо!

Лисандра еле удержалась от ответной улыбки. Пора было замереть в неподвижности и ждать, когда снова начнется ежедневная молотилка.

Палка, Нестасен и Катувольк держались в сторонке. Тит прохаживался вдоль строя, время от времени останавливался и пристально осматривал ту или другую девушку.

Так продолжалось некоторое время, потом Центурион обратился сразу ко всем:

— Вы, без сомнения, худший и самый бесполезный набор среди всех, которые мне доводилось

обучать. Калеки без рук и ног успешней учились бы делу! Так вот, если вам кажется, что до сего дня с вас сгоняли по семь потов, знайте, что это были еще цветочки. Ягодки ждут вас впереди.

Он обвел шеренгу испепеляющим взглядом, ожидая, не застонет ли кто-нибудь, но ответом ему было лишь молчание. Все давно поняли, что любое выражение недовольства приводило к наказанию.

Тит убедился в том, что девушки слушают его с неослабным вниманием, и продолжал:

— Впрочем, с этим мы чуть-чуть обождем. Слишком многие из вас, изнеженных шлюх, успели заработать те или иные повреждения, кто в учении, кто от недостаточного старания.

Он вскинул длинный жезл, обозначая тем самым, что увечья «от недостаточного старания» в действительности были вызваны побоями наставников.

— Так вот! Я обдумал все это и принял решение дать вам, никчемным, три дня отдыха. Этого времени более чем достаточно, чтобы залечить все ссадины и ушибы на ваших жалких телах. Помните, что через три дня начнется вторая и последняя часть вашего обучения. Вы будете заниматься с мечом и щитом, с трезубцем и сетью.

Когда вы благополучно освоите это оружие, без которого немыслимо понятие гладиаторских игр, будет принесена клятва!

Тит остановился точно напротив середины замершего строя.

— Хочу, чтобы вы заранее усвоили вот что! Не думайте, будто все то, о чем я сейчас говорил, само собой разумеется. Если какая-нибудь из вас не будет соответствовать тем требованиям, которые предъявят ваши наставники, то ее сбудут с рук, чтобы зря места не занимала. Думаете, оно, может, и к лучшему?.. Вот что я вам скажу. Те, которых мы продадим, останутся рабынями до смертного часа. Сколько бы вы ни трудились за ткацким станком, сколько бы ни гнули спину в каком-нибудь руднике, сколько бы ни подставляли промежность гостям публичного дома — вы кончите свои дни в рабстве. Если у вас будут дети, то они родятся невольниками. Тогда как арена… Арена — это возможность отвоевать свободу! Помните, что в последующие недели вы должны будете доказать мне, что в самом деле достойны подобного! Доказать за себя и за своих будущих детей, что они могут родиться свободными! Короче, каждая из вас будет не просто сражаться с собственной усталостью и болью. Вам предстоит

соревноваться друг с другом!

Тит помолчал, следя за тем, как его воспитанницы усваивают услышанное, потом коротко бросил:

— Все!

Центурион разрешил девушкам разойтись и некоторое время наблюдал за тем, как они, помедлив, по обыкновению разбились на кучки и принялись обсуждать жгучие новости. Лишь рослая жрица-спартанка, как всегда, повернулась к прочим спиной и уединилась. Центурион покачал седеющей головой. У этой, кажется, были все необходимые задатки, чтобы стать безжалостным и умелым бойцом. Однако Тит чувствовал, что огонь, пылавший в этих льдисто-синих глазах, понемногу идет на убыль.

* * *

Вария сражалась с тяжелыми мокрыми простынями. Их было слишком много, так много, что тонкие руки девочки дрожали от непомерного усилия.

«Как глупо…» — думалось ей.

Она просто не в состоянии была справиться с делом. Помогал только страх. Грета была строга со своими банщицами не менее, чем Нестасен

— с воительницами. Вария изо всех сил старалась одолеть свой урок, но работы всегда было слишком много.

Маленькая рабыня попыталась прибавить шагу, но лучше бы она этого не делала. Тяжелая стопка мокрой ткани утратила равновесие, девочка упала, и белье с мокрым шлепком рухнуло в пыль.

Вария прикусила губу, из ее глаз хлынули слезы отчаяния и страха. Ох и задаст же ей Грета!..

Она принялась лихорадочно собирать испачканные простыни, и тут ее накрыла чья-то тень. Даже не оборачиваясь, Вария поняла, что это была Грета.

Рослая германка, казалось, нюхом чуяла каждую ее оплошность, и взбучка следовала незамедлительно.

— Ах ты безмозглая маленькая дрянь! — закричала Грета и пинком вышибла из рук Варии загубленную стирку. — Опять все псу под хвост! Да я шкуру с тебя спущу!..

Вария скорчилась на земле, прикрывая ладонями голову и ожидая, что сейчас на нее жгучим градом посыплются удары.

— Я нечаянно, Грета! Прости, я нечаянно!

Ее голос сорвался, она беспомощно расплака-

лась, отлично зная, что милосердие германке было отнюдь не присуще. Девочка зажмурилась и ждала наказания. Однако случилось нечто совершенно другое. Ее слуха достиг глухой шлепок плоти о плоть, а вот ударов почему-то не последовало. Через некоторое время Вария отважилась чуть повернуть голову и взглянуть, что же случилось и почему Грете вздумалось ее пощадить.

Ее глазам предстало поистине удивительное зрелище.

Богиня спустилась с небес! Она была рослая, сильная, справедливая и явилась спасти ее. Она перехватила запястье Греты, и крепкая германка безуспешно пыталась высвободить руку. Вария кое-как сморгнула с глаз слезы и узнала в богине спартанку Лисандру, одну из новых невольниц.

Сердце Варии стукнуло невпопад. Никогда и никто еще не заступался за нее, не приходил ей на помощь.

— Никто не тронет ее, — проговорила между тем Лисандра и с презрением выпустила руку Греты.

Глаза германки лезли из орбит, на лице мешались ярость и страх.

— Небось сама ты исправно принимаешь побои, спартанка, — выговорила она наконец. — Я

до сих пор что-то не видела, чтобы ты заступалась за других бойцов. — Грета выпрямилась, обретая утраченное самообладание. — А это уж совсем не твое дело!

— Битье закаляет воина, помогает ему справляться с болью и страхом, — ответила Лисандра давно и прочно затверженной фразой. — А эта девочка — не боец!

— Повторяю, не твое это дело, — поджала губы германка. — Она не справилась с порученным делом и должна получить по заслугам!

— А вот я взяла и сделала это дело своим, — сказала Лисандра.

Она говорила вроде бы спокойно и тихо, но у Варии отчего-то пробежал по спине холодок. А спартанка добавила:

— Мне совсем не хотелось бы спорить и ссориться с тобой, Грета.

С этими словами Лисандра шагнула вперед, и Вария с восторгом увидела, как ее мучительница отступила.

— Мне нужны услуги этой девочки, — продолжала Лисандра, глядя Грете прямо в глаза. — Надеюсь, ты помнишь, что желания воительниц — превыше хозяйственных дел?

Грета фыркнула, отвернулась и пошла было

прочь, но не успела она сделать и двух шагов, когда Лисандра снова ее окликнула. Германка оглянулась, лицо у нее было багровое.

— Ты простыни забыла, — сказала ей Лисандра и указала на смятое разбросанное полотно.

Грете пришлось собирать простыни, после чего она ринулась прочь, исходя бессильной злобой.

Впрочем, голос Лисандры снова настиг ее. В нем было столько льда, что Грета замерла на полном ходу.

— А если ты вздумаешь мстить этому ребенку за мое заступничество, то я тебя убью.

Сказано это было негромко, очень спокойно, но от этого прозвучало только страшней. Грета ссутулилась, ее плечи обмякли.

Она была побеждена, молча кивнула и удалилась.

Вария дождалась, когда германка уже не могла ничего услышать, и повернулась к Лисандре. Новое, незнакомое чувство распирало сердце девочки. Ее избавительница была такой высокой, такой сильной, такой прекрасной… Ей не было равных!

— Спасибо тебе, — прошептала Вария. — Спасибо!..

По губам Лисандры скользнула легкая тень

улыбки. Она протянула руку и помогла девочке подняться.

— Ты мне, кстати, в самом деле нужна, — сказала она.

Вария кивнула и улыбнулась. Благодарность переполняла ее.

VI

Лисандра отвела Варию в больничный барак. За последние несколько недель никого из гладиатрикс на поединки не выставляли, поэтому здесь было почти пусто, если не считать нескольких девушек с ушибами. Рассудив, что это ненадолго — скоро сюда попадет кто-нибудь из старших учениц, пострадавших заутренними упражнениями, — Лисандра решила не терять времени даром.

Главный лекарь, неугомонный старый сатир по имени Квинт, удивленно поднял голову, когда они вошли в его комнату, расположенную на задворках барака.

— А-а, наша спартанка! И с ней маленькая Вария, — проговорил он, откладывая тростниковую палочку для письма. — Что я могу для вас сделать?

— Нам бы мирры, — ответила Лисандра.

— Это дорогое удовольствие, — проворчал лекарь. — Впрочем, я видел, что тебя вправду хлестали больше, чем ты заслуживала. — Он поднялся на ноги. — Снимай одежду, и я смажу

твои раны.

Лисандра склонила голову набок. Она была премного наслышана про Квинта и его шаловливые ручки.

— Ты мне просто мирры дай, — сказала она.

Квинт разочарованно хмыкнул, но все же отправился в кладовку за притиранием. Оттуда довольно долго слышался перестук керамических горшочков и невнятная брань, потом старый сатир вновь вышел наружу, держа в руке маленькую баночку.

— Вот. — Он опустил ее в подставленную ладонь Лисандры. — Только помногу не расходуй!

— Я прекрасно знаю, как пользоваться миррой, — не без высокомерия ответила она, не добавила более ни слова и вышла из комнаты.

Вария убежала следом за ней. Квинт проводил спартанку кислым взглядом и беззвучно, одними губами, передразнил ее последнюю фразу.

* * *

Из больничного барака Лисандра направилась прямо в бани. Здесь она стремительно прошагала мимо подогретого бассейна, сбросила тунику и нырнула в прохладную воду.

Она предпочла бы воду похолодней, но для ее

цели могла сойти и такая. То, чем она сейчас занималась, было обычной практикой в жреческой школе. Наказанные девушки тотчас отправлялись поплавать в ледяных водах Еврота, чтобы вздувшиеся рубцы опали и перестали болеть.

Ее тело постепенно привыкало к прохладе бассейна. Лисандра неподвижно стояла в воде, чтобы мышцы не производили ненужного жара.

Она подняла глаза и заметила на лице Варии изумление, граничившее с испугом.

— Что с тобой?

— Но ты же замерзнешь! — боязливо ответила девочка.

— Холод есть всего лишь ощущение, — ответила Лисандра, припоминая наставления, усвоенные в юности. — Мы ощущаем тепло, холод, боль… Все это игра ума — и не более.

— Вот бы мне быть такой, как ты!.. — благоговейно выговорила Вария.

— Неплохо было бы, — согласилась Лисандра.

Поведение девочки было вполне понятным и предсказуемым. Привыкла небось к варварам, римлянам и эллинам из второстепенных полисов… Еще бы ей не впасть в благоговение при виде истинной спартанки!

Простая вроде бы мысль подняла в душе де-

вушки непрошеную волну горечи. Спартанка!.. Лисандра была невольницей, а значит, настоящей спартанкой считаться более не могла.

Она выбралась из бассейна и села на бортик, болтая ногами в воде.

— Промокни мне спину и намажь миррой порезы от кнута, — сказала она.

Приказ получился довольно резким. На самом деле Лисандра уже спрашивала себя, а верный ли шаг она сделала, заступившись за Варию. Ясно же, что этот милосердный поступок навряд ли останется без последствий.

«Вот до чего я докатилась. Произвожу впечатление на детей и даю укорот прачкам. Весьма достойное занятие для призванной жрицы!»

Вария осушила ей спину и принялась бережно втирать целебную мазь. Лисандра глубоко выдохнула через нос, чувствуя, как рубцы перестают свербеть и щипать.

— Довольно ли? — спросила Вария.

Лисандра повела плечами. Боли не было, лишь легкое натяжение кожи.

— Да, — сказала она. — Довольно.

— Я тебе чистую рубашку принесу. — Вария явно радовалась тому, что спартанка была ею довольна.

Она убежала со всех ног, не дожидаясь дальнейших распоряжений, и скоро вернулась, держа в руках алый хитон.

— Вот, держи!

Девочка протянула хитон Лисандре.

Та некоторое время держала его в руках, прежде чем надеть. Выбор Варии содержал в себе некую иронию, едва не заставившую Лисандру грустно улыбнуться. Со времени кораблекрушения она ни разу еще не возлагала на себя алый цвет Спарты… И вот те на! Впору было задуматься, достойна ли она была снова носить его. Как бы то ни было, она сочла недостойным гонять Варию за другим хитоном.

— Чем бы ты теперь хотела заняться? — спросила маленькая рабыня.

Лисандра ответила не сразу. Проще говоря, она несколько растерялась. Что в жреческой школе, что в легионе, что здесь — распорядок ее жизни определялся каждодневной работой.

Она была слишком непривычна к свободному времени, поэтому пожала плечами и ответила:

— Даже не знаю. Может, посмотрим, как занимаются старшие ученицы?

Все равно ей ничего другого на ум не приходило.

Варии, кажется, понравилось это предложение. Впрочем, она смотрела на Лисандру с таким обожанием, что не приходилось сомневаться — захоти та, к примеру, посидеть в выгребной яме, девочка и туда последовала бы за ней с не меньшим энтузиазмом.

«Вот она, слабинка в римском характере — эта их тяга к товариществу».

Сама Лисандра от подобного недостатка была, разумеется, вполне свободна. Она не нуждалась в обществе девочки, наоборот, предоставляла ей свое как милость. В этом смысле Варии требовалась помощь, как и во время стычки с Гретой. Лисандре не был нужен никто.

Вдвоем они вышли на край учебной площадки, и Лисандра тотчас убедилась в правильности своих предположений. Перед больничным бараком, где хозяйствовал Квинт, уже торчала внушительная очередь. Пострадавшие девушки жизнерадостно перешучивались, радуясь свободному времени.

«К вечеру небось еще и напьются», — брезгливо подумала Лисандра.

На самой учебной площадке, против обыкновенного, почти никого не было. Весть о неожиданном празднике успела распространиться. Тит,

похоже, решил дать передышку всему луду, а не одним только новичкам. Лисандра подумала и решила, что Центурион поступил правильно. Когда одним даются поблажки, а другим нет, это приводит к ревности и раздорам.

Лисандра заметила, что на площадке остались всего две женщины, и повернулась к Варии.

— Беленькую я знаю, — кивнула она в сторону золотоволосой Эйрианвен. — А кто вторая?

— Это Сорина из Дакии, — ответила девочка. — Она — Гладиатрикс Прима, первейшая воительница! А Эйрианвен — Гладиатрикс Секунда!

Лисандра невольно присмотрелась к тому, как, развевая каштановую гриву, двигалась дакийка Сорина, и зрелище произвело на нее впечатление. Тысячу лет назад, во времена царя Тесея, в Дакии правили женщины. Именно их, а также их родственниц из Фемискирии Гомер в своей «Илиаде» называл амазонками. Лисандре было известно, что со времен завоевания Трои порядки в Дакии не сильно переменились. Что поделать, так уж устроены варвары. Им плевать на цивилизацию и прогресс, им всего дороже тот беспорядок, который они называют обычаем.

Но, во имя богов, эта женщина умела сражать-

ся!

— Настоящая амазонка, — вырвалось у Лисандры.

— Вот именно, — тотчас подтвердила Вария. — У себя дома Сорина была предводительницей могущественного народа. Она любит рассказывать о своем прошлом. Эта женщина была великим вождем. Римляне победили ее в бою, и она люто их ненавидит, называет города нарывами на теле Матери-Земли.

Лисандра кивнула, не очень прислушиваясь. Сорина с Эйрианвен словно бы вели танец, полный страсти и ярости. Взгляд спартанки не успевал уследить за деревянными мечами. Две женщины атаковали и контратаковали. Бешеная сила, помноженная на утонченное искусство и сдобренная звериной грацией…

Лисандра так засмотрелась на поединщиц, что не заметила, как к ней подошел Катувольк.

Красавец галл увязал рыжеватые волосы в хвост на затылке и был облачен лишь в набедренную повязку, позволявшую как следует оценить мускулистое тело. В руках у него был бурдючок с вином, который он тут же протянул Лисандре, а сам уселся на землю.

— А ты в дерьме по уши, — сообщил он ей, когда

она вытащила затычку и сделала глоток.

— Это почему? — спросила Лисандра.

— А потому, что выручила свою маленькую подружку. — Катувольк указал на Варию. — Грета нажаловалась на тебя Нестасену, и он задумал образцово-показательно с тобой посчитаться.

Лисандра пожала плечами. Нубиец находил извращенное удовольствие в том, чтобы причинять боль.

— Хоть какое-то разнообразие, — отмахнулась она.

Катувольк хмыкнул и потянулся за бурдючком.

— Ты, Лиса, похоже, не очень-то боишься его?

Лисандра слегка напряглась, услышав свое имя в этакой приятельской, уменьшительной форме.

— Спартанцы ничего не боятся, — сказала она.

— У тебя свитка с подобными изречениями случаем нету? — спросил молодой галл. — Ты, по-моему, имеешь готовые ответы на все вопросы. Беда лишь в том, что они — не твои. Ты свое собственное мнение вообще когда-нибудь высказываешь?

Лисандра наградила его высокомерным взглядом.

— Я говорю, когда это необходимо. Спартанцы

не занимаются болтовней ради болтовни. Мы слишком хорошо знаем цену слов. Я слышала, что у других народов это даже вошло в поговорку.

Катувольк жестом предложил ей пояснить.

— Лаконичность, — сказала она. — Это от слова «Лакедемон». Так называется область Эллады, где расположена Спарта.

— А ты, похоже, гордая.

— Еще бы мне не гордиться! — Лисандра предпочла пропустить ироничный тон Катувольк мимо ушей. — Все прочие люди бессильны понять, что это значит — быть спартанцем!

Посвящать наставника в подробности своего внутреннего разлада — является ли сама она настоящей спартанкой? — Лисандра, понятное дело, не стала.

Катувольк сменил тему:

— Тит решил, что вам, новеньким, будет полезно побольше общаться с ветеранами. Для этого сегодня вечером будет общее празднество.

Лисандра хмыкнула.

— Ну что ж. Желаю повеселиться.

— Знаешь что, Лиса, тебе легче будет здесь жить, если ты перестанешь сторониться других женщин. Покамест тебя, знаешь ли, здесь не особенно любят.

Лисандра в это время пыталась сообразить, с какой, собственно, стати он пытался вызвать ее на разговор. Ну да, они оба являлись рабами. С другой стороны, луд был организован по военному образцу. В его иерархии Катувольк был ее начальником. Панибратство между ними едва ли выглядело допустимым, считалось, что подобное скверно сказывается на дисциплине. При этом Катувольк был всего лишь варваром, вряд ли способным вообще уразуметь понятия «авторитет» и «дисциплина», не говоря уже об их воздействии на воинский дух.

— Я здесь не затем, чтобы меня все любили, — сказала она. — Я невольница. Я должна выступать на арене и убивать ради развлечения зрителей.

Катувольк сделался серьезным.

— Девочка, не забывай, что все это дает тебе шанс отвоевать свободу. Хотя я, в общем-то, не об этом. Я к тому, что хорошо бы тебе явиться на праздник. Может, тоже сумеешь повеселиться.

— А я думаю, что тебе не следовало бы со мной разговаривать, — ответила Лисандра. — Если тебя так волнует всеобщая любовь, то учти, что было бы лучше, чтобы никто не заметил, как я болтаю с наставником. Катувольк выглядел так, словно она вкатила ему пощечину.

— Как хочешь, — коротко проговорил он и поднялся. — Я пытался замолвить за тебя словечко Нестасену, поскольку мне казалось, что он слишком уж на тебя наседает, но теперь вижу, что ошибался. Ты вполне заслуживаешь всех шишек, которые на тебя сыплются. Есть законное право гордиться своим наследием, а есть гордыня и заносчивость. Чувствуешь разницу?

— Варвар взялся философствовать, — хмыкнула Лисандра. — С ума сойти можно!

На лице Катувольк проступили красные пятна, он повернулся и зашагал прочь.

Лисандра проводила его взглядом. На самом деле она была не слишком довольна собой, но принять его дружеские поползновения значило бы явить недопустимую слабость. Девушка нахмурилась, начиная подозревать, что этот разговор можно было провести и получше. Раздумывая об этом, она вновь повернулась к учебной площадке, но Сорина с Эйрианвен уже кончили бой и теперь занимались растяжками, расслабляя и успокаивая мышцы.

— Ты очень сильно нагрубила Катувольку, — теребя край туники, проговорила Вария. — Он просто хотел как лучше.

— Ну и что? — отрезала Лисандра. — Я в обмо-

рок должна была упасть от восторга? Не хочу я идти ни на какое празднество. Праздник? Здесь?.. — У нее вырвался резкий и безрадостный смешок. — Какая бессмыслица!

— Люди говорят, что жизнь такова, какой мы ее делаем, — не сдавалась Вария. — Мне тут тоже не нравится, но другой жизни я не знаю. Почему бы не доставить себе маленькую радость, если подворачивается такая возможность?

Лисандра встала с земли.

— Сперва этот варвар рядится в тогу философа, а теперь еще ты! Значит, говоришь, жизнь такова, какой мы ее делаем? Нет, Вария. Я не по своей воле здесь оказалась. Это был не мой выбор. Это место забрало все, чем я когда-то была. Я не могу здесь веселиться просто потому, что выдался случай. Ты — другое дело. Ты не видела лучшей доли.

Вария смотрела на нее снизу вверх, щурясь против солнца, бившего в глаза.

— Я знаю, — сказала она. — И я так рада, что ты со мной дружишь.

Лисандра едва не сказала девочке, что ни о какой дружбе между ними не могло быть и речи. И вообще, хорошо было бы, если бы Вария ушла и оставила ее, Лисандру, в покое… Все так, но слова

с языка почему-то не пошли.

— Я была бы очень рада, если бы моя подруга пошла на праздник, — сказала Вария. — Хотя бы для того, чтобы показать Катувольку, как он был не прав, называя тебя зазнайкой!

Лисандра скрестила руки на груди и указательным пальцем тронула свой подбородок.

— В твоих словах есть истина, — проговорила она. — Плохо, если он вдруг вообразит, что его вопиющие обвинения были не такими уж беспочвенными!

— Так ты пойдешь?

Лисандра кивнула.

— Да, — сказала она. — Пожалуй, схожу.

VII

На гладиаторскую школу опустились синие сумерки, и беспощадный солнечный жар уступил место животворной прохладе.

Слуха Лисандры достигали веселые голоса и смех, отчасти приглушенные каменными стенами. Женщины шли на празднество. Надо думать, веселье было в полном разгаре — час стоял уже достаточно поздний. Лисандра сидела на своей лежанке, поставив локти на колени и задумчиво теребя завязки сандалии. Одну сандалию она уже подвязала. Оставалось завязать вторую — и все, можно идти веселиться.

Однако спартанка медлила. Она все еще раздумывала о том, стоило ли в самом деле туда идти. Пьяное веселье не очень-то ее привлекало. Что же касается мнения Катуволька, то Лисандра в который раз спрашивала себя, какое оно на самом деле имело значение и имело ли вообще. Решив наконец, что оно было для нее пустым звуком, Лисандра тут же подумала, что совсем не пойти было бы… ну, низко, что ли. Недостойно. Она сунула вторую ногу в сандалию и завязала

тесемки.

Она поднялась, уже взялась за ручку двери и опять замерла. Вдруг поход на празднество все-таки окажется ошибкой? Может, Катувольк не зря говорил, что другие девушки ее недолюбливают? В таком случае излишек вина мог побудить их к язвительным колкостям, если не хуже.

«Это уже смешно, — сказала она себе. — Да там никто вообще не заметит ни моего присутствия, ни отсутствия. Ведь не просто так вот уже несколько недель никто не обращался ко мне без веского повода. До меня никому нет никакого дела».

В конце концов девушка решила провести на празднике какое-то время. Пусть Катувольк ее заметит и поймет, до какой степени был не прав. Потом она вернется к себе.

Лисандра резким движением отворила дверь, не давая себе времени в очередной раз передумать.

За те несколько часов, что она предавалась уединенным размышлениям в своем закутке, учебная площадка разительно изменилась. В ее дальнем конце, против бань, виднелись накрытые столы. Их вытащили наружу, чтобы девушкам не нужно было сидеть в тесноте. Ли-

сандра оглядела верх наружной стены и увидела, что там было полным-полно стражи. Оружейная комната оказалась крепко-накрепко запертой. Территория, отведенная для сборища гладиатрикс, была надежно изолирована. Словом, великодушие Тита вовсе не означало того, что он забыл о безопасности всей школы. Лисандра машинально пригладила волосы и пошла в сторону загородки.

В проходе, оставленном в ограде, сколоченной на скорую руку, стояли Палка, Катувольк и несколько стражей.

Лисандра приблизилась и ощутила взгляд галла, нацеленный на нее.

— А ну стой, — сказал ей один из стражников.

Это был тот самый македонец, что первым заговорил с нею в день ее прибытия в луд. Он шагнул навстречу Лисандре, велел ей поднять руки и наскоро обыскал.

— Это в самом деле необходимо? — спросила она Катуволька.

Он посмотрел на нее. Его лицо дышало холодом.

«Обиделся», — подумалось ей.

Потом галл ухмыльнулся, чем, кстати, только усугубил ее раздражение. Лисандра весьма не

любила ошибаться, когда оценивала про себя чье-либо расположение духа.

— Да, Лиса, — сказал Катувольк. — Необходимо.

— Хватит уже называть меня Лисой! — повысила она голос. — Мое имя — Лисандра!

— Укороти язык, сучка! — встрял Палка, готовый без промедления пустить в ход свой длинный посох. — Побольше почтительности, не то, клянусь богами, я прямо здесь преподам тебе хороший урок!

Лисандра посмотрела на него так, будто во что-то вляпалась и этим чем-то был он. Парфянин побагровел.

— Да ладно тебе, Палка, — сказал Катувольк. — У девочек свободный вечер. Да и у нас тоже, если на то пошло. Давай не будем его портить. — Он снова повернулся к Лисандре. — Там больше сотни девушек собралось.

Катувольк ткнул пальцем в сторону ограждения. Как бы в подтверждение его слов, оттуда донесся взрыв безудержного хохота.

— В большинстве своем это обученные убийцы, — продолжал молодой галл. — Некоторые из них весьма не любят друг дружку. Отсюда и обыск. Это, знаешь ли, простая предосто-

рожность. Мы ведь знаем, каковы женщины. Опрокинут по маленькой чашечке — больше-то им не осилить! — и давай припоминать обиды. Представляешь, что будет, если кто-нибудь еще и оружие туда пронесет?

Лисандра вынуждена была признать его правоту.

— Жду не дождусь, чтобы ты продемонстрировал свою без сомнения титаническую способность поглощать вино не пьянея, — все-таки сказала она.

— Не дождешься, — заявил Катувольк. — Нам туда ходу нет. Незачем девушкам получать в руки оружие того или иного свойства, если ты понимаешь, о чем я. — Он подвигал бровями вверх-вниз. — Все вы считаете меня совершенно неотразимым. Как бы виноградная лоза не увлекла кого-нибудь из девчонок на подвиги.

— Я нахожу тебя больше надоедливым, чем неотразимым, — сказала Лисандра.

Катувольк картинно пошатнулся и схватился за сердце.

— Горе мне!..

— Очень смешно, — сказала Лисандра и шагнула мимо него.

Краем глаза она заметила взгляд Палки, испол-

ненный черной злобы. Она шла к пирующим и слышала, как за ее спиной Палка порицал молодого галла за излишнюю мягкость. Ответа Катуволька за общим шумом Лисандра уже не разобрала.

Празднество действительно было в самом разгаре. Иные женщины уже спали, уронив головы на столы. Вино одолело их. Остальные продолжали пить и угощаться едой. Лисандра увидела ячменную кашу, их обычную пищу, но помимо нее Тит обеспечил и мясо, до которого так охочи варварки. Над углями жарились баранина и свинина, аппетитно пахнущий дымок струями поднимался в вечернее небо. Женщины веселились, хохотали и пели песни одновременно на множестве языков. Слух Лисандры выхватывал то одно слово, то другое. Песни ей не понравились. Речь в них шла либо об утраченной любви, либо, наоборот, о радостях плотского соития. Ни того ни другого спартанке не доводилось переживать. Напротив, она привыкла гордиться тем, что ни разу еще не унизилась до подобной слабости тела и чувств.

Лисандра обошла столы стороной и направилась к винным бочонкам, стоявшим в стороне. Она налила себе и стала оглядываться в поисках

воды, чтобы разбавить вино, как надлежало, но ее нигде не было видно. Делать нечего, Лисандра пожала плечами, пригубила крепкий напиток и сморщилась от слишком ядреного вкуса.

Тут на ее плечо с силой опустилась чья-то рука. Лисандра вздрогнула и обернулась.

Перед ней стояла Хильдрет. Германка держала в руках кувшин с пивом, ее верхнюю губу украшали пенные усы, свидетельствовавшие о том, что Хильдрет потягивала любимый напиток — по мнению Лисандры, совершенно дрянной — прямо из кувшина.

— Привет, Лисандра! — возбужденно крикнула она на латыни. — Как ты сегодня?

— У меня все хорошо, Хильдрет, — ответила спартанка. — А у тебя?

Подобный обмен фразами уже превращался у них в нечто вроде ритуала.

— У меня тоже все хорошо! — расхохоталась Хильдрет. — Я…— Она вскинула взгляд, пытаясь собраться с мыслями. — Как это правильно сказать? Ах да! Я пьяная, как бочка!

Лисандра подняла бровь и сухо отозвалась:

— Чувствуется.

— Как-как?.. — во все горло закричала Хильдрет.

Лисандра успела уже подметить, что если варвары не понимали сказанного или, наоборот, сами не умели понятно выразиться, то они переходили на крик, почему-то думая, что это поможет делу.

— Точно, — по-другому повторила Лисандра.

Хильдрет снова расхохоталась и похлопала ее по плечу так, что вино выплеснулось у Лисандры из чаши. Германка ничего не заметила и на не очень твердых ногах отправилась дальше, распевая очередную песню на своем грубом наречии.

Лисандра проводила ее глазами, и ее губы тронула легкая улыбка. Хильдрет была довольно славной девчонкой. Для дикарки, конечно.

Лисандра бесцельно бродила среди пировавших женщин, помимо собственной воли начиная проникаться праздничной атмосферой. Что бы там она ни говорила Варии некоторое время назад, но щедрость Тита, устроившего такой пир, впечатлила ее. Позволить женщинам таким вот образом провести вечер значило здорово поддержать их дух, порядком задавленный каждодневными тяготами гладиаторской школы. Все же Лисандра держалась особняком и со стороны наблюдала за весельем, забавляясь выходками дикарок.

Некоторые женщины пытались плясать. Спотыкающиеся варварки силились одновременно исполнять танцы десятков разных племен. Это заставило Лисандру про себя уподобить луд самой Римской империи в миниатюре. Сколько разных вер, сколько несходных обычаев, и все они служили Риму, покорившему их.

Это наблюдение показалось Лисандре весьма проницательным.

Потом она заметила, что Эйрианвен идет сквозь толпу в ее сторону. Прекрасная силурийка приветственно вскинула руку, и Лисандра даже оглянулась посмотреть, кому было предназначено приветствие гладиатрикс, но за ее спиной никого не было.

Эйрианвен подошла к ней и улыбнулась. На силурийке была туника из белого хлопка, и Лисандра невольно подивилась тому, как выгодно столь простая одежда оттеняла ее красоту, облекая бедра и подчеркивая форму груди. Лисандра всегда гордилась собственными ростом и статью, но теперь, в присутствии Эйрианвен, она вдруг показалась себе нескладной, неуклюжей, плюгавой.

— Приветствую! — Голос Эйрианвен показался Лисандре необычайно звонким и музыкальным.

Она щедро отхлебнула вина, чтобы смочить внезапно пересохшие губы, и подумала: «Что это? Почему близость силурийки так действует на меня? Может, Эйрианвен колдунья, искушенная в заклятиях, вроде нимфы Калипсо, заморочившей голову Одиссею?»

Однако мысль не задержалась надолго в ее голове.

Лисандра приписала странное ощущение действию неразбавленного вина, кивнула и сказала:

— Здравствуй, Эйрианвен.

— Ты, я смотрю, все одна да одна, — заявила силурийка. — Негоже это — в такой-то вечер!

— Мне и так хорошо, — ответила Лисандра и осушила чашу.

Эйрианвен склонила голову к плечу, и Лисандру поразила необыкновенная игра факельного света в ее синих глазах.

— Ерунда, — сказала силурийка и протянула ей руку. — Пошли!

Лисандра не возражала и позволила Эйрианвен провести себя сквозь веселящуюся толпу. Голова у нее шла кругом, в мыслях царил полный беспорядок. Ей казалось, что она ступает прямо по воздуху, не касаясь земли, а сердце в груди так и колотилось. От прикосновения Эйрианвен по

кончикам ее пальцев словно искорки пробегали.

Силурийка улыбнулась ей через плечо.

— Вот мы и пришли, — сказала она и выпустила руку Лисандры.

Перед ними был стол, за которым сидели несколько женщин, в том числе Гладиатрикс Прима — амазонка Сорина.

— Садись, — сказала Эйрианвен.

Девушки подвинулись на скамейке, давая ей место, и спартанка опустилась между ними. Эйрианвен устроилась напротив и, не дожидаясь просьбы, заново наполнила чашу Лисандры.

— Приветствую вас, подруги, — выговорила девушка положенное приветствие.

Ей ответил нестройный хор, она подняла чашу и добавила:

— Сидеть здесь с вами — большая честь для меня!

Хотя на самом-то деле это она оказывала им честь своим присутствием. Кто из них мог похвастаться, что сидел за одним столом с жрицей Афины? Бывшей, правда…

— Так ты и есть та самая спартанка, — проговорила женщина, сидевшая рядом. — Эйрианвен говорит, что у тебя неплохие задатки. За этот стол допускаются лишь ветераны!

— А Лисандра и есть ветеран, — вмешалась Эйрианвен. — Она еще не приносила клятву, но уже дралась в настоящем бою и выиграла свой поединок. Так что она имеет полное право сидеть здесь!

Женщина равнодушно пожала плечами.

— Я — Тевта.

У нее были темные волосы и миндалевидные глаза. Чуточку плосковатое лицо выдавало в ней уроженку Иллирии либо Паннонии.

— Это мое настоящее имя, — продолжала она. — На арене я выступаю как Тана. Может, ты даже слышала обо мне?

Это последнее было сказано с некоторой надеждой.

— Иллирийская богиня охоты, — кивнула Лисандра, пропустив вопрос мимо ушей. — Хорошее имя.

Ей было известно, что бойцам, выступающим на арене, часто доставались имена, взятые из легенд. Это помогало толпе узнавать и различать их, а заодно как бы добавляло действу значимости. По крайней мере, Тит был в этом уверен.

Лисандра обвела глазами стол и сказала:

— У вас у всех здесь такие титулы!..

— Да уж, — опередив остальных, ответила

Тевта. — Эйрианвен, к примеру, называют Британикой. А вон сидит Зукана. — Иллирийка указала на женщину со светлыми, коротко остриженными волосами. — Ее прозвали Верцингеторией…

— Ага! — прокричала Зукана, явно успевшая уже как следует набраться. — Это в честь великого героя Галлии, который держал в страхе Цезаря!

Собутыльницы, подыгрывая, ответили ей приветственным шумом.

— А Сорина, стало быть, — Амазона? — Лисандра наклонила голову в сторону Гладиатрикс Примы.

Она постаралась не выдать своего удивления, но возраст дакийки ее просто потряс. На загорелом лице первой воительницы угадывались морщины, и Лисандра про себя рассудила, что ей было далеко за тридцать.

— Твое имя пришло из глубин истории, не так ли?

— Так, спартанка, — отозвалась Сорина. — Я из рода Пентесилеи.

Ее лицо оставалось бесстрастным, а вот Лисандре захотелось недоверчиво выпятить губу. Дикарки всегда готовы приврать насчет своего происхождения. Пентесилея была владычицей амазонок, павшей от руки Ахилла. Счастье ста-

реющей воительницы, что никто во всей школе не сподобился получить образование, подобное тому, какое досталось Лисандре, иначе Сорину давно уже вывели бы на чистую воду. Между прочим, древние амазонки никогда не брали себе постоянных мужей, так что кто там был из чьего рода — вопрос темный. К тому же они не знали письменности, а значит, в своих изустных преданиях могли врать что угодно. Поди-ка проверь! Естественно, вслух Лисандра ничего не сказала, потому что это было бы невежливо.

— Не такого я ждала от рабства, — проговорила она, решив сменить тему.

— Да, это лучшая жизнь, чем можно было бы рассчитывать, — ответила Эйрианвен. — Пусть мы невольницы, но Бальб нас ценит. Он понимает, что с нами имеет смысл хорошо обращаться.

Она прямо посмотрела на Лисандру и добавила:

— Наставники поначалу всех берут в ежовые рукавицы. Это ломает слабых, но если женщина не может выдержать учения, то она сразу же погибнет на арене.

Лисандра кивнула. В школе при храме Афины, в общем, происходило примерно то же.

— Воспитание бойца — дело дорогостоящее, —

продолжала Эйрианвен. — Нас хорошо кормят, за нами присматривают отличные лекари. Если мы достаточно долго продержимся, то нас ждет неплохое жилье. — Она указала на домики, стоявшие поодаль от учебной площадки.

— Ты говоришь так, словно тебе начинает тут нравиться, — резко вмешалась Сорина.

— Я ненавижу это место и эту жизнь, — спокойно ответила Эйрианвен. — Но что, по-твоему, я должна делать? Предаваться пустой скорби? Или, может быть, принять свою участь — и надеяться когда-нибудь заслужить свободу?

Сорина плюнула наземь.

— Римские подонки, — сказала она. — В лучшем случае они увидят твою смерть, в худшем — сделают одной из своих… Нет, меня им не подкупить!

Лисандра слушала их перепалку и вдруг обнаружила, что ее чаша вновь опустела. Чувствуя необычайную легкость в голове, она налила себе еще. Неразбавленный напиток отчего-то перестал щипать ей язык и пился не в пример легче прежнего.

— Я не считаю, что меня подкупили, — сказала Эйрианвен. — А вот ты, Сорина, зря отягощаешь себя такой жгучей ненавистью.

— Да как ты можешь так говорить? — Сорина одним глотком опустошила свой кубок. — Разве Фронтин не разметал твое собственное племя, не перебил воинов и не вверг в неволю всех остальных?.. Где теперь силурийцы, Эйрианвен? Что сталось с вашей землей? Неужели в Британии мало римской заразы? В зеленых полях разрастается парша каменных укреплений, тело великой Матери-Земли, словно мечи, рассекают дороги… Тьфу! — Сорина завершила свою речь презрительным жестом.

Эйрианвен опустила глаза, но все-таки отрицательно мотнула головой.

— Ты все говоришь правильно, Сорина, но я не могу ненавидеть римлян за то, что они сделали. Не они изобрели войну. Не они придумали ее последствия.

— Да они просто насилуют весь мир!

Голос Сорины звучал тяжкой угрозой, усугубленной выпитым вином.

— Они называют это цивилизацией, но я считаю, что это самое богомерзкое богохульство, и больше ничего! Пусть они живут в своих каменных городах, если им так угодно, но не надо принуждать к этому свободнорожденных! С изначальных времен мы, дакийки, вольно скакали

на конях по широким полям, неподвластные никаким императорам и никаким мужчинам! — Последнее слово дышало сокрушительным презрением. — Потом в мою страну явились римляне и принялись жечь и убивать невинных людей. Наши племена сообща поднялись на великую битву, не пожалели ни сил, ни самой жизни. Мы отбросили их за Дунай, вот как! Мы вселили страх в их сердца!

Эта гневная речь была выслушана в тишине.

Потом заговорила Лисандра:

— На самом деле не очень-то они испугались.

Тут все взгляды обратились в ее сторону.

— Все дело в том, что Дакия не стоила того, чтобы класть солдат ради ее завоевания…

Лисандра закашлялась, с неудовольствием ощущая, что говорит чуть невнятно. Она понимала, что винить за это следовало вино, но почему-то ей было все равно, и она налила себе еще.

— Что там можно взять ценного, не считая рабов? — спросила она, указывая на Сорину. — С другой стороны, страна обширная, им пришлось бы немало повозиться, присоединяя ее к империи, а зачем? Вот римляне и не стали особо возиться.

— Я обязательно отсюда выберусь и подни-

му степных воительниц на войну с Римом! — с неистовым напором проговорила Сорина.

— Рим вас раздавит, — пожав плечами, сказала Лисандра, для которой это было очевидно. — Против обученной армии никакому варварскому воинству не устоять.

Сорина поднялась на ноги, ее слегка покачивало.

— Да ты кого варварами называешь, заносчивая сучонка?

— Всякий, кто не владеет эллинской речью, называется варваром, — пропустив мимо ушей оскорбление, пояснила Лисандра. — Ваш язык, он ведь так и звучит… вар-вар-вар!

Она рассмеялась. Объяснение было давним, буквально навязшим в зубах, тем не менее оно неизменно смешило ее.

— Сорина, не заводись. — Эйрианвен положила руку на плечо первой воительницы, лицо которой потемнело от гнева. — Мы тут все порядочно выпили. Давайте поговорим о другом.

Лисандра, напротив, не отказалась бы продолжить, но вовремя передумала. Ей не хотелось расстраивать Эйрианвен. Сорина опустилась на место и спросила мрачным тоном:

— Почему это ты так уверена в победе римлян?

Лисандра провела ладонью по волосам, огляделась, увидела поблизости на земле горшок ячневой каши, а подле него — длинную деревянную ложку. Девушка неуверенно подняла ложку и вернулась за стол.

— Вот. — Она бросила ложку Сорине. — Ты можешь ее сломать?

— Конечно могу, — ответила дакийка и легко переломила черенок.

— Теперь сложи половинки и сломай их обе сразу, — сказала Лисандра.

Это оказалось трудней, но упорная амазонка все-таки справилась с задачей. Раздался треск, и Сорина с торжеством вскинула глаза.

— Ты очень сильна, — сказала спартанка. — А четыре куска сразу сломаешь?

Сорина бросила деревяшки наземь и недовольно отряхнула ладони.

— Их не сломать, — сказала она. — А к чему это ты клонишь?

— Все очень просто, — сказала Лисандра. — Так бьется цивилизованная армия. В сомкнутом строю, я имею в виду. Эллины и римляне высоко ценят личную храбрость, но на поле боя гораздо большее значение имеют выучка и дисциплина. Варвар сражается ради славы. Он… или она

бросается в битву очертя голову и размахивая огромным мечом. Ну и к чему это приводит? В пешем бою длинный меч требует пространства, а то недолго задеть своих же соратников или соратниц. Если на такую воительницу идет плотный строй с сомкнутыми щитами, то она оказывается одна против троих. Если же она скачет на лошади, то ее встречает лес копий. Это верная гибель.

— Ты лихо судишь, спартанка, — сказала Сорина. — Очень лихо для девчонки, ни разу не бывавшей в сражении.

— Оставайся при своем мнении, амазонка, — ответила Лисандра.

В кои веки у нее почему-то не было желания продолжать спор до победного конца.

— Вы, варвары, все одинаковые. То ли слишком гордые, то ли слишком глупые… Никак не желаете учиться у тех, кто знает больше!

Сорина перепрыгнула через стол и врезалась в Лисандру. Они упали и покатились по земле. Сорина оказалась сверху. Ее кулак обрушился Лисандре в лицо. Рассудок девушки, отуманенный винными парами, окатили волны боли. Зрительницы, поначалу немногочисленные, сообщили остальным о завязавшейся схватке.

Скоро кругом дерущихся женщин собралась

толпа, размеренно восклицавшая:

— Бой! Бой! Бой!..

Лисандра, прижатая было к земле, с силой взметнула бедрами, заставила нападающую потерять равновесие и завалиться вперед. Девушка перекатилась по земле, мгновенно вскочила на ноги, но вино лишило ее движения точности, и она споткнулась. Сорина уже неслась к ней, шипя и плюясь. Лишь давняя выучка тела помогла Лисандре прицельно выбросить ногу и влепить ступню в самый низ живота налетевшей амазонки. Сорину согнуло от боли. Лисандра уже собралась схватить ее за волосы и припечатать коленом в лицо, но дакийку спасла быстрая реакция. Она рванулась вперед и плечом ударила соперницу в ребра так, что спартанку оторвало от земли и подбросило.

Приземление оказалось болезненным. Лисандра ударилась затылком. Ее голова немедленно закружилась. Лисандра все-таки поднялась, но пошатнулась и едва успела перехватить очередную атаку Сорины. Кулак амазонки скользнул по ее скуле. Лисандра ответила почти таким же ударом, отчего голова Сорины резко дернулась назад. Спартанка уже дернулась вперед, чтобы развить успех, но и ее, и Сорину уже схватили.

Зрительницы оттаскивали их друг от друга. Амазонка яростно бранилась, силясь достать Лисандру ногами.

Эйрианвен крепко держала бешено бьющуюся Гладиатрикс Приму.

— Хватит! — кричала она. — Хватит, Сорина!

Тевта обхватила Лисандру поперек тела, подняла ее и потащила прочь.

— Боги! — пыхтела она. — Уймись, спартанка!

Лисандра прекратила сопротивление. Иллирийка неожиданно разжала руки, и она неуклюже шлепнулась на мягкое место.

Толпа, сбежавшаяся было поглазеть на драку, рассосалась столь же быстро, сколь и собралась. Лисандра осторожно потрогала скулу и поняла, что там уже наливается полновесный синяк. Она раздула щеки и с нажимом выдохнула, стараясь унять головокружение, причиненное вином и крепкими кулаками амазонки.

Потом девушка подняла глаза и увидела Сорину, стоявшую над нею.

Некоторое время они молча смотрели одна на другую, потом старшая протянула руку и поставила младшую на ноги.

— А ты неплохо дерешься, — сказала она.

— Ты тоже, — ответила Лисандра.

— Но все же недостаточно хорошо, — добавила Сорина, повернулась и пошла прочь, прежде чем Лисандра успела что-либо ответить.

Чувствуя себя дура дурой, спартанка собралась было уйти, но тут к ней подошла Эйрианвен.

— Не переживай, — сказала она. — На сегодня достаточно неприятностей. Пойдем-ка выпьем еще.

VIII

Сорина проснулась с тяжелой головой. В висках у нее стучало, во рту пересохло, под веки точно песку насыпали. Гладиатрикс села в постели и даже охнула. Ее желудок явно грозил вывернуться наизнанку. Рядом, прикрыв согнутым локтем глаза, легонько похрапывала Тевта. Сорина невольно улыбнулась и спустила ноги на пол. Их любовная встреча была безоглядной и страстной — достойное завершение занятного вечера. Именно занятного — сшибка с обнаглевшей спартанкой Сорину определенно позабавила.

Амазонка сделала несколько шагов и взглянула на свое отражение в высоком — в полный рост — бронзовом зеркале. Это был подарок от одного из поклонников. Сорина присмотрелась и увидела, что Лисандра таки подбила ей глаз. Да-а, года три назад она расправилась бы со спартанкой на месте, не дала бы ей даже шанса ударить.

Дакийка чуть подалась назад и заново осмотрела себя в зеркале. Ее тело было по-прежнему худощавым и мускулистым, груди даже не думали обвисать. И все равно… Ах, годы, годы, как

быстро они пролетели!

Сорина отлично знала, что женщины, живущие в цивилизованной части империи, не посчитали бы за возраст ее тридцать шесть лет. Конечно, у них там и лекари, и всякие мази с притираниями!.. А вот дома, на равнинах Дакии, Сорина уже считалась бы женщиной в немалых годах.

«Шесть лет, — подумалось ей. — Неужели уже шесть лет минуло со дня моего пленения, с тех пор, как я стала рабыней?.. Шесть лет сражений и смертей на арене».

Она обвела взглядом комнату. Эти годы принесли ей все то, о чем большинство свободных римлянок не могло даже мечтать. Дом. Богатство. Преклонение толпы.

Тут она смутно припомнила, как накануне вечером обвиняла Эйрианвен в том, что та вроде бы польстилась на римскую роскошь. Впору было задуматься, а не нашептала ли ей эти слова собственная нечистая совесть. Может, она сама готова была поддаться тому, что так ненавидела?..

Сорина тряхнула головой и прогнала эту мысль прочь.

Без свободы все ее богатство и слава были дым, тлен и обман. Амазонка давно перестала верить

побасенкам Бальба, который утверждал, будто однажды она сумеет выкупиться на свободу. Если дело касалось денег, то этот человек никогда не говорил «довольно».

Сорина знала, что выйти на свободу она могла лишь двумя способами. Ее мог освободить благосклонный эдитор, то есть устроитель игр. Для этого он должен был прийти в восторг от ее искусства и счесть достойной деревянного меча, символа воли гладиатора. Другой возможностью оставался побег. Сорина постоянно строила такие планы, но до сих пор ни один не казался ей реальным. А вот если она окажется схвачена, то наказание будет только одно. Мучительная и медленная смерть на кресте.

Сорина натянула через голову тунику и отправилась в бани.

На учебной площадке уже кипела работа. Домашние рабы расчищали завалы мусора, оставленные участницами вечеринки. Рожи у них были кислые, потому что в самом веселье им поучаствовать не удалось. Сорина задумалась о том, что на самом деле вчерашняя пирушка была очень малой наградой гладиаторам за увечья и смерть, ожидавшие их на арене, той самой, куда этих уборщиков вряд ли кто-то погонит.

В банях было практически пусто, и амазонку это не особенно удивило. Женщины еще отсыпались после вчерашнего. Одна Эйрианвен, любившая вставать на рассвете, наслаждалась плаванием в бассейне. Сорина стащила одежду и тихо слезла в воду. Она не желала зря беспокоить подругу, рьяно мерившую его от стенки до стенки.

Смотреть за тем, как скользило в воде безупречное тело силурийки, было сущим наслаждением. Эйрианвен являлась живым воплощением древнего таинства, совершенством, возникающим от слияния противоположностей. Прекрасная и в то же время нешуточно смертоносная, она всего-то два года провела в гладиаторской школе — и поди ж ты, мечом завоевала право называться Гладиатрикс Секунда.

Сорине оставалось только молиться о том, чтобы их с Эйрианвен никогда не выставили одну против другой. Увы, она слишком хорошо знала Бальба. Если ему предложат достаточный куш, то он, не моргнув глазом, выпустит двух своих лучших воительниц на белый песок с тем, чтобы вернулась только одна.

Эйрианвен заметила ее и подплыла ближе. Улыбка, которой она одарила подругу, должна была развеять грусть амазонки.

— Вот уж не ожидала тебя здесь увидеть, — по-кельтски сказала Эйрианвен.

Родные страны двух женщин разделяли многие тысячи лиг, однако их языки были на удивление схожи. Эйрианвен успела приспособиться к гетскому языку, на котором от рождения говорила Сорина, и они общались, мешая те и другие слова.

— Да, решила окунуться, — ответила Сорина. — Может, голова трещать перестанет.

— Вчера ты точно перестаралась, — сказала Эйрианвен.

— Редко когда такой вечерок выдается, — потянулась Сорина. — И драка славная получилась. Жаль только, что я ей еще раньше не насажала…

— Не приглянулась она тебе, верно?

— А что там вообще может приглянуться?

Сорина возмущенно вскинула руки, не надеясь выразить свои чувства одними словами.

— Эти греки с римлянами привыкли бахвалиться своими достижениями, но спросили бы лучше себя, а что они принесли миру на самом деле? Раковые опухоли городов и военный пожар! Кем, к примеру, был величайший из греков, Александр? Завоевателем, истребившим народы! Римляне породили своего Цезаря, да еще и обоже-

ствили его… Лисандра же — плоть от плоти этой культуры, которую я глубоко презираю.

— А по мне, она просто женщина, как ты или я, — вздохнула Эйрианвен. — Она, как ты или я, не по своей воле угодила сюда.

Сорина невесело рассмеялась.

— А ты видела, как упражняется эта спартанка? — спросила она. — Ей же это нравится! Она работает так, словно всю жизнь только этим и занималась! Даже когда ее порют, она и это воспринимает как состязание! При этом в полную силу она не выкладывается, уж я-то вижу!

Эйрианвен поразмыслила и сказала:

— Наверное, так уж устроен греческий ум. Или она тоже пытается повернуть свою судьбу к лучшему.

— Ты сама заговорила как эти греки. Ишь как завернула — устроен ум! Скоро философскими сентенциями сыпать начнешь.

Чтобы выговорить это, амазонке пришлось перейти на латынь, ибо ни в кельтском, ни в гетском таких слов просто не было.

— Что ж, — сказала Эйрианвен. — Похоже, я становлюсь немножко более цивилизованной, чем тебе по вкусу, а, Сорина?

— На самом деле вчера я наболтала немало

лишнего и сожалею об этом, — честно ответила амазонка. — Я напилась.

— Мы все были пьяны, — сказала Эйрианвен. — Недаром у нас говорят, что у трезвого на уме…

Некоторое время они молча плескались в воде, наслаждаясь взаимным теплым сестринским чувством. Им ни разу не приходилось бывать друг у друга дома, но варварский мир не зря простирался от океана до океана. В действительности это было великое царство. В отличие от империи, созданной римлянами, оно держалось не на силе меча, а на родстве. Сорина догадывалась, что варварские племена выживут и будут процветать еще долго после того, как обратятся в пыль каменные города римлян. Земля не позволит вечно топтать себя жестоким завоевателям. Всего лет десять назад она уже послала им предупреждение, затопив расплавленным камнем великий город римлян — Помпеи. Правители империи не вняли этому предупреждению. Ну что ж, им же хуже.

— А чего ради ты привела эту Лисандру к нам за стол? — чуть погодя спросила Сорина.

Эйрианвен какое-то время молчала.

— Не знаю, — проговорила она затем. — Тянет меня к ней, вот и все. В чем тут дело, сама не

пойму.

— Может, тебе в постель ее затащить? Глядишь, все и выяснится, — рассмеялась амазонка. — Нет, ты только вообрази!.. Она же сухая, как зубочистка! Ни кожи, ни рожи!

Она вытерла с глаз невольные слезы и тут только заметила, что Эйрианвен не смеялась.

— Эй, подруга, ты что?

— Не удивлюсь, Сорина, если окажется, что ты попала в самую точку, — ответила силурийка. — Лисандра, скорее всего, смертельно обидится, если заговорить с ней о постельных утехах. Вот только высмеивать ее мне почему-то не хочется. Как-то это нехорошо.

Сорина захихикала.

— Да ты, милая, не иначе влюбилась!

— Еще чего! — быстро, даже слишком, ответила Эйрианвен.

Она поразмыслила о чем-то и тихо проговорила:

— Но в ней все же есть нечто, Сорина. Я чувствую. Я это знаю…

У дакийки разом пропала охота веселиться. Отец Эйрианвен был друидом. Бритты считали его святым человеком. Видимо, что-то из его способностей передалось дочери по наследству.

Сорина ничуть не сомневалась в том, что ее подруге досталась некая толика волшебства.

— Я вижу, что наши жизненные пути некоторым образом связаны, — странно далеким голосом продолжала силурийка. — Мой, твой и ее. Рука Морриган переплела их.

Сорина услышала имя темной богини судьбы и невольно сотворила знак, отвращающий зло. Эйрианвен же моргнула и как будто вернулась к реальности.

— Судьбе не прикажешь, Сорина, — проговорила она, выбираясь из бассейна. — Она будет творить свою всевышнюю волю. Нам остается лишь распознавать ее и подчиняться. Слушай, пойдем-ка поищем чего-нибудь пожевать!

Сорина рассеянно кивнула, продолжая размышлять о Морриган, богине темной судьбы. Дочь друида не стала бы заговаривать о подобном, если бы ее на мгновение не осенила прозорливость и не будь она так молода.

«Ох уж эти юные! — сказала себе амазонка. — Им и сама судьба нипочем. Они готовы бросать вызов даже богам. Веселая сила молодости переполняет их тела. Но весна слишком быстро превращается в осень. Юнцам только предстоит это понять».

Безукоризненное тело Эйрианвен, вытиравшейся полотенцем, служило великолепным тому подтверждением. Сорина сильным рывком выскочила из воды, и в ее мыслях воцарилась привычная угрюмая трезвость.

IX

Кажется, еще ни разу в жизни Лисандре не было до такой степени плохо!

Она проснулась в своем закоулке, лежа лицом вниз на полу. Ее щеки и волосы покрывала корка засохшей блевотины. Лисандра не могла вспомнить, когда и каким образом она сюда добралась. Сил у нее хватило только на то, чтобы с горем пополам взобраться на лежанку, где она и провалялась еще несколько часов, не в силах пошевельнуться. Ее живот будто протух сверху донизу, руки тряслись, а голова… О-о-о, голова словно послужила наковальней Гефесту, богу кузнецов.

В мыслях Лисандры царила такая же помойка, как и в желудке. Все это в целом, похоже, наглядно свидетельствовало о том, что называться спартанкой ей было более не по чину. Или спартанцы не славились строгой умеренностью, отвергавшей крепкие напитки и обильную пищу? Было ли спартанке позволено по-свински напиваться в компании варваров?..

И эта драка с Сориной!..

Лисандра, с детства постигавшая искусство панкратиона, эллинского способа боя без оружия, не сумела одолеть… эту старуху. Ну да, она была выпивши. Ну да, она не ждала нападения. Все так. Только жестокая правда состояла в том, что она не одержала победы и тем навлекла позор на сестер, на свое спартанское происхождение, на себя саму.

Она утратила путь.

Лисандра уже успела понять, что Афина отвернула от нее свой лик. Судьба предначертала ей умереть в рабстве — ничтожную и постыдную смерть на арене, на глазах у слюнявой, орущей толпы. Чего доброго, ей будет отказано даже в праве пасть с мечом в руках. Вдруг она не удовлетворит запредельных требований Тита и ее продадут из луда в какой-нибудь дом разврата?

Солнце уже приближалось к полуденной черте, когда Лисандра худо-бедно собралась с силами и начала подумывать о том, чтобы выбраться наружу. В любом случае день следовало начинать с приведения в порядок себя самой и своего жилища.

Лисандра оттирала вонючий пол и помимо воли размышляла о том, не это ли занятие и составляло долю, уготованную ей свыше?

Потом прозвучал колокол, звавший к послеполуденной трапезе, и женщины отправились за своими порциями бурой ячневой каши. Лисандра села за стол с какой-то малознакомой эллинкой. Меньше всего ей хотелось попасться на глаза Сорине либо Эйрианвен.

Эйрианвен — оттого, что вчера она попрала закон гостеприимства, затеяв спор с подругой, пригласившей ее. Сорине — потому, что та побила ее один на один. Да, побила. Пусть никто никого и не положил на лопатки, но молодая спартанка видела истину. Это осознание изумило и глубоко огорчило ее. Никогда прежде ей не случалось вот так внутренне признавать чье-либо превосходство над собой.

Она вернулась к себе, даже не доев кашу, закрыла дверь и решила не выходить больше до самого завтрашнего утра, когда вступит в силу обычный распорядок. Ей не хотелось никого видеть, не хотелось ни с кем говорить.

* * *

Рассвет окрашивал небо в розовые тона. Ученицы гладиаторской школы выходили на площадку, и над ней поднималась пыль, тонкая, как туман. Девушки, попавшие сюда недавно, с нескры-

ваемым любопытством обозревали свою часть учебной площадки, претерпевшую разительные изменения. Повсюду были правильными рядами расставлены соломенные чучела, виднелись деревянные перекладины, с которых свисали мешки с песком. В сторонке была устроена длинная «улица», с обеих сторон увешанная такими мешками.

Но самым главным были стойки с учебными деревянными мечами, немым и зловещим свидетельством ужесточения занятий, обещанного Титом.

Сам Центурион вскоре появился. Его, по обыкновению, сопровождали Нестасен и Катувольк. Каждый из них нес шест и ведерко. Мужчины сложили принесенное наземь.

Тит дождался, чтобы девушки должным образом рассмотрели все новшества на площадке, и взял слово:

— Все вы знаете, что такое ставка и какой она высокой бывает!

Раннее утро будто делало его скрипучий голос особенно отрывистым и резким.

— Ваша надежда на свободу теперь прямо зависит от того, насколько хорошо вы будете учиться!

Он обвел глазами шеренгу переминающихся рабынь.

Нестасен сделал шаг вперед и рявкнул:

— Лисандра, ко мне!

Спартанка дернула губой и покосилась на Хильдрет, с которой стояла рядом. Рыжеволосая германка ответила едва заметной улыбкой сочувствия.

— Снимай тунику! — пролаял Нестасен новый приказ и оскалился в улыбке жестокого удовольствия.

Зубы на эбеновом лице нубийца выглядели неестественно белыми.

Лисандра повиновалась и начала стаскивать одежду.

Нестасен наклонился поближе.

— Прости, — шепнул он. — Я знаю, ты рада была бы обнажиться ради меня одного, но сейчас у меня нет времени доставить тебе удовольствие.

На лице Лисандры не дрогнул ни один мускул. Глядя прямо перед собой, она стащила тунику и бросила ее наземь.

— Вам предстоит узнать, как правильно драться, двигаться и убивать. — Нестасен указал на ворох деревянных мечей. — Со временем это знание войдет в вашу кровь, а покамест накрепко

запомните, что в гладиаторском бою есть три главных правила.

Он взял шест, торчавший из ближайшего ведерка. На его конце обнаружилась губка, смоченная красным.

— Правило первое! — провозгласил Нестасен, нацеливая шест на Лисандру. — Попасть туда, где я поставлю красные метки, означает немедленно причинить смерть.

Губка оставила влажно-алые следы между грудями Лисандры и в ямке у шеи.

— Помните, эти места на теле соперника — ваша первейшая цель. Если вы не поразите их на нем, то он сам это сделает с вами.

Нестасен вернул шест с красной губкой в ведерко и потянулся за другим, на котором была синяя губка.

— Попасть в синие отметины — значит искалечить, — продолжал нубиец.

Незагорелые плечи и бедра Лисандры украсились длинными полосами.

— Отсюда второе правило. Если вы собираетесь убивать соперницу с расстановкой, то сперва искалечьте ее. Желтое — это места для медленной смерти.

Нестасен в третий раз сменил ведерко и шест.

— Здесь, здесь и здесь!

Губка прошлась по животу и бокам Лисандры.

— Помните, с такими ранами ваша соперница еще сохранит достаточно сил, чтобы убить вас самих. Но если вы ее предварительно искалечите, то вам останется лишь держать правильную дистанцию и ждать, пока она обессилеет.

С этими словами Нестасен бросил Лисандре полотенце.

— Утрись, оденься и встань в строй!

Пока она возвращалась на место, нубийца сменил Катувольк. Перед этим молодой галл стоял за спиной чернокожего великана и неодобрительно покачивал головой. Это заставляло девушек с надеждой поглядывать на него и украдкой улыбаться.

— Давайте быстренько разбирайте мечи! — приказал Катувольк.

Когда это было исполнено, он спросил:

— Тяжелые, верно? Такой меч называется рудис. Он вдвое тяжелей любого железного клинка, который когда-либо попадет вам в руки. Так что, когда дойдет до дела, настоящий меч покажется легче пушинки. Так, а теперь следите за мной и повторяйте. Это — основной выпад. — И Катувольк распорол мечом воздух.

Рабыни принялись повторять. Получалось у них коряво.

— Жалкое зрелище, — сказал галл. — Показываю снова!

Тит внимательно наблюдал за тем, как его помощник преподавал будущим воительницам базовые приемы. Он многоопытным глазом оценивал, как двигалась та или иная девушка. Взгляд Центуриона то и дело возвращался к спартанке и огненноволосой германке по имени Хильдрет. Обе они совершали предписанные движения легко и свободно, чувствовалось, что подобное упражнение для них не ново. Но были и различия. В глазах Лисандры стояло выражение, определенно не нравившееся Титу. Со слов Палки он знал, что она умела сражаться. Римлянин и сам видел со всей определенностью, что девочка уже прошла какую-то серьезную выучку. Но было очень похоже на то, что с каждым днем у спартанки оставалось все меньше воли, желания продолжать и стараться.

— Что ты вообще думаешь об этой Лисандре? — обратился Тит к Нестасену. — Ты, похоже, своими наездами отбил у нее всю охоту заниматься.

Нубиец хмыкнул.

— Эта сучка не в меру зазналась. Она кругом

смотрит так, словно все мы — не более чем пыль у нее под ногами!

Тит уставился ему прямо в глаза.

— Палка говорит, что она отлично дерется, Нестасен. Если девушка это заслужит, то накажи ее. Но эту вот ненависть, которую ты, по-моему, к ней питаешь, будь добр оставить за пределами моей учебной площадки. Не порть мне добро! Усвоил?

— А то!

Чернокожий гигант с напускным равнодушием пожал плечами, но не смог скрыть от Центуриона свою ярость. Ему слишком трудно было отказаться от удовольствия, с которым он унижал строптивую гречанку.

— Иди-ка поработай сегодня с ветеранами, — велел ему Тит.

Нестасен кивнул и молча удалился.

Катувольк гонял новеньких без передышки, вдалбливая им основы владения мечом.

— В бою все начинается и кончается одновременно, — повторял он в тысячный раз, желая, чтобы эта истина накрепко засела в их памяти. — Не вздумайте сперва ударить, а шаг вперед сделать только потом! Все начинается и кончается одновременно. Тело должно двигаться как

единое целое.

Тит оставил галла присматривать за общим ходом занятий и прошелся между девушками, подправляя стойки и шлифуя движения — где словом, где примером, а где и шлепком упругого жезла.

Потом он опять нашел глазами Лисандру, исполнявшую указания Катуволька. В ее движениях сквозило отточенное совершенство, но Центурион явственно видел, что мыслями она пребывала весьма далеко.

Он подошел к ней сзади и легонько огрел ее посохом по мягкому месту.

— Ну-ка, Спарта! Хватит ворон в небе считать!

На краткий миг непривычно синие глаза девушки обдали его льдом.

— Меня зовут не Спарта, — без вызова проговорила она. — Мое имя — Лисандра.

— Побольше старания, девочка, — сказал Тит, пропуская замечание насчет имени мимо ушей. — Сосредоточься на том, чем занята!

Лисандра нахмурилась и продолжила упражнение, больше прежнего вкладываясь в каждое движение. Впрочем, Тит видел, что это старание было скорей напускным. Он покачал головой и пошел вколачивать ума одной из неуклюжих

германок.

Лисандре этот день казался бесконечным. Упражнения были одно утомительней другого, часы тянулись в каком-то тумане. Она делала выпад за выпадом, почти не слыша голоса Катуволька, и следила только за тем, что он показывал. Этого ей было довольно.

В том, чем ей приходилось заниматься, не было достоинства и чести. Зря потраченное время, и все. В храме все занятия совершались во имя богини!

Лисандра снова вспомнила родную Спарту и почувствовала острый укол стыда. Она стала рабыней и теперь была недостойна искать утешения в воспоминаниях о доме, который ей более не принадлежал.

Какая спартанка?.. Теперь она была просто Лисандрой — без роду и племени.

X

День за днем проходили в разнообразной муштре. Наставники становились все более придирчивыми. Они шлифовали каждое движение будущих гладиатрикс. По мере того как росло мастерство девушек, упражнения делались все сложнее. Теперь ученицы уже не стояли на месте, совершенствуя выпады и удары. Они начали двигаться вперед и назад, учились изменять направление атаки, разворачиваться и вертеться.

Взмахи мечей, рассекавшие лишь воздух, сменились ударами по мешкам с песком. Потом тяжелые холщовые мешки начали раскачиваться. Ученицам приходилось поражать движущуюся мишень.

— Все просто! — скрипел Палка. — Попадайте в цель, не то в вас самих попадут!

Он подтверждал свои слова делом, вознаграждая каждый промах увесистым тычком своего посоха.

Палка действовал поношениями и битьем, и Катувольк подпевал ему, повторяя в тысячный раз:

— В бою все начинается и кончается одновременно. Для соперника вы должны стать текучей водой. Никакого напряжения — оно все равно не поможет!

Неделя сменяла неделю. Девушки быстро учились, иногда удостаиваясь даже скупой похвалы Тита. От ударов по холщовым мишеням они перешли к «прогонам сквозь строй», то есть должны были уворачиваться от тяжелых качающихся мешков. Центурион уверился в их ловкости и пообещал вскоре заняться с ними новыми упражнениями, призванными обучить будущих воительниц согласному действию мечом и щитом.

Каждой выдали скутум — обычный щит, каким пользовались римские легионеры. Лисандра повертела в руках незнакомое средство защиты и подметила, что оно было куда легче эллинского гоплона, который она носила когда-то. Эти щиты и в самом деле были очень разными. Длинный скутум закрывал все тело, тогда как круглый, чашеобразный гоплон должен был защищать левый бок воина, стоявшего в ряду эллинской фаланги.

«А что, все имеет смысл», — сказала она себе.

Древняя эллинская фаланга шла на врага, още-

тинившись своим основным наступательным оружием — длинными копьями. Легионер больше рассчитывал на свой меч, а потому и нуждался в большей защите. Что же касается единоборства, то тут тяжелый гоплон и вовсе превращался скорее в помеху.

Катувольк велел девушкам выстроиться в линию против соломенных чучел.

— Перед вами ваши враги, — сказал он. — Представьте это как следует! Бейте сильно и быстро, как били бы настоящих противников!

Лисандра стояла позади Хильдрет. Она насмотрелась на нее во время занятий и давно поняла, что рыжая германка мастерски владела мечом.

— Это настоящие враги? — прокричала Хильдрет на своей корявой латыни.

Катувольк кивнул, Хильдрет сорвалась с места и ринулась к ближайшему чучелу с пронзительным воплем:

— Смерть римлянам!..

Среди варварок послышались разрозненные смешки.

Между тем деревянный меч Хильдрет свистнул в воздухе и обрушился на солому так, что в разные стороны полетели клочья стеблей. Не удовольствовавшись обезглавливанием чучела,

Хильдрет с маху врезала по нему щитом и продолжила яростно кромсать его учебным клинком.

— Грубо, но доходчиво, Хильдрет, — рассмеялся Катувольк. — Одним римлянином стало меньше.

Чужеземки разразились восторженными кликами, заулыбались даже те ученицы, которые когда-то называли себя римлянками. У них хватало ума сообразить, что ярость Хильдрет была направлена вовсе не лично на них. Они ведь не правили империей. И совсем не они обратили ее в рабство.

— Лисандра! — выкликнул Катувольк.

Девушка приготовила щит, прижала клинок к правому бедру и направила его под нужным углом вперед, на врага. Она закрылась щитом от глаз до колен и размеренным шагом двинулась к чучелу. Когда их разделяло всего пять шагов, последовал внезапный рывок. Меч вылетел вперед, точно кусающая гадюка, и на целую ладонь вошел в грудь соломенного человека.

Лисандра оглянулась на Катуволька — тот лишь молча кивнул — и снова встала в хвост очереди. Какая глупость — по-варварски беспорядочно рваться в бой, размахивая оружием! А эти рубящие удары? Может, они и выглядели зрелищней, но «враг» Лисандры был «мертв»

точно так же, как и тот, с которым расправилась Хильдрет, а усилий для этого было потрачено не в пример меньше.

«Вот вам и разница в нашем с ней образе мысли, — подумалось ей. — Вот в чем все дело».

* * *

Когда солнце склонилось к западу, Катувольк объявил об окончании дневных занятий, велел женщинам аккуратно сложить оружие и отправляться на ужин. От него не укрылось, что Лисандра, по обыкновению, держалась особняком, даже не участвовала в обсуждении новых умений и знаний, постигнутых за день. На самом деле за последние две недели спартанка сильно переменилась. Другой стала даже походка. Куда-то делось ее обычное высокомерие. Она безукоризненно исполняла все упражнения, но делала это без души.

Катувольк решил, что девушке может быть полезен его совет, и подозвал Лисандру к себе.

— Ты хорошо занимаешься, — сказал он, когда она подошла.

Лисандра коротко кивнула, а Катувольк… вдруг едва не забыл, о чем собирался поговорить с ней. Он только видел, как закатное солнце украшает

алым золотом ее бледноватые щеки.

Галл прокашлялся и сказал:

— Хотя могла бы и лучше.

Лисандра спросила:

— Я не выполнила что-нибудь из того, что ты задавал?

— Выполнила, но без блеска, — проговорил он негромко. — Мы ведь отлично знаем, что ты обученная воительница, Лисандра. Куда же пропал твой огонь?

Она улыбнулась так, что у него перехватило горло. Между прочим, улыбка у нее впервые получилась искренней, без высокомерия и ядовитой насмешки.

— Мне стало не за что драться, — сказала она.

Катувольк шагнул к ней. Он стоял слишком близко и сам понимал это, но ничего не мог с собою поделать.

— Твое достоинство, Лисандра. Вот за что тебе следует биться. Совсем скоро начнутся учебные поединки, и по ним о тебе станут судить. Тех, кто не оправдает надежд, сбудут с рук. Если это случится с тобой, то ты станешь рабыней в полном смысле этого слова. А здесь существует хотя бы подобие свободы, хотя бы призрачная возможность вернуться к истинной жизни.

— Достоинство, — проговорила Лисандра, и панцирь снова захлопнулся. — О чем ты? Здесь меня давно лишили достоинства. Если за этими стенами меня ждет жизнь в грязи и непосильной работе, то оно, может, даже и к лучшему. Разве ты сам не видишь, что для меня все это размахивание оружием — сплошная насмешка?.. Я опозорила свой народ, — добавила она тихо. — Ни один спартанец не смирился бы с рабством. Значит, я перестала быть настоящей спартанкой. А без этого я ничто.

— Лисандра, ты ошибаешься… — начал было галл, но девушка вздернула подбородок.

Синие глаза глянули так, что слова примерзли у него к языку.

— Доброй ночи, Катувольк. — Она повернулась и пошла прочь.

Молодой галл смотрел, как она удалялась в сторону кухни, и сам не понимал, что делалось у него в сердце.

Запоздало он сообразил, что Лисандра впервые назвала его по имени.

XI

Последующие несколько дней Лисандра все вспоминала тот короткий разговор с Катувольком. Она без конца спрашивала себя, с какой стати наставника-галла так волновала ее судьба. Рядом ведь было множество девушек, гораздо больше нуждавшихся в его советах и указаниях!

Это стало особенно очевидно, когда у них начались учебные поединки.

Ученицы сразу поняли, что неделю за неделей избивать мешки с песком — это одно, а употреблять усвоенную науку против живого соперника — совсем другое. Лисандры, впрочем, это почти не касалось. Она по-прежнему внутренне отстранялась от сиюминутных занятий, презирая ту насмешку над всем святым, в которую ее здесь превратили. Ее противницы из кожи вон лезли, но ей, опытной воительнице, их наскоки неизменно казались слишком медлительными и неуклюжими. Раз за разом Лисандра наносила им «смертельные» удары — когда хотела и как хотела. Ну или почти так. Годы, проведенные в учении, приучили ее тело действовать само по

себе, даже когда сердце и душа пребывали где-то весьма далеко.

Рыжеволосая Хильдрет со сходной легкостью выкашивала соперниц в самом буквальном смысле слова. При этом, в отличие от Лисандры, германка явно наслаждалась происходившим, громко радовалась каждой новой победе.

Однажды, когда Хильдрет приплясывала и выкрикивала боевой клич, Тит остановил занятие. Девушки, недоумевая, опустили мечи. До полуденного перерыва было еще очень далеко, их только-только прошиб первый пот. Даже ветераны оторвались от работы и подтягивались в тот угол, где помещались новички. Они расселись на земле, а уборщицы под началом Греты уже выносили кресла и длинные скамьи. Несколько рабынь, в том числе Вария, с помощью веревок размечали на песке круг ступней двадцать в поперечнике, как оценила Лисандра.

Маленькая рабыня улучила момент, оторвалась от работы и махнула ей рукой. Лисандра кивнула в ответ. В этот второй период обучения они нередко встречались и разговаривали. Девочка охотно открывала Лисандре всю душу, и та — что греха таить — радовалась ее обществу. По крайней мере, оно отвлекало ее от обычных

мыслей, весьма невеселых.

— Сегодня будет кое-что новенькое, — громко объявил Центурион. — Сегодня вы будете биться перед зрителями. — Он указал туда, где сидели ветераны. — Вас будут оценивать! Вас будут судить!

Едва прозвучали эти слова, как появился Луций Бальб со своим любимчиком Эросом.

Ланиста уселся в кресло, и Тит продолжал:

— Отныне вы будете сражаться друг с дружкой не просто ради науки. Вы станете драться за право остаться в школе!

Девушки заахали. Подобного поворота они ни в коем случае не ожидали. Да, обещанный отбор должен был состояться, но… когда-нибудь потом. Не сейчас. Они совсем не успели подготовиться.

— Те из вас, кто хорошо покажет себя на этой арене, — Центурион указал на веревочный круг, размеченный Варией и другими рабынями, — останутся и дадут клятву. Те, которые покажут слабину, будут проданы. Мы ждем от вас искреннего усилия, — продолжал Тит. — Бейтесь со славой, и вас могут пощадить, даже если вы будете побеждены.

Он прижал кулак к груди.

— Этот знак называется миссио[1]. Он означает, что вам дарована жизнь.

Потом Тит вытянул руку, держа отставленный большой палец горизонтально.

— А этот на арене будет означать смерть. Здесь он будет всего лишь говорить о том, что вас выставят на продажу. Если вас победят и вы запросите о пощаде, то повернитесь к ланисте и поднимите палец. Ему решать, останетесь вы или уйдете. На его мнение могут повлиять ветераны, которые признают вас достойными клятвы. Так… это все. Первыми бьются Деция и Сунья!

Ошарашенные женщины переглянулись, а Тит уже выкликал следующую пару:

— Дальше Фиба выйдет против Галации. Разминайтесь пока.

Вызванные ученицы на деревянных ногах побрели к кругу. Нестасен надел обеим на головы шлемы и отступил прочь.

— Начали! — резким голосом скомандовал Тит.

Девушки на арене повернулись одна к другой. Зрители зашумели.

Луций Бальб поудобней устроился в кресле

---

[1] Примечания: 1

Missio — пощада (*лат.*). (*Прим. ред.*)

и отхлебнул вина из кубка. Эрос стоял рядом и держал над головой хозяина полотняный экран, защищавший его от солнца. Бальбу всегда нравились такие вот поединки. Ему приятно было самым первым видеть и решать, кто из его приобретений заслужил право остаться в школе, а кто нет. Долгий опыт научил его, что заблаговременно предупреждать учениц об отборе значило портить все дело. Вот врасплох, не давая им времени перегореть от волнения, — это да!

Первая пара начала поединок достаточно коряво, но девушки, понукаемые дружным ревом ветеранов и своих собственных подруг, постепенно разошлись и принялись осыпать одна другую довольно-таки стоящими ударами. Обе тонко вскрикивали от усилий, деревянные клинки сталкивались со стуком. Наконец, после яростного обмена ударами, Сунья достала Децию прямо в грудную кость и перебила ей дыхание. Деция завалилась навзничь, сорвала с головы шлем и попробовала отдышаться. К этому времени Бальб уже принял решение. Обе девушки дрались очень неплохо. Когда Деция подняла палец, он ответил жестом, означавшим пощаду.

Зрители разразились приветствиями, а на арену уже выходила следующая пара.

* * *

Лисандра следила за происходившим с дурнотным ощущением самого настоящего ужаса. Теперь ей становилось окончательно ясно, почему их с Хильдрет никогда раньше не ставили одну против другой. Вот что, значит, всю дорогу было на уме у наставников! Уж они-то наверняка знали, кто среди новичков владел мечом лучше всех.

Солнце палило, но на лбу Лисандры выступил ледяной пот. Желудок сводила противная судорога. Девушка посмотрела на свои руки и увидела, что они дрожат.

Да, она с легкостью побеждала тех, кто до гладиаторской школы ни разу не брал в руки меча. Схватка с Хильдрет, воительницей, познавшей кровь и смерть, обещала нечто совершенно иное. Лисандра против воли вспомнила свою стычку с Сориной. Тогда она убедилась в том, что вся ее изысканная храмовая выучка была ничем перед тяжко доставшимся боевым опытом. У нее за спиной была только отчаянная схватка с подручными Палки на морском берегу да то первое, достопамятное выступление на арене Галикарнаса, тогда как Хильдрет не один год билась с

римлянами на границах своей дикой страны.

«Ладно, — подумала спартанка. — Если я и уступлю, то сопернице, которая прикончит меня без проволочек. А дальше — пускай рассудит судьба».

Она нашла взглядом Хильдрет, стоявшую в толпе новичков. Германка тоже смотрела на нее. Глаза Хильдрет взволнованно блестели. Похоже, она догадалась, с кем ей будет велено биться. Ее предвкушающая улыбка сказала Лисандре, что эта девушка была отчаянно рада случаю проверить себя и показаться во всей красе. Лисандра поспешно отвела взгляд и стала рассматривать женщин, которых Бальб успел предназначить для рынка рабов.

Не иначе, скоро ей предстояло к ним присоединиться.

День длился. Пара сменяла пару, новички дрались со страстью и яростью, восполнявшими их неопытность. Постепенно Лисандра осознала, что при всем их отвращении к рабству многие действительно поверили в то, о чем говорил Тит. В то, что жить и драться за возможность свободы было куда милей, чем влачить существование без подобной надежды. Что ж, тем, кто совсем недавно взял в руки щит и меч, не грех было

надеяться на удачу. Они не обесчестили великих предков. В отличие от нее.

Тут девушка, стоявшая рядом, толкнула Лисандру в бок локтем. Та вскинула глаза и натолкнулась на взгляд Тита.

— Вы с Хильдрет следующие, — шепнула девушка. — Иди готовься.

* * *

Когда Лисандра заняла свое место на учебной арене, Бальб с предвкушением потер ладони. Ему давно уже хотелось пристальнее проследить за тем, как идут дела у его выдающейся новой рабыни, но, увы, бесконечные хлопоты все никак не давали ему подобной возможности. Было в этой Лисандре нечто завораживающее и таинственное. Бальб даже послал Эроса в библиотеку с наказом выкопать что только можно об этом странном женском обществе, в котором она, по ее словам, некогда состояла. Эрос ничего не смог отыскать, но это только добавляло Лисандре притягательности и тайны.

Спартанке предстояло драться с этой Хильдрет, девушкой из германских варваров. Далеко не подарок — так, по крайней мере, ему говорили, — но зато из тех самых воительниц, которые наводили

ужас на пограничные легионы.

В общем, поединок обещал стать выдающимся!

Тит рявкнул команду, и бой начался.

Хильдрет немедленно бросилась вперед, прыжком покрыла разделявшее их расстояние, и ее деревянный клинок замолотил по вскинутому щиту спартанки. Такой напор заставил Лисандру попятиться, время от времени она давала сдачи, но Хильдрет казалась неудержимой. Она просто перла вперед, не давая сопернице передышки. Зрители дружным ревом поддерживали ее, подзуживая к «смертельному» удару и быстрой победе.

Вот их щиты грохнули один о другой, меч Хильдрет скользнул над верхним краем скутума Лисандры и поразил ту в плечо.

— Легкая рана! — проревел Тит. — Продолжайте!

Хильдрет отскочила прочь, чтобы чуть-чуть отдышаться. Бальб откинулся в кресле. Он видел Лисандру в настоящем бою и знал, что она не прочь дать сопернице выдохнуться и лишь потом перехватить инициативу. Но в этот раз ожидаемой атаки почему-то не последовало. Девушки кружили по учебной арене, и каждый миг только

добавлял Хильдрет уверенности.

Тонкий визг одной из уборщиц, подручных Греты, заставил Бальба вздрогнуть. Девчушка оказалась едва ли не единственной, кто пытался поддерживать Лисандру. Бальб раздраженно покосился на нее, но маленькая рабыня даже не заметила хозяйского недовольства. Ланиста же задумался о том, как одинок был ее голос. Все остальные дружно болели за Хильдрет. Она не разочаровала зрителей, с воплем бросилась вперед и принялась гонять Лисандру по арене.

Бальб повернулся к Нестасену и спросил, имея в виду спартанку:

— Да что с ней такое?

Гигант-нубиец двинул бровями.

— Не так она хороша, как утверждал Палка, — проговорил он, косясь на парфянина, сидевшего рядом с Катувольком за спиной у хозяина. — Жаль, но я в ней ничего такого особенного с самого начала не видел. И вот вам тому доказательство!..

— Сегодня ей нездоровится, — перебил его Катувольк. — У нее лихорадка!

— По крайней мере с утра она была в полном порядке, — по-волчьи оскалился Нестасен. — Она попросту не боец. Одна болтовня, а на деле —

пшик. Я выставил бы ее на продажу.

— Да что бы ты понимал!.. — огрызнулся Катувольк.

Бальб вскинул руку, прекращая их перепалку, и снова обратил взгляд на арену.

* * *

Эта Хильдрет оказалась слишком быстра для нее! Шлем с глухим забралом сдавливал голову Лисандры, не давал ей возможности дышать полной грудью. Она ловила ртом воздух, пот слепил ее, заливая глаза. Сил девушки едва хватало только на то, чтобы вовремя вскидывать щит, отводя молниеносно-быстрые удары германки. Ее попытки делать ответные выпады Хильдрет пресекала едва ли не презрительными взмахами меча и продолжала наседать с прежним пылом. Она была слишком хороша. Лисандра быстро теряла силы под ее натиском.

Она видела, как готовился тот удар, но попросту не смогла защититься. Клинок Хильдрет с треском врезался в боковину ее шлема, и мир перед глазами Лисандры взорвался вспышкой белого пламени. Она успела понять, что зашаталась, хотела повыше поднять щит, и в это время на нее обрушился новый удар.

На сей раз Хильдрет всадила деревянный меч ей прямо в живот. Лисандра на миг ослепла, все ее тело пронизала жестокая боль. Ее согнуло вдвое, к горлу поднялась желчь. Деревянный меч-рудис выпал из руки, и она потрясающе ясно расслышала звук, с которым он ударился оземь.

Новая боль полыхнула в затылке, и все кругом залила непроглядная чернота.

* * *

Бальб так и замер с раскрытым ртом. Он ни в коем случае не ожидал, что спартанка беспомощно растянется на земле, а Хильдрет с победными воплями будет прыгать кругом.

— Хабет[2], ланиста, — проговорил Нестасен. — Эта получила свое.

Но тот по-прежнему отказывался верить собственным глазам. Он же видел эту женщину на арене, причем настоящей, а не учебной, и знал, чего та на самом деле стоила. На песке лежала совсем не та гладиатрикс, которая так виртуозно расправилась с соперницей в цирке Галикарнаса. От прежней Лисандры осталась лишь бледная тень. Неуклюжие движения, нескоор-

---

[2] Примечания: 2
Habet — *здесь*: получил (*лат.*). (*Прим. ред.*)

динированные атаки, вялые выпады… Куда что подевалось?

Тут Бальб ощутил прикосновение к своим ногам, посмотрел вниз и увидел ту девочку-рабыню, которая в одиночку поддерживала Лисандру. Маленькая уборщица стояла перед ним на коленях.

— Господин… Прошу тебя, господин! — Глаза девочки были полны слез. — Миссио! Умоляю, миссио! Клянусь тебе, господин, она все равно лучше всех.

— А ну-ка, пусти. — Бальб тряхнул ногой примерно так, как отгоняют не в меру ласкового щенка.

Девочка разжала руки, но осталась на месте и продолжала молить:

— Пощади ее, господин!

Палка вскочил со скамьи и дал ей подзатыльник. Только это и заставило ее замолчать.

— Пошла прочь, Вария!

Палка дал ей пинка пониже спины, отчего девочка распласталась в пыли.

Тит подошел к ним, качая головой и мрачно поджав губы.

— Ну что, Тит? — осведомился ланиста. — Чем ты это объяснишь? — Он гневно ткнул пальцем в сторону неподвижной спартанки. — Похоже,

твое учение не пошло девке на пользу!

Тит вздрогнул и нехорошо сузил глаза. Такой превратный отзыв о его наставничестве весьма ему не понравился. Спартанку часто бил Нестасен, но, как ни крути, главным наставником все же был он, Тит. А значит, в конечном итоге ему и отвечать за результат. Другое дело, что провал Лисандры был весьма мало связан с грубыми приставаниями Нестасена. Истинная причина лежала глубже.

— Ланиста! — проговорил он почтительно. — Что-то в самом деле переменило эту девушку не в лучшую сторону, но что именно, мне трудно сказать. У нее задатки отличного бойца, но по какой-то причине она утратила азарт, душевный огонь.

— В тот первый раз ей просто повезло, — буркнул Нестасен. — Посмотрите-ка на это теперь! Лучше избавься от этого хлама, хозяин. Все равно толку не будет.

Бальб остро ощутил множество направленных на него взглядов. Все ждали его решения. Да, если судить по сегодняшнему результату, то Лисандру пора было сбывать с рук. Но неужели он настолько ошибся в этой спартанке? Что ж, ее первая победа в самом деле могла объясняться везением.

Сколько раз Бальб своими глазами видел, как великолепные бойцы проигрывали из-за чистого стечения обстоятельств, а эта выиграла — и, очевидно, зазналась.

Бальб поднял руку, готовясь одним жестом определить дальнейшую судьбу побежденной девушки.

— Она чувствует, что боги от нее отвернулись, — тихо проговорил Катувольк.

Бальб помедлил, внезапно припомнив свою давнюю беседу с Лисандрой. Как она была уверена в себе, как прямодушна. Могло ли что-то произойти с ее верой и стать причиной нынешней неудачи? Бальб снова сравнил ее первое выступление на арене и нынешний бой. Не просчитается ли он, сбыв ее с рук?

— Что ж, дадим ей еще один шанс. Последний, — сказал он негромко и согнул руку со сжатым кулаком, изображая вкладывание меча в ножны. — Миссио!

Ланиста поднялся на ноги и резко отвернулся от спартанки. Его ушей не миновало раздраженное бормотание, раздававшееся как среди ветеранов, так и в рядах новичков. Он знал, что его решение вряд ли назовут справедливым. Ну как же, он пощадил эту особу, а гораздо более достойных

воительниц выставил на продажу. В луде не должно быть любимчиков. Еще не хватало, чтобы началась ревность из-за незаслуженно мягкого обращения с одним из бойцов!.. Бальб покосился на женщин, приговоренных к продаже и мрачно наблюдавших за поединками. Некоторые из них действительно не подавали никаких надежд — лишние рты для гладиаторской школы. Но не все.

Бальб никогда не достиг бы нынешнего успеха, если бы не умел угадать, где подстелить соломки.

— Катувольк говорит, что среди новичков распространилась какая-то хворь, — начал он, и нестройный гул голосов немедленно прекратился. — Если бы я знал об этом заранее, то отложил бы сегодняшние состязания. То-то я и смотрю, вы сегодня выступаете одна другой хуже. Но раз уж так получилось… — Тут он обвел подопечных грозным взглядом, пресекая последние разговоры. — В общем, другой раз подобной снисходительности не ждите!

Бальб простер руку в сторону приговоренных к продаже и громко объявил:

— Миссио!

Ответом ему был дружный рев восторга. Вопи-

ли все — новички и ветераны, победительницы и побежденные. Вскочив на ноги, они прыгали, улюлюкали и визжали. Всем им было тяжко смотреть на подруг и товарок, с которыми они успели сойтись, видеть их отогнанными в сторонку, предназначенными к изгнанию из гладиаторской школы.

Бальб шел прочь и слышал, как женщины у него за спиной все дружнее скандировали его имя. Его милосердие было оценено по достоинству.

Уходя с арены, он лишь коротко кивнул в сторону Лисандры, все еще лежавшей на песке.

— Пусть ее отнесут к лекарю…

XII

Бальб велел рабу разбудить его утром следующего дня, еще перед рассветом, и заварить горячего мятного питья. Только это обычно и помогало ланисте более или менее достойно встречать наступающий день. Увы, даже бодрящий напиток не мог скрасить подъема в такую богопротивную рань. Бальб медленно потягивал горячую ароматную жидкость, машинально перебирая пальцами золотые кудри спящего Эроса.

Разбуженный прикосновением, юноша пошевелился и открыл заспанные глаза.

— Тебе в самом деле надо ехать туда? — пробормотал он сонно.

— Дела, дела. — Бальб вздохнул и ласково пояснил: — Мне требуется побывать в Галикарнасе, а ты, как я знаю, терпеть не можешь лошадей. Не горюй, я ненадолго.

— Смотри не застревай там.

Рука Эроса скользнула под хлопчатой простыней, погладила ляжку ланисты и неторопливо поползла к ее внутренней стороне.

— Помни о том, чего будешь лишен.

Бальб ощутил, как его плоть отзывается на прикосновение, и хихикнул.

— У меня там назначены встречи, — сказал он и отодвинул напиток. — Мне нужно немедленно…

— А мне кажется, тебе немедленно нужно кое-что другое. — И Эрос нырнул под простыню с головой.

Бальб вздохнул, улыбнулся и отдался восхитительному теплу мягких губ Эроса. Дела подождут. Времени у него было еще полно.

* * *

Дорога до Галикарнаса заняла у Бальба и его телохранителей полных полтора дня. К концу этого срока ланиста успел-таки порядком устать от верховой езды. Но он не роптал. Дорога со всеми ее тяготами даже нравилась Бальбу. Он находил, что периодические вылазки за пределы гладиаторской школы с ее безопасностью и удобством должным образом разгоняли кровь и приятно бодрили его.

К тому же Бальбу был по душе этот город. Пока его охрана ставила лошадей в стойла, он с любовью вспоминал свои первые шаги в Галикарнасе, где ему было суждено стать столь знаменитым. Он получил небольшое наследство и сумел по-ум-

ному вложить его, став совладельцем маленькой, но неплохо работавшей гладиаторской школы во внутреннем городе. Однажды ступив на этот путь, он уже не оглядывался и ни о чем не жалел.

«Надо будет сделать приношение на алтарь моей доброй покровительницы Фортуны!» — сказал он себе.

Право же, отчего лишний раз не почтить ту богиню, которая все эти годы так милостиво приглядывала за ним во всех делах.

Пристроив лошадей, Бальб со спутниками отправились в недорогую и приличную таверну на окраине города. Дела вершить всегда лучше на сытый желудок. А дел было много. Оплата счетов, закупка припасов и еще разные мелочи, исчислявшиеся дюжинами. Конечно, Бальб мог бы раздать поручения своим людям, но он предпочитал делать сам все, что только мог. Ланиста привык гордиться своей проницательностью и деловой хваткой. Он не уставал поминать добрым словом покровительницу Фортуну, но отчетливо понимал, что залогом его успеха все-таки оставались упорная работа и привычка самолично вникать во все детали.

Дела заняли несколько часов. Лишь после полудня Бальб смог вздохнуть с облегчением и решил

доставить себе удовольствие, посетив одну из публичных бань Галикарнаса, отличавшихся отменным качеством. Он шел по улицам, запруженным народом, и наслаждался разноязыкой суетой большого шумного города. Многие люди, равные ему по положению в обществе, предпочли бы передвигаться по городу в паланкине, но только не Бальб! Он не для того выбрался сюда, чтобы отгораживаться от галикарнасского многоголосия занавесками и стенами переносной деревянной коробки. Не говоря уже о том, что его, успешного ланисту, на улицах время от времени узнавали и приветствовали. Этого он тоже лишаться ни в коем случае не хотел…

Как обычно, народу в банях хватало, но не сказать чтобы слишком. Бальбу нравилось пользоваться дополнительными изысками, которые, по его мнению, вполне стоили затраченных денег. Иногда ему приходилось быть экономным, но порой можно было и позволить себе некоторые излишества.

«Что толку в богатстве, если оно не приносит тебе удовольствия?» — подумал он, нежась в восхитительно теплой воде.

Ланиста даже прикрыл глаза, наслаждаясь влажным ароматом воздуха.

Чей-то голос нарушил его блаженное расслабление:

— Приветствую тебя, Луций Бальб.

Ланиста тотчас узнал этот голос и сразу открыл глаза.

— Септим Фалько! — улыбнулся он в ответ. — Привет и тебе.

Фалько был совсем молодым мужчиной. Он не достиг еще и тридцатилетия, но, как и сам Бальб, весьма рано добился успеха в жизни. Их связывали давние деловые отношения. Беззаботный с виду молодой человек пользовался в Галикарнасе немалой известностью.

— Ты здесь по делам? — спросил Фалько. — Или надумал развеяться?

— Всего понемногу, как обычно, — ответил Бальб. — Есть у тебя что-нибудь для меня?

— Конечно, Бальб, а как же иначе. Ты, наверное, рад будешь услышать, что Эсхил снова пытается войти в правительство, на сей раз в качестве эдила[3].

Бальб хмыкнул. Эсхил, толстый малоазийский

---

[3] Примечания: 3

Эдил — должностное лицо в Риме и провинциях, занимающееся организацией народных зрелищ, городским благоустройством, надзором за общественными зданиями, полицейским надзором и регулированием продовольственного снабжения. (*Прим. ред.*)

грек, богач, не слишком отмеченный здравым смыслом, без конца пытался взобраться по политической лестнице. Это продолжалось уже столько лет, что Бальб даже не помнил, с чего все началось, да и вспоминать не трудился. Важно было лишь то, что непременной частью политического продвижения было устройство зрелищных игр, дабы заручиться голосами плебса. К большому несчастью для Эсхила, народ с большим удовольствием посещал игры, организованные им, но упорно отказывался считать его сколько-нибудь серьезным претендентом на мало-мальски значимый пост. Эсхил был страстным любителем женских поединков и постоянно устраивал их на своих играх. Бальб являлся его любимым поставщиком девушек-гладиаторов.

Если на сей раз Эсхилу повезет и он окажется в должности эдила, то будет не только надзирать за общественными работами, но и станет выделять средства на проведение всех игр в провинции.

— Добрые новости, — кивнул ланиста. — Добрые для нас всех.

— Так-то оно так, — прозвучало в ответ. — Вот только нынче этот толстяк решил расстегнуть кошелек и нанять для обеспечения женских боев другого ланисту. Он, понимаешь ли, решил как

следует угодить плебсу, стравив на арене две разные школы.

— Что за чушь! — возмутился Бальб. — Мои воительницы, кажется, его ни разу еще не подводили.

— Конечно, конечно, — с готовностью заикивал Фалько. — Он всего лишь хочет как следует заинтересовать толпу представлением, и вряд ли стоит его за это винить. Ты же сам знаешь, как быстро пресыщается зритель. Согласись, две группы женщин вдобавок к мужским боям, это получится уже четыре школы.

Бальб задумался над услышанным. С одной стороны, к нему проявили обидное неуважение, с другой — ну не отказываться же от участия в намечавшихся играх. Его гордость и не такое может стерпеть, лишь бы не иссяк денежный ручеек, бегущий в кошель.

— Я так понимаю, Луций, ты недавно приобрел немало новеньких, — продолжал Фалько.

Он, как всегда, знал все обо всех.

— Ну и как они? Хорошо ли продвигается обучение?

— Превыше всяких похвал, — ответил ланиста.

Некоторые девушки, приобретенные недавно, разочаровали его, но Бальб не собирался показы-

вать виду. У него всегда все было великолепно.

— Ты ведь знаешь, что я неплохо умею выбирать товар. Последняя партия — вовсе не исключение.

— Да, я видел ту твою новенькую на последних играх Фронтина. — Фалько хищно, по-кошачьи, прищурился. — Ту… димахайру. Она весьма меня впечатлила.

— А-а, ты об этой. — Бальб улыбнулся, глядя на молодого собеседника. — Опасная штучка. Она, между прочим, из Греции.

Он помедлил и добавил, наслаждаясь эффектом:

— И не откуда-нибудь, а из Спарты.

— Вот это да!

У Фалько загорелись глаза. Как многие римляне, он был зачарован сказаниями о славном прошлом Спарты, в особенности о подвиге трехсот легендарных соратников царя Леонида. Вероятно, воображение уже рисовало ему, каким образом использовать происхождение молодой гладиатрикс, дабы произвести наилучшее — а стало быть, наиболее выгодное — впечатление на толпу.

Вслух же он сказал:

— На этом можно сыграть, чтобы привлечь к

ней побольше интереса.

— Я тоже думал об этом, — кивнул Бальб, радуясь про себя, что Лисандра привлекла внимание Фалько.

Конечно же, он не собирался ни под каким видом рассказывать о последних неудачах спартанки.

— Пустим в ход все, что угодно, лишь бы люди пришли взглянуть на нее. Толпа иногда весьма неблагосклонно принимает новых бойцов.

— Это ты мне рассказываешь? — вздохнул Фалько и напустил на себя вид человека, поистине уставшего от этого мира. — Да, нелегкая это работа — держаться на шаг впереди, предвосхищая возможные пожелания толпы. Что ни игры, им непременно подавай что-нибудь новенькое.

— Фалько, мне пора, — сказал Бальб, сожалея, что не имеет возможности понежиться еще, а заодно и продолжить этот полезный разговор. — Дел по горло, право. Так ты держи ухо востро насчет этих игр, затеянных Эсхилом, договорились?

— Конечно, друг мой. Если он выложит деньги, то я устрою зрелище, которое этот город не скоро забудет. Может, Эсхил еще и в эдилы после этих игр попадет.

— Вот уж в этом позволь усомниться, — хохотнул Бальб и выбрался из бассейна.

Несмотря на то, что они с Фальком напропалую лгали друг дружке и не упускали возможности урвать один у другого толику прибыли, молодой устроитель игр искренне нравился Бальбу.

— Береги себя, Фалько! — И ланиста приложил палец ко лбу.

— Да ты же меня знаешь, Луций, — рассмеялся тот в ответ и бросился в воду. — Я только этим и занимаюсь.

* * *

Бальб покинул здание бань, имея перед собой определенную цель. При каждом посещении города он старался сочетать приятное с полезным. Обычные дела были завершены ранее. Теперь он направлялся в квартал, где жили греки. В Галикарнасе хватало малоазийских эллинов, однако пригород, куда двигался ланиста, был известен как место обитания выходцев из так называемой старой страны.

Бальб углублялся в этот квартал и не мог стереть улыбку с лица. Юношей он сподобился побывать в Афинах и теперь немедленно заметил, что перед ним был самый настоящий кусочек Греции.

Куда-то пропали привычные римлянину тоги, их сменили хитоны. Вместо гладко выбритых подбородков он видел бороды греческого образца — умащенные маслом и завитые. Ну и конечно, на каждом углу происходил оживленный диспут. Где-то обсуждались философские воззрения, в других местах люди спорили о политике.

Бальб остановился возле уличного торговца, чтобы насладиться чашей вина. Тот в типично греческой манере попытался его обсчитать, но ланиста пресек его поползновения и отчитал наглеца на его родном языке, причем с безупречным выговором.

— А я думал, ты пришел на диковины поглазеть, — оправдывался виноторговец.

— Боюсь, ты ошибся, приятель, — весело ответил Бальб. — Скажи-ка мне лучше, нет ли где поблизости храма Афины?

— Афины?..

Торговец почесал ухо, пересчитал сдачу в ладони и ответил:

— Вы, римляне, по-моему, называете ее Минервой?.. Ну, у той есть храм в городе.

Ответ оказался не особенно любезным, но Бальб не обиделся. Нелюбовь греков к иноплеменникам была общеизвестна. Она даже обозначалась

особым словом: «ксенофобия», то бишь боязнь чужаков.

— Я обещал одному греку…

Ланиста запнулся и поправился, зная, что эти люди предпочитали иное название:

— Да, своему другу эллину, что сделаю от его имени приношение, когда окажусь в городе, — соврал он не моргнув. — Мой друг очень просил совершить его именно в эллинском храме богини.

Виноторговец некоторое время молчал, меряя Бальба глазами.

— Ну что ж, — проговорил он наконец. — Храм у нас есть. Там, дальше по улице. Не очень большой, правда. Скорее просто маленькая святыня.

Он подробно объяснил Бальбу, как туда пройти. Ланиста отблагодарил его монеткой, которая исчезла со сверхъестественной быстротой.

* * *

Бальб отыскал святыню без большого труда. Здание оказалось совсем небольшим, но очень красивым, поскольку строили его архитекторы-греки. Бальб помедлил у входа, давая глазам привыкнуть к царившему внутри полумраку, потом вошел.

Под сводами храма курился дымок благовоний, отчего гостю казалось, будто солнечная улица осталась где-то в другом мире. По ту сторону помещения Бальб увидел алтарь, а за ним — высокую статую Афины, изваянной во всей красе, в воинских доспехах и шлеме. Сразу было видно, кому посвящен храм, и Бальб почтительно наклонил голову. Как и большинство римлян, ланиста был человеком здравомыслящим и по этой причине уважительно относился к чужеземным религиям.

— Чем тебе помочь, брат мой?

Бальб вскинул глаза и заметил мужчину, выходившего из-за статуи. Движения жреца дышали уверенной грацией, руки и грудь бугрились мышцами. Такое вот духовное лицо, больше похожее на атлета.

— Ты здесь верховный жрец? — приглушая голос, поинтересовался Бальб.

Ему всегда казалось неправильным говорить громко в местах поклонения и молитвы.

Жесткое лицо грека неожиданно озарилось улыбкой.

— Я здесь — единственный жрец, брат, значит, можно выразиться и так. Боюсь только, в Афинах могут здорово рассердиться, вздумай я присвоить

себе столь высокий титул!

— Это верно! — Бальб ответил улыбкой на улыбку, радуясь дружелюбию жреца. — Где мы могли бы переговорить? Видишь ли, у меня есть кое-какие затруднения, которые, как мне кажется, ты мог бы для меня прояснить.

— Конечно. — Жрец пригласил Бальба следовать за собой.

Ланиста обошел статую богини и позади нее увидел несколько ступенек, спускавшихся к небольшой двери.

— Здесь у нас комнатка, предназначенная как раз для подобных бесед, — пояснил служитель Афины, отпирая дверь. — Ты же понимаешь, люди приходят к жрецу, если полагают, что никому другому не могут открыться.

Приемная храма оказалась невелика и очень удобна. Там стояли ложа для отдыха, а между ними — столик с фруктами и кувшином разбавленного вина.

— Меня зовут Телемах, — усаживаясь, сказал жрец.

Бальб тоже представился. В Галикарнасе он был человеком известным. Может, жрец и слышал о нем, но ничем этого не показал.

— Так чем же я могу помочь тебе, Луций Бальб?

Желаешь ли ты посоветоваться с богиней? Попросить помощи свыше?..

Бальб налил себе и жрецу немного вина.

— Не совсем, — проговорил он. — Скажи мне, брат, слышал ли ты о храме Афины, что в Спарте?

Телемах внезапно расхохотался. Прозвучало это так неожиданно, что Бальб невольно плеснул вином себе прямо на тогу.

— Еще как слышал, — через мгновение ответил жрец. — Вот уж воистину странное место! Почему ты спрашиваешь о нем?

Бальб не был бы успешным деловым человеком, если бы не знал, где и когда бывает необходимо солгать. Скажем так, иногда следует метать кости честно, иногда же — не смухлюешь, не выиграешь. Так вот, ланиста нутром чувствовал, что Телемаха обманывать без толку. А уж лгать непосредственно в храме было бы сущим надругательством над всем, что свято.

Поэтому он сказал:

— Я владелец женской гладиаторской школы.

— Вот как. — Телемах, откинувшийся на ложе, приподнялся на локте. — Значит, ты — тот самый Луций Бальб! Что ж, я несколько раз видел твоих женщин. Занятное зрелище.

— Весьма польщен, — ответил ланиста.

Комплимент застал его врасплох, но делового человека не так просто сбить с толку.

— А я думал, что жречество относится к играм без особого одобрения.

Телемах обезоруживающе улыбнулся и сказал:

— Афина является не только богиней мудрости. В ее ведении также и война.

— Да. Конечно. — Бальб кивнул. — Так вот, к делу. Понимаешь, одна из моих новых подопечных — бывшая жрица Афины из того самого спартанского храма.

— В самом деле? — Телемах жестом предложил ему продолжать.

— Я просил бы тебя, Телемах, хоть немного поведать мне об этой секте, если это возможно. Чем они там дышат? Я к тому, что у моей спартанки есть все задатки, чтобы стать знаменитой гладиатрикс, но в последнее время девушка ходит точно в воду опущенная. Один из моих наставников предположил, что Лисандра — ее Лисандрой зовут — чувствует себя оставленной богами. Вот я и пришел к тебе за советом. Как мне помочь Лисандре в ее духовной нужде?

— Спартанцы — странный народ, ланиста, — проговорил жрец. — Пожалуй, ни в ком эта стран-

ность не проявляется ярче, чем в женщинах, входящих в то самое общество, членом которого была твоя Лисандра. Любой образованный жрец скажет тебе, что вся история Спарты держится на воинском стоицизме и в определенной степени овеяна славой. Однако несравненная доблесть на поле брани дается недешево. С глубокой древности и по сегодняшний день все спартанские юноши, начиная с семилетнего возраста, в обязательном порядке посещают школы, где, собственно, и учатся быть спартанцами. Каждая школа до некоторой степени напоминает твой луд — как атмосферой, так и целями. Конечно, с той разницей, что спартанцы обучают свою молодежь ради защиты страны, а не на потеху толпе, жаждущей зрелищ. Что касается их женщин, то и они всенепременно участвуют в атлетических состязаниях. Считается, что без этого им не зачать здоровых сыновей.

— В атлетических состязаниях? — Бальб машинально пытался оттереть со своей тоги пятно, оставленное вином. — Но это не объясняет, почему Лисандра так блестяще владеет оружием.

— Вот тут и проявляется своеобычность спартанского храма Афины, — кивнул Телемах. — Позволь тебе объяснить. Около трехсот лет назад

воинственный Пирр, правивший Эпиром, вторгся в Лакедемон, в сердце которого расположена Спарта.

Бальб согласно кивнул. Все римляне знали, кто такой был Пирр. Он не раз побеждал едва оперившийся Рим, тогда еще город-государство. Но успехи до того дорого обходились его войску, что даже породили крылатое выражение «Пиррова победа».

— К тому времени Спарта успела миновать зенит своей славы и по сути была, как и теперь, всего лишь второстепенным эллинским полисом, — продолжал Телемах. — Пирр желал стать самым первым завоевателем, который с триумфом прошагал бы по ее улицам. Ты ведь помнишь, что Спарта ни разу не была завоевана. Александр предпочел оставить ее в покое, а вы, римляне, решили сделать зависимым государством. Но в те времена еще свежа была ее прежняя слава, и эпирец жаждал захватить этот город.

Бальб откровенно получал удовольствие. Он любил послушать добрый рассказ, ну а грек, как почти все его соотечественники, не упускал случая насладиться звуком собственного голоса.

Телемах отпил немного вина и продолжал:

— Спартанцы, как это у них водится, решили,

что отобьются, хотя неравенство сил было попросту вопиющим. Они укрылись за городскими стенами и приготовились к осаде. Что ж, Пирр их не разочаровал. Он сразу бросил свое войско на приступ, надеясь с наскока задавить спартанцев числом. Казалось, подобная тактика готова была себя оправдать. Но в это время спартанская царевна — звали ее Архидамия — обратилась к женщинам города и вывела их на стены, чтобы сражаться вместе с мужчинами.

Бальб про себя возмутился. Римской женщине никто не позволил бы взять в руки меч и выйти сражаться. Война — для мужчин, и женщины не должны вмешиваться в мужские дела. Конечно, у него в луде были и римлянки, но можно ли сравнивать! Они были рабыни. Не римские гражданки.

Жрец улыбнулся. От него не укрылось выражение лица ланисты.

— Невзирая на подавляющее неравенство сил, спартанцы разгромили захватчиков и перебили великое множество их. Такие значительные победы происходят благодаря божественному вмешательству. Афина же является покровительницей не только города, названного ее именем, но также и Спарты. Ей спартанцы и приписали

свой воинский успех. Тогда-то — в благодарность богине — и была основана новая секта. Очень, очень спартанская! Они выстроили в своем акрополе школу для жриц, заменив обычный храм на сущую крепость.

Бальб едва верил своим ушам.

— Это получается вроде луда для детей, да еще и девочек? — спросил он.

— Хуже, — сказал Телемах. — Твои подопечные — взрослые. А то, что спартанцы дают подобное воспитание детям, просто бесчеловечно. Я тебе описать не могу, что за жуткие приемы в ходу в их школах! Это, друг мой Бальб, уже выходит за рамки как благочестия, так и телесной закалки. Зимой дети ходят босиком по снегу, их беспощадно бьют за малейшую провинность, действительную или мнимую, и дают так мало еды, что они вынуждены воровать, просто чтобы не умереть с голоду. Скажу тебе даже больше! Подобное воровство напрямую одобряется. Спартанцы полагают, что оно развивает изобретательность ума. Но горе тому, кто будет пойман за руку! Это считается неудачей, и за нее люто карают.

Жрец сделал паузу, давая Бальбу время осознать услышанное.

Ланиста был попросту потрясен. Одно дело,

если бы речь шла о древних временах и каком-нибудь варварском государстве, но Греция! Всеми признанный светоч цивилизации!..

— Все это время девочек неустанно обучают воинским наукам, — продолжал Телемах. — Долгие годы они изучают оружие, постигают тактику. Эта школа, таким образом, есть сущая кузница воительниц, несмотря даже на то, что все там очень старомодно и в высшей степени подчинено ритуалам. Да сам посуди! Спарта — единственное место в мире, где до сих пор можно видеть древние боевые порядки гоплитов, пусть даже и состоящие исключительно из женщин. Делается это все якобы для того, чтобы не оплошать, если однажды в будущем Афина снова призовет спартанок к оружию. Но я хочу сказать, что при храме девочки получают не только воинское, но также богословское и светское образование. Таким образом, друг мой, если ты внимательней присмотришься к своей Лисандре, то наверняка обнаружишь, что она великолепно образована.

Но Бальб спросил о своем:

— Если Лисандру с малолетства натаскивали обращаться с оружием, то почему же сейчас на нее просто больно смотреть?

— Вот-вот, — улыбнулся грек и легонько по-

стучал себя пальцем по носу. — Мы как раз добрались до первопричины. Власть Спарты столетиями зиждилась на порабощении соседнего города — Мессены. Спартанцы обратили в рабство все его население. С точки зрения твоей спартанки, порабощение соседнего народа есть предмет исторической гордости. И вдруг она сама утрачивает свободу… — Жрец покачал головой. — По твоей милости Лисандра окунулась в ту самую грязь, которую всегда презирала. Ты отнял у нее все, что некогда составляло ее душу, и сейчас она растеряна точно ребенок. Эти жрицы, при всех своих несомненных талантах и навыках — как бы выразиться? — весьма узколобы. Это свойство присуще всем спартанцам, но им — в особенности. Мир для них устроен очень просто: здесь — белое, там — черное. Им нелегко найти золотую середину, компромисс, искать который привычны дети более культурных народов. Ты прав. Для нее все выглядит так, как если бы богиня отвратила от нее свой лик, предоставив ее самой постыдной и низкой судьбе, какую только спартанец способен вообразить. Ничего удивительного, если бедняжка попросту потеряла себя.

Возразить было нечего. Бальб чувствовал себя опустошенным. Это был вкус поражения.

— У нее есть все задатки для того, чтобы стать величайшей гладиатрикс моей школы, — проговорил он затем. — Ты, что же, хочешь сказать, что не существует способа убедить ее драться… — он коснулся рукой груди, — от всего сердца?

— Вовсе не так. — Телемах осушил свою чашу. — Напротив, я полагаю, что сумел бы найти способ ее убедить.

Он подлил себе еще вина и вздохнул.

— Но, увы, жреческий долг удерживает меня здесь, и уехать я не могу. Народ кругом живет не очень богатый. Люди делают приношения согласно обетам, но их еле-еле хватает на то, чтобы просто содержать храм.

— Я понимаю. — Бальб улыбнулся, ощутив себя в привычной стихии. — Конечно же, я понимаю. Послушай!.. Если бы ты все-таки решился на короткую поездку в мой луд и помог наставить бедную девочку на правильный путь, то я был бы премного благодарен как лично тебе, так и твоей богине. Конечно, земные блага — слишком убогая отплата за духовную работу, которую ты таким образом совершил бы, но все же осмелюсь полагать, что мое подношение удивило бы даже эти храмовые стены.

— Богиня любит щедрых, ланиста, — сказал Те-

лемах. — Не слишком ли обременит тебя сумма, скажем, в двадцать тысяч динариев?

Луций Бальб внутренне содрогнулся, но тут же сказал себе, что, в конце-то концов, Лисандра досталась ему даром. Быть может, таким образом боги решили восстановить равновесие? Кроме того, девушка была редкой жемчужиной — молодая, прекрасно развитая и уже отлично обученная. Если бы он присмотрел ее на обычном рынке рабов, то за нее заломили бы гораздо более серьезную цену.

Бальб согласно кивнул.

— Двадцать тысяч. Договорились, друг Телемах.

XIII

Нестасену полагалось бы в восторге потирать руки, но восторга почему-то не было. Лишь странное ощущение пустоты. Он много раз и очень подробно припоминал все увиденное. Вот шлюшка-спартанка сходится с германкой, ее движения лишены проворства, ее выпады неуклюжи, ее защита выглядит попросту жалко… Ее поражение унизительно. У него сердце подпрыгнуло от радости, когда Лисандра — во всех смыслах поверженная — рухнула на песок. Но радость очень скоро прошла, потому что случившееся было некоторым образом несправедливо. Ведь сломать Лисандру выпало не ему.

Даже ночная тишина собственной комнаты казалась Нестасену насмешкой.

Он размял в глиняном горшочке конопляные стебли, взял масляную лампу и поджег их кончики. Когда они затлели, нубиец отодвинул лампу, наклонился над горшочком и глубоко втянул в себя воздух.

Он возненавидел ее с самого первого взгляда. Это самонадеянное высокомерие, сквозившее

даже в походке, это презрительное выражение лица, с которым она обращалась ко всем, в том числе и к нему! А ведь Нестасен был царевичем, прямым наследником великих воителей, прославившихся еще в седой древности, когда спартанцы были простыми козопасами в своем диком углу. Ну да, она доказала, что умеет принимать побои, но это, как говорится, дело нехитрое. Девчонка нарывалась — всем своим поведением, всеми своими разговорами, наконец нарвалась и тем бесконечно разочаровала Нестасена.

Он-то думал сунуть ее смазливой мордой в грязь, когда надменная сучка решит, что уже достигла всего и стала непобедимой. Да, палка от нее, что называется, отскочила как от стенки горох, но существует уйма способов сломить дух. Уж он, Нестасен, придумал бы, как унизить наглую сучку. Уж он бы придумал!..

Его губы двигались над горкой тлеющей конопли. Он видел, он чувствовал, как она беспомощно бьется под ним. Он больше, он неизмеримо сильней, и вот уже она молит его остановиться. Нестасен наслаждался выражением ее глаз, мысленно вонзая свое орудие в ее разверстую утробу, слыша крик, полный боли, и чувствуя, как расступается, рвется под его натиском ее

нежная плоть.

Его естество от таких мыслей напряглось и окаменело.

Конопля начинала действовать, насылая видения. Перед мысленным взором Нестасена одна за другой проплывали картины упоительных зверств, всех мыслимых и немыслимых жестокостей, которые только мужчина способен учинить над женщиной, отданной в его власть. Он откинулся на ложе, его тело горело, кожу покалывало изнутри. Почти бессознательно Нестасен принялся поглаживать сам себя, всхлипывая от наслаждения, которое дарило ему осязание, обостренное коноплей.

Вот она стоит, Лисандра, такая гордая, такая высокомерная. Вот он, Нестасен, набросился на нее, содрал со спартанки одежду и рассмеялся при виде недоумения на ее лице, потом еще раз, когда его огромный кулак вмялся в это лицо. Вот он повалил ее, пригвоздил запястья к земле и развернул в стороны ее колени. И вот она уже под ним, точно самая распоследняя шлюха. И это ни с чем не сравнимое наслаждение самого первого, кровавого, насильственного соития.

Он крепко стиснул собственную плоть, удерживая накатывающий оргазм. Сердце бешено

колотилось, по телу струями стекал пот. Нестасен приподнялся, подул на еле тлевшую коноплю, заставляя ее разгореться пожарче, и спросил себя, с какой стати ему ограничиваться воображаемым насилием? Эта дрянь заслужила большего. Поистине заслужила. Своим презрением к нему, Нестасену. Она заслужила. Пора ей получить по заслугам!

Дурман тек по его жилам. Первоначальное возбуждение слегка улеглось, но осталось глухое, тягостное желание излить семя.

Он уже знал, кто ему для этого пригодится.

Спартанка…

* * *

Катуволька снедало беспокойство. Он волновался за Лисандру и за себя самого. Множество женщин на его глазах прошло через луд, и галл давно отучил себя от нежных чувств по отношению к ним. Тем более что Бальб был хорошим хозяином. Наставники, служившие в его школе, регулярно получали женщин — именно затем, чтобы их поменьше влекло к воительницам, с которыми какие-либо вольности были строго запрещены.

Но то, что творилось в его сердце сейчас, не бы-

ло обычным влечением, и молодой галл сам это чувствовал. Того, что он испытывал к этой холодной и прекрасной спартанке, он не испытывал еще ни к кому. Стоило ему только прикрыть глаза, как перед ним вставала Лисандра. Катувольк даже запустил пятерню в непослушные медно-рыжие кудри, как бы силясь выскрести из головы все мысли о ней и наперед зная — не поможет.

Он чуть не умер от страха, когда она рухнула под натиском Хильдрет. Его особенно встревожило, что ей несколько раз крепко досталось по голове. Он знал, какая от этого может быть беда. Такая рана может оставить тело живым, но высосать из него душу.

Катувольк подробно расспросил лекаря Квинта, как там Лисандра. Тот заверил его, что с девушкой все в порядке, но беспокойство галла нимало не улеглось. Ко всему прочему он, кажется, переусердствовал в своих расспросах. Квинт наверняка удивлялся, с чего бы это ему так переживать об одной-единственной подопечной.

Катувольк знал, что не успокоится, пока сам не посмотрит на нее и не убедится в том, что с Лисандрой действительно не произошло ничего страшного. Он бывал в сражениях и знал приметы неизлечимых ран. Квинт был опытным

лекарем, но, может, он пропустил что-нибудь, от чего может зависеть жизнь или смерть?.. Квинт уже немолод, он вполне мог сделать ошибку.

Час был поздний, но вылазка в лечебницу обещала стать рискованным предприятием. Если его просто заметят разгуливающим по луду, то это легко можно будет объяснить любовью к свежему воздуху или просто причудой, но вот если застукают на входе или выходе из лечебницы, то тут уж придется отвечать на вопросы. Катувольк понимал, что он едва ли сумеет придумать удовлетворительные ответы. В общем, лучше, чтобы вне пределов жилища его никто не увидел. Это потребует охотничьей сноровки и опыта, а уж их-то у Катуволька было в избытке.

Некоторый риск, конечно, оставался, но галл решил, что вполне может себе его позволить.

Просто чтобы увидеть ее…

Эта мысль заставила Катуволька раздраженно хлопнуть себя ладонью по лбу. Ну вот что, спрашивается, лезет ему на ум? Он ни в коем случае не должен давать волю своим чувствам к Лисандре. Это слишком опасно для них. Если кто-нибудь об этом догадается, то их обоих немедленно выставят на торги. В итоге он и сам лишится возможности когда-нибудь выйти на

свободу, и у нее отнимет последний шанс.

Тут сердце Катувольк стиснул внезапный страх.

«А вдруг она не выживет?..» — шепнул внутренний голос.

Катувольк знал, что не сможет дальше жить, сознавая, что позволил этому случиться. Он судорожно облизнул пересохшие губы и решил, что должен увидеть ее! Немедленно!

Больше галл ни о чем не раздумывал. Решение было принято. Катувольк крадучись выбрался наружу и тихо-тихо прикрыл за собой дверь.

Ночь стояла тихая и душная, спертый воздух предвещал грозу. Громко стрекотали ночные насекомые, где-то прокричала сова, вылетевшая на охоту. Надвинулись облака и скрыли луну, и Катувольк понял, что боги были благосклонны к нему.

Он привычно обежал взглядом стены луда, замечая силуэты наемных стражников Бальба. Одни прохаживались туда и сюда, другие стояли, опираясь на копья. Было похоже, что отсутствие ланисты несколько притупило их бдительность. Катувольк чуть помедлил, чувствуя, как упругими толчками мчится по жилам кровь. Пути назад не было.

Точно кот, крался он в темноте, стараясь не высовываться из тени, двигаясь неторопливо и осторожно. Он знал, что скрытность требует терпения и сосредоточенности, скорость тут ни к чему. Катувольк скользнул меж домиков, где жили лучшие бойцы школы, Тит и старшие слуги Бальба. Он делал очередной шаг только тогда, когда был полностью уверен в том, что останется незамеченным.

Чтобы добраться до лечебницы, ему еще пришлось по широкой дуге обойти учебные площадки. Задержка была немалая, но высунуться на открытое место даже глухой ночью значило поставить все задуманное под угрозу. Катувольк мучительно медленно огибал песчаные прямоугольники, минуя запертые каморки — обиталища гладиатрикс. При этом он по-прежнему то и дело проверял, не смотрят ли в его сторону стражники. Они не смотрели. Даже оттуда, где находился Катувольк, было слышно, как они смеялись и болтали между собой. Галл хмуро улыбнулся, представив, что сказал бы им Бальб, если бы мог видеть подобное отсутствие бдительности.

Вот остались позади жилища рядовых воительниц, потом домишко, где жили уборщицы. Все

благополучно. Добравшись до обширного здания бань, Катувольк позволил себе вздохнуть с облегчением. Его цель была совсем рядом.

Дверь лечебницы оказалась полуоткрыта.

Катувольк обходил ее целую вечность, напряженно прислушиваясь, не донесутся ли изнутри какие-то голоса или шорохи, выдающие движение. Однако все было тихо. Через некоторое время Катувольк запоздало осознал, что он, оказывается, затаил дыхание, и позволил себе осторожно выдохнуть. Еще миг, и галл проскользнул внутрь лечебницы.

Оказавшись там, он помедлил еще какое-то время, давая глазам привыкнуть к полумраку, царившему в помещении.

Богиня Луны выбрала именно этот момент, чтобы откинуть покрывало облаков, скрывавшее ее сияющий лик. Тусклый отраженный свет наполнил лечебницу, и сердце Катувольк остановилось в груди. В дальнем конце комнаты, высвеченный луной, стоял Нестасен.

Его наготу скрывала только набедренная повязка. Он стоял возле единственной занятой постели. Катувольку не надо было всматриваться в игру лунных ликов на бледном лице, не потребовалось узнавать шелковую пелену черных

волос, разметавшихся по подушке. Он и так знал, что там лежала Лисандра.

Нубиец не шелохнулся. Он просто стоял точно статуя, вырезанная из черного камня, и наблюдал за спящей Лисандрой.

— Нестасен, — выговорил Катувольк и только потом спохватился.

Нубиец медленно, словно пробуждаясь от сна, поднял голову. Нечесаные патлы, свисавшие по обеим сторонам лица, и лихорадочный блеск глаз придавали гиганту какой-то демонический вид.

Нестасен приложил палец к губам — тихо, мол, — и медленно отошел от постели спартанки.

Когда он приблизился, Катувольк почувствовал запах его пота. Набедренная повязка бессильна была скрыть очевидные признаки плотского возбуждения. Катувольк ощутил, что наливается кровью от ярости, стоило ему только представить, как эта тварь лапает беспомощную спартанку. Ему стало дурно.

— Ты что здесь делаешь? — шепотом спросил он нубийца.

Шепот получился хриплым и слишком громким.

— А ты сам что здесь забыл? — отозвался Не-

стасен.

Его голос так и дрожал от внутреннего напряжения. Казалось, еще чуть-чуть, и он согнется в припадке истерического хохота.

— Я увидел, как ты входил, и решил проверить, что у тебя на уме, — солгал Катувольк.

Нестасен глубоко втянул воздух, отчего широченная грудь так и раздулась.

— Мне потребовалось лекарство, — ответил он шепотом. — Конопля, Катувольк. Мой запас подходит к концу, а у Квинта она водится.

— И что? — спросил Катувольк. — Квинт держит ее под ложем Лисандры?

— Она что-то пробормотала во сне, — ответил нубиец. — Я услышал и подошел посмотреть, все ли в порядке.

Он помолчал. Его зрачки были неестественно расширены.

Потом Нестасен спросил, глядя на Катуволька:

— Ну а тебе какое, собственно, дело? По-моему, ты решил приударить за девкой. То-то ты объявил ее больной, чтобы оправдать поганое выступление. А теперь, когда все спят, ты нечаянным образом появляешься там, куда ее поместили.

Улыбка раздвинула его губы. Зубы на фоне черной кожи казались невероятно белыми.

Катувольк невольно сглотнул.

— Не пори чушь, — сказал он, надеясь, что голос его не выдаст. — Я же ясно сказал, что видел, как ты сюда вошел. Почем я знаю, что ты задумал?

Нестасен кивнул.

— Не хочешь подышать со мной травкой, а, галл?

Какое там! Катувольку было тошно и страшно от мысли, что нубиец, в общем, верно угадал причину его появления в лечебнице. Он ругательски ругал себя за оплошность, за то, что сам загнал себя в угол. Однако особого выбора у него не оставалось — только принять предложение Нестасена. Отказаться значило бы по крайней мере дать чернокожему время поразмыслить о том, что на самом деле случилось. Катувольк предпочел надеяться на то, что ночь, проведенная в обществе конопли, несколько притупит подозрения Нестасена.

Он заставил себя улыбнуться, кивнул, повернулся и бесшумно направился к выходу из лечебницы.

Видел бы он, каким взглядом, полным ненависти, нубиец ожег его спину!

XIV

Лисандра медленно пробуждалась. Самым первым, что она ощутила, была глухая боль в голове. Потом подкатила дурнота. Лисандра плохо соображала, где она и что с ней, ощущала только, что из тела как будто высосали все силы. Потом она приоткрыла глаза, моргнула и поняла, что лежит в лечебнице луда.

Как бы в подтверждение этого факта возле ее ложа появился лекарь Квинт. Он пододвинул к себе табуретку, сел и поднес к губам Лисандры чашку с водой. Она сразу ощутила отчаянную жажду и приготовилась глотать и глотать прохладную жидкость, но Квинт почти сразу отнял чашку.

— Ну, ну, девочка, — проговорил он. — Не все сразу. Лучше пей понемногу, не то стошнит!

Он снова подал ей чашку. Лисандра взяла ее и кивнула.

— А ты везучая, — продолжал Квинт. — И череп у тебя крепкий.

Лисандра зло покосилась на него, и лекарь улыбнулся.

— Выдержал, не треснул, — пояснил он. — Ну а разжижилось или нет его содержимое, это мы еще посмотрим.

— Спасибо за наблюдение, Гиппократ, — пробормотала она, возвращая ему чашку.

Квинт пожал плечами и вдруг подмигнул ей.

— Да уж, иногда я не лучшим образом обращаюсь с болящими, — сказал он, поднялся и вновь наполнил чашку из большого кувшина. — Как ты себя чувствуешь?

— Паршиво, — честно ответила Лисандра. — Слабость… и голова кружится.

Кривить душой перед лекарем все равно было бессмысленно.

Квинт хмыкнул.

— У тебя сотрясение, — сказал он. — Это то, что получается, когда удар приходится по…

— Я знаю, что такое сотрясение, — перебила Лисандра. — Я не вчера родилась.

— Гиппократ в качестве лечения рекомендует трепанацию, — сухо отозвался Квинт.

Рука Лисандры тотчас метнулась к голове, ища отверстие, и лекарь хихикнул.

— Однако твое состояние не показалось мне слишком серьезным, и я решил обойтись без нее.

— Весьма разумное решение, — согласилась Лисандра и скривилась в ответной улыбке.

— Почаще бы ты улыбалась, спартанка, — проговорил Квинт. — Улыбка тебя очень, знаешь ли, красит.

Девушка хотела ответить, но он вскинул ладонь.

— Тебе надо несколько дней полежать здесь и отдохнуть. Чего доброго, снова получишь по голове, а это небезопасно.

— Какая разница? — ответила Лисандра. — Меня теперь продадут. Я и сама понимаю, что выступала из рук вон скверно. Весьма сомнительно, что мой следующий хозяин пожелает выставлять меня на бои.

Ее голос был полон горького самобичевания.

— Боюсь, так запросто тебе отсюда не выбраться, — сказал Квинт. — Бальб, похоже, решил дать тебе еще одну возможность себя показать. В этот раз он не будет вообще никого продавать!

Лисандра хотела что-то ответить, но тут дверь лечебницы отворилась. В комнату заглянула маленькая Вария. Она заметила, что Лисандра сидит на своем ложе, взвизгнула от восторга и вприпрыжку ринулась к ней.

Квинт только и успел шепотом сообщить:

— Она торчала возле тебя, когда только могла. Если что, я у себя буду! — Последние слова он произнес уже громче.

— Лисандра-а-а!.. — Разбежавшаяся Вария едва сумела остановиться возле постели, лицо девочки по-настоящему сияло. — Как здорово, что ты пришла в себя! Я знала, я знала, что с тобой будет все хорошо!

Лисандра невольно улыбнулась малышке и протянула ей руку. Юная рабыня робко притронулась к ее ладони, их пальцы сплелись.

— Я тоже рада тебя видеть, Вария, — сказала спартанка. — Когда пробуждаешься от долгого сна, лучшее, что можно увидеть, это дружеское лицо.

Лисандра выговорила это и вдруг осознала, что она сейчас в самый первый раз назвала эту девочку своей подружкой. Наверное, потому, что впервые решила себе самой в этом признаться.

Вария засияла еще лучезарнее.

— А тебя не продадут, — сказала она.

— Я знаю, — ответила Лисандра. — Квинт сказал.

— Какое чудо, верно ведь? — Восторгу Варии не было предела. — Мы всегда с тобой будем дружить! — с детской верой пообещала она.

Лисандра промолчала, не желая разочаровывать славную девочку. Ведь, по сути, ровным счетом ничего не изменилось. У нее больше не было ни воли, ни рвения, чтобы биться и побеждать. Следующая схватка кончится точно так же, как эта. И тогда…

Вария не замечала горестной перемены в ее настроении и болтала без умолку. Ее ребяческий мир был полон событий. Недавно она подобрала котенка, хотя от кошек на кухне и так проходу не было.

— Это кошечка, и я назвала ее Спартой, в честь твоей родины, — рассказывала Вария. — Я знаю, она вырастет и станет непревзойденной охотницей на мышей!

Лисандра кивнула и улыбнулась, надеясь на то, что выражение ее лица не слишком окрасилось горечью. Вария продолжала беззаботно стрекотать, передавая подруге все сплетни, порожденные последними схватками между гладиатрикс. Лисандра почти не слушала ее. Она думала о своем будущем, которое, кажется, сулило ей очень мало веселья.

* * *

Бальб договорился с Телемахом о встрече на рассвете и был очень рад, когда жрец появился точно в назначенный срок. К тому времени ланиста окончательно уладил все свои дела и, согласно данному обету, сделал приношение в храме Фортуны, своей доброй покровительницы. Теперь ему хотелось поскорее тронуться в обратный путь, да и Телемах, кажется, не прочь был отправиться без промедления. Бальб заметил в его багаже несколько кожаных ведерок, наполненных свитками.

Он сказал:

— Не думаю, что поездка продлится так долго, чтобы ты успел все это прочесть.

Телемах улыбнулся.

— Хочу должным образом подготовиться к любой случайности, чтобы ничто не застало меня врасплох, — сказал он.

Остроумный и разговорчивый жрец оказался замечательным попутчиком, так что обратная поездка доставила Бальбу истинное наслаждение. Память Телемаха хранила неиссякаемый запас всяческих басен и притч, которыми он не уставал забавлять Бальба и его охранников. А

еще он оказался знатоком историй весьма вольного свойства, и у костра до поздней ночи стоял неумолкаемый хохот — это жрец Афины рассказывал о своих богах с их совершенно земными желаниями и страстями.

Когда же Телемах умолкал, ланиста сообщал ему то немногое, что знал о Лисандре, как ее обнаружили среди обломков разбитого корабля, выброшенных морем, и как она объявила себя призванной жрицей, несущей свет и слово Афины в дикие земли.

За разговорами дни летели очень быстро, и скоро Бальб увидел впереди знакомые стены своего луда. Когда ланиста подъезжал к своей маленькой крепости, он ощутил привычную гордость. И было чем гордиться. Ведь он создал эту империю собственным трудом. Собственным пóтом.

— Впечатляет, — оценил Телемах.

Бальб развел руки в стороны, напустив на себя притворную скромность.

— Возможным улучшениям, как обычно, не видно предела, — сказал он. — Однако заведение приносит выгоду, и сдается мне, что это главное.

— Прежде чем беседовать с твоей спартанкой, я бы посетил баню и переоделся, — проговорил Телемах у ворот луда. — Вряд ли следует жрецу бо-

гини приходить к ее приближенной служанке, с головы до ног покрытым пылью дальней дороги.

— Мой дом в твоем распоряжении, — ответил Бальб.

* * *

Все удобства в жилище Луция были превыше всяких похвал. Его бани ничем не уступали даже городским, которые часто посещал Телемах. Когда хозяин и гость вымылись и насладились массажем, ланиста повел жреца на короткую прогулку по школе.

Телемаха сразу же приятно удивило, в каких хороших условиях жили девушки-бойцы. Возможность заглянуть внутрь луда предоставлялась чужакам достаточно редко. Люди довольствовались слухами, и Телемах был премного наслышан о том, как скверно обращались хозяева со своими гладиаторами.

— Это большей частью кривотолки, — сказал Бальб, когда жрец высказался на сей счет. — Мы платим за этих рабов немалые деньги, и они окупаются лишь в случае отменного выступления. Я отважился бы сравнить содержание таких бойцов с содержанием призовых колесничных коней. Таких скакунов лелеют и холят, прекрасно

кормят, лечат и обучают в надежде на то, что придет день — и они за все отплатят вам на бегах. Вот и мои девушки — сплошь дорогостоящие приобретения. Я немедленно разорился бы, если бы они выходили на бои духовно и телесно сломленными. Да их просто поубивали бы в первых же поединках. Пойми меня правильно, я вовсе не сторонник распущенности и вседозволенности, но излишний гнет убивает боевой дух. Я давно понял, что женщина из кожи вон вылезет, если будет знать, что ее любят и ценят. Тогда в ней возгорится дух, позволяющий выживать на арене.

— Ты мудро действуешь, ланиста, — одобрил методы римлянина Телемах. — Так вот, что касается возгорания духа, а также его угасания. По-моему, настало время посмотреть на твою Лисандру.

Бальб довольно потер ладони.

— Отлично, — сказал он. — Я велю привести ее в главное здание. Там мы сможем с нею поговорить.

Телемах покачал головой.

— Со всем почтением, ланиста, но я предпочел бы встретиться с нею наедине.

— Как пожелаешь, — пожал плечами Бальб. — Сейчас она в лечебнице, оправляется после

ранения. Я провожу тебя туда и позабочусь о том, чтобы никто вам не помешал.

Когда Телемах вошел в лечебницу, сумерки уже понемногу гасили свет дня. Спартанка сидела на своем ложе, глядя в пространство. Жреца с первого взгляда поразила ее красота, а когда она обернулась, он увидел, что глаза у нее были цвета горного льда.

— Привет тебе, Лисандра Спартанская, возлюбленная служанка Афины, — проговорил он и поднял руку. — Меня зовут Телемах, и я тоже посвятил себя этой богине.

Спартанка вскинула бровь.

— И тебе привет, афинянин, — сказала она.

Телемах едва сумел подавить улыбку. У нее был характерный выговор, казавшийся ему деревенским. Его собственный акцент она определила безошибочно.

А Лисандра продолжала:

— Ты пришел забрать меня отсюда?

— Нет. — Телемах присел в изножье постели. — Это не в моей власти. Но я не стал бы этого делать, даже если бы мог.

— Стало быть, ты явился просто на меня поглазеть?

Телемах пропустил эту колкость мимо ушей.

— Я привез тебе несколько свитков.

Он водрузил на ложе свои кожаные ведерки и сразу увидел, что Лисандра заинтересовалась ими помимо собственной воли.

— Здесь Гомер — как же без него! — Геродот, Ксенофонт, Цезарь, Гай Марий и другие учебники тактического искусства. Я же знаю, какое чтение по душе спартанским жрицам Афины.

— Да уж, — пробормотала Лисандра, наугад вытащила один из свитков и присмотрелась к нему. — «Записки о галльской войне», — прочла она вслух. — С чего бы вдруг такая забота? — Девушка резким движением свернула свиток. — Неужели ты так болеешь душой за сестру по служению, которой выпали нелегкие времена?

Телемах почесал в бороде. Ему давно уже не доводилось беседовать со спартанцами, он успел подзабыть эту их туповатую манеру немедля брать быка за рога.

— Нет, — сказал он. — Я приехал сюда потому, что Луций Бальб рассказал мне про тебя и попросил с тобой поговорить. Его беспокоит, отчего, попав сюда, ты не выступаешь так хорошо, как, несомненно, могла бы.

Лисандра невесело улыбнулась.

— Значит, его волнует, что я оказалась недо-

стойной драться и умереть на арене. Вот ведь жалость какая! Но уже то, что я здесь очутилась, несомненно свидетельствует о том, что Афина отвратила от меня свой лик. Значит, будет только к лучшему, если меня продадут. Я ведь добилась только бесчестья своему жреческому союзу и своему народу.

Телемах смерил девушку ледяным взглядом.

— Стыдись! — сказал он и понял, что это простое слово изумило ее до глубины души. — Ты называешь себя спартанкой, но до чего же это не по-спартански — сидеть вот так, жалеть саму себя и предаваться мрачным раздумьям!

— Да что ты вообще об этом можешь знать, афинянин? — взвилась Лисандра. — Кто дал тебе право являться сюда и болтать о том, о чем ты ни малейшего представления не имеешь?

— Я знаю достаточно, чтобы понять одну важную вещь. Ты говоришь, что бесчестишь свой союз, и это сущая правда. Ты и саму богиню бесчестишь, отвергая дары, которыми она тебя осыпает! Вместо того чтобы благодарно принять их, ты сидишь и дуешься, точно избалованное дитя.

— Дары! — взорвалась Лисандра. — По-твоему, унизить ее жрицу рабством — это подарок? Я еще

и радоваться должна?..

Телемах поднялся на ноги.

— Оглядись, — сказал он. — Оглядись кругом и подумай о том, откуда ты вышла. Чему была посвящена твоя жизнь в храме? Воинским упражнениям во славу богини! — Он воздел руки. — И все это, похоже, должно пропасть втуне! Зачем, интересно, ты постигала воинские науки? Только ради того, чтобы по праздникам вышагивать перед народом в доспехах гоплита, а потом снова отгораживаться от мира, затворяясь в своем крохотном храме?

— Мы, спартанцы, ничего не делаем напоказ, — огрызнулась Лисандра. — Нам не нужен Парфенон, наше поклонение — в наших сердцах.

— Не о том речь, жрица, — продолжал гнуть свое Телемах. — Так скажи, чего ради ты училась все эти годы? Ради того, чтобы пустословить перед богиней?

— Ты не жрец, а невежда. Наш союз был основан после того, как завоеватель Пирр…

Властный жест Телемаха оборвал ее на полуслове.

— Я все это знаю. А теперь подумай сама. Ты в самом деле думаешь, что ваш союз будет однажды призван защищать Спарту? Рим пережил и

уничтожил все империи, Лисандра. Теперь нас защищает римский мир. Его границы очерчены, и никто извне им не угрожает… Нет! — Телемах насмешливо тряхнул головой. — То, чем вы занимаетесь, не битва, а пустой ритуал. Он позволяет вам жить славой тех очень давних времен, когда Спарта являла собой великое и могучее государство, а вовсе не обнищавшие задворки Эллады, как ныне!

Глаза Лисандры разгорелись гневом, и Телемах понял, что достиг цели. Он сам был эллином и вполне представлял себе строй мыслей спартанки. Оскорбление, нанесенное родному полису, должно было неминуемо пробудить ее от летаргии, которую ему описывал Бальб.

— Не тебе, афинянину, можно плохо говорить о Спарте, — сказала она наконец. — Вы-то сами — хилый духом и телом, никчемный народец.

— Но при этом мы не обделены умом, Лисандра. Для меня очевидно, что богиня дала тебе знак. Она призвала тебя к истинному служению, а ты, невежественная, даже не замечаешь этого, предпочитаешь сидеть и жалеть себя. На это тошно смотреть!

— Служение? Призвание?.. Что за чепуху ты несешь? Сперва меня отдали на милость Посей-

дона, а потом бросили в эту… — Она сделала жест, как бы очерчивая гладиаторскую школу. — В эту выгребную яму!

Телемах немного смягчился.

— Ты поколебалась в своей вере, жрица, — сказал он. — Многие в твоем положении поколебались бы. Но, согласись, мне, твоему собрату-жрецу, со стороны многое видней.

Лисандра опустила глаза, некоторое время молчала, потом очень тихо проговорила:

— Я очень боялась, что богиня от меня отвернулась.

— Что же тут удивительного. — Телемах накрыл руку девушки своей ладонью, и Лисандра не отстранилась.

Его же заново поразила ее молодость. Навскидку ей было никак не более двадцати.

— Однако то, что случилось, наделено смыслом, — продолжал он. — Богиня не совершает бессмысленных и случайных деяний, Лисандра. Бальб нарочно поехал в Галикарнас, чтобы меня разыскать. Или ты думаешь, что это лишь совпадение? Он хотел разыскать меня и спросить, не могу ли я тебе чем-то помочь. Не странновато ли для бездушного торговца рабами, как тебе кажется? Может, его подтолкнула некая высшая сила?

— С какой стати? — Лисандра снова нахмурилась. — Что-то не разгляжу я великого смысла, о котором ты толкуешь.

— Ты же была призванной жрицей, Лисандра. Призвание тебе было назначено твоим союзом, а не богиней. Вот у тебя с ним и не получилось. Думаешь, я не знаю, при каких обстоятельствах тебя нашли люди Бальба? Одна ты выжила при кораблекрушении! Не многовато ли случайностей? Кто мог спасти тебя, кроме богини? Спасти — и отправить в то единственное место, где навыки, усвоенные в ее честь, могут быть пущены в дело. Вот же оно, твое истинное призвание, спартанская жрица, избранная Афиной! Тебя же с семи лет учили за нее драться. Она в своей премудрости наделила тебя возможностью совершить нечто такое, чего не совершала еще ли одна женщина из твоего союза!

— Не понимаю!

Взгляд Лисандры молил его дать объяснение перенесенным страданиям, и Телемах принялся отрабатывать щедрую плату, полученную от Бальба. Ведь спартанцы не зря считались неимоверно легковерным народом.

— Если ты станешь драться так, как тебя учили, то воздашь великую славу и Афине, и своему

союзу, и своему полису, Лисандра. Не мне судить о замыслах богини, но знаки, которыми отмечено все то, что происходит с тобой, для меня вполне очевидны. Твое кораблекрушение и то, как ты попала сюда, — все это произошло явно не без вмешательства бессмертных. Ты думаешь, будто Афина от тебя отвернулась, но на самом деле все обстоит решительно наоборот. Это ты отвергла ее. Потому-то ты и чувствуешь себя такой подавленной и несчастной…

— А еще я — рабыня, — покачала головой Лисандра.

— Нет, — сказал Телемах. — Ты — гладиатрикс. И ты — спартанка. Ни за что не поверю, чтобы Афина обрекла одну из своих избранных служанок на подобную судьбу, не имея на то особого замысла! Потом, разве не в натуре спартанцев извлекать радость из тягот и вечно доказывать, что терпеть, бороться и побеждать — гораздо лучше, чем сдаться, пасть и испустить дух? Ты была помещена в эту школу, дабы восстановить честь своего союза, своего народа, и сделать это так, как принято у спартанцев!

Он театрально сжал кулак и докончил:

— Мечом!

Лисандра ничего не ответила, но Телемах по-

нял, что его слова попали в цель.

Он снова поднялся на ноги.

— Принеси жертву и вглядись в знамения, если хочешь найти подтверждения моим словам. Но более всего слушай, что подсказывает тебе сердце. Именно в нем ты обнаружишь божественные знаки.

Лисандра кивнула. Ее губы тронула улыбка, и Телемах увидел в глазах девушки свет, которого там и в помине не было в начале их беседы.

— Да, — сказала она. — Спасибо тебе за эту беседу.

— Всегда рад помочь собрату или сестре по служению, — ответил он весело. — Насладись чтением, Лисандра. И да гордится тобой богиня!

Она снова кивнула.

— Я поразмыслю над твоими словами, Телемах, — сказала она. — По крайней мере это я тебе обещаю.

И жрец оставил спартанку наедине с ее мыслями. Правду сказать, он чувствовал себя слегка виноватым. Ему слишком хорошо заплатили за то, чтобы он подтолкнул девушку к выводам, которые она должна была сделать и, скорее всего, сделала бы самостоятельно. Однако спартанцев обычно хвалили за что угодно, кроме гибкости

мышления. Посему для любого другого человека его советы, вероятно, и вправду оказались бы излишними, но не для нее. Суть дела состояла в том, что на самом деле девочка пала жертвой очень несчастливого стечения обстоятельств. Судьба оказалась слишком жестока к ней. Все-таки Телемах чувствовал, что затронул в душе бывшей жрицы нужные струнки. Как и большинство подобных женщин, она умела и могла драться. Да еще как! Эти умения послужат ей, как ни одной другой обитательнице луда. А деньги, полученные Телемахом, станут неплохим подспорьем святыне.

Так почему же глухое чувство вины все не оставляло его, как если бы и он тоже отчасти нажился на несчастьях, постигших Лисандру?

XV

На следующий день после беседы с Телемахом Лисандра выбралась из лечебницы на солнышко. Квинт разрешил ей вернуться к занятиям. Для нее это обстоятельство явилось еще одним подтверждением того, что афинский жрец говорил правду.

Лисандра успела поразмыслить над услышанным и теперь ругательски ругала себя за духовную слепоту, сама не понимая, почему не распознала столь очевидного. Афинянин будто разогнал туман, окружавший ее. Лисандра оглядывалась назад, и ее снедал жгучий стыд. Как она могла впасть в столь жалкое и недостойное состояние?..

Как бы то ни было, но того, что уже случилось, отменить было нельзя. Зато Лисандра собиралась в полной мере использовать возможность, подаренную богиней, чтобы завоевать славу и ей, и себе.

Она посетила бани, но пробыла там недолго и отправилась на кухню, чтобы присоединиться к общему завтраку. Куда бы спартанка ни подо-

шла, вокруг нее немедленно воцарялась тишина. Девушки молчали, пока она не отходила подальше. Потом за ее спиной начиналось хихиканье и раздавались ядовитые замечания. Лисандра чувствовала, как кровь то и дело бросалась ей в лицо. Ничего не поделаешь! Она сама, своими собственными делами дала этим ничтожествам повод вот так судить о себе.

Однако осмеивание Лисандры все же не стало главной темой этого утра. Среди новых учениц школы царило великое возбуждение. Очень скоро им предстояло давать клятву. Все они прошли предварительные испытания и могли считаться уже почти настоящими гладиатрикс.

Все так, но Лисандра слишком хорошо знала, что самое главное испытание поджидало их на белом песке арены.

* * *

За те три дня, что спартанка провалялась в лечебнице, процесс обучения, естественно, не останавливался. После неожиданного состязания, устроенного Бальбом, девушки были разделены на небольшие группы, каждая из которых занималась своим делом. От простых упражнений с мечом и щитом они перешли к изучению раз-

ных видов оружия. Крупные, ширококостные дикарки обучались драться в тяжелом вооружении. Им предстояло драться на галльский манер. Девушки более изящного сложения учились биться по-фракийски, то есть почти нагими, в одних набедренных повязках. Все их снаряжение составляли мечи и круглые небольшие щиты. Некоторые пробовали орудовать трезубцем и сетью. Тит, Палка и Нестасен орали на своих подопечных, понукали и отчитывали их, требовали скорости, ловкости, мастерства.

В какой-то момент посреди общего шума и гама Палка заметил Лисандру. Она стояла в сторонке и приглядывалась к происходящему.

Парфянин сразу подошел к ней. На лице у него было написано отвращение.

— А вот и моя любимая! — сказал он. — Что, калека, отдохнула в мягкой постельке?

Загорелыми, намозоленными костяшками пальцев наставник постучал спартанку по лбу.

— Не все мозги из ушей вытекли?

Лисандра предпочла пропустить насмешку мимо ушей.

— С каким оружием мне заниматься? — спросила она.

— После того, что ты нам тогда показала, тебя

впору было бы приписать к уборщицам Греты, — хмыкнул Палка. — Думаю, что от тебя не будет никакого толку, гречанка.

В глазах Лисандры зажглись нехорошие огоньки.

— Если ты собираешься обращаться ко мне по имени моего племени, то называй меня эллинкой, ибо так именует себя наш народ, либо спартанкой, — надменно проговорила она. — Больше никак!

— Да чхать я хотел!.. — ответил Палка и окинул взглядом Лисандру. — Длинная ты жердина, только мяса на костях совсем нет. С тяжелым вооружением тебе не справиться.

Он ткнул пальцем в ту сторону, где девушки учились драться в стиле секуторов[4].

— Что за ерунда, — сказала Лисандра. — Я привыкла проводить по много часов в броне куда как потяжелей этой!

Она говорила правду. Защитные доспехи секутора защищали тело, пожалуй, лучше других, но броня все равно покрывала только руки и ноги. Все правильно. Толпа зрителей, жаждавших

---

[4] Примечания: 4

Секутор — гладиатор, вооруженный мечом и щитом, специально обученный противостоять ретиарию, действующему трезубцем и сетью. (*Прим. ред.*)

кровавого зрелища, могла бы оказаться разочарованной, если бы торс бойца был закрыт.

Палка ткнул ее в живот посохом, вырезанным из крепкой лозы. Не сильно, просто чтобы заставить девушку шатнуться назад.

— Ты не поняла, — сказал он. — Я просто размышлял вслух. Твоего мнения, невольница, никто не спрашивает! Выскажись еще, глядишь, добьешься побоев и очередного отдыха в лечебнице.

Лисандра смерила наглого маленького дикаря испепеляющим взглядом, но промолчала. Она не собиралась давать ему повод для нового удара.

— Ладно, будешь фракиянкой, — поразмыслив еще, проговорил наконец Палка. — Ты довольно быстра, но обучаться в качестве димахайры тебе рановато. Это для тех, кто успел себя должным образом зарекомендовать. И не вспоминай про Галикарнас! В тот раз тебе попросту повезло. — Он одарил Лисандру беззубой улыбкой. — Так что давай-ка облачим тебя в набедренную повязку и посмотрим, как будут подпрыгивать твои тощие титьки.

— Мне своего тела стыдиться незачем, — хмыкнула Лисандра. — Зато тебя попросту жалко. Ведь ты вынужден искать удовлетворения таким

низким способом.

Глаза Палки полезли из орбит. Он подхватил посох и размахнулся, целя Лисандре в плечо. Ее тело сработало раньше разума. Девушка шагнула в сторону, перехватила его предплечье и рванула к себе.

— В этом нет нужды, Палка, — спокойно проговорила спартанка, выпустила его и отступила прочь.

Она хорошо видела, как на физиономии наставника последовательно отразились самые разные чувства. Кажется, он решал, как покарать ее за подобную непочтительность. Потом парфянин украдкой огляделся и с удовлетворением обнаружил, что случившегося никто не заметил.

— Живо надевай повязку и начинай работать! — буркнул он наконец.

— Бегу!

Лисандра чуть улыбнулась и двинулась переодеваться. В этот момент она была почти довольна собой.

* * *

Палка поставил Лисандру работать в паре с Фибой — эллинской девушкой, которой довелось выступить во второй паре в состязаниях, устроен-

ных Бальбом. Она намного уступала спартанке в росте и была легкой в кости, но месяцы обучения заметно укрепили ее тело. На обнаженном торсе так и играли сильные мышцы.

— Поначалу не торопись, — наставлял Палка Лисандру. — Привыкай к пармуле!

Он имел в виду маленький круглый щит, единственное средство защиты гладиатрикс-«фракиянки».

— Не вздумай им размахивать. Это тебе не веер! Держи его поближе к телу и отводи им удары. Отводи, а не отмахивайся! — Палка показал, как надо и как не надо делать. — Видишь, о чем я говорю? Отведешь руку, окажешься настежь раскрытой, тут тебя и проткнут!

Лисандра кивнула, повернулась к своей невысокой партнерше, повела головой влево-вправо, разминая шейные мышцы, и дважды крутанула в руке меч так, что вокруг клинка зашипел воздух. Палка за это в очередной раз на нее накричал, велел не выделываться и приказал приступать к делу.

Фиба уверенно двинулась вперед. Лисандра присмотрелась к выражению ее лица и поняла, что соперница ее презирает. Что ж, Фиба ведь выиграла свой учебный бой, тогда как Хильдрет

разделала Лисандру, что называется, под орех.

«Таковы эллины из мелких племен, — сказала себе Лисандра. — Сплошная наглость и мелочная заносчивость».

Как и велел наставник, Фиба для начала ударила легонько, давая Лисандре привыкнуть к фракийскому щиту. Сразу выяснилось, что Палка говорил правду. Пармулу действительно требовалось осваивать. Спартанка не привыкла к такому маленькому щиту. Ей приходилось удерживать себя, чтобы не выставлять его под удар раньше времени. Мысленно Лисандра в очередной раз благословила храмовую выучку. Ее давно приучили не обращать внимания на инстинкт самосохранения. Наука боя была крепко вколочена в самое существо жрицы Афины.

После нескольких пробных выпадов она кивнула Фибе, предлагая прибавить темп. Маленькая эллинка не заставила просить себя дважды. Она принялась нападать то с одной стороны, то с другой, меняла ритм и угол ударов. По ходу дела Лисандре вдруг пришло на ум, что к работе с пармулой вполне можно применить навыки панкратиона. Если, к примеру, полагать ее не щитом, а как бы продолжением руки, то почему бы не отводить удары точно так же, как и в бою

без оружия?!

— Давай! — подстегнула она соперницу. — Давай вовсю!

Но вместо очередного наскока Фиба подалась назад и опустила щит, а потом повернулась к Палке.

— По-моему, для этого она еще не готова, — сказала девушка, имея в виду Лисандру. — Как бы мне ее не поранить! Палка, ты же видел, как она дралась тогда. Кроме нее, в лечебницу никто не попал.

Лисандра мгновенно вспыхнула яростью. Неужели эта дурочка полагала, что несколько месяцев учебы способны перевесить опыт всей жизни?

Спартанка собралась высказаться на эту тему, но тут Палка сказал Фибе:

— Раз напрашивается, пусть получит.

Та пожала плечами, заново вскинула щит, мгновение стояла недвижно, потом напала.

Лисандра не стала пятиться и отскакивать. Вместо этого она лишь крутанула бедрами и ушла с линии атаки Фибы. Пармула отразила меч, выброшенный вперед. Последовал боковой ответный удар, угодивший в шею. Фиба согнулась, схватилась за больное место и упала.

Лисандра повернулась к Палке. Ее глаза горели, ноздри слегка раздувались.

— Правило первое, — процитировала она слова Нестасена. — Красным помечена область, попадание в которую причиняет мгновенную смерть. Помни, всегда надо бить в красное. Если не ты, то тебя…

— Это опять всего лишь везение, — твердо заявил Палка. — Сможешь ли повторить?

Болезненный тычок научил Фибу осторожности. Кажется, она заподозрила, что недооценила соперницу, поэтому принялась делать ложные выпады, поджидая момента для разящего удара. Лисандра наблюдала за ней. Она не хотела попусту тратить силы и искала малейшие прорехи в защите маленькой эллинки. Фиба рванулась вперед. Лисандра резко повернулась и обрушила деревянный клинок на запястье соперницы. Фиба закричала от боли и выронила рудис. Если бы девушки дрались настоящим оружием, то ее кисть теперь валялась бы на земле. Лисандра, не давая пощады, всадила конец меча в живот Фибы, заставила противницу согнуться и мягким движением положила деревянный клинок ей на шею.

— Синяя зона — калечащая рана, — вновь

вспомнила она Нестасена. — Правило второе. Если ты хочешь убить врага медленно, то прежде его надо искалечить. Иначе он может собраться с силами и перед смертью все-таки прикончить тебя. Нельзя давать ему подобной возможности.

Спартанка посмотрела на Фибу, которая стояла на коленях, тщетно силясь втянуть в себя воздух, и закончила:

— Как мы только что и видели.

Палка покачал головой.

— Фиба, ты можешь продолжать?

Та отрицательно помотала головой. По щекам девушки текли слезы, она никак не могла наполнить легкие воздухом. Эллинка подняла руку, и стало видно, что ее запястье успело безобразно распухнуть.

— Перелом! — с отвращением констатировал Палка. — Тьфу на тебя!

Лисандра пожала плечами.

— Похоже, мое везение, как ты его назвал, продолжается. Сегодня в лечебницу попаду не я!

Она почувствовала себя до некоторой степени отомщенной. Теперь уж Фиба твердо усвоит, что подвергать сомнению боевые способности спартанской жрицы чревато болью и крупными неприятностями. Она слишком расхвасталась,

поэтому и получила увечье. Пусть радуется, что отделалась сломанным запястьем, могла бы получить рану и похуже. Лисандра более не намерена была сносить оскорблений и высокомерия.

— Может, мне стоило бы встать с кем-нибудь более опытным? — проговорила она с ноткой презрения.

— Вроде Хильдрет? — дал сдачи надсмотрщик. — Думаешь, ты сумела бы свалить и ее?

— Я свалю любого, кого поставят против меня, Палка. Можешь об этом не беспокоиться!

Спартанка твердо выдержала взгляд парфянина. Она понимала, что последнее замечание он сделал лишь ради того, чтобы ее испытать. Наставник грозил выставить ее против могучей германки, желая проверить, в самом ли деле к ней вернулась уверенность в собственных силах. Если в душе девушки осталась хоть капля сомнения на сей счет, то глаза непременно выдали бы ее.

— Ну и?.. — через некоторое время спросила она.

Палка отвел взгляд и плюнул наземь.

— Нет уж, — сказал он. — Послушай-ка меня. Ты будешь по-прежнему упражняться с новичками, но я тебя предупреждаю!.. — Тут он указал ей на

кое-как поднявшуюся Фибу. — Еще одна такая выходка, и я добьюсь, чтобы тебя распяли. Ты уже все себе доказала!

— Ну и хорошо.

Лисандра кивнула и направилась в самую гущу девушек. Она была готова доходчиво объяснить любой из них, кто на самом деле бился лучше всех в этой школе.

* * *

Лисандра трудилась на занятиях, не давая себе пощады и передышки. Она заново обрела уверенность в себе. Соперницы ей попадались посредственные, но она не могла их выбирать. Она раз за разом говорила себе: «Это учеба. Средненькие соперницы позволят мне довести до совершенства те приемы, которые я когда-нибудь смогу применить в настоящем бою».

К концу дня она украсила многих новеньких девушек изрядным количеством синяков и втоптала в пыль не одну гордость. Прошел всего лишь день, а товарки уже начали поглядывать на нее с уважением. Лисандра решила про себя, что продолжит начатое, пока положение дел ее полностью не удовлетворит.

— Ты сегодня работала по-настоящему здоро-

во, — сказала ей Фиба, когда эллинки сели рядом за ужином.

Невысокая девушка была из Коринфа. Оттуда до Спарты было не близко, но это все равно тот же Пелопоннес. Они чувствовали себя землячками и едва ли не родственницами.

Когда Фиба под конец занятий разыскала Лисандру и предложила вместе поужинать, та с радостью приняла приглашение.

Фиба показала ей перевязанное запястье и сказала:

— Палка ошибся. Кости целы, просто сильный ушиб. Зато тебе, кажется, полегчало после победы. — И она улыбнулась. — Ты вроде как из раковины вылезать начала.

Лисандра хотела было извиниться за нанесенное увечье, но передумала. Лучше, пожалуй, приобрести репутацию безжалостной особы.

— Да, — кивнула она. — Похоже, я приспособилась к здешней жизни. Если нам, спартанцам, приходится что-нибудь делать, то мы делаем это хорошо, иначе нельзя. Когда я попала сюда, мне это казалось страшным несчастьем. Но такова воля богини. Я должна ее принять.

— Вот и я понемногу начинаю думать так же, — согласилась Фиба. — Знаешь, а ведь этот

мерзавец Тит был прав. Мне все чаще, особенно по вечерам, кажется, что наша доля — далеко не худшая, какие бывают.

— Еще как прав, — встряла в разговор другая девушка из новеньких, афинянка по имени Даная. — Когда в рабство попала, я сперва решила — ну все, конец мне настает! — И она громко расхохоталась. — Можете представить?.. Но я вам вот что скажу. Здесь я чувствую себя гораздо свободней, чем в Афинах!

Лисандра недоуменно подняла бровь.

— Это как?

Даная задумалась над ответом, некоторое время молча жевала, потом пояснила свою мысль:

— Спартанцам, наверное, это трудно понять. Насколько я знаю, ваши девушки разгуливают по улицам без сопровождения. У них есть собственность, они могут вести дела…

— Естественно, — сказала Лисандра. — Это единственно верный порядок вещей.

— Вот только в остальной Элладе все обстоит совсем по-другому, — покачала головой Даная. — Когда я повзрослела, меня выдали замуж. С тех пор моя жизнь заключалась лишь в том, что я вела дом и угождала супругу. Вот так. Я и Афин-то толком не видела. Трудновато в такое

поверить? — задумчиво спросила она. — Мы, граждане Афин, обитаем в самом прекрасном городе мира, но половине жителей не разрешено наслаждаться его красотой.

Лисандра полюбопытствовала:

— Ну а сюда ты как угодила?

— Мой муж был намного старше меня. Меня выдали за него в двенадцать лет, в обмен на богатый выкуп. Можно сказать, что это тоже рабство. Нас, афинских женщин, продают и покупают за деньги и за пределами этой школы.

Женщина помолчала, на ее лицо легла тень печали.

— Вначале все шло неплохо, зато потом муж сделался попросту невыносимым. — Она приподняла чашку. — Над ним властвовало вино. Когда он напивался, бил меня и вытворял жуткие вещи. Я это терпела с двенадцати до восемнадцати лет, но кое-что вытерпеть невозможно. Однажды он провел целый вечер за выпивкой и игрой в кости, судя по всему, промотал уйму денег и решил отыграться на мне. Вот тут, первый раз за все время, я дала ему сдачи. Стукнула его, и он упал. Я ему, оказывается, голову проломила. — Даная щелкнула пальцами. — Меня осудили за убийство и продали в рабство. Потом я понравилась

одному из людей Бальба, который присматривал новых бойцов… И вот я тут, — закончила она свой рассказ.

— Не может быть, чтобы суд приговорил тебя к рабству за такое дело, — сказала Лисандра. — Ты же лишь защищалась!

— Суд?.. — Даная обвела глазами лица соседок, которые смотрели на нее с пониманием. — Кто сказал тебе, Лисандра, будто суд станет слушать женщину? У нас нет никаких прав, нет голоса.

— Именно так, — подтвердила Фиба. — Здесь у женщины есть возможность добиться такой свободы, какой в обычной жизни ей не видать никогда. Миром за пределами этих стен правят мужчины, но здесь все по-другому. Мы, может, и числимся невольницами Бальба, но наши жизни принадлежат нам самим. За последнее время я начала это понимать. Нас можно сколько угодно называть рабынями, но глубоко внутри мы свободны. Именно это Тит и имел в виду, и плевать на его угрозы и ругань!

— А мне пригодился бы кусочек Тита, — бросила вдруг одна женщина. — Догадываетесь, какой именно?

Фиба всплеснула руками и обернулась к ней. В ее глазах плескался смех.

— Тит! — воскликнула она. — Пенелопа, ты в своем уме? Он же такой… старый!

Пенелопа, коренастая рыбачка с какого-то острова Эгейского моря, только пожала плечами.

— Я тут аж засохла вся без мужичка, — сказала она.

Лисандра почувствовала, что краснеет. Бледноватое лицо не могло скрыть смущения. По ее мнению, разговор свернул в весьма неподходящее русло.

Она хотела было сменить тему, но Фиба подала голос раньше.

— Зато Катувольк!.. — вздохнула она. — Вот с кем бы я действительно!.. — Последовал непристойный жест. — Эта широкая грудь, сильные руки!.. А под его повязкой небось прячется настоящий рог изобилия. Какая жалость, что он решительно ни на кого не смотрит, только на Лисандру!

Она толкнула Данаю под столом коленкой.

— Ты ошибаешься! — возмутилась Лисандра. — Он наставник, его просто заинтересовало, что я умею!..

— Ага, — засмеялась Даная. — Только и думает, как бы вложить свой меч в спартанские ножны.

И она запищала тоненьким голосом:

— Ах, Лисандра, ох, Лисандра, я сейчас умру от любви! — Даная заерзала на скамье вперед и назад. — Ах, Лисандра, ты прекрасна, Лисандра, как же мне с тобой хорошо!

Румянец смущения на лице Лисандры приобрел свекольную густоту. Подобная болтовня была поистине возмутительна! Однако общий разговор успел заглохнуть. Женщины смеялись, болтали между собой, и Лисандру никто больше не поддевал. Она вдруг поняла, что вовсе не сердится. Девушки лишь хотели повеселиться и даже не думали обидеть ее. Они просто недооценивали разницу между собой и жрицей девственной богини.

Ужин завершился в атмосфере легкомысленного веселья. Лисандра призналась себе в том, что она по-прежнему держалась несколько отчужденно, но все-таки позволила товаркам обращаться с нею как со своей. Ей это понравилось. Что ж, этим туповатым и невежественным особам должно было пойти на пользу общение с нею. Ей, в свою очередь, следует доказать им не только свое превосходство в воинских умениях. Она должна стать первой во всех делах без исключения. Если ей удастся привить им некоторые правильные спартанские манеры, то это будет

похвально.

Лисандра пожелала всем доброй ночи, вернулась в свой закуток и долго гадала, откуда же эти дурочки взяли, будто Катувольк питал к ней какой-то особый интерес, не связанный с учебой? Мужчины не впервые пытались сблизиться с ней, но Лисандра всегда их сторонилась. Общение с противоположным полом спартанские жрицы считали делом недостойным.

Лисандра стащила с себя тунику и растянулась на лежанке, глядя в темноту. По ту сторону плотной двери слышались звуки, уже ставшие привычными. Обитательницы гладиаторской школы готовилась ко сну. Хлопали двери, женщины прощались до утра, наставники и охрана гортанными голосами разгоняли их по каморкам.

Лисандра поймала себя на том, что прислушивается, а не раздастся ли поблизости певучий выговор Катуволька.

Спартанка против собственной воли представила себе рыжеволосого галла. Пожалуй, он был даже хорош собой — для варвара, конечно, — как верно подметила Фиба, весьма мускулист, в общем, выглядел именно так, как и полагалось мужчине. Лисандра продолжала думать о нем, и

постепенно в самом низу ее живота зародилось тепло. Она почувствовала это, подняла руку и погладила свою грудь, воображая, что это делает Катувольк. Соски отвердели, кожа налилась жаром. Девушка ощутила восхитительное покалывание где-то глубоко внутри. Ладонь Лисандры переместилась к внутренней стороне бедер, воображение уже рисовало ей головокружительные картины соприкосновения двух тел. Она тихо застонала в темноте и тут же прикусила губу, чтобы никто не услышал и не заподозрил, какому ужасному, греховному самоудовлетворению она здесь предается. Потом бывшая жрица окончательно дала волю воображению и унеслась в миры упоительной страсти и нежности.

Однако она увидела перед собой вовсе не Катувольк, поняла это и испытала внезапную судорогу наслаждения. Блаженство накатывало на нее волна за волной, начисто смывая привычные оковы жреческого целомудрия.

Потом она лежала неподвижно, лишь сердце бурно колотилось в груди. Ее плоть постепенно успокаивалась, однако лицо, явившееся ей на высшем взлете восторга, никуда не исчезло из памяти.

Наконец Лисандра уснула, но даже и во сне

перед нею продолжал витать образ Эйрианвен.

XVI

— Так-так-так… — пропыхтела Сорина.

Они с Эйрианвен подтягивались на перекладине, раз за разом доставая ее подбородками.

— Что? — отозвалась британка, пытаясь сдуть мокрую от пота прядь волос, липнувшую ко рту.

— Наша спартаночка проснулась! — Сорина разжала руки, спрыгнула наземь и принялась разминать запястья и пальцы. — Посмотри-ка на новичков!

— Ну вот, ты меня со счета сбила, — пожаловалась Эйрианвен и тоже закончила упражнение.

Она спрыгнула с перекладины и посмотрела туда, куда указывала амазонка. Даже среди движущегося скопища тел Гладиатрикс Секунда легко выделила черноволосую Лисандру. Та стояла в паре с какой-то германкой из новеньких, двигалась очень уверенно, экономно и, как тотчас подметила Эйрианвен, опасно быстро.

— Да она с ней просто играет, — пробормотала британка.

— Ага, — кивнула Сорина. — Именно так.

Тут Лисандра свалила соперницу безжалост-

ным ударом в живот.

Сорина невольно вздрогнула и скривилась.

— Ты видела? Она дерется по-римски. Почти не рубит мечом, только знай себе колет!

Эйрианвен пожала плечами.

— Для этого нужен навык. А вот силы требуется меньше. У меня бы так не получилось. Биться мечом — это искусство, а не…

Она запуталась в поисках подходящего слова и оглянулась на Сорину, пытаясь помочь себе жестами.

— Наука? — по-латыни подсказала амазонка.

— Вот-вот, — улыбнулась Эйрианвен. — Эта спартанка хороша со всех сторон, но истинного духа битвы ей, по-моему, не понять никогда. Что взять с этих греков и римлян!..

— Передышку устроили, девочки? — прервал их разговор Катувольк.

— Мы просто любуемся этой жемчужинкой Бальба, — ответила Сорина и кивнула в ту сторону, где бывшая жрица Афины уже собралась разделать под орех другую германку.

— Вы про Лисандру? — Катувольк как-то слишком быстро обернулся и вытянул шею, чтобы разглядеть спартанку на запруженной учебной площадке.

Он вновь повернулся к Сорине и Эйрианвен.

Лукавые взгляды обеих женщин заставили его густо покраснеть, и галл буркнул:

— Да, хорошо, что она опять на ногах.

— Какой ты у нас заботливый, — хмыкнула Эйрианвен. — Катувольк, тебя глаза выдают!

Молодой наставник прокашлялся.

— Жаль было бы потерять хорошего бойца из-за ранения в голову. Я видал, как это бывает.

Эйрианвен насмешливо сощурилась.

— Давайте-ка за работу. Хватит болтать! — Могучий галл понял, что надо спасаться, и рассердился. — Скоро будут игры! Лучше сейчас как следует попотеть, чем потом истекать кровью! Ну-ка, мечи в руки — и вперед!

Сорина послушно отправилась вооружиться, Эйрианвен же смерила Катувольк сердитым взглядом. Ее что-то обозлило, но она и сама не могла понять, что же именно.

— Держись-ка лучше от нее подальше! — рявкнула она наконец и пошла следом за подругой.

В оружейной Сорина уже примеряла увесистые доспехи секутора. Чтобы составить ей подходящую пару, Эйрианвен выбрала трезубец и сеть. Эти два стиля сталкивались на арене чаще всего.

— Ну и что ты по этому поводу думаешь? —

спросила Сорина, пока британка помогала ей облачаться в броню.

Эйрианвен фыркнула.

— Да он же в открытую сохнет по Лисандре, — сказала она. — Только слепой не заметит.

Сорина ответила, как плюнула:

— Мужчины! Что с них взять! Все они только своим острием и думают!

— А мне вот кажется, что тут все гораздо глубже, — пробормотала Эйрианвен.

— Весьма сомнительно, — хмыкнула Сорина. — Все мужики — скоты. Всем им нужно только одно. Они по стенам и потолку бегать будут, но как только добьются своего — снова превращаются в равнодушных свиней. Кроме того…

Она подвигала руками и напрягла мышцы, проверяя, ладно ли сидят кожаные доспехи, завязанные на ней Эйрианвен.

— Кроме того, вздумай он перейти к делу, ланиста ему яйца отрежет и на завтрак их съест. Таковы правила, и Катувольк прекрасно их знает.

— Ты, Сорина, кажется, никогда не находила времени для мужчин, — сказала Эйрианвен.

Британка подбоченилась и любовалась своей работой.

— Еще чего! — ответила амазонка. — Я была предводительницей клана Коня. Мы принимали на свое ложе мужчин только ради того, чтобы пополнить численность племени. На что они нам после того, как сделали свое дело? Я бы, к примеру, совсем не хотела, чтобы кто-то из них день-деньской валялся в моей палатке, почесываясь и испуская ветры.

Эйрианвен принесла деревянный трезубец и взвесила его на руке.

— Мужчины годятся еще кое на что, кроме почесывания и порчи воздуха, — рассмеялась она.

Напускная суровость Сорины помогла ей задавить собственный приступ ярости, и британка сама это понимала.

— Да, конечно. — Тон Сорины оставался очень серьезным, но глаза искрились смехом. — Они полагают, что оба их любимых занятия очень забавны для окружающих, и ждут за это похвал.

Эйрианвен только головой мотнула.

— Ладно, пошли! — сказала она, усмехнулась и махнула трезубцем. — Поглядим, сумеешь ли ты совладать с этими вот остриями!

Дружеская подначка заставила Сорину улыбнуться. Она взяла тяжелый щит, женщины вышли из оружейной и прекратили шуточную

перепалку. Битва — это далеко не игра. Даже их дружба существовала лишь за пределами площадки.

Вот амазонка вскинула меч, показывая, что готова, и Эйрианвен сделала первый выпад трезубцем.

* * *

Под конец дня Тит и другие наставники собрали новичков вокруг себя. Когда все сошлись, Лисандра перехватила пристальный взгляд Катуволька и поспешно отвела глаза, вспомнив подковырки своих соотечественниц-эллинок.

Наставники стояли возле столика, за которым сидел Эрос, любовник Бальба. Юноша держал в руках стиль — палочку для письма.

Хильдрет опустилась наземь рядом с Лисандрой.

— Привет, — сказала она. — Как ты?

Традиционная шутка заставила спартанку неуверенно улыбнуться. Она не знала, как на это следовало отвечать после того памятного боя.

— У меня все хорошо, Хильдрет, — сказала она наконец. — А ты как?

— У меня тоже все хорошо. Моя латынь — хорошо. Как твоя голова?

— Пока еще на плечах, — пробормотала Лисандра.

— Что? — громко переспросила Хильдрет.

— Моя голова — хорошо! Спасибо!

— Это здорово. — Германка улыбнулась.

Ее улыбка показалась Лисандре чуть более снисходительной, чем ей хотелось бы, а Хильдрет еще и добавила:

— Ты говенно дралась.

Лисандра скривилась. Хильдрет, конечно, нахваталась в гладиаторской школе самых грубых латинских слов. Сама она, впрочем, не собиралась опускаться до такой степени.

— Ты права, — сказала спартанка. — Именно так я и дралась.

— Разотри и забудь! — Германка дружески ущипнула ее за руку, но щипок вышел неслабый. — У каждого случаются говенные дни!

Лисандра кивнула, отвернулась и украдкой закатила глаза. Она не нуждалась в напоминаниях подобного рода.

— А ну-ка тихо! — рявкнул Тит. — Всем молчать!

Разговоры немедленно прекратились. Лисандра невольно подумала, что повиновение приказам понемногу становилось второй нату-

рой девушек.

— Пенелопа!.. — услышала Лисандра шепот Фибы, устроившейся за ее спиной. — Вон он, твой желанный! Посмотри только, до чего хорош! Зрелости у него не отнимешь.

Послышалось хихиканье. Пенелопа ответила ругательством, хуже которого могло быть лишь богохульство.

— Ваше обучение близится к концу, — резко сказал Тит. — Ланиста подрядил нашу школу сражаться на грядущих играх в Галикарнасе! — Он помедлил, обводя женщин строгим взглядом. — Вы будете участвовать в поединках. Вас выставят против другой школы. Это значит, что между собой драться вам не придется.

Хильдрет толкнула локтем Лисандру. Судя по выражению лица, она плохо поняла сказанное.

— Мы будем драться в настоящем бою, — шепотом объяснила Лисандра. — На арене.

Хильдрет расплылась в торжествующей улыбке.

— Многие из вас привезены сюда из варварских земель. Ваши имена невозможно произнести, — продолжал Тит. — Зрителям такое не нравится. Миром правит Рим. Это значит, что у вас должны быть имена, понятные его людям, такие, чтобы

их было удобно выкрикивать. Пусть каждая из вас выберет себе что-нибудь подходящее. Кто не сумеет, ту мы назовем сами.

Женщины принялись возбужденно переговариваться, вскакивать.

— Но для начала нам надо еще кое-что сделать!

Тит протянул руку в сторону жилищ ветеранов. По этой команде к толпе новичков двинулась процессия старших воительниц, возглавляемая самим Луцием Бальбом. Каждая гладиатрикс несла в руке факел. Оранжевые огоньки ярко горели в сгустившихся сумерках. К небу плыли завитки маслянисто-черного дыма.

Бальб вышел вперед и остановился перед новенькими, сбившимися в кучку. Лисандра поймала себя на том, что выворачивает шею, силясь разглядеть среди старших воительниц Эйрианвен, и смутилась. Британка была там. Их глаза встретились. Лисандра почувствовала, что залилась краской, но она успела уловить во взгляде Гладиатрикс Секунды нечто вроде ответного тепла.

— Новички!

Голос Бальба заставил Лисандру обернуться. Ланиста был облачен в ослепительно белую тогу

из великолепной материи.

— Вы усердно трудились и неплохо продвинулись! Вы были обыкновенными женщинами, когда вошли в эти ворота. Теперь же наше обучение и пролитый вами пот сделали вас чем-то гораздо бóльшим! Вы стали такими, какими не дано стать даже иным мужчинам! Вы — сильные! Вы — быстрые! Вы умеете убивать в бою! Скажу вам даже больше. Во всей империи, от туманной Британии до песков знойной Аравии, нет воительниц опаснее тех, которые занимались здесь! Прежде чем здесь оказаться, иные из вас уже носили мечи. Пусть они заглянут к себе в сердце и честно ответят, полезным ли было обучение? А что скажут те из вас, которые знали только женскую работу? Хотели бы вы вернуться к прежней жизни?

Ланиста сделал паузу, давая новичкам время поразмыслить над услышанным. Общее волнение захватило и Лисандру. Да, Бальб очень хорошо знал, как привлечь и удержать внимание толпы.

— Сейчас вы станете частью особого сестринства, — продолжал хозяин школы. — Ваше союз будет скреплен кровью. Эти узы прочнее стальных! Но для вступления в него требует-

ся страшная клятва. Держать ее придется всю жизнь! Женщины луда, готовы ли вы произнести эти слова и исполнить их?

Новички в едином порыве вскинули руки и ответили ему дружным криком согласия. От Лисандры не укрылось, что и Хильдрет более или менее понимала смысл происходившего.

— Повторяйте же за мной! — разносился над ними голос Бальба. — Клянусь богами моего народа, что буду сражаться с честью! Если мне придет черед умирать, то я приму смерть мужественно и достойно, как и жила! Клянусь соблюдать законы нашего луда. Пусть за неповиновение меня наказывают кнутом, жгут огнем и убьют сталью!

Отзвучало последнее слово, и наступила тяжелая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием факелов.

— Женщины! — снова прервал молчание ланиста. — Вы теперь — гладиатрикс!

Тут ветераны разразились приветственными криками, и новые воительницы дружно их поддержали.

Луций Бальб кивнул им, повернулся и зашагал прочь. За ним двинулись старшие бойцы.

Девушки шумели, Лисандра же молча нахмурилась. Она размышляла о клятве. Спартанка была

уверена в том, что очень многие воспитанницы школы ни за что не стали бы ее произносить, если бы их не вынуждали к этому обстоятельства. Чуть позже, когда начала выстраиваться очередь за боевыми псевдонимами, Лисандра невольно припомнила разговоры Данаи и других эллинок. Да, похоже, иные из них уже считали это место своим и принадлежали ему душой, примерно как сама она — храму Афины.

Ну а сама клятва была и вправду страшной, как верно выразился Бальб. Рабыни поклялись делать то, что в них и так усиленно вколачивали. Они уже привыкли к повиновению. Наказания, упомянутые в клятве, некоторые уже опробовали на себе.

Лисандра огляделась и отметила, что женщины будто сделались выше ростом. Они как бы распрямились, держались гордо, уверенно. Бывшая жрица еще раз поразилась тому, насколько умно была построена система обучения в гладиаторской школе. Если бы подобная клятва была произнесена в самом начале, то многих попросту придавило бы страхом. Зато теперь, вооруженные новыми способностями и умениями, женщины восприняли ее просто как очередной вызов. Более того, для многих она станет жиз-

ненным кодексом, источником духовной силы, прибежищем чести.

Лисандра улыбнулась. Очень возможно, что в этом сообществе она была единственной, у кого хватало ума осознавать подобные вещи.

Спартанка стояла в очереди к столику. Она уже подобрала себе имя и вполуха слушала яростный спор Фибы, Данаи и Пенелопы. Эта троица никак не могла поделить имя Гераклия, по величайшему из героев Эллады. Время шло, очередь постепенно таяла. Хильдрет стояла непосредственно перед Лисандрой, и та расслышала, как Эрос записал ее Горацией — по древнему герою, оборонявшему Рим от захватчиков-этрусков. Лисандра усмотрела в этом немалую иронию. Имя защитника Рима было дано женщине, дравшейся против него и взятой в плен на самых дальних границах империи!

— Следующая? — Эрос поднял на нее глаза.

— Леонидия, — без промедления ответила Лисандра.

Она решила, что назваться по имени величайшего царя Спарты будет честью, возвышающей дух… Вот только деваться от взгляда Катуволька, стоявшего недалеко от нее вместе с другими наставниками, было решительно некуда. Он чуть

улыбнулся, и Лисандра вспыхнула.

— Нельзя, — подал голос Палка. — Леонидия уже есть. Она из ветеранов, бьется в качестве секутора.

— Да? — Лисандра не могла скрыть жестокого разочарования. — Ну тогда, может, Спартака…

Тит откинул голову и оглушительно захохотал.

— То-то зрители кинутся болеть за женщину, имя которой напомнит им о вожде гладиаторского восстания!.. Публика у нас нежная, чувствительная. Как бы обид не случилось!

— Но я же действительно из Спарты, — попробовала спорить Лисандра. — Это имя ничем не хуже других.

— Я тут до завтра сидеть не могу, — вздохнул Эрос, поднимая глаза на Центуриона.

Тит посмотрел Лисандре прямо в глаза и вдруг улыбнулся так тепло, что Лисандра попросту онемела.

— Есть на тебе какой-то отблеск величия, — проговорил Тит и принял решение: — Будешь Ахиллией. Это как раз по тебе!

— Ахиллия… — повторила Лисандра, примеривая на себя имя, как новый хитон.

Что ж, это звучало неплохо, — женская форма от имени Ахилл, которое носил величайший

герой Троянской войны.

— Ахиллия, — еще раз проговорила она.

— Ну и славно. — Тит мотнул головой. — Следующая!

Лисандра пошла прочь. Она чувствовала себя как-то по-новому, словно в ней что-то переменилось. Потом до нее дошло. Клятва, помноженная на обретение нового имени, под которым она станет сражаться, означала полное и окончательное отъединение от прежней жизни. Речь шла не просто об удовлетворении запросов толпы, кричащей с трибун. Клятва была орудием, меняющим души тех, кто ее давал.

Жить и упражняться в школе по-прежнему будет Лисандра. Но в день поединка на песок арены выйдет уже Ахиллия.

XVII

Женщины уезжали из луда. Они уже собрались около зарешеченных повозок. Лисандра обратила внимание на то, что большинство среди этих двух десятков составляли новички. Все понятно. Бальб желал подвергнуть свои новые приобретения решающему испытанию и, конечно же, надеялся, что слабые и недостойные отсеются как можно скорей.

Женщин делили на небольшие группы согласно их положению в школе и племенной принадлежности. Лисандра оказалась в одной из самых задних повозок, вместе с другими эллинками. Она уселась на солому и заметила Эйрианвен, направлявшуюся к головной повозке.

Неожиданно прекрасная силурийка повернула и подошла к эллинкам.

— Удачи вам, — сказала она.

Эйрианвен обращалась вроде бы ко всем сразу, но смотрела только на Лисандру. Та улыбнулась в ответ. Ее сердце бешено заколотилось, бывшую жрицу окатила беспощадная волна вины. Она сразу вспомнила свои дикие и непотребные

мечтания, связанные с Эйрианвен. Британка смотрела на нее еще очень долго, целое мгновение. Потом оно кончилось, и она исчезла, затерялась в толпе воительниц.

— А вы с ней, оказывается, подруги, — заметила Даная, когда Лисандра заново устроилась в своем уголке.

— Да мы с ней говорили-то всего раз или два, — осторожно заметила Лисандра. — Для дикарки она достаточно приветлива и любезна.

— И необыкновенно опасна, — напустив на себя умудренный и проницательный вид, сказала Даная. — Она великолепно дерется.

Лисандра улыбнулась углом рта и сказала:

— Мы все тут опасные бойцы, Даная.

Вскоре после этого повозка дернулась, закачалась, и караван тронулся в путь. Некоторое время девушки молчали, что весьма радовало Лисандру. Она попросила разрешения взять с собой свитки и получила его. Кожаное ведерко ехало с нею в Галикарнас. Ну и хорошо. Пока повозки будут мучительно медленно ползти в сторону города, ей не придется снова таращиться на пустынный, выжженный солнцем карийский пейзаж. Лучше уж почитать Гая Мария, пока другие женщины будут предаваться пустой болтовне.

К тому времени, когда солнце добралось до зенита, у попутчиц иссяк запас сплетен, и Фиба спросила ее:

— Ты что там читаешь?

Лисандра нахмурилась.

Она терпеть не могла, когда ее отрывали от занятий, но прикусила язык, с которого готова была сорваться изрядная резкость, и ответила Фибе коротко:

— Учебник тактического искусства.

Фиба наморщила носик.

— У-у, скука какая! На что это тебе?

Лисандра со вздохом опустила свиток на колени.

— В храме нас учили не только воинским искусствам, но и тактике. Гай Марий был гениальным полководцем, поэтому его работы просто захватывают.

Даная недоверчиво посмотрела на нее, и Лисандра сказала:

— Тут у меня еще Гомер есть. Почитай, если хочешь.

— Да я не особенно хорошо умею читать, — сказала Даная. — Знаешь, в детстве я училась грамоте, но потом муж заставил меня прекратить все это. Он сказал, что чтение — занятие

для гетер.

— Что за чушь, — фыркнула Лисандра. — С чего он взял, будто только куртизанкам надлежит уметь читать?

— А я тоже читать не умею, — вставила Фиба.

Другие женщины стали одна за другой кивать в ответ на эту реплику.

— Что ж, если вы никогда не читали, то письменное слово вам не особенно интересно. — И Лисандра снова обратилась к своему свитку.

Вообще-то, она не отказалась бы улучшить образованность своих товарок по гладиаторской школе, но сейчас ей больше хотелось просто почитать для собственного удовольствия. В повозке воцарилась тишина, которую нарушало только поскрипывание деревянных колес.

Через некоторое время Лисандра подняла глаза, увидела, что все попутчицы по-прежнему смотрят на нее, и вздохнула.

— Хотите, чтобы я вам почитала?

Женщины закивали.

— Эта книга подробно рассматривает устроение и тактику римского войска от десятка до целого легиона…

У девушек начали вытягиваться лица, и Лисандра утешила их:

— Но вы, полагаю, куда охотнее послушали бы «Илиаду».

Все дружно закивали. Лисандра свернула Гая Мария до лучших времен, откинулась к стенке повозки и закрыла глаза. Она знала текст наизусть.

— «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына…» — принялась она декламировать нараспев.

Весь остаток поездки Лисандра читала женщинам великую поэму, надеясь про себя, что, быть может, привьет им таким образом начатки интереса к литературе. Для нее самой это было необременительно. Она с большим удовольствием напевала классические стихи. В храме Афины знали толк в декламации, и Лисандре было известно, что ценители находили ее голос отменным. Выпевая строку за строкой, она мысленно возносила благодарность богине, наделившей ее столь многочисленными талантами.

Гомер действительно помог женщинам скоротать время в дороге. Но дни сменяли друг друга, и Лисандра подметила, что чем ближе делался город, тем молчаливее становились ее болтушки-попутчицы. В повозке все чаще повисала напряженная, тягостная тишина.

Наконец поезд Луция Бальба остановился примерно в двух милях от Галикарнаса, и охранники

стали разбивать лагерь. Выглядело это странновато, потому что солнце висело еще высоко в небе.

Лисандра высмотрела знакомого стражника-македонца.

Он тоже помедлил, подошел к ее повозке, улыбнулся и спросил:

— Ты хоть представляешь себе, какой переполох начинается в городе, когда туда приезжают гладиаторы?

— Естественно, нет, — ответила она и одарила его самым надменным взглядом, какой могла изобразить.

Еще не хватало ей о чем-то расспрашивать подобное ничтожество!

— Ну…

Македонец нагнулся, сорвал былинку и принялся ее жевать. С точки зрения Лисандры, образ неотесанной деревенщины обрел завершенность. Что взять с македонца! Все они были сплошной деревенщиной.

А стражник после глубокого раздумья пояснил:

— Ну, там все с ума сходят.

— Какое живое и красочное описание, — съязвила Лисандра.

Однако скудоумный македонец даже не понял насмешки и пояснил:

— Я хочу сказать, что город действительно встает на уши. Как будто сам император пожаловал. На улицах заторы, ни пройти ни проехать, все друг дружке на головы лезут, заглядывают в повозки. Полдня долой, пока с места сдвинуться удается. Ты новенькая, ни разу еще не видела, на что это похоже. Народ просто с ума сходит по гладиаторам. Особенно по женщинам, — добавил он поспешно. — Так что въезжать будем ночью.

— Ясно, — сказала Лисандра.

Да уж, если дело обстояло именно так, то избытка ненужного внимания лучше было избежать. Невменяемая толпа, беспорядки — что может быть хуже!

— Мы покроем повозки полотном, — сказал македонец. — На всякий случай.

— Весьма дальновидно!

— Ну, пока тогда, Лисандра.

Стражник снова улыбнулся, и она с неудовольствием заметила, что у него еще и переднего зуба во рту недоставало. Он неторопливо ушел прочь, продолжая жевать травинку.

Лисандра поведала своим соседкам о том, почему повозки остановились. Чтобы убить время,

она до самых сумерек рассказывала им миф про знаменитого охотника Ориона. Потом женщины начали расстилать одеяла, надеясь немного поспать. Когда караван двинется дальше, станет уже не до отдыха.

— Спасибо тебе, Лисандра, за все эти истории, — сказала ей Фиба.

— Чепуха, — отозвалась она, и ей самой показалось, что прозвучало это несколько спесиво.

— Мы их слушали и хоть чуток отвлекались. Нам же страшно. Ведь нас везут на арену, а там что угодно может произойти.

— Спартанцы ничего не боятся. — Формула, затверженная с детства, невольно прыгнула Лисандре на язык.

Фиба насмешливо фыркнула.

— Да ладно чушь пороть, — сказала она. — Знаешь, Лисандра, все равно никто не верит этому бесстрастию, которое ты на себя напускаешь. Ты на самом деле такая же, как все остальные. Мы боимся, и ты не исключение.

Тут Лисандра приподнялась и села. Она приняла решение. Нет, эти женщины не были такими же, как она. Что бы они там ни думали, им нужен был предводитель. Эти особы понятия не имели, до какой степени им повезло, что с ними

была она.

Лисандра в который раз прочувствовала правоту Телемаха. Да, в том, что она здесь оказалась, определенно присутствовал промысел богини.

— Сядьте-ка в кружок, — сказала она.

Эллинки повиновались и расселись кругом нее, поджав ноги. Где-то снаружи негромко переговаривались охранники, потрескивали дрова в кострах, издалека доносился печальный напев флейты. Лисандре невольно подумалось, что примерно таким мог быть вечер накануне битвы при Фермопилах, когда царь Леонид собрал кругом себя своих храбрецов и вдохновлял их на подвиг.

— Послушайте меня. Страх есть не чувство, а мысль. Он существует лишь здесь… — Она коснулась пальцами головы. — Забудьте о страхе. От него костенеют мышцы и немеют все жилы. Если он овладеет вами, то вы напрочь забудете все, чему вас успели научить в луде. Вам всем известно, что раньше я была жрицей и с детства училась сражаться.

Она сделала паузу и обвела взглядом испуганные лица, смутно видимые в потемках.

— И вот что я вам скажу. Я видела, как вы упражнялись. В нашем храме Афины ни одна из вас не осрамилась бы!

На самом деле это была чудовищная неправда, но Лисандра сочла ее необходимой для благого дела. Она не ошиблась. Ее слова тотчас возымели действие.

Спартанка прямо-таки почувствовала, как начало спадать напряжение, царившее в повозке, и продолжила:

— Весь мой опыт свидетельствует о том, что Палка, Катувольк и Нестасен — да, даже Нестасен! — натаскали вас превосходно. Да, учение было тяжким, изнурительным, порою жестоким. Но без этого нельзя обойтись! Без крепкого битья из обычного человека не выкуешь великолепного воина. Воинские повадки уже вошли в вашу природу. Запомните, что все военное дело — от боя один на один до столкновения многочисленных армий — не есть искусство. Это наука. В ней имеются свои аксиомы, теоремы и практическое приложение. В итоге тот, кто лучше владеет тактикой, выигрывает у более сильного. Хорошо усвоенные уроки позволят вам сохранить свои жизни, врагов же отправить в Гадес.

— Лисандра, ты в самом деле так думаешь? — прошептала рыбачка Пенелопа.

— Я не думаю. Я это знаю, — негромко проговорила Лисандра и снова обвела глазами женщин.

— И все равно это арена, Лисандра, — хмуро отозвалась Даная. — Мы там будем драться с людьми, которых совершенно не знаем. Нас могут убить.

— Могут, — согласилась Лисандра. — Но лишь тогда, когда настанет предначертанный час и ничего нельзя будет изменить. Нас убьют уж точно не оттого, что мы ослабеем от страха, — добавила она с презрением. — Мы падем, если боги решат нас забрать. Только тогда мы и погибнем в их честь! Но я не верю, что такое случится с нами. Наши враги падут, как пшеничные колосья под серпом!

Она помолчала, давая слушательницам время подумать, впитать значение ее слов, а потом распорядилась:

— Теперь ложитесь-ка спать и поменьше задумывайтесь о том, что может или не может случиться. Вверьте себя богине!

Она сказала так, первой покинула круг, забралась в свой Уголок и закуталась в одеяло. Мало-помалу эллинки расползлись по постелям, кажется, в немалой степени ободренные ее речью. Погружаясь в сон, Лисандра позволила себе чуть улыбнуться. Если до сих пор у них и были сомнения в том, кто верховодил в этой повозке, то теперь все было решено. Будь что будет. Ли-

сандра знала, что отныне они будут смотреть на нее как на предводительницу, а за ними последуют и другие.

Так тому и надлежит быть.

* * *

Поезд Бальба тихо въехал в городские ворота и пополз узкими, извилистыми улочками Галикарнаса. Ночной воздух был ощутимо прохладен, и многих женщин, разбуженных начавшимся движением, пробирала дрожь. Время, а вернее, безвременье между закатом и рассветом тянулось поистине нескончаемо, но караван в конце концов добрался до цирка, и всех гладиатрикс с почти военной точностью препроводили из повозок в помещения, нарочно выстроенные вокруг арены и даже под ней. Каморки оказались неожиданно просторными и, как с удивлением обнаружили женщины, даже удобными. Никакого сравнения с тесными закутками, в которых они спали у себя в школе. После изнурительного путешествия почти всех неудержимо клонило в сон. Лишь несколько спутниц Лисандры взялись было болтать, но она строго цыкнула на них, напомнив, что назавтра всем предстоит ответственный день.

Утром, причем заметно позже обычного, девушек разбудили Палка и Нестасен, вывели всех в просторный двор, где велели снимать грязные туники и обливаться водой. Утреннее солнце уже грело вовсю, так что холодная вода приятно бодрила и придавала сил.

— Это вам не баня, — посмеивался Нестасен. — Нам просто нужно, чтобы вы получше выглядели на смотре.

— На каком смотре?.. — Лисандра покосилась на Данаю, та недоуменно пожала плечами.

— Вам туда идти еще не сейчас, — продолжал Нестасен. — Люди, ясное дело, больше хотят посмотреть на гладиаторов-мужчин. Вы, бабье, пойдете лишь после них.

От Лисандры не укрылось, как Сорина при этих словах плюнула наземь. Нубиец же двинулся вдоль шеренги.

Он совал каждой гладиатрикс в руки по узелку с чистой одеждой и говорил при этом:

— Один размер на всех. Мы вам купили даже сандалии, чтобы вы случайно не накололи свои нежные ножки…

Лисандре досталась туника зеленоватого цвета. Она подняла ее перед собой, с неудовольствием разглядывая обновку.

— А красной не найдется? — спросила девушка.

Нестасен резко остановился и повернулся к ней.

— Это еще с какой стати? — поинтересовался он.

Темные глаза гиганта нехорошо поблескивали.

— Спартанцам пристало носить красное, Нестасен.

Наставник, казалось, задумался над ее словами.

— В самом деле? — Он дернул подбородком и велел Лисандре бросить зеленую тунику обратно ему в руки.

— Гребаные спартанцы, — выругался он и пошел дальше вдоль строя, оставив ее стоять как была, нагишом.

Переодевание заняло какое-то время, но наконец, с помощью парфянина Палки, всем женщинам, не считая Лисандры, была роздана новая одежда. Эллинка вовсе не стыдилась наготы, однако с ней обошлись подобным образом явно ради того, чтобы унизить, и она ощущала это со всей остротой.

— Видите? — громко сказал Нестасен, развинченной походкой двигаясь мимо нее. — Нашей

спартаночке не по ноздре пришлась туника, которую я ей подобрал. Скверно!.. — Он остановился и одарил ее паскудной улыбочкой. — Ладно, никто не скажет, что я действовал беспричинно.

Эти слова вызвали смешки у тех гладиатрикс, что стояли вне поля его зрения. Все в школе знали о вражде наставника и бывшей жрицы.

— Так вот, наша спартаночка пойдет по улицам обнаженной, — заявил темнокожий гигант, шагнул вперед и оказался совсем рядом с Лисандрой. — Если только ты не дашь мне повода передумать, — прошептал он, и его широченная ладонь оказалась у нее на бедре.

Лисандра отшатнулась. Широкие ноздри нубийца раздулись, ладонь скользнула выше.

— Не смей, — холодно сказала она.

— А я думал, тебе понравится, — проворчал Нестасен, играя с опрятными волосками у нее на лобке.

Это было уже слишком. Лисандра потеряла терпение, резко рванулась вперед и лбом ударила нубийца в лицо. Его носовая кость хрустнула, и этот звук показался спартанке совершенно упоительным. Нестасен взревел от боли, шатнулся назад и схватился за лицо. Между его пальцами обильно хлынула кровь. При виде отпора,

учиненного Лисандрой, женщины дружно разразились воплями восторга.

— Да я тебя убью!.. — прошипел Нестасен и поднял посох.

Лисандра вышла из строя. Она прислушивалась к себе и понимала, что несказанно рада этому противостоянию. Нестасен завизжал и ударил. Его посох со свистом рассек пустой воздух, потом еще и еще. Лисандра легко уворачивалась от его беспорядочных взмахов, а потом подгадала момент и впечатала ступню в подреберье наставника, ослепленного бешенством. Однако удар не остановил нубийца. Он снес Лисандру с ног, прижал к земле и передавил посохом горло.

— Убью! — вопил он, и на его губах пузырилась пена.

Лисандра не могла пошевелиться. Нестасен очень умело отнял у нее такую возможность. Она пыталась крутануть бедрами и сбросить его, но вес черного гиганта был слишком велик. В ушах у нее застучала кровь, перед глазами замелькали белые огоньки…

Неожиданно его хватка ослабла, и Лисандра мгновенно откатилась прочь, судорожно кашляя и хватая ртом воздух. Она кое-как пришла в себя, поискала глазами супостата и обнаружила, что

он тоже валяется на земле, держась за лицо. Над ним, держа наготове посох, стоял Катувольк. Где-то рядом раздавались крики Палки, призывавшего стражу.

— Оставь ее! — рявкнул Катувольк, встав между ней и нубийцем.

Нестасен успел подняться и, кажется, собирался броситься на собрата по наставничеству. В это время набежали стражники. Ни один из них не мог равняться с Катувольком или Нестасеном мощью и боевыми навыками, но их было слишком много, и они живо растащили мужчин в разные стороны.

Палка подлетел к ним вприпрыжку, чуть не лопаясь от ярости.

— Ты что делаешь, паршивый ублюдок!..

Это относилось к Нестасену.

Гигант, все еще удерживаемый стражниками, взревел, рванулся, и Палка приказал:

— Этого заковать!

Скрутить могучего Нестасена оказалось непросто. В конце концов стражники прибегли к самому простому способу. Они принялись осыпать его ударами со всех сторон. Спустя какое-то время Нестасен перестал сопротивляться. Его повалили и надели на руки цепи.

Катувольк сбросил с себя все чужие руки, поспешил к Лисандре и с бесконечной заботой приподнял ее голову.

— Ты в порядке? — спросил он.

Его зеленые глаза светились непередаваемой нежностью.

— Я просто красную тунику попросила, — прохрипела Лисандра, опасливо разминая помятую шею.

— А ну прочь от нее! — рявкнул Палка и пнул галла пониже спины.

Тот яростно обернулся, но Палка примирительно выставил ладонь.

— Хватит! Неприятностей и так достаточно!

Он приказал охране увести Нестасена и рассадить женщин обратно по каморкам.

— Я цела, — сказала Лисандра. — Правда, Катувольк, я жива и здорова!

Галл с облегчением улыбнулся и помог ей подняться. Он не сразу разжал руки. Ему явно нравилось прикасаться к ней.

— Спасибо тебе, — просто сказала она.

Подошел Палка и отогнал их друг от друга.

— Это еще что за фокусы? — пробурчал коротышка парфянин.

Катувольк хотел что-то сказать, но Палка его

оборвал:

— Слышать ничего не хочу! Пошел отсюда! Живо, живо!

Галл ответил мрачным, даже угрожающим взглядом, однако повиновался.

— А ты!.. — Палка повернулся к Лисандре и приставил посох к ее груди. — Сколько лишних хлопот! Пошли со мной!

* * *

Луций Бальб сложил пальцы домиком, разглядывая нагую спартанку, стоявшую перед ним. Предосторожности ради Палка велел надеть ей цепи на руки и на ноги, так что в настоящий момент она всего более напоминала плененную, но несломленную воительницу.

— Она треснула Нестасена башкой в нос, — рассказывал Палка. — От нее одни неприятности, Бальб, и ты очень хорошо это знаешь. Непокорство — штука заразная! Оглянуться не успеем, как все девки взбунтуются!

Бальб жестом велел ему замолчать.

— Что случилось? — обратился он непосредственно к Лисандре.

— Он пытался прикасаться к моим интимным местам, — ответила она. — Но мы не шлюхи,

ланиста, вот я и не позволила ему меня лапать.

— Один из стражников утверждает, будто ты отказалась надеть предложенную тебе одежду. Это правда?

— Почти, — согласилась она. — Я спросила Нестасена, можно ли мне надеть красную тунику, и совсем не предполагала, что из этого выйдет. Просто красный — это цвет Спарты.

Бальб откинулся к спинке кресла и уставился в потолок. Мелочь, конечно, но Тит уже рассказывал ему о неприязни, которую Нестасен возымел к Лисандре. И вот вам пожалуйста. Ничтожная просьба, из-за которой, по идее, ничего такого не должно было произойти, вылилась в открытую драку между наставником и гладиатрикс. Гордая Лисандра и недоумок Нестасен. Если следовать правилам, то Бальбу теперь надо бы у всех на глазах распять Лисандру за ее непокорство, назидания ради.

Но «следовало бы» не всегда означает «возможно». Не так давно он из-за нее потратил двадцать тысяч динариев. Такое вложение денег нельзя было этак вот взять и прибить к деревяшке, чтобы оно там завяло и умерло!.. Кроме того, усилиями молодого Фалько Лисандру уже внесли в списки участников игр как Ахиллию из Спарты. Наконец,

строптивая девчонка была совершенно права. Спартанские воины действительно одевались в красное, и это всем было известно. Удивительно ли, что у Бальба даже голова разболелась? Он ее не то что распять, даже наказать толком не мог. Завтра поутру ей предстояло сражаться. Спрашивается, много ли она навоюет со свежими ранами от кнута?! Да ее просто сразу убьют.

Бальб еще поиграл с мыслью насчет того, а не исключить ли ему Лисандру из состязаний да не заменить ли ее кем-то другим, но скоро оставил эту идею. Должен же он был наконец посмотреть, как спартанка отработает то снисхождение, которое он без конца ей оказывал!

Ланиста оторвал взгляд от потолка и снова уставился на Лисандру.

— Завтра тебе драться, — сказал он. — Когда вернемся в школу, ты за неповиновение получишь двадцать плетей. Стража!

На этот призыв рысью вбежали двое его людей, и он приказал им:

— Увести! Да красную тунику ей раздобудьте!

Палка сел напротив хозяина школы.

— Прямо не знаю, что с ней делать, — пожаловался он, когда Лисандру увели прочь. — Хотя думаю, что Нестасен сам напросился. Он ее по

любому поводу готов с грязью смешать.

— А ты сам не занимаешься точно тем же? — спросил Бальб. — У тебя, по-моему, тоже с посохом не задерживается, когда дело касается спартанки! И щупать лезешь вовсю, когда хочешь научить их покорности.

— Я с грязью смешиваю всех без разбора, и ты хорошо это знаешь, — ответил парфянин. — А руки распускаю только поначалу, чтобы сразу объяснить им, что они — собственность, не имеющая права на возмущение.

Бальб согласно наклонил голову, потом спросил:

— Ну а Нестасен?..

Палка пожал плечами.

— Я велел засадить его под замок, чтобы остыл немного. Пришлось чуток поколотить нашего нубийца, но пострадала в основном гордость. Меня, собственно, Катувольк больше волнует.

— А с этим-то что?..

— Он неровно дышит к Лисандре. Она ему явно небезразлична.

Последнюю фразу Палка произнес весьма презрительным тоном.

Бальб испустил тяжелый вздох. Да, Лисандра, похоже, грозила оказаться не таким уж выгод-

ным приобретением. Головной боли от нее была уйма, а вот окупятся ли затраты?..

Ланиста только спросил:

— Он был с нею?..

Палка непристойно хихикнул.

— Сомневаюсь. У нее, по-моему, в надлежащем месте и дырки-то нет. С таким же успехом можно статую обнимать! Просто Катувольк так ведет себя с ней… его точно пламя охватывает. Не нужно нам этого, ланиста. А то они с Нестасеном снова из-за нее схватятся, а меня в следующий раз может и не оказаться поблизости.

— Палка, ты же понимаешь, что накануне выступления мне все это совсем ни к чему, — тяжело проговорил Бальб.

— Может, нам все же стоило ее продать?.. — вопросом ответил парфянин.

Луций Бальб с раздражением отмахнулся.

— Что сделано, то сделано. Пока что она оставлена здесь, и наказание ей назначено, хотя и отсрочено. Ты только не спускай глаз с Катуволька, хорошо? Он и без того падок на женщин, но если вздумал влюбиться в мою собственность, то как бы я его самого на рынок не выставил!

* * *

Это была лишь видимость свободы, но даже и она оказалась ослепительна и великолепна. В самый первый раз со дня своего пленения Лисандра смотрела на мир не через решетку. Да, конечно, они шли в сопровождении стражей, но кругом не было стен. Взгляд ни во что не упирался до самого горизонта.

Македонец предупреждал ее о том, что приезд гладиаторов ставил город на уши, но она и представить себе не могла, до какой степени это соответствовало действительности! Бойцы, приехавшие на игры, шагали по улицам, и горожане форменным образом бились в истерике. Тем более что эдитор, устроивший эти игры, нанял не одного ланисту, а нескольких. Такое дело было не то чтобы вовсе неслыханным, но все-таки достаточно редким. Соответственно, интерес к завтрашним зрелищам превосходил всякое вероятие.

День успел сделаться обжигающе жарким, но даже палящее око Гелиоса не мешало народу выбегать на улицы в надежде посмотреть на своих любимцев поближе. Тысячи горожан выстроились вдоль пути следования гладиатор-

ских отрядов. Толпа ревела, напирала и грозила прорвать цепочку легионеров, выставленных городскими властями для сдерживания публики.

Люди были повсюду, куда ни повернись, и все-таки Лисандре удалось худо-бедно посмотреть на город. Галикарнас показался ей довольно-таки путаным и беспорядочным. Его построили карийцы, впоследствии весьма украсили архитекторы из Эллады, но их достижения испортили позднейшие и вполне бездарные римские нововведения. В центре города красовалась постройка, обязанная своим названием древнему карийскому царю Мавзолу. Увы, величественный мавзолей самым прискорбным образом терялся среди той сумятицы архитектурных стилей, которая его окружала.

«Именно с мавзолея здесь все началось, а потом он оказался совершенно лишним!» — подумала Лисандра.

Ей было известно, что девушки-бойцы не вызывали и половины того интереса, как гладиаторы-мужчины, но она шагала среди воительниц своей школы и этого что-то не замечала. На каждом шагу ее оглушал неистовый рев — то приветственный, то, наоборот, уничижительный. Все зависело от того, за или против кого данная

кучка зрителей делала ставки.

Как и все прочие бойцы, Лисандра несла табличку со своим именем и счетом выступлений, в котором значилось: «одна победа». Таким образом болельщики могли сопоставить имя и лицо и приветствовать тех, о ком говорилось в росписи игр.

Помимо приветствий и пожеланий из толпы в сторону гладиатрикс то и дело летели предложения жениться и другие, куда более разнузданные. Они были обращены не только к Лисандре. В головной части их колонны шагала Эйрианвен. Вот кого приветствовали точно богиню, спустившуюся с небес! Впрочем, девушка не видела в этом ничего удивительного. По ее мнению, силурийка могла возбудить зависть у самой Елены Прекрасной, спартанской царицы, чья красота некогда послужила поводом к Троянской войне.

Сорину приветствовали так же горячо. Эта амазонка, победительница во многих схватках пользовалась шумной поддержкой поклонников.

В общем, шествие по городу оказалось весьма утомительным, зато оно укрепило дух спартанки. Обожание такого количества народа пьянило не хуже хмельного вина, до такой степени, что

Лисандра почти и думать забыла о своем столкновении с Нестасеном. Накажут ее плетьми, ну и что? Дальше жить надо!

Парад завершился на большой арене, где, согласно очень древнему обычаю, для участников завтрашних игр было выставлено обильное угощение. Перед неизбежным сражением бойцы могли вкусить земных радостей, некоторые из них — в последний раз. Лисандра усмотрела некую иронию в том, что пир был устроен на том самом песке, которому назавтра предстояло впитать кровь многих участников сегодняшнего застолья.

Эсхил, устроитель игр, не поскупился на траты, и угощение оказалось без преувеличения роскошным. Столы стояли правильными рядами, едва ли не поскрипывая под тяжестью еды и вина. На них красовались фрукты и сладости, многие из которых Лисандра не смогла бы даже назвать, в воздухе витал дурманящий аромат жареного мяса. Виднелись многочисленные бочки вина и других пьянящих напитков, и бойцы в первую очередь подходили именно туда.

Лисандра с удивлением обнаружила, что эдитор расщедрился даже на то, чтобы пригласить музыкантов. Между столами расхаживали девуш-

ки, наигрывавшие на флейтах. Они весьма редко попадали одна другой в лад, но эта нестройная игра даже некоторым образом гармонировала с разгульной пирушкой. Еще устроители немало позаботились о безопасности. Каждой гладиаторской школе было отведено четко обозначенное место — во избежание ссор и драк, которые слишком пылкие или перепившие бойцы могли затеять накануне выступления.

Они были разделены таким вот образом, но видели друг дружку. Женщины могли наблюдать за мужчинами-гладиаторами, чему немало порадовалась Пенелопа.

Эллинки нашли свободный стол и, как у них теперь повелось, уселись все вместе.

— Нет, я вам точно говорю!.. — жуя куриную ножку, с энтузиазмом вещала Пенелопа. — У меня недавно пришли месячные. Сегодня вечером я точно что-нибудь предприму, чтоб мне сдохнуть! И позабавлюсь, и последствий точно не будет…

— И сдохнешь, — добавила Даная. — Знаешь же, что это запрещено!

Афинянка наморщила носик и взялась за фаршированную соню-сплюшку. Италийские девушки успели рассказать эллинкам, что это любимое лакомство римлян.

— А мне плевать, — передернула плечами Пенелопа. — Вам, может, и хватает потереться да полизаться между собой, но мне этого мало! Вы можете месяцами питаться сухариками, мне же подавай настоящего мяса! Да со всеми приправами!

Эти слова заставили женщин дружно расхохотаться. Даже Лисандра чуть улыбнулась.

— Еще вина? — Фиба взялась за большой стеклянный сосуд.

Ладонь Лисандры вылетела вперед и больно хлестнула ее по рукам. Фиба рассерженно вспыхнула.

— Не глупи! — предостерегла спартанка.

Коринфянка в ответ указала ей на Эйрианвен и ее подруг. Они наслаждались мерзостным пивом, которое так нравилось дикарям.

— Они вон пьют, — сказала Фиба. — Значит, можно и нам!

— Это варвары! — отрезала Лисандра надменно. — А мы эллинки! Мы пьем вино понемногу и разбавляем его водой, а уж сегодня — в особенности! Мне совсем не хочется, чтобы завтра у вас в кишках оказались чьи-то мечи лишь потому, что вы отяжелели от выпитого сегодня!

Эти речи ей самой показались чуточку лице-

мерными. Бывшую жрицу некогда унесли без чувств после пирушки, устроенной в луде. Впрочем, никто не стал ей об этом напоминать.

Под конец застолья Лисандра извинилась перед товарками, встала и отправилась к столу, где сидела Эйрианвен. Она кивнула Сорине и села, сопровождаемая холодным взглядом дакийки.

Глаза Эйрианвен успели немного помутнеть от неумеренного употребления варварского пойла.

— Лиса-а-андра, — заулыбалась прекрасная силурийка. — Как я рада тебя видеть!

Она крепко обняла спартанку, отчего та порядком-таки напряглась. Девушка не привыкла к открытым проявлениям приязни, а уж это варварское обыкновение по поводу и без повода прикасаться друг к дружке могло кого угодно вывести из равновесия.

— Я пришла пожелать удачи, — сказала Лисандра и обвела глазами стол. — Вам всем.

Сорина отняла от губ чашу и ответила:

— Мы в этом не нуждаемся. Мы не новички вроде тебя и твоих подружек.

Ну что взять с варварки?.. Лисандра подумала, что Сорине нельзя было вменять в вину ее грубость. Она по-другому просто не умела.

— Спасибо, — подала голос иллирийская дима-

хайра по имени Тевта и приветственно подняла пенистый кубок.

— Вы все пьете… — Лисандра лишь констатировала очевидное.

— Ну да! Хочешь пивка? — Эйрианвен даже причмокнула от удовольствия. — Египетское! Самое вкусное!

— Нет, благодарю. Неразумно напиваться в стельку перед сражением.

— Ха! — восхитилась Сорина. — Что за советы от ветерана, участвовавшего в одном-единственном сражении, притом образца трезвости! Извини, что не падаю на колени перед величием твоего опыта.

— Какую обиду я причинила тебе, амазонка? — осторожно поинтересовалась Лисандра.

Ей совсем не хотелось, чтобы между нею и Сориной вспыхнула еще одна свара.

— Ты, девочка, не того полета пташка, чтобы я на тебя обижалась, — хмыкнула в ответ Сорина. — Посмотри на себя и на этих твоих подружек. — Она небрежно ткнула в ту сторону, где сидели эллинки. — Вы всего лишь скот, предназначенный на убой. Новички выживают редко. В тебе, например, я не вижу того, что для этого требуется.

— Ты напилась, — резким голосом сказала Лисандра. — Но тебе не следовало бы меня оскорблять.

— Конечно, я напилась, — ответила Сорина. — Пить перед битвой — значит воздавать честь богам, в которых веришь. Если ты была жрицей, то должна это знать.

— Мы не воздаем честь Афине, валяясь в пьяном оцепенении. Глупо выходить на бой, когда с похмелья трещит голова.

— Ты же доверяешься своей богине, ведь так? — Сорина поставила чашку на стол, разделявший их.

— Конечно, — сказала Лисандра.

— В таком случае нет большой разницы, умрешь ты пьяной, трезвой или вовсе похмельной. Получается, что для жрицы ты весьма маловерна.

Лисандра встала и выпрямилась.

— Я пришла пожелать вам удачи. Но я не желаю быть девочкой, которую бьет старая кляча, погрязшая в выпивке и рассуждениях о былой славе!

Она повернулась и ушла, не дожидаясь, пока Сорина изобретет достойный ответ. Спартанка набрала полную грудь воздуха и с усилием выдох-

нула, изгоняя из своего тела дурные токи гнева. У нее неожиданно заболела голова, она решила уйти с пиршества и лечь спать.

Их закуток, понятное дело, был пуст. Все прочие женщины наслаждались разгульной свободой. Лисандра сняла сандалии, забралась на ложе, села и подтянула коленки к самому подбородку. Ее мысли помимо воли крутились вокруг завтрашних событий, которые могли завершиться как угодно. Лисандра не боялась наступления утра, скорее уж, она ждала его с предвкушением. Жрец-афинянин был прав, когда упрекал ее. Воинское учение не стоит ломаного гроша, если оно не проверено в настоящих битвах. Что проку от самого острого меча, если не вынимать его из ножен? Как оценить закалку клинка, не скрестив его с другим? У спартанки не было никакого сомнения в том, что завтра она победит свою соперницу. Тогда-то все и узнают, на что она способна!

Эта мысль согрела ее, и Лисандра улыбнулась в потемках.

В это время дверь каморки раскрылась. Девушка вздрогнула и позабыла о своих размышлениях. Она обернулась и увидела в дверях силуэт Эйрианвен. Силурийка держала в руках сосуд с вином и что-то говорила охраннику. Лисандра расслы-

шала несколько слов, потом — безошибочно узнаваемый звон монет, переходящих из одних рук в другие.

Наконец Эйрианвен вошла в каморку и закрыла за собой дверь.

— Я тебе вина принесла, — просто сказала она, подошла к ложу и, не дожидаясь приглашения, села против Лисандры.

У той сразу пересохло во рту, а где-то глубоко внутри забили невесомыми крыльями бабочки. Ладони девушки вдруг стали влажными и холодными, зато сердце участило бег.

— Я сегодня не пью, — пробормотала она, совсем запутавшись в своих чувствах и ощущениях.

— Чепуха! — Эйрианвен вложила ей в руку бутыль. — Я тут смешала три части воды и одну часть вина, как это делаете вы, греки.

Лисандра улыбнулась и тотчас простила гостье даже то, что та назвала ее на римский лад. Обычно она оскорблялась, когда ее именовали гречанкой, а не эллинкой.

— Ну, тогда… Тогда почему бы и нет?

Чувствуя на себе взгляд силурийки, девушка пригубила напиток, после чего обнаружила, что не может посмотреть Эйрианвен в глаза.

— Не обращай внимания на Сорину, — проговорила та негромко. — Она на всех бросается, когда под хмельком. Я пришла за нее извиниться, Лисандра. Ты, наверно, считаешь нас варварами, но у нас тоже есть свои правила…

Она возвела глаза к потолку и даже пыталась помочь себе жестами в поисках нужного слова.

— Приличия, — подсказала Лисандра.

— Да! — Эйрианвен щелкнула пальцами. — Приличия, вот. Сорина нагрубила тебе, но что взять с пьяной! Утром она проснется и сама пожалеет о сказанном.

Лисандра передала ей сосуд.

— In vino veritas, Эйрианвен. Истина в вине. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Не любит она меня, а за что?

— Она всех греков и всех римлян не любит… Ой, не так. Сорина не любит все то, что олицетворяют греки и римляне. Цивилизацию, законы, прямые дороги и рассуждения философов. Все это — надругательства над нашей Матерью-Землей. Это неестественно. Грешно идти против установлений богини.

— Но я действительно жрица Афины, — заметила Лисандра.

Она выговорила это с необычайной для нее мяг-

костью, сама удивляясь, почему ее не выводили из себя рассуждения Эйрианвен о божественной природе вещей.

— А-ти… А-фи-на, — примерилась Эйрианвен к незнакомому слову. — Как это по-гречески!

Она рассмеялась, смешок получился несколько хмельным.

— Вам, цивилизованным людям, хочется все разложить по полочкам. Эта Ат… Аф… как ее там, в общем, она есть просто один из ликов Великой матери. Как Юнона, Венера… ну и все остальные.

Она называла богинь по римскому обыкновению, но Лисандра понимала, что у силурийки просто случая не было узнать их правильные имена.

— Не та сегодня ночь, чтобы рассуждать о богах, — подумав, проговорила она.

Взгляды Эйрианвен на сей счет были не только в корне неверны, но и порядком возмутительны. Однако затевать спор Лисандре совсем не хотелось. Она опустила глаза и невольно присмотрелась к ножкам силурийки. Это в самом деле были не ноги, а именно ножки, очень маленькие, куда меньше, чем у нее самой, и такие изысканно красивые, прямо точеные.

Лисандра невольно сглотнула.

— Лучше нам поговорить об испытаниях завтрашнего дня.

Эйрианвен поерзала на ложе, чуть придвинулась, а потом наклонилась к спартанке. Их лица оказались совсем близко одно от другого.

— Боишься? — вполголоса спросила она.

— Спартанцы ничего не боятся. — Формула, затверженная еще в детстве, вновь слетела с языка Лисандры.

Она невольно подняла глаза, встретилась взглядом с Эйрианвен и поняла, что уже не может не смотреть на нее.

А та спросила:

— Тогда почему ты дрожишь?

— Я не…

Губы Эйрианвен не дали ей договорить. Поцелуй был удивительно нежным, и Лисандра отозвалась на ласку. Потом Эйрианвен обняла ее. Дрожь, колотившая эллинку, немедленно стихла, сменившись теплом, подобного которому она никогда прежде не знала. Она почувствовала, как уплывает ее воля, как она перестает сопротивляться накатывающему блаженству. Губы Эйрианвен порхали по ее телу, продвигались сверху вниз, восхитительно исследовали шею Лисандры. Девушка ожила и затрепетала.

Где-то глубоко внутри еще звучал голос, требовавший, чтобы Лисандра положила этому конец, пока дело не зашло слишком далеко. Ну да, конечно, ей было известно, что сестры по храму нередко практиковали сапфическую любовь, полагая, что она не является нарушением обета целомудрия. В гладиаторской школе пожалуй что все женщины избавлялись от плотского напряжения именно таким образом. Но она, Лисандра, до сих пор еще ни разу не уступала велениям естества. Предаться похоти для нее означало слабость, а значит, было недопустимо.

Думала-то она так, но почему-то лишь закинула руки за голову, пока Эйрианвен нежно освобождала ее от туники. Девушка осталась нагой и внезапно застеснялась своего обнаженного тела. Этого с ней тоже никогда прежде не случалось. Она даже попыталась прикрыть грудь, но Эйрианвен мягко отвела ее руку. Глядя спартанке в глаза, силурийка коснулась ее плеч и повела пальцы все ниже. Губы Лисандры разомкнулись, ее соски почти болезненно напряглись.

— Как же ты прекрасна, Лисандра.

Сердце эллинки стукнуло невпопад. Она робко потянулась вперед, чтобы притронуться к Эйрианвен. Та наклонилась и нашла губами

груди спартанки. Лисандра запрокинула голову и позволила себе раствориться в этой упоительной ласке. Ее тело жило, трепетало и пело. Она услышала собственный всхлип наслаждения. Влажные губы Эйрианвен накрыли ее сосок, и язык силурийки начал играть с ним.

Когда Эйрианвен неожиданно отстранилась, у Лисандры даже вырвался стон — неужели все кончилось? Она открыла глаза и увидела, что ее подруга всего лишь стаскивает тунику. Нагая силурийка была настолько великолепна, что у Лисандры дух перехватило и слезы навернулись на глаза при виде такого совершенства. Крупная грудь кельтских женщин всегда казалась ей малопривлекательной, но первый же взгляд на Эйрианвен открыл, что раньше она была просто слепа. Плотское желание взвилось могучей волной. Она сама притянула к себе Эйрианвен и нашла губами ее губы. Этот поцелуй оказался таким восхитительным, что сердце Лисандры чуть не остановилось под напором страсти и нежности.

Мало-помалу Эйрианвен уложила ее навзничь и накрыла своим телом. Ее груди дразнящее покачивались над самым лицом спартанки. Лисандра потянулась к ним и попробовала повторить то,

что недавно проделала с нею Эйрианвен. Она пробовала ее соски на вкус, ласкала их языком, нежно-нежно покусывала.

— Я правильно делаю? — внезапно испугавшись, шепотом спросила девушка. — Тебе хорошо?

Эйрианвен негромко рассмеялась.

— Не бойся, — сказала она и опустилась пониже, чтобы Лисандре не приходилось тянуться. — Ты прелесть!

Спустя некоторое время губы Эйрианвен пустились в упоительное путешествие. Они опускались все ниже, язык ласкал кожу Лисандры. Когда зубы силурийки легонько ущипнули нежную плоть на внутренней стороне бедра, Лисандра раскинула руки и выгнула напряженную спину. Губы возлюбленной просто сводили ее с ума! Вот они переместились к самому сокровенному, бережно тронули влажные лепестки… Лисандра закусила губу, ее бедра сами собой начали ритмичный медленный танец. Эйрианвен продолжала лукавую игру, дразня спартанку обещанием грядущего восторга.

— Эйрианвен… пожалуйста…

Ее голос прервался. Лисандра заскрипела зубами, на ее шее напряглись жилы, пальцы впились

в подостланное одеяло. Эйрианвен пустила в ход язык, вновь и вновь погружая его в чашу любви, истекающую медом.

Лисандра полностью потеряла представление о том, где она и что с ней происходит. Ее тело покрылось жемчужинами пота, оно то наливалось жаром, то остывало. Она вскрикнула, когда язык Эйрианвен взялся за самый чувствительный бутон ее тела, обдавая волнами неописуемого блаженства все существо. Она нащупала руками золотую гриву Эйрианвен и запустила в нее пальцы. Язык силурийки задвигался проворнее, ее палец явился ему на помощь и взялся за работу. Он двигался все быстрей, все сильнее.

В чреве Лисандры возгорелся огонь. Он распространился и поглотил все ее тело. Она окаменела от напряжения, утратила способность дышать, качалась на краю бездны и не знала, что ждет ее дальше. Палец Эйрианвен сдвинулся ниже, задел плотно стиснутый кулачок другого отверстия, потом проник внутрь. Рот Лисандры распахнулся настежь в беззвучном крике. Она забилась в неуправляемой судороге страсти, полетела в бездну и рухнула в море восторженного блаженства. Ее слуха словно бы издалека достиг некий звук, и она с удивлением поняла, что это были ее

собственные вскрики наслаждения. Многолетняя плотина сдержанности и целомудрия исчезла, очистительный огонь обдавал все чувства спартанки. Невероятное ощущение то отступало, то повторялось и нарастало, всякий раз вознося ее к новым вершинам.

Потом она лежала, беспомощно трепеща, чуть живая и вымотанная до предела.

Ее грудь вздымалась как после тяжелой работы, взмокшие волосы прилипли ко лбу. Эйрианвен устроилась рядом с ней и улыбнулась, увидев ее состояние. Они снова поцеловались. Лисандра ощутила на губах силурийки вкус собственной страсти и почему-то не почувствовала никакого стыда. Губы Эйрианвен прошлись по ее щеке, по шее. Потом она повернулась на спину, раскинула ноги и принялась ласкать себя. Лисандра заворожено следила за ее руками.

— Ну? — чуточку насмешливо и совсем не обидно проговорила Эйрианвен. — По-моему, я заслужила награды!

Она потянула Лисандру к себе, та устроилась сверху. В комнате раздались сперва стоны, потом и вскрик силурийки.

XVIII

Через несколько часов Эйрианвен все же выскользнула за дверь, хотя Лисандра всячески упрашивала ее остаться. В сердце эллинки поселилось очень странное чувство, которому никогда прежде не находилось там места. Она испытывала прямо-таки физическую нужду в обществе силурийки. Однако Эйрианвен осталась тверда, и после очень ласкового прощания и поцелуев они расстались.

Лисандра осталась одна, откинулась на ложе и прикрыла локтем глаза. Память о только что пережитых ласках была еще жива и свежа в ее теле. Никогда прежде она не чувствовала такого желания — и такого одиночества! Она глухо подумала, что негоже было подобным образом уступать зову плоти.

«Между прочим, вот так и поймешь, отчего люди бывают готовы буквально на все ради соития!»

Лисандра вспомнила, как ласкала сама себя, сравнила с тем, что произошло между нею и Эйрианвен, и криво улыбнулась в темноте, поняв,

что ничего общего тут и быть не могло.

Дверь каморки вдруг резко распахнулась. Лисандра вскинула голову. Она отчаянно надеялась на то, что это все-таки вернулась Эйрианвен, но была жутко разочарована — внутрь ввалились ее подопечные эллинки. Несмотря на призывы Лисандры к умеренности, они успели порядочно нагрузиться на пиру, хотя, по счастью, совсем уж беспамятной жертвой Диониса не пала ни одна.

— А я вам вот что скажу! — перешагивая порог, весело заявила Пенелопа. — Это было… ну, точно детская ручка яблоко держала!

— Ой, только не надо подробностей, — отмахнулась от нее Фиба, но заткнуть рот Пенелопе оказалось не так просто.

— Такой толстый! — восхищалась она. — А яйца! Как у быка! И мышцы, мышцы… Вот что такое настоящий мужик!

— Звали-то его как? — спросила Даная.

— Да что мне в его имени? — дернула плечиком Пенелопа и направилась к своему ложу. — Мне от него нужно было только одно, и я своего добилась! Он меня мигом до стонов довел, точно распоследнюю потаскуху.

Тут она оглянулась на Лисандру, приподнявшуюся на лежаке.

— Ой, прости! Мы тебя разбудили?

— Нет.

Лисандра выговорила это и обнаружила, что даже малопристойный рассказ Пенелопы не смог нарушить ее размягченного состояния.

— Я не спала. А ты, я вижу, заполучила то, что искала?

— Да еще как! — Пенелопа стащила тунику и юркнула под одеяло. — Точно тебе говорю, Лисандра, это не парень был, а сущий жеребец! Я бы все равно поделать ничего не могла! Я точно жеребенка рожала, если ты понимаешь, о чем я!

Лисандра улыбнулась, потягиваясь.

— Не вполне, — сказала она. — Но поверю на слово…

— Ты в таком хорошем настроении, что я аж удивляюсь, забираясь в постель, заметила Фиба. — Ты тут пила? — Она указала на сосуд, оставленный Эйрианвен.

Лисандра невольно покраснела. Ее доброе расположение духа не имело никакого отношения к радости пития.

— Почти нет, — сказала она вслух. — Всего, может, чашку, просто чтобы лучше спалось.

На том разговоры в комнате прекратились. Женщины завалились в постели, и сон сморил

их.

Прежде чем Морфей сомкнул свои объятия, каждая успела подумать о завтрашних боях, и ни одной из них не было страшно.

* * *

На рассвете их разбудил Катувольк. Он, по обыкновению, был в отличном настроении, добродушно препирался и перешучивался с женщинами. Его взгляд то и дело отыскивал Лисандру и сразу теплел. Это вызвало у нее легкую улыбку.

Все вышли наружу — готовиться к играм.

Галл остановил ее в дверях.

— Хорошо выглядишь, — сказал он. — По-моему, ты готова драться.

— Точно, друг мой, — ответила она на ходу.

«Может, подобное обращение поможет слегка остудить его заботливый пыл? Должна же я показать ему место в ряду моих душевных привязанностей. Он мне лишь друг, и не более. В моем сердце безраздельно царствует Эйрианвен».

Между тем воительниц быстро и без особой суеты провели в подземные коридоры, выводившие на арену. Вокруг сновали рабы, безликие и безымянные.

Лисандра подошла к вратам жизни и выгля-

нула на арену. Женщин-бойцов держали на второстепенных ролях. Они не принимали участия в церемонии открытия игр. Прошли разок через город — и довольно, хватит с них. Бойцы-мужчины как раз сейчас обходили арену под рукоплескания восторженной публики. За каждым гладиатором рабы несли его оружие и доспех, а также табличку с именем, боевым стилем и счетом побед. Когда кто-либо из них проходил перед ложей знати, расположенной над самым краем арены, могучий раб с рупором, усиливавшим голос, громко выкрикивал то, что было написано на табличке, ибо подавляющее большинство зрителей не умели ни читать, ни писать.

Конечно, за происходившим во все глаза следило многочисленное братство азартных игроков. Знатоки опытным взглядом выискивали признаки слабости или силы, оценивали походку бойцов и в последний раз прикидывали, на кого ставить.

Публика возбужденно загудела, когда было объявлено, что в амфитеатре присутствует сам Секст Юлий Фронтин, правитель всей Малой Азии. Он встал на ноги в главной ложе, принимая аплодисменты толпы. Лисандра оценила шумное

приветствие зрителей и подумала, что правитель пользовался их любовью.

— Мясник, — достиг ее слуха голос Эйрианвен.

Лисандра обернулась, ее лицо озарила улыбка.

— Эйрианвен! — Имя любимой словно бы обласкало ей губы. — Я смотрю, ты не любишь Фронтина?

Эйрианвен незаметно протянула руку и коснулась талии спартанки.

— Не люблю — это мягко сказано, — проговорила она. — Это завоеватель, поработивший мой народ. Ненавижу гада!

Лисандра кивнула, не зная, что на это сказать. Гнев Эйрианвен был более чем понятен, но… как прикажете цивилизовать варваров, если не силой меча? Они ведь нипочем не захотят добровольно встать на путь просвещения. Ну да, это чревато войной, множеством смертей и несчастий, но в конечном итоге все служит их же величайшему благу!

Лисандра впервые подумала об этом без особой уверенности. То, что на пути к этому великому благу Эйрианвен угодила в рабство, было, конечно же, неправильно. Нехорошо. Верно, она родилась дикаркой, но до чего же была прекрасна!

— Ладно, ну его, — так и не придумав, что ответить, сказала она. — Сосредоточься на поединке! Ты должна уцелеть!

Эйрианвен одарила ее бесподобной улыбкой.

— Мой поединок состоится лишь через несколько дней. Все будет хорошо. Я — Британика!.. — назвала она свое гладиаторское имя. — Великая воительница, которую все боятся!

— Скоро у нее появится достойная соперница, — рассмеялась Лисандра. — Ахиллия Спартанская стяжает еще более громкую славу!

— И никто не будет знать, какая она мягонькая там, под доспехами, — сказала Эйрианвен и лукаво подмигнула ей. — Мне отлично известны все уязвимые места Ахиллии Спартанской!

Лисандре отчаянно захотелось немедленно поцеловать ее, но, увы, кругом было слишком много посторонних глаз. Она видела, что и Эйрианвен желала того же. Они медленно отступили одна от другой.

— Удачи тебе, — сказала Лисандра.

— И тебе того же. — Эйрианвен помедлила. — Ты победишь, спартанка!

С этими словами она повернулась и пошла прочь.

Лисандра следила за ней глазами, пока силу-

рийка не затерялась в толпе. Потом она снова стала смотреть на арену, где работники как раз устанавливали сложные декорации, изображавшие лес.

* * *

— Стало быть, ты почесала, где чешется, — едко заметила Сорина.

Опытные гладиатрикс собрались в большом помещении. Они были слишком хорошо знакомы со всеми подготовительными работами на арене и давно утратили охоту на них смотреть.

Эйрианвен, завязывавшая сандалии, подняла голову и кивнула.

— Ну да, — сказала она. — Только этот зуд проходит не скоро.

— Тьфу! — плюнула амазонка. — Она ведь еще и гречанка, а греки еще хуже римлян. Я не потерплю, чтобы одна из нашей общины путалась с подобной тварью. Пользуйся ее телом, дочь друида, но дальше чтобы дело не заходило!

Эйрианвен поднялась. Ее синие глаза вспыхнули.

— Ты здесь, может, и старшая, Сорина, но я тебе не принадлежу!

— Не принадлежишь, — сказала Сорина. — На-

ми владеет Бальб, а он — тварь того же розлива, что и та, которую ты повадилась ублажать!

— Ты живешь ненавистью, которая иссушила тебя, — ответила Эйрианвен. — А я всюду ищу себе толику радости. И я ее нашла, когда появилась Лисандра.

— Так теперь она для тебя Лисандра, а не «эта спартанка»? Не «эта гречанка»? — Сорина с отвращением тряхнула головой. — Стыдись!

Эйрианвен очень захотелось хорошенько ей вмазать, но традиции союза, образованного старшими гладиатрикс, не позволяли поднимать руку на предводительницу. Слово Сорины было законом. Поэтому Эйрианвен лишь покачала головой, молча села и вновь занялась завязками сандалий.

— Надеюсь, ее скоро убьют, — сказала Сорина. — Может, тогда ты вспомнишь, кому на самом деле должна принадлежать твоя верность!

Она не добавила к этому ни слова и вышла из комнаты.

* * *

К Лисандре, смотревшей на арену через решетку ворот жизни, подошла Хильдрет.

— Привет! Как ты сегодня? — произнесла гер-

манка их ритуальное приветствие.

— У меня все хорошо, Хильдрет, — ответила та. — А у тебя как?

— И у меня все хорошо, — очень серьезно ответила Хильдрет.

Она тоже взглянула за решетку. Там разыгрывалась странноватая, но яркая, даже живописная сцена. Через бутафорский лес, устроенный на арене, верхом ехали женщины. Их было не менее дюжины.

— Это что? — спросила Хильдрет.

Лисандра ответила:

— Так казнят преступников. Женщины гоняются за ними по лесу, настигают и убивают. Вот ведь какой необычный поворот в играх!

— Почему?

— Обычно начинают с боя диких зверей, потом следуют казни. Похоже, нынешний эдитор решил поступить иначе. Как бы то ни было, Хильдрет, эти игры особые. Необычные! Нас ждет первое выступление!

— А они отличные наездницы, — подметила германка.

— Эти женщины родом из Фессалии, что к северу от Эллады, — пояснила Лисандра. — Тамошние жители славятся искусством верховой езды.

Хильдрет только крякнула, когда увидела, как одна фессалийка проткнула копьем какого-то невезучего парня и снискала дружные аплодисменты толпы.

— Ты готова биться? — спросила она, не отрывая глаз от арены.

— Конечно, — не без некоторого высокомерия отозвалась Лисандра.

Ей успела здорово надоесть самонадеянность Хильдрет, обретенная после того их давнего боя. Ну да, в тот раз она очень скверно дралась, но то, что былая соперница принялась вести себя так, будто в чем-то превосходила ее, было попросту возмутительно.

Лисандра отвернулась и стала следить за драмой, разыгрывавшейся в «лесу».

Несколько жертв погони объединились, сумели стащить с коня одну из наездниц и теперь вершили над ней жестокую месть. Один из них кромсал распростертое тело фессалийки ее же мечом. Та буквально выла, призывая на помощь, толпа отвечала ей презрительным улюлюканьем. Бедняга наконец получила последний удар, перерубивший ей шею, и крики замолкли. Беглецы ликовали, но их радость оказалась недолгой. Вооруженные всадницы, привлеченные воплями

погибающей товарки, уже разворачивали коней и пускали их в галоп.

Лисандра испытала некоторое потрясение, когда увидела, что организаторы игр обошлись с этими мужчинами как с дикими животными. Ее поразило, что им не дали даже реального шанса сразиться. Их просто поубивали, и все. Как скот на бойне. Лисандра не знала и знать не хотела, каковы их прегрешения перед законом. Для нее было очевидно лишь то, что поступили с ними в высшей степени варварски. Она даже подумала, что Сорина, может быть, не так уж и заблуждалась в своей оценке римлян и всего римского.

— Только не вздумай опять драться говенно, — прервал ее размышления голос Хильдрет. — Тут все по-настоящему, — добавила германка и кивнула в сторону арены, где всадницы как раз добивали своих невезучих противников.

— На сей счет можешь не волноваться, — сухо ответила Лисандра, повернулась и ушла, оставив Хильдрет наблюдать за событиями на арене.

* * *

Когда Лисандра разыскала своих эллинок, те сидели молча, думая каждая о своем. Она хотела сказать им нечто ободряющее, но прикусила

язык. Женщины сосредоточились. Они готовились к грядущему испытанию. Мешать им не стоило.

Оказавшись таким образом не у дел, Лисандра присела в уголок и опять задумалась об Эйрианвен, но тут же тряхнула головой, сердясь на себя. Ей ведь тоже стоило бы сосредоточиться на бое, который вскорости должен был начаться. Отвлекаться в подобный момент — как же это не по-спартански! Каковы бы ни были ее чувства к прекрасной британке, все посторонние мысли следовало безжалостно отставить, отогнать прочь. Лисандра вновь подумала о том, как же ей все-таки повезло. Как гласила поговорка, ходившая в ее городе, она была эллинкой по рождению и спартанкой по особенной милости богов. Жрица Афины знала, что лишь спартанцам было дано так управлять своими чувствами, как это умела она. Именно благодаря этому они и возвысились над всеми прочими эллинами.

Из полутьмы подземных переходов возник Палка, по безобразной физиономии которого блуждала улыбка. Он нес в руке ведерочко жидкого масла.

— Казни почти завершились, — сообщил он. — Скоро ваш черед.

Услышав это, женщины зашевелились, и Палка добавил:

— Так что начинайте-ка готовиться!

— Кто будет драться первой? — спросила Фиба.

В ее голосе звучала заметная хрипотца, и Лисандра заподозрила, не была ли она признаком страха.

— Как кто? Конечно, наша спартаночка, — ответил Палка, поставил ведерко, махнул рукой на прощание и ушел.

Лисандра с напряженной улыбкой стащила с себя тунику и бросила ее Данае. Потом она покачала головой, повертела шеей, разминая мышцы и заодно отбрасывая прочь все остатки ненужных мыслей и чувств. Залогом победы были готовность к бою, выучка и осознание своей силы. В бою должно думать тело, а не разум. Лисандра взялась за простые разогревающие упражнения, одновременно освобождая рассудок. Вскоре ее тело залоснилось от пота. В нем не было ни малейшего напряжения, а разум обрел желанную свободу и пустоту.

Она зачерпнула горстью немного масла, принесенного Палкой, и смазала им волосы, отводя вороные пряди назад ото лба. Будто повинуясь молчаливой команде, подошла Фиба и завязала

ей волосы в хвост. Потом коринфянка тоже обмакнула ладонь в масло и начала втирать его в мускулистую спину Лисандры, покрытую шрамами. Даная зашла спереди, опустилась на колени и начала смазывать торс и ноги спартанки. Их слаженные действия чем-то напоминали ритуал перевоплощения. С каждым прикосновением рук Лисандра будто исчезала. Вместо нее все больше появлялась Ахиллия. Масло впитывалось в кожу девушки и становилось незримой броней, отъединявшей ее истинную личность от гладиатрикс Ахиллии, бьющейся на арене.

Наконец Фиба с Данаей отступили прочь и стали любоваться своей работой. Тело Лисандры лоснилось в факельном свете. Из одежды на ней была только набедренная повязка, и бледноватая кожа придавала спартанке сходство с мраморной статуей.

— Все, — сказала Даная. — Ты готова.

Лисандра в сопровождении Данаи и Фибы двинулась в сторону ворот жизни.

— Не трусь, — шепнула ей коринфянка на ходу. — Все будет хорошо!

— Не пори чушь, — пробормотала Лисандра. — Спартанцы не знают страха.

— Ну а я знаю, — ощетинилась Фиба. — Не пой-

му, почему ты так спокойна?!

Лисандра покосилась на нее, не поворачивая головы.

— Просто я знаю, что победа будет за мной.

Они остановились возле ворот и стали смотреть на толпу. Утро близилось к середине. Трибуны еще не заполнились до отказа, но зрителей было уже достаточно для того, чтобы производить оглушительный шум.

— А это вправду здорово возбуждает, — не обращая внимания на испепеляющий взгляд Фибы, сказала Даная.

Вот на песок, одышливо пыхтя, выкатился лысеющий толстячок и принялся размахивать руками, требуя тишины.

Потом он поднес ко рту раструб и закричал:

— Начинаем самый первый сегодняшний бой!

Толпа немедленно расшумелась, похоронив его голос, но спустя некоторое время публика опять успокоилась.

— Девушки-гладиаторы, призванные сегодня порадовать ваш взор, явились сюда из стран, населенных могучими воинственными племенами! Далеко на севере, за страной варваров-бриттов лежит холодная Каледония! Тамошние жители поклоняются злым богам и пожирают детей!

Зрители встретили это заявление осуждающим гулом и шипением. Судя по всему, эдитор уготовил противнице Лисандры роль записной злодейки.

— Великий правитель Фронтин! Совет и народ Галикарнаса! Я представляю вам Альбину из Каледонии!

При этих словах распахнулись ворота, противоположные тем, у которых стояла Лисандра, и на арену вышла сущая великанша. Ее кожа отливала белизной зимних снегов, сплошь разрисованной синим узором. Полосы, спирали, некие таинственные символы теснились по всему телу. Торс Альбины покрывал такой панцирь мышц, что ее груди были практически незаметны, а живот бугрился четкими выпуклыми квадратами. Голова женщины была обрита наголо, что придавало ей еще более зловещий вид. Да, каледонка являла собой поистине устрашающее зрелище. Могучая воительница стояла гордо и прямо, с презрением воспринимая насмешки и ругань толпы.

— Ну и что ты думаешь?.. — ошеломленно помолчав, спросила Даная.

— Думаю, мне пригодился бы меч побольше, — сказала Лисандра.

Готовность готовностью, но габариты против-

ницы произвели невольное впечатление даже на нее.

Толстяк на арене снова поднес рупор ко рту:

— Соперничать с ней будет уроженка Спарты, великого города воинов! — Он сделал театральный жест. — Представляю вам Ахиллию!

Ворота жизни распахнулись. Воительница сделала шаг вперед, но это была уже не Лисандра. За черту шагнула Ахиллия и предстала перед толпой.

Взревели трубы. По примеру могучей каледонки Лисандра проследовала к центру арены. Кто-то из зрителей уже отпускал дурные шуточки по поводу ее наготы, но она пропустила грязные намеки мимо ушей. То, что женщин заставляли драться в одних набедренных повязках, было необходимой частью зрелища. Она очень хорошо это знала.

Она встала против Альбины. К ним подбежали рабы и вручили каждой по мечу и щиту. Каледонка посмотрела на Лисандру и ухмыльнулась, показав жуткий ряд зубов, подпиленных для сходства с клыками хищного зверя. Лисандра в ответ подняла бровь и презрительно скривила губы.

Потом они повернулись к правителю и салютовали ему. Фронтин ответил кивком, и женщины

одновременно повернулись одна к другой. Каледонка пригнулась, принимая боевую стойку, Лисандра осталась стоять прямо. Она вытянула шею, покачала головой влево-вправо и дважды крутанула в руке меч. Зрители, понимавшие, что к чему, одобрительно засвистели. Только тогда Лисандра встала в защитную позицию.

— Я тебя убью, — проворчала Альбина.

Подточенные зубы искажали ее голос, изгоняли из него все человеческое.

— Победу дают не злые взгляды и поганая болтовня. Тут, конечно, тебе мало равных найдется, — сказала Лисандра. — Но скоро ты замолчишь. Я тебя, сучка дикая, на ленты порежу!

Лисандра осторожно двинулась к противнице. Ее лицо застыло как маска. На нем читалась лишь беспощадность.

Альбина не стала очертя голову бросаться вперед, как та первая, уже давняя противница Лисандры. Она явно была не новичком на арене и не реагировала на словесные оскорбления. Каледонка пока довольствовалась тем, что, как в зеркале, повторяла все движения подкрадывавшейся Лисандры, все время уходя с направления возможной атаки.

Так они кружились несколько долгих мгнове-

ний. Ни та ни другая не желала наносить первый удар. Лисандра слышала, как начали беспокоиться зрители. Они требовали действий.

«Ничего, потерпят, — сказала себе спартанка. — Небось не им приходится драться с этой живой горой, вооруженной мечом!»

И вдруг Альбина рванулась вперед — молча, без какого-либо предупреждения и со скоростью, которой в этой великанше заподозрить было нельзя! Ее короткий меч по-змеиному свистнул.

Рука Лисандры сама собой вскинула щит, останавливая удар.

Он оказался такой силы, что спартанке показалось, будто на нее рухнула каменная стена. Она скрипнула зубами, ударила в ответ, но и ее клинок лишь звякнул о щит каледонки.

— Слабачка! — зарычала Альбина и снова устремилась вперед сплошным вихрем.

Ее преимущество в ширине шага и длине рук постепенно съедало дистанцию между ними, позволяя ей подбираться все ближе к Лисандре. Могучая северянка наносила удар за ударом, однако спартанка отводила их пармулой. В конце концов Альбина нырнула под ответный удар, женщины столкнулись щитами и замерли.

У Лисандры едва не полопались все мышцы,

когда каледонка налегла в полную силу, стремясь повалить противницу. Глаза Альбины от напряжения полезли из орбит, под белой кожей вздулись стальные бугры. Лисандра чуть пригнулась и попробовала ударить ее головой, но северная воительница была слишком опытна, чтобы попасться на эту уловку. Они вздернула подбородок, и голова Лисандры просто ткнулась ей в грудь. Перед носом спартанки возникла стена плоти, ее щека скользнула по твердому, смазанному маслом торсу противницы. Плечо девушки внезапно пронзила острая боль — это Альбина пустила в ход волчьи клыки. По спине и груди Лисандры струйками потекла кровь.

Мука была нестерпимая, но она странным образам придала Лисандре сил. Она смогла вырваться и не только отскочила прочь, но и оттолкнула от себя великаншу. Альбина как-то низко, гортанно захохотала. Ее заостренные зубы были окаймлены красным, с подбородка по-людоедски свисала густая слюна, окрашенная кровью Лисандры. Толпа завизжала от вида крови. А каледонка еще и выплюнула кусок плоти, который, оказывается, успела откусить.

Зрелище было тошнотворное, но Лисандра оставила его без внимания. Зря ли ее натаскива-

ли сперва в храмовой школе, а потом в луде!

«Забудь о боли. Боль — Ничто. Твоя воля сильней всякой боли».

На ее лице не дрогнул ни один мускул. Она запретила себе гневаться и двинулась к ухмыляющейся противнице, храня на лице все ту же маску бесстрастия.

«Гнев — вернейший путь к поражению. Нельзя ему поддаваться. Я одержу победу благодаря изощренной тактике и воинскому умению».

Меч спартанки блеснул на солнце. Она принялась нападать. С лица каледонки постепенно пропала ухмылка, она поняла, что поединок еще далек от окончания.

Альбина принялась отбиваться, Лисандра же подманивала ее к себе, выжидая, выжидая и выжидая момента для безошибочного удара. Вот она чуть опустила свой щит, и северянка тут же воспользовалась открывшейся возможностью. Альбина шагнула вперед и замахнулась мечом с намерением одним ударом снести ей голову с плеч.

Ступня Лисандры выстрелила вперед и угодила между ног каледонки. Спартанка с удовлетворением почувствовала, что попала сопернице точно в лобковую кость. Та закричала от боли.

Лисандра тотчас сделала выпад, нацелив меч сверху вниз. Альбина поспешно вскинула щит, перехватывая клинок, но самую малость не успела. Меч скользнул и вошел ей в руку чуть пониже плеча. В воздух взлетели ярко-красные капли. Альбина попыталась достать Лисандру в бок. Та прикрылась щитом, но чудовищная сила удара заставила ее потерять равновесие. Женщины разом рухнули на песок и покатились по нему.

Они царапались, пытались схватить одна другую, но намасленные тела высказывали из рук. Вертясь и лягаясь, Лисандра вдруг почувствовала, как пармула сорвалась у нее с руки. Отчаянным усилием спартанка оказалась-таки наверху и мгновенно перехватила меч так, как обычно держат кинжал. Она тотчас сковала правую руку Альбины своей левой, освободившейся от щита, и хотела тут же всадить клинок в грудь каледонке. Однако та распознала опасность и вскинула левую руку. Лисандра не успела ударить — жесткая кожа щита с потрясающей силой врезалась ей прямо в лицо.

Почти оглушенная спартанка все-таки сумела проворно откатиться прочь. Огромная дикарка поднялась на ноги. Ее широкая грудь тяжело вздымалась. Обе были сплошь в крови, в песке.

Каледонка бросилась вперед. Обмен свирепыми ударами начался заново. Меч Лисандры замелькал с быстротой молнии, отводя от хозяйки то меч, то разящий щит противницы.

Вся быстрота Лисандры не смогла уберечь ее от горизонтального удара. Острый кончик меча Альбины вычертил кровавую полосу поперек ее живота. Она зашипела от боли, но соперница не собиралась давать ей даже мгновение передышки. Альбина размахнулась щитом, сбоку достала Лисандру по голове и свалила с ног. В ушах спартанки гудела кровь, перед глазами кружились белые огоньки, весь мир угрожающе накренился.

Словно сквозь туман Лисандра увидела Альбину. Та не торопясь подходила к ней и уже занесла меч, чтобы добить.

«Нет! Я тебе не поддамся!»

Лисандра рванулась по песку и перекатилась навстречу Альбине. Та явно не ожидала подобного финта, прозевала начало движения, но все-таки успела бросить щит вниз, прикрывая живот.

Нет, она не угадала, куда был нацелен удар. Лисандра, не поднимаясь, сверху вниз всадила меч в подъем ее ступни. Лезвие рассекло кости,

сухожилия и пригвоздило к песку отчаянно завизжавшую гладиатрикс. Слуха Лисандры достиг глухой звук — это полетело наземь оружие Альбины. Каледонка обеими руками пыталась вытащить сталь из своей ноги.

Лисандра кое-как поднялась на ноги, зажимая ладонью прокушенное плечо. Толпа на трибунах свистела, вопила и завывала. Альбина оставила меч и подняла палец, умоляя о миссио. Спартанка подняла клинок противницы и повернулась к ложе, где сидел управитель.

Зрители радостно шумели. Все они тыкали ладонями вниз, призывая к убийству. Эдитор с самого начала настроил их против каледонки, так что теперь толпа жаждала ее крови. Ну а то, что она здорово дралась, вроде как само собой разумелось.

Секст Юлий Фронтин, наверное, ценил их приязнь. Он не пожелал разочаровывать плебс и хмуро повернул вниз большой палец. Этот простой жест означал прекращение человеческой жизни.

Лисандра зашла за спину побежденной противнице. Никаких угрызений по этому поводу она не испытывала. Одержи победу варварка, так она небось прикончила бы Лисандру без особых

раздумий.

Спартанка взяла двумя руками меч, отнятый у каледонки, с безжалостной силой ударила им сверху вниз и перерубила позвоночник и спинной мозг великанши. Она дважды повернула меч в ране. Кровь хлынула так, что сплошь залила набедренную повязку и живот победительницы. Потом бывшая жрица выдернула алый клинок. Точно срубленный дуб, Альбина завалилась вперед и ткнулась лицом в песок. Арена окрасилась кровью и нечистотами — предсмертные судороги вызвали невольное опорожнение внутренностей.

Еще миг Лисандра стояла и внутренне дивилась собственному поступку. Но толпа сходила с ума от восторга. Восхищенные крики окатывали ее хмельными целительными волнами. Она услышала свой собственный торжествующий вопль, вскинула руки к небу и взмахнула над головой окровавленным мечом, знаменуя победу. Ее взгляд обежал арену, ища статуи богов. Спартанка нашла, что искала, и багровый клинок простерся к Минерве, римской Афине. Да будет ведомо всем, в чью честь билась сегодня победительница!

Подобное благочестие, явленное непосред-

ственно после бешеного, яростного и беспощадного боя, привело зрителей в настоящее исступление.

Лисандра шла к воротам жизни, а людская масса скандировала:

— А-хил-ли-я! А-хил-ли-я!..

Это была сладчайшая музыка, какую она когда-либо слышала.

XIX

Переволновавшиеся эллинки встретили Лисандру дружными воплями и дикарской пляской восторга.

Даная подскочила и крепко обняла ее, не обращая внимания на раны и кровь.

— Ты сделала это! Ты сделала это! — верещала она, поворачивая Лисандру туда и сюда.

— Прекрасный бой, Лисандра! — подала голос Пенелопа.

Они галдели наперебой, и спартанка продолжала чувствовать себя победительницей. Боль от ран и усталость еще не добрались до нее. Скорее наоборот, сейчас она была, так сказать, живее, чем когда-либо прежде. Победа пьянила, точно хмельное вино. Лисандра знала, что это зелье вызывает быстрое привыкание. Очень скоро ей захочется снова отведать его.

— Ну все, хватит! Отстаньте от нее. — Это появился Палка и быстро отогнал от спартанки подруг. — Ты давай живей к лекарю! Кто ее знает, чем там больна эта дикая каледонка, которая тебя укусила!.. Была больна, — поправился он

немедля. — А вы, девки, все пошли вон отсюда! — Последовал взмах грозного посоха.

Девушки быстро вышли из комнаты. Палка проводил их глазами, потом обратил взгляд на иссеченную шрамами спину спартанки.

— Лисандра, — окликнул он, и она остановилась. — А ты неплохо дралась!

Лисандра чуть ли не в первый раз улыбнулась ему.

— Спасибо, Палка. Я знаю.

Несколько мгновений парфянин смотрел себе под ноги, словно принимая какое-то решение.

— Послушай-ка, — проговорил он затем и шагнул к ней. — Не буду скрывать, я подговаривал Бальба выставить тебя на торги, но теперь считаю, что был не прав. Я знаю, ты щедро одарена от богов. Хорошо бы ты еще попридержала свое высокомерие и поменьше гладила людей против шерсти. И вот еще что. В лице Нестасена ты сотворила себе врага. Он, если разойдется, совсем рассудок теряет. — И Палка выразительно повертел пальцем у виска.

Лисандра выгнула бровь.

— Вот Нестасен пускай и опасается, Палка. Если он еще раз прикоснется ко мне, я ему голову оторву!

Парфянин вздохнул.

— Ты по-прежнему рабыня, Лисандра. Помни об этом.

— В самом деле? — Спартанка дернула подбородком в сторону ворот жизни, из которых по-прежнему доносился рев толпы, выпевавшей ее имя. Больше она Палке ничего не сказала, повернулась и пошла прочь.

* * *

Надолго в лечебнице Лисандра не задержалась. Лекари здесь были умелые, очень хорошо набившие руку на бесчисленных ранах. Они наложили на ее раны жгучую, едко пахнувшую мазь, затянули повязки, дали еще горшочек с собой, наказали держать раны в чистоте, смазывать их три раза в день и отпустили. У них было достаточно иных хлопот.

Лисандра возвращалась в закуток к своим эллинкам и встретила Хильдрет. Та, звякая доспехами, шагала в сторону ворот жизни. Рослая германка была оснащена как секутор — тяжелая броня, глухой шлем, большой щит.

— Ты опять говенно дралась, — сказала она спартанке. — Но в этот раз хоть выиграла! Посмотри, как буду драться я, поучись, как надлежит

биться настоящему воину!

Лисандра мгновенно вспыхнула гневом. Если Палке так уж хотелось закатывать речи о надменности и наглом высокомерии, то пусть бы и чесал языком перед этой дикаркой!.. Однако Лисандра тотчас совладала с собой. Позволять какой-то Хильдрет нарушить ее доброе расположение духа, вот еще не хватало! Она проглотила разящий ответ, повисший на самом кончике языка, взамен наградив германку то ли язвительной, то ли просто веселой ухмылкой. Впрочем, девушка сомневалась в том, что эта толстокожая особа почувствует разницу.

Когда она вошла к эллинкам в жилой закуток, они все еще взволнованно обсуждали ее бой и победу.

— Ну и как это?.. — желала непременно знать Пенелопа.

Лисандра присела на свой лежак. Она подумала, прежде чем ответить, но отрицать правду было бессмысленно.

— Здорово, — просто сказала она. — На самом деле я, конечно же, не боялась перед боем. Ну, может, была немного напряжена, — признала она. — Но когда выходишь туда…

Она умолкла и живо представила себе картину

пережитого поединка.

— Это был хмельной восторг, которого я никогда прежде не знала. Это было… как будто я нашла свое предназначение, вот как. И вот что я вам скажу…

Тут она уже привычно обвела взглядом лица, обращенные к ней, и довершила:

— Бояться вам нечего.

— Так тебе… понравилось? — В голосе Фибы отвращение смешалось с неверием.

— Да, — подтвердила Лисандра. — Понравилось.

Тут разговор сам собой прекратился.

В дверном проеме возник раб, служитель арены, сверился со свитком, который держал в руке, и спросил:

— Гераклия здесь?

Все глаза обратились на Фибу, когда-то выигравшую спор за это священное имя.

— Это я, — сказала она, подняв для верности руку.

Раб кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Не знаю уж, почему у них вечно такая жуткая путаница в списках. Я же ноги стоптал по колено, пока тебя разыскал! Сегодня все сложно. Сразу несколько школ… Ну,

сами знаете, как это всегда получается. Каждые новые игры непременно должны быть роскошнее прошлых. И хоть бы кто-то подумал о тех, кому приходится все согласовывать и утрясать.

— Ты ведь Гераклию спрашивал, — дождавшись, пока он остановится перевести дух, заявила Фиба.

— Ну да, — сказал он, явно разочарованный тем, что подвернувшие слушательницы вовсе не расположены были вникать в суть его затруднений. — Готовься. Твой бой следующий.

— Спасибо, — коротко поблагодарила Фиба, потом покосилась на Лисандру, и та ей улыбнулась.

— Ладно, — пробормотала коринфянка. — Коли так, надо готовиться.

* * *

Только выйдя на поединок, Лисандра как следует уразумела, отчего гладиаторские игры доводили людей до сумасшествия по всей Римской империи. Не придумано зрелища более захватывающего, чем поединок, ставкой в котором оказывается жизнь. Публика, конечно, испытывала возбуждение совсем иного свойства, нежели гладиаторы, дерущиеся на арене, но, пожалуй, ее

«засасывало» еще больше. Теперь она понимала и то, почему зрители так поддерживали того или иного бойца, с настоящей одержимостью следя за карьерой любимца.

Лисандра, считавшая себя очень сдержанной от природы, наравне с остальными выкрикивала Фибе слова поддержки, какие-то советы. Ее руки и ноги непроизвольно дергались — она «помогала» Фибе отбивать удары врагини, морщилась и вздрагивала, когда ее чудом миновало оружие противницы, и вопила от радости, когда эллинка наносила удачный удар.

Фиба дралась против тощей египтянки, вооруженной трезубцем и сетью. Их бой представлял собой состязание в скорости. Обе женщины были в легком вооружении, без доспехов и мешающих шлемов, что позволяло им стремительно перемещаться по песчаной арене. Они вертелись и наносили удары с такой быстротой, что за ними не успевал уследить глаз.

Египтянка вовсю размахивала сетью. Фиба раз за разом уходила от коварных пут, подбиралась к противнице и заставляла ее использовать трезубец не в качестве колющего оружия, а как посох, отбивающий удары. Тем самым она скрадывала выгоду, которую давало ретиарии длинное

древко.

Оказалось, однако, что это была хитрость.

Посреди яростного обмена ударами Фиба сумела прорваться сквозь защиту соперницы и всадила меч ей в грудь. Удар оказался смертельным. Египтянка умерла еще до того, как ее тело рухнуло на песок.

При виде столь чистой победы толпа по-настоящему взорвалась.

— Ге-рак-ли-я! — громко разносилось над ареной. Лисандра, впрочем, отметила, что ее собственную победу зрители приветствовали погромче. В этом не было ничего удивительного. Она и сама знала, что далеко превосходит Фибу как боец.

Все же девушка кричала от восторга наравне с прочими эллинками. Победа! Победа!..

Фиба вошла в ворота жизни — ноги дрожат, лицо цвета золы…

— Ну как? — готовясь праздновать, спросила Лисандра.

Фиба вместо ответа переломилась в поясе, ее начало рвать.

* * *

Поединки продолжались до вечера. Покамест воспитанницы школы Бальба выступали отменно, среди них не было ни единой потери. Когда начали сгущаться сумерки, кругом арены вспыхнули факелы. Это означало конец женских боев, служивших, так сказать, предварительным развлечением. Пора было переходить к настоящему делу — схваткам мужчин.

Эллинки не стали их смотреть. Они слишком устали от треволнений этого дня — и те, кому выпало драться, и те, кто «просто» наблюдал за этим.

Лисандра ждала, что их запрут по каморкам, но, к ее удивлению, этого не случилось. Арену и окружавшие ее помещения оцепила усиленная стража, состоявшая из легионеров и бывших гладиаторов. Это позволило эдитору и хозяевам школ не засаживать своих бойцов под замок, предоставив им возможность разгуливать внутри охраняемой территории.

Фиба к тому времени уже отошла от первоначального потрясения, вызванного поединком, не в последнюю очередь благодаря заботам Данаи. Афинянка явно становилась наперсницей

всех эллинок. Лисандра могла сколько угодно считать, что само ее присутствие вдохновляюще действовало на подруг, но она оказывалась не такой чуткой, как Даная, когда требовалось кого-то выслушать, ободрить, утешить. Что ж, грешно было вменять им в вину подобную слабость. Не всем повезло, не все спартанками родились.

Сейчас ей было особо нечего делать, и она решила отправиться на поиски Эйрианвен. Шквал победного восторга мало-помалу выгорал в ней, оставляя лишь осознание близости смерти. Поэтому Лисандре хотелось попасть в объятия британки. Ей остро требовалось снова почувствовать себя живой, а заодно и унять медленное пламя желания, с некоторых пор поселившееся в крови.

Она долго пробиралась запруженными коридорами, отмечая, что, при всех вольностях, предоставленных гладиаторам, смешения мужчин и женщин устроители все же не допустили.

Лисандра вполне представляла себе, как разочарована этим обстоятельством Пенелопа. Рыбачка ведь продолжала на разные лады без устали нахваливать мужскую удаль своего гладиатора, которого, по незнанию имени, она постепенно стала называть просто жеребцом.

— Лисандра! — окликнул ее из толпы знакомый голос Катувольк.

Спартанка остановилась и стала оглядываться, ища взглядом его дружеское лицо. Могучий красавец галл раздвигал плечами толпу гладиатрикс, проталкиваясь к Лисандре. Женщины тянулись к нему со всех сторон и не всегда ограничивались словами, заставляя его ежиться и смеяться. На него так и сыпались предложения самого откровенного свойства. Катувольк был наставником, поэтому мог находиться среди своих подопечных. Ну а то, что он разгуливал обнаженным по пояс, лишь разжигало внимание женщин, изголодавшихся по мужской ласке.

Когда девушки увидели, к кому он идет, на Лисандру посыпались оскорбления. Они полагали, что его услуги, столь желанные для них, должны были достаться именно ей.

— Рад, что у тебя все прошло хорошо, — сказал он Лисандре.

— Я не очень-то и волновалась, — вполне честно ответила она.

Спартанка повернулась, стащила с каменной скамьи вдрызг пьяную дикарку и села. Пьяная баба с глухим стуком сползла на пол, простонала и громко испортила воздух.

— А следовало бы, — сказал Катувольк и устроился рядом. — Это ведь не игра.

Лисандра сдержала едкий ответ. Бесконечные поучения наставников, очень хорошо знавших, как она должна была себя вести, изрядно ей надоели. Ведь выступила она вовсе не плохо!

— Я знаю, что такое излишняя уверенность в себе, — сказала она, стараясь быть вежливой. — Я вполне осознаю свои возможности и уверена в том, что они не подведут. Меня ведь с малолетства готовили именно к этому, Катувольк.

Он на миг перехватил ее взгляд.

— Я так беспокоился за тебя, Лисандра. Ты ведь не такая, как они все. Ты — особенная.

Она задумчиво кивнула.

— Да, я тоже так полагаю. Конечно, с другими я об этом не говорю, ибо тому, кому многое дано, надо держаться скромно. С другой стороны, невозможно отрицать, что мне повезло очень во многом. Боги щедро одарили меня. Я бьюсь на арене, чтобы воздать им честь!

— Я не о том, — сказал Катувольк. — Я хотел сказать, что ты особенная для меня. Я ни к кому еще не чувствовал того, что чувствую к тебе.

Лисандра нахмурилась. Она никак не ждала столь откровенного признания. Естественно,

девушка понимала, что он очень ею увлекся, догадывалась, что его сразили ее красота и душевные качества, но думала все же, что привычка следовать правилам удержит его от прямого разговора. Это произошло, и она заметно смутилась. В их общем прошлом был некий момент, когда Лисандра, возможно, благосклонно приняла бы его ухаживания, но он давно миновал. Теперь ей было вполне очевидно, какая то была глупость.

— Я поднакопил денег, — продолжал Катувольк. — Не особенно много, но через год-другой у меня будет достаточно, чтобы нам обоим выкупиться у Бальба. Мы могли бы покинуть Карию и отправиться в Галлию. Я стал бы добрым мужем тебе, Лисандра, если бы ты согласилась за меня выйти. Я молод и силен, умею выращивать скот и строить дома. Ты жила бы со мной, ни в чем не нуждаясь.

— Катувольк!.. — проговорила она и положила ладонь ему на руку.

В его глазах, светившихся любовью, так и вспыхнула надежда, а на губах стала зарождаться улыбка. Спартанка же подумала о том, как это трудно. У нее не было никакого опыта на этой арене.

— У меня нет любви к тебе, — напрямую вы-

ложила она.

Откровенность была одним из основных качеств спартанцев. Увы, Лисандра не имела понятия о том, до какой степени может пришибить человека столь простая истина. Она увидела боль на его исказившемся лице и, что удивительно, ощутила ее как свою собственную.

— Мне жаль, — добавила девушка, стараясь смягчить удар. — Ты мне друг, товарищ по школе и брат по оружию. Но сердечного влечения к тебе у меня нет.

Катувольк опустил глаза и покачал головой.

— Я не должен был этого тебе говорить, — сказал он каким-то незнакомым голосом.

Лисандре очень хотелось, чтобы он удержался от слез. В ином случае она начала бы его презирать.

Но он лишь сказал:

— Я тебя смутил…

Это было отчасти верно, но, по мнению Лисандры, не стоило упоминания.

— Да и жена из меня получилась бы никудышная, — сказала она, пытаясь обратить мучительную ситуацию в шутку. — Ты небось слышал о том, как мы, спартанцы, готовим?

Катувольк хмуро помотал головой, отказыва-

ясь смотреть ей в глаза.

— В храмовой школе нас кормили в основном так называемой кровяной похлебкой. Она черного цвета, состоит из свинины, уксуса и свиной крови. Однажды гость нашего города попробовал такой суп и после этого заявил, что теперь понимает, отчего спартанские воины с такой готовностью бросаются навстречу смерти. Так вот, это единственная еда, которую я умею готовить. Боюсь, она не привела бы тебя в восторг.

— Я бы каждый день ее ел только ради того, чтобы нам быть вместе, — пробормотал Катувольк.

По мнению Лисандры, прозвучало это достаточно жалко. Мужчины чем-то напоминали ей детей. Если они не могли заполучить желаемого, то принимались дуться на весь белый свет.

— Не бери в голову, друг мой, — посоветовала она. — Я очень к тебе привязана, но это не любовь.

— Привязанность может вырасти и преобразиться. — Он все-таки поймал ее взгляд. — Бывает, мужчину и женщину сводят вместе еще в детстве, и постепенно между ними возникает любовь. С нами тоже могло бы случиться подобное.

На этом Лисандра решила, что с нее достаточно.

— Я сказала «нет», — сухо проговорила она. — Если ты и вправду ко мне что-то чувствуешь, то прекрати подобные разговоры. Мое место — здесь, на арене. Я не стану женой ни одному мужчине, Катувольк.

Галл резко покраснел. Его обида готова была вылиться в гнев, но Лисандре оказалось достаточно поднять брови, чтобы отвергнутый Катувольк все-таки промолчал. Ну и хорошо. Ей совсем не хотелось, чтобы дело кончилось ссорой.

Девушка поднялась на ноги и слегка улыбнулась.

— Ты добрый друг, Катувольк. Если ты согласен, то давай забудем о том, что этот разговор вообще был.

Он кивнул, передернул плечами и снова уставился в пол. Лисандра ничего более не сказала и пошла прочь.

«Я сделала все возможное, стараясь пощадить его чувства. Начать с того, что он сам явился сюда. Я ни в малейшей степени не отвечаю за те желания и чувства, которые этот галл возымел на мой счет. Вот и пусть теперь сидит там и сколько угодно дуется на меня».

Она нимало не сомневалась в том, что со временем он все переживет и благополучно забудет.

XX

— Что-то не так, Сорина? — спросила Тевта, передавая предводительнице бурдючок пива. — Вид у тебя сердитый.

— Не только вид, — резко ответила амазонка, запрокинула голову и присосалась к горлышку бурдючка. — Эта гречанка еще жива!

Она наблюдала бой Лисандры от начала и до конца и не сумела скрыть бешенства, вызванного ее победой. Даже хуже того!.. Сорина сама была отменной воительницей. Ее наметанный глаз подметил превосходную выучку и боевую смекалку, с лихвой окупавшие куцый опыт спартанки.

— Не забивала бы ты себе этим голову, — ласково проговорила Тевта.

— Она загубит Эйрианвен, — мрачно предрекла амазонка. — Она ее развратит.

— Эйрианвен не дитя, — возразила Тевта. — Она отлично понимает, с кем вознамерилась разделить ложе.

— Тевта, да открой же глаза! Эта гречанка несет в себе заразу, называемую цивилизацией! Это как болезнь. Она может принести гибель Эйриан-

вен, да и не только ей, если позволить гречанке творить, что она пожелает!

Сорина зло выругалась и отшвырнула ни в чем не повинный бурдючок. Он шлепнулся о стену и упал, оставив на ней влажное пятно.

Тевта все-таки попыталась утишить ярость предводительницы и подруги:

— Я думаю, что ты сильно преувеличиваешь.

Однако могучая амазонка не желала ничего слышать.

— Вот так всегда и получается! — выкрикнула она, словно Тевта чем-то перед ней провинилась. — Похоть, которой эта Лисандра воспылала к Эйрианвен, приведет к появлению очередной раковой опухоли! Она со временем уничтожит ее! Греческая зараза перекинется на Эйрианвен, а с нее — на всех остальных!

Сорина слишком хорошо знала, что жизнь в странах, расположенных у Срединного моря, была похожа на притягательную болезнь. Она затягивала любого человека, оказавшегося в пределах ее досягаемости, предлагала удобства и даже роскошь, но при этом забирала свободу. Принять ее означало оказаться в зависимости. Сорина сходила с ума, не в силах понять, отчего этого не мог понять никто, кроме нее.

— Похоже, лишь я одна вижу то зло, которым отмечены Лисандра и личности, подобные ей.

— Сорина… — начала было Тевта.

— Отвяжись!

Амазонка шарахнулась от протянутой руки подруги и в бешенстве зашагала прочь. В глубине души она понимала, что обидела Тевту, но ею владел такой гнев, что сейчас Сорине было все безразлично.

Люди, толпившиеся в запруженных коридорах, поневоле расступались перед ней, давая дорогу. Слава Гладиатрикс Примы простиралась далеко за пределы луда Луция Бальба. Гладиаторы признавали и уважали превосходство Сорины. Никто не хотел с ней попусту связываться — особенно теперь, когда ее лицо было искажено бешенством. Амазонка бесцельно шагала вперед, в каждой встречной черноволосой женщине видя ненавистную спартанку. Какое-то время она без шуток подумывала, а не подговорить ли ланисту на поединок между ней и Лисандрой, но скоро отбросила эту мысль. Бальб все равно не согласится. Ведь Лисандра далеко не ровня ей по положению в гладиаторской иерархии.

Отчаявшись придумать план немедленного изничтожения бывшей жрицы, Сорина стала

высматривать какой-нибудь уголок, где можно было бы успокоиться, привести мысли в порядок. Она изрядно удивилась, заметив Катуволька, сидевшего на каменной скамье у стены.

Наставник держал в руках бурдючок пива, лицо у него было мрачней некуда.

— Что с тобой? — спросила она и присела рядом.

Катувольк поднял на нее пустой взгляд.

— Ничего, — сказал он и протянул ей бурдючок.

— Да ладно, — отмахнулась она и сделала глоток. — Выглядишь ты так, словно у тебя лучшего друга убили!

— Это все Лисандра, — простонал он, и Сорина так и ощетинилась при звуке ненавистного имени. — Я ее… я ее люблю!

Сорина вздохнула, постаралась скрутить свое бешенство и загнать его поглубже. Как она хотела бы ошибиться! Но нет — зараза, распространявшаяся от спартанки, успела-таки поразить еще одного небезразличного ей человека.

— Довольно думать о ней, — посоветовала она. — Она ведь не из наших, Катувольк. Она всего лишь гречанка.

— Да дело не в том, где кто родился, — горест-

но вздохнул галл, которого проглоченное пиво окончательно ввергло в беспросветную грусть. — Когда встречаются двое… иногда просто не может быть по-другому. Вот и со мной случилось именно так. Сорина, я давно потерял счет красивым девицам, но ни разу не чувствовал того, что чувствую сейчас! — Он в очередной раз приложился к бурдючку. — А ведь я даже ни разу не был с Лисандрой! Это по-другому, это — здесь, в сердце.

— Она несет зло, — сказала Сорина. — Она бессердечна! Я не хочу, чтобы эта дрянь причиняла тебе боль!

— Нет, ты ошибаешься, она вовсе не бессердечна, — заспорил Катувольк. — Она… ну, просто вот такая. Она особенная, Сорина. Для такой, как она, оказаться в луде — хуже, чем попасть в преисподнюю! Жить под одним кровом с женщинами такого пошиба, которых мы сюда набираем…

— Вот уж спасибо большое, — пробормотала Сорина.

— Тебя я совсем не имел в виду, — торопливо поправился Катувольк.

Амазонка заставила себя улыбнуться. То, что она собиралась сделать, было, без сомнения, омерзительно и в то же время необходимо для того, чтобы очистить душу Катувольк от смер-

тоносной отравы.

— Я знаю, — сказала она. — Я пошутила. Лисандра, знаешь ли, тоже любительница пошутить на твой счет.

Она сразу увидела, что эти слова сумели проникнуть сквозь пелену хмельного тумана, окутавшего рассудок Катуволька. Галл выпрямился и хмуро посмотрел на нее.

— Лисандра надо мной не смеялась, Сорина, — сурово выговорил он заплетающимся языком. — То, что у нее нет ко мне любви, еще не означает презрения.

— В самом деле? — Сорина поджала губы, словно обдумывая услышанное. — Ох и ошибаешься же ты, Катувольк.

— Ты о чем? — Галл ненадолго обратил на нее осоловелый взгляд, потом снова уткнулся в пивной бурдючок.

— Ну, мое-то дело сторона. — Сорина подпустила в голос очень точно отмеренную толику нерешительности. — Однако тебе, наверное, следует учесть вот что. Ее влекут только женщины.

— Я не… — ошеломленно пробормотал Катувольк. — Я не знал.

— Так знай, — сказала Сорина. — Они с Эйриан-вен просто созданы одна для другой. Обе находят

твое нескрываемое внимание к спартанке забавным до невозможности. Весь луд только о том и болтает! — добила она Катуволька. — Женщины вволю хохочут над тобой, когда ты не смотришь, но никто не смеется звонче Лисандры. Она не может жить просто, Катувольк. Ей подавай, чтобы все непременно с нею считались, чтобы все бегом бежали, как только она свистнет. Ее весьма веселит, что ты, наставник, не сумел избежать ее чар.

Катувольк не без труда поднялся на ноги.

— Я с ней об этом поговорю, — с полупьяной вдумчивостью заявил он. — Где она?

— Полагаю, с Эйрианвен, — сказала Сорина.

В эти мгновения она почти ненавидела себя, однако заботилась не только о молодом галле, но и об Эйрианвен. К тому же Сорина не так уж сильно и приврала. Лисандре действительно было жизненно необходимо выбиться в вожаки. Этого желали все ее соплеменники, ненавидимые всеми богами. Достаточно посмотреть, как она подмяла под себя своих соотечественниц. С некоторых пор они только ей в рот и смотрели.

— Хотела бы я раскрыть глаза Эйрианвен, как раскрыла тебе, но она ничего слушать не хочет, — продолжала Сорина. — Очень тебя прошу,

Катувольк, не рассказывай ей о том, что услышал здесь от меня. Если она узнает, что я хоть полслова сказала против ее любимой, то навсегда станет чужой для нас. Тогда-то Лисандра погубит ее, как пыталась погубить тебя. Мы с Эйрианвен пока еще добрые подруги, а значит, я могу попытаться ее спасти.

Катувольк пробормотал нечто не очень разборчивое, вроде бы выражая согласие. Он не особенно твердо стоял на ногах, глядя прямо перед собой.

— Я ее разыщу, — сказал он, взял под мышку бурдючок и поплелся по коридору.

Сорина смотрела ему вслед, пока его широкая спина не скрылась в толпе.

«Я тварь, — думала она. — Но я все сделала правильно».

* * *

— Так ты видела, как я дралась? — спросила Лисандра.

Они с Эйрианвен нашли в подземелье довольно-таки уединенный уголок, запаслись небольшим мехом вина и устроились там.

— А как же. — Силурийка широко улыбнулась. — Мы с Бальбом вместе смотрели. Наш

ланиста вне себя от восторга.

— Ну а ты-то что думаешь? — настаивала Лисандра.

Ей было жизненно необходимо услышать слова одобрения именно от Эйрианвен.

— Ты билась великолепно. Это было выдающееся выступление!

— Правда?

Лисандра вдруг почувствовала, что краснеет. Это было глупо, бессмысленно, однако ее лицо неудержимо заливала краска.

Эйрианвен потянулась к ней, нежно поцеловала спартанку и легонько погладила ладошкой ее щеки.

— Ты — грозная воительница, внушающая страх, — шепнула она.

Несколько мгновений они смотрели друг дружке в глаза, пока до обеих вдруг не дошло, что слова Эйрианвен прозвучали, в общем-то, смешно. Силурийка хихикнула первой, а там и Лисандра скривила губы в улыбке. Потом Эйрианвен негромко изобразила рев труб, сопровождавших выход гладиаторов на арену.

— Вот ты выходишь, и все разбегаются, — добавила она, и смех выдавил слезы из ее глаз.

Лисандра весело ткнула ее в плечо кулаком.

— Ах ты!.. — А сама все смотрела на Эйриан-вен.

Британка была столь прекрасна, столь совер-шенна!.. Лисандра ощутила внезапный прилив нежности. Ей захотелось немедленно что-то ска-зать Эйриан-вен, но она не могла подобрать слов. Спартанцы были мастерами действия. Речи, в особенности любовные излияния, не являлись их сильной стороной.

— Время от времени надо говорить о том, что у тебя на сердце, Лисандра, — тихо заметила Эйриан-вен.

Их глаза встретились. Ярко-синий взгляд по-други показался Лисандре необычайно глубоким и мудрым. Было похоже, что Эйриан-вен читала ее мысли, словно развернутый свиток.

Щеки спартанки снова налились жаром.

— Я просто спрашивала себя, есть ли в твоем племени еще такие красавицы?

Вопрос был глупым, но Лисандре до смерти хо-телось чем-то порадовать Эйриан-вен. Эти слова первыми явились ей на ум.

— Красивей меня у нас никого не было, — от-ветила Эйриан-вен. — Мы, силурийцы, в боль-шинстве своем черноголовые. Может, именно поэтому в нашем народе особенно ценятся свет-

лые волосы. Смех сказать, мы больше похожи на римлян, чем на других бриттов. Скажу тебе правду, Лисандра. По крови я вовсе не силурийка. Я среди них выросла, но мой отец был друидом из племени бриганте. Они-то уж всем бриттам бритты: рослые, светловолосые и светлокожие. Их предводительница Картимандуа пошла на предательство — сдалась римским захватчикам и сделалась их подстилкой.

Глаза Эйрианвен сверкнули такой ненавистью, какой Лисандра никогда еще в них не видела.

— Вот только друидам с римлянами разговаривать не о чем. Поэтому отец увез меня далеко на запад от земель бриганте, туда, где римлянам по-прежнему противостояли силуры. Они вырастили меня как свою, и я привыкла с гордостью называть себя силурийкой. Пусть мое племя было разбито Фронтином, но мы хотя бы дрались до последнего, не как трусливые бриганте, которые сразу сдались!

Лисандра уже от всей души сожалела о своих глупых словах, из-за которых Эйрианвен предалась столь невеселым воспоминаниям.

— Прости, что я упомянула об этом, — сказала она. — Я… ну не умею я добрые слова говорить.

— Нет стыда в том, чтобы проявить чувства, ска-

зать о них любимому. Люди не должны молчать.

— А меня учили именно так.

Лисандра сказала эти слова и сама услышала, насколько беспомощно они прозвучали.

Эйрианвен чмокнула ее в кончик носа. Настроение британки вроде бы вновь улучшилось.

— Все мы уже не таковы, какими были когда-то, — заявила она. — Луд и то, чем мы тут занимаемся… все это нас сильно меняет. Это очень жесткий и жестокий мирок, Лисандра. Именно поэтому мы так жаждем нежности, особенно от тех, кого любим.

Лисандра сглотнула. Разум спартанки отчаянно пытался найти слова, достойные тех чувств, которые владели ею.

Некоторое время она молчала, потом все-таки заговорила:

— Кому-то — конное войско, кому-то — пешее. Кого-то завораживают боевые корабли. Они бороздят изменчивое море, но сами неизменны в своей красоте. А для меня… для меня хорошо то, чего хочешь ты.

У нее сердце перевернулось от радости, а может, и от облегчения, когда Эйрианвен улыбнулась в ответ.

— Ты сама это придумала? — спросила си-

лурийка. — Конное войско, пешее… Это очень по-твоему!

— Я… ну… — замялась Лисандра. — Нет, это не мои слова. Их написала поэтесса Сапфо.

— Лисандра!.. — расхохоталась Эйрианвен. — Нет, ты все-таки безнадежна!

— Кому бы судить о классической поэзии, как не тебе, — дала сдачи Лисандра, но ее глаза искрились смехом.

Девушки обнялись. Каждой были по душе слабости и мелкие недостатки другой. Лисандра испытывала очень странное чувство. Когда она прочла прекрасной силурийке те поэтические строки, в ее душе что-то переполнилось и прорвалось, словно дамба, сметаемая напором реки. Впервые в жизни она позволила чувству овладеть собой, не сдерживала и не скрывала его. Сила этого чувства даже слегка напугала ее. Оно было неуправляемо, неподвластно рассудку, но Лисандра ни за что на свете не хотела бы утратить его.

Некоторое время они сидели, прижавшись одна к другой, потом спартанка отстранилась, огляделась и увидела Катуволька, стоявшего неподалеку. Лисандра приветственно подняла руку, но выражение лица галла заставило ее

замереть, не кончив движения. Его лицо было исковеркано судорогой горя и гнева. Лисандра медленно опустила руку, встревожено глядя на наставника, открыла рот, чтобы окликнуть его, но он вдруг плюнул на пол, повернулся и зашагал прочь.

— Что такое? — Эйрианвен повернула голову, желая проследить за взглядом Лисандры.

— Да ничего, — сказала спартанка. — Пойдем! У нас вся ночь впереди.

XXI

— Ну и развратница ты, Пенелопа! — едко заметила Фиба.

Бывшая рыбачка все утро разгуливала по каморке и услаждала соотечественниц баснословными подробностями своего приключения с жеребцом. Оказывается, минувшим вечером этот титанически одаренный любовник еще и пригласил дружка, чтобы вместе насладиться дарами, столь щедро предлагаемыми Пенелопой.

Лисандра слушала ее и от души забавлялась. Потом ей пришло на ум, что до встречи с Эйрианвен она была бы, пожалуй, до глубины души оскорблена россказнями Пенелопы. Теперь ее душа словно бы сбросила груз, и с каждым днем у нее становилось все меньше забот.

— Ха! Я сразу-то даже не поняла, когда они сказали, что, мол, хотят сделать это по-гречески. — Пенелопа явно пропустила замечание Фибы мимо ушей и продолжала вовсю развлекать слушательниц. — Я ведь сама вроде гречанка, так в чем, думаю, дело? — Она задорно тряхнула головой. — Все скоро и выяснилось. Скажу, что я

была как ломоть мяса, засунутый между двумя хлебными лепешками! После этой маленькой встречи меня уже никакими движениями не запугаешь, если кто-нибудь понял, о чем я…

— Да хватит тебе! — крикнула Фиба и запустила в Пенелопу подушкой, ибо та принялась пояснять свои слова непристойными жестами, используя кулак и руку до локтя.

От подушки, впрочем, она увернулась.

— Тоже мне, скромница выискалась, — сказала островитянка, села, бросила подушку обратно и показала Фибе язык.

Тут дверь закутка скрипнула. Женщины обернулись и увидели на пороге тощий силуэт наставника Палки. Парфянин с беспечным видом шагнул внутрь, неся в руке ведерочко с маслом.

— Доброе утро, красавицы, — проговорил он весело. — Как мы чувствуем себя сегодня?

— А тебе что за забота? — отозвалась Даная.

Еще недавно ее немедленно поколотили бы за подобное обращение, но арена быстро превращала новичков в ветеранов, и Палка начинал вести себя с ними сообразно их новому положению.

— Обижаешь, Даная, — сказал он афинянке. — Я забочусь лишь о вашем благополучии, в особенности же о твоем.

Парфянин чуть помолчал и добавил:

— Ты сегодня дерешься.

Даная чуть побледнела, но кивнула и напустила на себя решительный вид.

— Но первой выйдет биться Пенелопа. — Палка поставил ведерко на пол. — Или я должен был сказать «Патроклия, меч смерти»? Готовься, девочка!

Пенелопа выглядела слегка оробевшей, и наставник это заметил.

— А ты думала, что дело так и обойдется пирами, весельем и подглядыванием за чужими боями? Пора уже тебе отрабатывать ту пропасть денег, которую мы на тебя затратили.

Пенелопа передернула плечами и начала стаскивать тунику. Когда она повернулась к Палке и выгнула бровь, тот хихикнул и вышел за дверь.

— Глазам своим не верю, — сказала Лисандра. — Уж кого-кого одолела бы скромность, но тебя…

Пенелопа пожала плечами и пробормотала:

— Лучше поздно, чем никогда.

Лисандра поднялась и зачерпнула из ведерка горсть масла.

— Что ж, смотри, береги эти вот места, — сказала она, густо смазывая ягодицы бывшей

рыбачки. — Полагаю, ты найдешь им доброе применение.

* * *

— Что-то сомнения меня гложут, — глухо проговорила Пенелопа сквозь шлем. — Не стать бы посмешищем.

То, что Палка заставил ее выступать в качестве мирмиллона, то есть «рыболова», уже стало предметом для шуток.

Вооружение такого бойца нельзя было назвать ни тяжелым, ни легким. Голову мирмиллона защищал богато украшенный шлем, снабженный полным забралом, правую руку и плечо прикрывал кожаный рукав. Однако самым главным средством его обороны был крупный изогнутый щит, который Пенелопа держала на левой руке. Ее торс оставался открытым, чтобы в случае ранения зрители увидели как можно больше крови. Полные груди эллинки, конечно же, были обнажены для всеобщего любования.

— Даже не задумывайся. — Лисандра похлопала ее по плечу. — Вид у тебя грозней некуда!

Пенелопа залилась краской смущения, заметной даже под шлемом.

— Ну да… — сказала она.

Глашатай выговорил положенные слова, под звуки труб распахнулись ворота жизни. Пенелопа решительно вскинула голову и шагнула через порог на арену.

Ее выставили против тяжеловооруженной воительницы, называвшейся гопломахой. Щит у соперницы был круглый, а шлем — весьма старомодный, увенчанный гребнем. Такие в стародавние времена носили прославленные греческие гоплиты. Крупная стрелка, прикрывавшая нос, и массивные нащечники не давали рассмотреть лицо воительницы. Для зрителей обе соперницы оставались, в общем, безликими. Пенелопа присмотрелась к смуглой коже гопломахи и решила, что та, вероятно, была из какого-то восточного племени. И точно, ее представили зрителям как Дракку из Сирии.

Рабы-служители поднесли женщинам мечи. Они подняли их, салютуя Фронтину, повернулись одна к другой и прикрылись щитами.

Пенелопа шершавым языком облизала пересохшие губы. Товарки считали ее шумной и развязной болтушкой, но сейчас ей было откровенно не по себе.

«Еще бы, — подумала она, делая шаг навстречу Дракке. — Надо быть полной дурой, чтобы выхо-

дить на арену и самодовольно ожидать легкой победы».

Рыбачка вспомнила один из первых уроков в гладиаторской школе, когда Катувольк велел им разить соломенные чучела. Она представила себе, что сейчас ей предстоит выполнить такое же упражнение, и устремилась вперед. Ее крепкие ноги живо набирали разгон, расстояние между противницами быстро сходило на нет.

Однако сирийка была вовсе не безответной соломенной куклой. Она приготовилась достойно встретить соперницу.

Щиты с громким треском врезались один в другой, толпа восторженно закричала. Меч Пенелопы сверкнул, опускаясь, но лишь лязгнул по краю щита-гоплона, которым орудовала Дракка. Сирийка крякнула от усилия, ударила в ответ и вскользь достала коренастую гречанку сбоку по голове. Металл не поддался, но у Пенелопы зазвенело в ушах. Она заскрипела зубами и подала щит вперед, стараясь оттолкнуть более легкую соперницу.

Но Дракка оказалась слишком хитра. Она не стала отвечать силой на силу, лишь чуть повернулась, пропустила мимо тычок Пенелопы и заставила ту потерять равновесие. Эллинка

шатнулась вперед, и клинок провел кровавую черту на ее спине. Зрители встретили первую кровь взрывом ликования. Пенелопа вскрикнула, настигнутая болью, но все-таки отмахнулась мечом, стараясь хотя бы отогнать Дракку. Пот заливал ей лицо, глухой шлем не давал вздохнуть полной грудью, все же она вовремя повернулась, чтобы встретить нападающую сирийку.

Пенелопу внезапно охватила ярость. Она издала боевой клич и устремилась вперед. Клинок рыбачки врезался в дерево щита гопломахи. Пенелопа удвоила усилия, стараясь вовлечь Дракку в соревнование на выносливость. Она была уверена в своем преимуществе. Теперь ее совсем перестала донимать боль, зато начали брать свое долгие месяцы изнурительного учения. Она вдруг ощутила такую свободу духа и тела, с которой не могло сравниться ни одно мгновение земного блаженства, пережитое ранее. Меч был живым продолжением руки островитянки. Разум, тело и дух женщины пребывали в полной гармонии, упивались яростью битвы, предугадывая движения соперницы.

Вот когда Пенелопа как следует поняла слова Лисандры о свободе, которую обретаешь в бою. Ее сила не знала пределов. Она ощущала себя бо-

гиней-воительницей во плоти, явственно видела прорехи в защите Дракки и вовсю пользовалась ими. Сирийка приготовилась сделать очередной выпад, и меч Пенелопы метко ужалил ее в плечо. Толпа оценила то, как она исправила свою первоначальную ошибку, и громкими криками погнала ее вперед.

Пенелопа заставила противницу пятиться, осыпая ее щит градом ударов. Она знала, что каждая такая атака отнимала у сирийки толику силы. Щиты весили немало, и Пенелопа предвидела, что врагиня устанет быстрее ее самой. Мысленно она даже поблагодарила Палку, Нестасена и Тита за неистовую муштру. Эта самая муштра наполнила тело рыбачки необыкновенной силой. Пенелопа до сих пор и не подозревала, что способна на такое. Мышцы работали слаженно, никакой усталости не было и в помине.

Дракка все реже и медленней заносила свой меч, бешеные выпады заставляли ее отступать все дальше. Пенелопа наддала еще, понимая, что почти вымотала соперницу. Она ударила своим щитом в ее щит и лишила сирийку равновесия. Та чуток промедлила с защитой, и тогда Пенелопа ударила. Меч островитянки со свистом устремился вперед, прямо к открытому горлу гопломахи.

Дракка стремительно пригнулась и с бешеной силой пырнула Пенелопу в живот. Та судорожно напряглась и закричала, ощутив внутри себя острое железо, пронзавшее внутренности.

Зрители взорвались криком, но всего громче звучал вопль торжества. Сирийка праздновала победу. Из раны хлестала кровь, заливая обеих противниц. Дракка провернула меч в ране, лезвие скрежетнуло по ребрам, и Пенелопа опять закричала. Когда боль превзошла всякое вероятие, гопломаха выдернула клинок, и рыбачка рухнула на песок, отчаянно зажимая ладонями рану. Она свернулась в комок, задыхалась и блевала внутри тесного шлема. Мучение заслонило весь мир.

Через несколько бесконечных мгновений грубые руки подхватили ее и потащили куда-то. Сознание Пенелопы ненадолго прояснилось, и она успела понять, что ей даровали миссио.

* * *

В открытом проявлении чувств нет особых достоинств. Человеку приличествует сдержанная невозмутимость вне зависимости от обстоятельств. Слишком сильные и явные переживания о ближнем — это слабость. Одна из спартанских

истин гласила, что воинам должны быть присущи товарищество и любовь, но если боги решали забрать к себе кого-то из братьев или сестер по оружию, то этот тяжкий час следовало встречать с суровой торжественностью и честью.

Все так, но вид Пенелопы, стонавшей и вскрикивавшей на ложе в лечебнице, оказался испытанием, которого Лисандра доселе не ведала. Рыбачка брыкала ногами, не в силах выдерживать боль. Кровь изливалась потоком, пропитывая тюфяк и растекаясь по полу.

Даная стояла на коленях, держала Пенелопу за руку и ласково нашептывала ей что-то бессмысленное, пока лекарь безуспешно пытался остановить кровь. Рабы, сражавшиеся на арене, стоили дорого. В случае успеха этого эскулапа ожидала награда, но в этот раз он быстро сдался, встретился глазами с Лисандрой и отрицательно покачал головой.

— Есть у тебя хотя бы маковый сок? — требовательно спросила она.

Спартанка понимала, почему лекарь не пытался унять боль, пока осматривал раненую. Он должен был видеть истинную картину, не искаженную действием лекарства. Но отправить Пенелопу к берегам Стикса, корчащуюся и пла-

чущую, точно дитя? Нет, такого допустить было нельзя.

— Есть, конечно, — легко согласился лекарь. — Но на умирающих мне его тратить не следует. Снадобье дорогое. Если хозяин узнает, то меня будут пороть.

— Я понимаю, но ее нельзя так оставить!

Пенелопу начало судорожно трясти. Ее глаза блуждали, рассудок мутился от боли.

Лисандра шагнула вперед.

— Где лекарство?

— Вон там. — Лекарь указал на полочку, где стояли растворы и мази.

Он хотел еще что-то сказать, но кулак Лисандры вдруг с треском врезался ему в челюсть. Эскулап мешком свалился на пол. Девушка спокойно перешагнула через него, взяла с полки маленький горшочек, понюхала содержимое и кивнула.

— Что ты делаешь?.. — спросила Даная, изумленная такой неожиданной вспышкой насилия.

— Этот костоправ — неплохой парень, — склоняясь над Пенелопой, распростертой на тюфяке, сказала Лисандра. — Не хочу, чтобы его выпороли за нарушение воли хозяина. А так ему и врать не придется, если спросят, что произошло.

— Но тебе достанется плетей за то, что побила

его!

Губы спартанки сжались в одну тонкую черту. Она разжала Пенелопе зубы и влила ей в рот клейкую жидкость.

— По сравнению с тем, что терпит она, это будет — тьфу да и только.

Они стали ждать действия снадобья. Мучительные судороги мало-помалу стали ослабевать. Маковый сок постепенно отодвинул боль за пределы восприятия, и Пенелопа даже заговорила. Она, как младенец, лопотала что-то непонятное, и Лисандра даже подумала, не переживала ли бедняжка какие-то события из своего детства. Жутко и омерзительно было наблюдать это. Лишь нынешним утром Пенелопа была среди них, веселая, смешливая, шумная, рассказывала о своих любовных успехах… Теперь она превратилась в кусок кровавого мяса, трепетавшего последними содроганиями жизни, и маковый сок плотным покрывалом окутывал ее разум.

Подобное зрелище лишит иллюзий кого угодно.

Даная плакала взахлеб, уткнувшись лбом в руку Пенелопы, которую по-прежнему держала в ладони.

Они ждали, что рыбачка перед смертью придет

в себя и, может быть, поймет, что подруги рядом, что она не одна, но этому не суждено было случиться. Раненая перестала лепетать и, казалось, понемногу уснула. Вот только грудь ее прекратила подниматься и опадать.

— Все, — с хрипотцой в голосе проговорила Лисандра.

Даная подняла осунувшееся лицо.

— Бедная Пенелопа, — выговорила она сквозь слезы.

Лисандра кивнула. Ее душу снедала горькая скорбь, но показывать это не годилось. Спартанцы никогда не лили слез по усопшим. Усилием воли она заперла на замок и ожесточила свое сердце. Странно, но девушка впервые почувствовала, что отрешается таким образом от какой-то части своей человеческой сути.

— Идем, Даная, — сказала она. — Нам пора.

— Да как ты можешь быть такой бессердечной? — всхлипнула та. — Нашей подруги не стало!..

— Верно. Но ты не забывай, что мы здесь именно ради этого и находимся.

Она хотела, чтобы это прозвучало как утешение, но напряжение было слишком велико, и девушка сорвалась на резкость:

— Мы все здесь для этого. На ее месте могла быть я или ты. Думаешь, подруги той женщины, которую ты убила, меньше по ней горевали? Это должно было произойти с кем-то из нас. Раньше или позже, но без этого не обошлось бы. Жаль, я не успела вас подготовить к неизбежности подобной утраты.

Последние слова на какое-то время лишили Данаю дара речи.

— Да кто ты такая, чтобы нас к чему-то готовить? — вырвалось у нее затем. — Ты ничем от нас не отличаешься, что бы ни воображала о себе! Тоже мне, предводительница нашлась! Ты просто нахальная сучка, которой до ужаса нравится болтать языком. Меня уже тошнит от тебя! И всех остальных тоже!..

— Даная… — начала было Лисандра, но афинянка зажала уши руками.

— Да заткнись уже ты наконец! — завизжала она. — Слышать тебя не могу!

Эллинка вскочила на ноги и в слезах вылетела из лечебницы.

Лисандра проводила ее глазами. Она понимала, что Даная попросту срывала на ней свое отчаяние и горе. Другая приняла бы ранящие слова близко к сердцу, но спартанка была выше подобных

обид и с удовольствием это осознавала. Еще она понимала, что это Эйрианвен пробудила некую часть ее души, ведавшую заботой о ближних.

Склонившись над телом, более не принадлежавшим Пенелопе, Лисандра прошептала напутственную молитву. Она не гадала, прислушаются ли боги к ее словам, просто исполнила свой долг так, как понимала его. У нее не было монетки для Харона. Девушка надеялась на то, что перевозчик душ все поймет и позволит Пенелопе переправиться через Стикс в блаженный Элизиум.

Больше Лисандра ничего не могла для нее сделать.

XXII

Поразмыслив, Лисандра пришла к выводу, что именно сейчас эллинские женщины как никогда нуждались в утешении. Понятное дело, их выбила из колеи несчастная судьба Пенелопы. Даная наверняка закатит новую сцену, от которой всем станет только хуже. Сейчас наступало время спокойного голоса и холодных голов, а вовсе не безутешного погребального плача. Да, гибель Пенелопы была трагедией. Однако воин должен быть не просто готов к встрече со смертью, но и знать, что все время шагает с нею бок о бок!

Подобные речи, произносимые над окровавленным телом, даже самой Лисандре показались пустым умствованием. Но в чем еще эллинки могли почерпнуть силу? Кто, кроме Лисандры, мог им ее дать?

Она пробралась через лабиринт коридоров, расположенных под ареной, и вернулась к закутку, где обитали эллинки. На подходе туда она заметила Сорину с ее приятельницами. Все они целеустремленно шагали к воротам жизни. Впрочем, стареющая дикарка не была снаряжена для

поединка, и Лисандра невольно помедлила, высматривая, которая же из опытных воительниц школы Бальба должна была выходить на песок.

Вот женщины поравнялись с ней, и у Лисандры перехватило горло. Среди них она заметила Эйрианвен.

Силурийка шла совершенно нагая. Ее тело было сплошь выкрашено той же синей краской, которой разрисовала себя Альбина, а волосы, обычно ниспадавшие волнами золотого шелка, жесткими иглами торчали во все стороны. Эйрианвен неотрывно глядела на женщин, шагавших чуть впереди. Лисандра едва не окликнула ее, но вовремя спохватилась. Негоже было нарушать сосредоточение возлюбленной, готовившейся к поединку…

Возлюбленная!

Это слово явилось совершенно непрошеным, но Лисандра тотчас осознала его правоту. При мысли о том, что Эйрианвен вот сейчас выйдет на арену, спартанку охватило чудовищное волнение. Что, если ее там ранят или… или даже хуже того? Тем более что сегодняшний день был полон недобрых предзнаменований. Они уже потеряли Пенелопу, и девушка отчаянно боялась, что и Эйрианвен постигнет та же судьба. Она должна

была непременно проследить за боем и помочь спасению подруги хотя бы молитвой. Мысль о том, что придется беспомощно ждать исхода поединка, заранее внушала ей ужас. И пускай Сорина с присными, которым наверняка не понравится ее присутствие, говорят что угодно…

Она пропустила процессию мимо себя и уже направилась было следом, держась в разумном отдалении от варварок, когда вдруг вспомнила, что собиралась вернуться к своим! В ней нуждались ее эллинки!

Сердце Лисандры рвалось следом за Эйрианвен, чтобы переживать за нее у ворот. Рассудок и чувство долга приказывали ей идти в другую сторону.

В итоге она остановилась, беспомощно кусая губу…

«Нет, пожалуй, сейчас эллинок переполняют ярость и скорбь. Вряд ли они способны воспринимать разумное слово. Лучше подождать и не ходить к ним прямо теперь. Я переговорю с ними попозже, когда они чуть-чуть успокоятся. Больше толку будет. Так я и бой Эйрианвен погляжу, и долг свой исполню».

— Нет, — вслух проговорила девушка.

Такой поступок был бы преступным. Чувства,

побуждавшие ее следовать за Эйрианвен, не имели никакого значения. Британика была очень сильна. Она дожила до сегодняшнего дня вовсе не благодаря голой удаче. Быть может, она даже оскорбится, узнав, как за нее переживала Лисандра. В конце-то концов, сама она, зная о поединке спартанки, подобного беспокойства не проявила.

Девушка следила за маленькой процессией, пока та не скрылась в сумраке туннеля. Тогда Лисандра повернулась и решительно зашагала в сторону жилых помещений.

* * *

Нестасен, по-прежнему сидевший под замком, приподнял голову и сощурился на свет, внезапно затопивший тесную каморку. Побои еще ощущались по всему телу, хотя его ярость сожгла в себе почти всю боль.

— Привет, Неста. — Безобразная рожа Палки расплылась в ухмылке. — Ну что, успокоился малость?

Нубиец ответил:

— Вытащи меня отсюда.

— Полагаю, Бальб подпрыгнул до потолка, узнав о твоей выходке. — Палка прошел за порог, в его руке позванивали ключи. — Даже был вне

себя… Однако тебе повезло! Эти игры — событие до того крупное, что у нашего ланисты и без тебя полон рот забот и хлопот.

Нестасен, избавленный от цепей, благодарно кивнул и спросил:

— А как там эта спартанская сучка?

— Забудь о ней! — грозя тощим пальцем, посоветовал Палка. — Ее выпорют за неподчинение.

— И все?

— Этого будет более чем достаточно, — подтвердил Палка. — Она не виновата в том, что ты ее невзлюбил. Кроме того, девчонка очень неплохо выиграла свой поединок. После такого выступления Бальб ее нипочем не продаст, так что привыкай жить рядом с ней, — продолжал он, выходя вместе с Нестасеном из тюремной каморки. — Лучше забудь обо всей этой истории. Ну не любишь ты эту особу, так не обращай на нее внимания. Как будто нету ее!

— Она затронула мою честь, — упрямо проговорил Нестасен.

Палка мог говорить что угодно. Нубиец уже придумывал для спартанской девки наказания, одно другого унизительней и страшней.

— А ты полагаешь, что попытка запустить пальчики ей в промежность не затронула ее

чести? — Палка заржал. — Сам знаешь, какова она на сей счет.

— Ты сам только этим с новичками и занимаешься, — сказал Нестасен.

— Нет, — проворчал Палка. — Только с теми, кто не станет поднимать из-за этого бучу. Ты, кстати, уже второй, кто со мной об этом заговаривает. С чего это вдруг на всех такая скромность напала?

Нестасен не ответил, и через некоторое время Палка сказал:

— Вот что. Для всех будет лучше, если ты просто станешь держаться от нее подальше. Ясно тебе?

Нестасен покосился на коротышку, шедшего рядом. Не-ет, Лисандре не уйти безнаказанной после того, как она пустила ему кровь, посмела ударить его. Нестасен не собирался сносить подобного оскорбления от женщины, но не был дураком.

«Я еще свершу свою месть, но сейчас лучше брать пример с крокодила, таящегося под тихой поверхностью воды, пока не настанет время ударить».

Нубиец выдавил из себя улыбку.

— Ладно, Палка, ты прав, — сказал он и хлопнул маленького парфянина по плечу. — Ты прав. Я

вел себя глупо.

— Вот именно.

Палка расплылся в щербатой улыбке, полагая, что неприятное происшествие действительно отошло в прошлое.

— Теперь к делу. Прямо сейчас будет биться Эйрианвен. Пошли-ка посмотрим в деле нашу размалеванную дикарку.

* * *

Входя в жилой закуток, Лисандра по-прежнему слышала рев толпы, приглушенно доносившийся сверху. Она сжала губы в тонкую черту, попыталась очистить свой разум от всех мыслей об Эйрианвен и сосредоточиться на том, что ей предстояло сделать.

Хмурые эллинки сидели по своим топчанам. Их молчание было сродни погребальному савану. Даная безутешно всхлипывала, раскачиваясь взад и вперед в объятиях Фибы. Та взглянула на вошедшую Лисандру, но ничего не сказала.

Спартанка выпрямилась и набрала побольше воздуху в грудь.

— Похоже, вы все уже знаете, что Пенелопа…

Она запнулась, подыскивая подходящие слова, решила, что нечего рассусоливать, и довершила:

— Мертва.

Тут Даная всхлипнула громче и взялась рыдать в голос.

Лисандра смерила ее неласковым взглядом и продолжала:

— Это, конечно, страшное несчастье. Но совсем неожиданным и непредвиденным его не назовешь.

— Сейчас неподходящее время для подобных разговоров, — сказала Фиба, и девушки ответили ей согласным бормотанием из каждого угла.

— Вот тут я с тобой не согласна, — твердо проговорила Лисандра. — Как раз сейчас и надо о таком говорить. Наши слезы и печаль не воздадут Пенелопе никакой чести. — Она рубанула воздух рукой. — Никакой, слышите?! Напротив, мы унижаем ее, распуская сопли и завывая, точно плакальщицы на поминках. — Она косо посмотрела на Данаю. — Вы ведь сейчас думаете только о собственной гибели! Вы видели, как пала Пенелопа, и теперь каждая говорит себе: «На ее месте могла бы быть я!» Разве не так? Скажу больше! На ее месте могла оказаться каждая из нас. Но если смерть запугает вас, если вы появитесь на арене со страхом в сердцах, тогда точно отправитесь следом за Пенелопой! Воин-победитель не

страшится Гадеса. Повелитель мертвых — наш постоянный спутник, пока мы с вами играем в эту игру! Не показывайте ему страха, и он не заберет вас! Шарахнетесь от него в испуге — и как пить дать погибнете.

— Легко тебе так говорить, — сквозь слезы выговорила Даная. — Ты-то вернулась живая. Бедная Пенело-о-о-па…

— Прекрати реветь! — резким голосом приказала Лисандра. — Полагаешь, от твоего нытья кому-то будет что-то хорошее? А? Хоть кому-то из вас?.. Молчите? — Она обвела закуток яростным взглядом. — Мы деремся, чтобы остаться в живых, и наши противницы делают то же. Не думайте о них просто как о соперницах! Пусть память о Пенелопе пребудет в ваших сердцах, но не смейте о ней горевать! Обратите вашу скорбь в ярость! Возненавидьте тех, кто отнял у нее жизнь! Заново представьте, как та стерва хохотала, наслаждаясь смертными муками нашей подруги! Думайте о ней, когда настанет черед выходить на арену! Сделайте все, чтобы паршивая сука с визгом низринулась прямо в Тартар!..

Женщины понемногу начали кивать. Их плаксивые лица постепенно преображались в резкие, жесткие. Вначале перемена была малозаметна,

но от Лисандры не укрылись взгляды товарок. Они явно вспоминали, как дергалась, корчилась на песке Пенелопа, и слезливая скорбь перековывалась в холодную ярость. Воительницы из другой школы превращались в смертных врагинь, которым следовало отомстить. Лисандра покосилась на Данаю. У нее, как и у остальных, успели высохнуть слезы. Спартанка удовлетворенно кивнула и вышла за порог.

Когда эллинки больше не могли видеть ее, она чуть не бегом устремилась к арене. Толпа наверху жутко завывала, подстегивая поединщиц. Это по меньшей мере означало, что Эйрианвен была еще жива.

Лисандра ужом просочилась сквозь плотную толпу бойцов, запрудивших все подходы к воротам жизни. Высокий рост помог ей во всех подробностях рассмотреть то, что творилось на арене. У девушки округлились глаза, когда она увидела Эйрианвен, сплошь залитую кровью. Спартанка в смертном ужасе вскинула руку ко рту, и тут до нее дошло, что кровь на теле Эйрианвен была чужой.

Силурийка яростно размахивала одноручным боевым топором и буквально врубалась в тело несчастной противницы. Куски мяса так и ле-

тели в разные стороны. Толпа неистово ревела. Умирающая соперница Эйрианвен исходила ужасающим криком, но сквозь все прочие звуки было отчетливо слышно влажное чмоканье железного топора, рассекавшего кости и плоть. Женщина рухнула на колени. Кровь хлестала из дюжины смертельных ран. Ее левая рука висела на ниточке. Словно забыв о присутствии правителя Фронтина, прекрасная силурийка сгребла соперницу за волосы, рванула ее голову назад, выставляя горло, и занесла топор. Она тыкала им в небеса в такт крику зрителей, скандировавших ее имя, еще чуть-чуть потянула время, упиваясь восторгом своих почитателей… Добившись, чтобы крики достигли уже запредельного неистовства, Британика сверху вниз полоснула секирой и единым взмахом срубила противнице голову.

Толпа сходила с ума, силурийка же высоко подняла трофей. Эйрианвен являла собой поистине жуткое зрелище — нагая, со вздыбленными волосами, сплошь покрытая кровью зарубленной жертвы. Она сдвинулась с места и приблизилась к барьеру, отделявшему зрительские места от поля сражения. Трибуны примолкли, Эйрианвен же разглядывала публику. Она раскрутила отруб-

ленную голову за длинные волосы и запустила ее в дальние ряды, где сидели беднейшие зрители. Там мгновенно вспыхнула драка. Люди кулаками отстаивали свое право обладать кровавым подарком.

Эйрианвен небрежно отсалютовала Фронтину и этаким прогулочным шагом двинулась к воротам жизни.

Лисандра следила за ее приближением со смешанным чувством восторга и омерзения. Была, стало быть, у Эйрианвен и такая вот сторона. Лисандра едва могла заподозрить такое, когда британка рассказывала ей о своем прошлом. Теперь она показала себя во всей красе, представ самой что ни на есть дикаркой. Лисандра и сама сполна насладилась убийством соперницы, а потом упивалась обожанием толпы, точно хмельным вином. Но Эйрианвен просто зарубила противницу, точно корову на бойне, да еще и нарочно заставила ее помучиться, прежде чем смилостивилась и добила.

«Вот она, сущность дикарки, — подумала Лисандра. — Что ж, Эйрианвен и в самом деле происходит из дикого захолустного племени. Отсутствие благородной сдержанности нельзя вменять ей в вину».

Но эта пустая мысль мелькнула и исчезла, когда окровавленная британка миновала ворота и вошла в туннель. Девушка бросилась вперед и крепко обняла подругу, поздравляя с победой и совершенно не замечая кровавой жижи, впитывавшейся в ее тунику. Улыбка Эйриан-вен выглядела неправдоподобно белозубой на темном лице, сплошь покрытом синей краской и запекшейся кровью. Женщины обнялись, не обращая никакого внимания на окружающих.

Теперь Лисандра понимала, насколько слаще делается жизнь, когда идешь по ней бок о бок со смертью.

XXIII

Один день кончался, начинался другой. Бойня на арене продолжалась. Сотни мужчин, женщин и диких животных умирали ради развлечения толп зрителей, новой должности Эсхила и честолюбия Секста Юлия Фронтина.

Правитель Малой Азии был уже в годах, но обладал молодой силой и живостью не по возрасту. Он отличался непреклонной волей, которая сопротивлялась наползающей старости, не позволяла ему сложить полномочия, вернуться домой и пожинать плоды десятков лет службы. Фронтин знал, что не только он был таким. На людях, подобных ему, держалась империя. Не будь их, разве смог бы Рим стать величайшей силой, правящей миром?

Помимо прочего, правитель был знатоком арены и зрелищ. Напыщенный Эсхил вызывал у него омерзение, но глупо было бы отрицать, что этот толстяк устроил великолепные игры. Он стравил между собой две гладиаторские школы. Для Рима такое было не ново, но здесь, в отдаленной провинции, о подобном почти что не слыхивали. Ну

а то, что бои женщин оказались не просто «закуской» для разогрева публики, но самостоятельным зрелищем, уж вовсе было сродни озарению.

Как человек увлеченный и тонкий знаток, Фронтин никогда не принимал девушек-гладиаторов всерьез. Новинка — да, потеха — да, но не более. И вот те на — выученицы этого Луция Бальба оказались на арене настоящими вестницами смерти. Женственная красота лишь добавляла остроты их воинскому обаянию. Эти обнаженные груди, эти точеные ягодицы, кружащиеся в гибельном танце… Фронтин то и дело ловил себя на том, что неловко ерзает в кресле, кутаясь в тогу, — не то, чего доброго, станет очевидным возбуждение плоти.

Еще он заметил за собой, что раз за разом стал являться в цирк гораздо раньше обычного, чтобы ненароком не пропустить какой-нибудь девичий бой. Одна или две гладиатрикс из школы Бальба показались ему настолько умелыми, что он решил даже дать ланисте аудиенцию, воздать должное его искусству обучения и отбора.

Прокуратор пригласил потливого смуглолицего Бальба в ложу сановников и тепло приветствовал его.

— Весьма впечатлен твоими девушками, лани-

ста, — сказал он ему. — Ты привнес в эти игры приятное разнообразие, твоими усилиями они стали совершенно новым и небывалым событием. Оно вполне может послужить политическому продвижению моего достопочтенного сподвижника Эсхила.

Он указал на грека, сидевшего рядом.

— Ты слишком добр, правитель. — Бальб почтительно наклонил голову. — Мы лишь делаем то малое, на что способны. Твои слова очень многое значат для такого незначительного человека, как я.

— Да ладно тебе, ланиста, — рассмеялся Фронтин. — Все знают, что ты богат, как Мидас!

Отмахнувшись от возможных возражений, он вновь устремил свое внимание на арену и спросил:

— Кто эта девушка?

Вызов в главную ложу Бальб встретил с превеликой радостью, но и с беспокойством. Теперь он с облегчением убедился в том, что волноваться было вроде бы не о чем. Правитель, по-видимому, просто хотел похвалить выступление его девушек, в особенности — последнего приобретения.

— Это Ахиллия, господин мой, — сказал Бальб и вздрогнул, потому что в этот момент Лисандра

отхватила руку фракийке, с которой сражалась. Спартанка явно соответствовала легендам, ходившим о ее племени, и Бальб был доволен девчонкой. Она очень быстро оправилась от раны, полученной в первый день игр. С тех пор в небесах успела смениться луна, и Лисандра опять принимала участие в поединках. Еще было очень похоже на то, что она вправила мозги своим эллинкам. До игр они являли собой довольно жалкое зрелище, теперь почему-то стали плотно спаянной командой убийц. Гибель той полноватой рыбачки — Бальб успел забыть, как там ее звали — весьма благотворно повлияла на уцелевших девиц. Они начинали приносить настоящий доход.

— Нет, я хочу знать, кто она на самом деле. Ахиллия — это ведь не ее настоящее имя?

— Она рабыня, господин мой. Просто рабыня.

Бальб почувствовал, как по всему его телу выступили капельки пота. Он успел вообразить, будто далекое сестринство, к которому принадлежала Лисандра, умудрилось отыскать девушку и воззвало к правителю, требуя ее освобождения.

— Но имя-то у нее есть? — настаивал Фронтин.

— Да, господин мой. Ее зовут Лисандра, — сказал Бальб и судорожно сглотнул, гадая, сколь

далеко могут забрести такие расспросы.

— Она в самом деле спартанка или это лишь образ, который ты для нее выдумал?

Бальб помедлил. Его отчаянно подмывало солгать Фронтину, но вдруг правитель знал больше, чем говорил? В этом случае ложь была бы откровенна опасна, даже гибельна.

— В самом деле, господин мой. Как говорится, все настоящее.

Фронтин снова повернулся к Лисандре, которая стояла на арене, положив клинок на шею побежденной противницы. Он жестом приказал спартанке лишить женщину жизни. Однорукая бывшая гладиатрикс была все равно бесполезна и никому не нужна. Лисандра равнодушно перерезала горло фракиянке и зашагала к воротам жизни, оставив ту биться на песке в предсмертной агонии.

Фронтин посмотрел на Бальба и сказал:

— Я хотел бы с ней встретиться.

— Как пожелает мой повелитель, — с облегчением поклонился Бальб.

Итак, никакое посольство из Спарты к Фронтину не приезжало. Старый козел просто возжелал утех с гладиатрикс. Плохо было лишь то, что он выбрал девицу с такой холодной кровью. На-

верное, мраморная статуя по сравнению с ней сошла бы за пылкую любовницу. Этот похотливый старикашка мог бы указать на какую-нибудь заждавшуюся кобылку, которая рада была бы укатать его до потери сознания. Бальб подумал, что все это вызвано ревностью других богов, недовольных изобилием милостей, коими Фортуна ублажала прокуратора в последнее время.

Он вымученно улыбнулся Фронтину.

— Я пришлю ее к тебе по окончании сегодняшних представлений, мой господин.

— Отлично, — с улыбкой кивнул Фронтин. — Можешь идти.

* * *

— Ты хотел видеть меня, ланиста?

Бальб велел рабам усадить Лисандру в крытый паланкин доставить в его жилище, нанятое за пределами цирка. За время игр спартанка успела сделаться народной любимицей. Ее слава быстро росла, в открытую путешествовать ей теперь не годилось. Луций критически рассматривал девушку, стоявшую перед ним, прислушивался к собственным ощущениям и гадал, вызовет ли она и у него какое-то волнение плоти. Его влекло преимущественно к мужчинам, но в прошлом он,

бывало, делил ложе и с женщинами. Лисандра — рослая, бледнокожая, неоспоримо прекрасная — была, вероятно, действительно притягательна, но именно такие женщины никогда ему не нравились.

— Хотел, — сказал он, изобразив почти искреннюю улыбку. — Пожалуйста, присаживайся.

Ланиста указал ей на мягкий диван, хлопнул в ладоши и приказал принести вина. Может, Лисандру и удивило подобное радушие с его стороны, но она ничем этого не показала. Ее взгляд оставался ровен, холоден и самую малость насмешлив, как показалось Бальбу.

— Ты проводишь отменные бои, — пригубив напиток из местных виноградников, сказал он.

Лисандра пожала плечами, совершенно спокойно приняв похвалу.

— Естественно, — сказала она. — Надеюсь, меня начнут выставлять против более достойных соперниц. Те, с которыми сейчас приходится иметь дело, бьются заметно хуже меня.

Бальб чуть не расхохотался.

«Надо же, какая неистребимая наглость!.. — подумал владелец луда. — Впрочем, возможно, за ее словами кроется не пустопорожнее высокомерие, а нечто большее».

Он не мог отделаться от впечатления, что Лисандра не играла словами, а высказывала свой действительный взгляд на вещи.

— Ты недооцениваешь другие школы, Лисандра, — проговорил он наконец. — Там тоже хватает отменных бойцов.

— Мне несвойственна недооценка противника, Луций Бальб, — ответила спартанка. — Это было бы глупо. Просто я трезво осознаю свои собственные возможности. В нынешних состязаниях я еще не увидела ничего такого, что смутило бы меня.

Бальбу захотелось услышать ее оценку Гладиатрикс Примы, и он заметил:

— Ты еще не видела на арене Сорину.

— А что мне до нее? — удивилась Лисандра. — На нынешних играх нас все равно друг против друга не выставят. Но если боги распорядятся так, что при каких-то иных обстоятельствах нам выпадет драться, то я без особых угрызений совести отправлю в Гадес твою самую прибыльную воительницу. Впрочем, ты же вызвал меня сюда вовсе не затем, чтобы узнать мое мнение об играх.

— Не затем, — кивнул Бальб.

Кажется, пора было переходить непосредственно к делу.

— Ты понравилась правителю. Он даже пожелал видеть тебя.

Лисандра подняла бровь.

— Так он что, ценитель женских боев?

— Еще какой, — улыбнулся Бальб. — Прокуратор заметил, что ты отменно хороша на арене.

Лисандра задумалась на некоторое время, потом сказала весьма язвительным тоном:

— Что ж, это будет приятная встреча. Мне, правда, трудно представить, с какой бы стати Фронтину приглашать невольницу за пиршественный стол.

— Ну-у-у… — Бальб широко развел руки. — Нынешние игры нравятся всем. Фронтин — тонкий ценитель. Занимаемое им положение позволяет ему встречаться с лучшими из бойцов. Считай, что тебе оказана великая честь, — сказал он, пытаясь сыграть на ее самолюбии.

Она спокойно ответила:

— У рабов нет чести, Бальб.

— Все равно желаю приятно повеселиться, — отмахнулся ланиста.

Лисандра поднялась на ноги, направилась было к двери, но на полдороге остановилась, вновь повернулась к нему и спросила:

— Бальб, правитель хочет просто поговорить

со мной? Это все?

Луций вздохнул. Ему очень хотелось солгать ей, но он понимал, что Лисандра может взорваться, если шаловливые руки Фронтина застанут ее врасплох. Подобный случай уже был с Нестасеном. Для нее самой это будет означать смертный приговор, а для него — тьму-тьмущую неприятностей.

— Лучше присядь.

Девушка возвращалась к дивану, а ланиста гадал, понравится ли ей правда.

— Лисандра, может случиться и так, что разговорами дело не ограничится.

— Я с ним не лягу, — ледяным тоном заявила она. — Мы бойцы, а не потаскухи. И потом, я… я раньше была жрицей Афины. Нам запрещено отдаваться мужчинам!

Этого Бальб не знал, так что ему лишь теперь приоткрылась часть тайны, сопровождавшей эту девицу. Так вот почему ее до такой степени возмутила грубая выходка Нестасена!

— Я имел в виду, что он может возжелать… — Ланиста прокашлялся. — Да ты понимаешь. Если так произойдет, уступи ему. Но этого может и не случиться. Я просто хотел предупредить тебя…

Бальб не договорил, отчего-то почувствовав

себя мышкой под неподвижным взглядом змеи.

— Коли так, то мое посещение становится невозможным. Бальб, тебе придется сказать ему, что я захворала…

— Лисандра, на приглашение правителя нельзя ответить отказом!

Ланиста терпеть не мог упрашивать, но что прикажете делать? Фронтин был слишком влиятельным человеком. Если он вздумает обидеться…

— Нет, — повторила спартанка.

— Погоди. — Бальб попробовал зайти с другой стороны. — Я сделаю так, что тебе ни о чем не придется жалеть.

— Ты не в состоянии предложить мне ничего такого, чтобы я передумала, — гордо заявила Лисандра. — Вот разве только свободу, но сомневаюсь, чтобы ты это сделал.

— Да, свободу я не буду предлагать, но, к примеру, могу отменить те двадцать плетей, которые тебе предстоит получить по возвращении в луд. Еще я начисто забуду жалобу лекаря, которого, по его словам, ты до полусмерти избила, чтобы украсть снадобья для уже мертвой подружки.

— Кнутом меня запугать трудно, — сказала Лисандра. — В школе я его напробовалась с из-

бытком. Или ты не заметил, сколько шрамов я ношу на спине?

— Кроме того, я могу приказать, чтобы тебя и твоих гречанок переселили из крохотных каморок в хорошие домики, — пристально следя за выражением ее глаз, предложил Бальб.

Это заставило девушку чуть дрогнуть, и он продолжал:

— Могу давать Нестасену работу с таким расчетом, чтобы ты его и близко не видела. Более того, я, пожалуй, поручу тебе отвечать за обучение гречанок, конечно, в дополнение к твоим основным обязанностям и учебе. Ты, может быть, замечала, что старшие гладиатрикс живут по-иному? Я могу приравнять к ним тебя и твоих гречанок. — Он щелкнул пальцами. — Вот так.

— Если я пойду к Фронтину.

— Да, — кивнул Бальб. — Если пойдешь.

Лисандра снова поднялась и стала расхаживать туда-сюда, сложив на груди руки и задумчиво постукивая пальцем по подбородку. Бальб пристально наблюдал за спартанкой, пытаясь по едва уловимой игре лица распознать ее мысли. Она, конечно, была отнюдь не глупа, но ланиста умел заключать сделки. Его опыт по этой части измерялся годами.

Лисандра остановилась и сказала:

— Хорошо, я пойду, если ты поклянешься, что не отступишь от данного слова.

Бальб вскинул руки, призывая в свидетели небеса:

— Я клянусь.

Лисандра закатила глаза.

— Ох и легко же ты даешь клятвы, Бальб…

— Я человек набожный, — парировал ланиста. — Ты можешь мне не верить, но это действительно так.

Лисандра наградила его долгим-предолгим взглядом, и эти льдисто-синие глаза едва не заставили Бальба суетливо заерзать. Было в ней нечто властное, некое внутреннее право отдавать приказы и ждать их исполнения. Да, эта девчонка оказалась слишком прямодушной, не способной на хитрость и обман, но через несколько лет обещала стать поистине грозной персоной.

— Надеюсь, твои худшие опасения все же не подтвердятся, — негромко проговорила она. — Но если жизнь моих сестер-эллинок может быть облегчена в обмен на мое… на мой поход к этому человеку, значит, быть по сему.

— Я тоже надеюсь, что худшего не случится.

Луций, к своему удивлению, выговорил это

вполне искренне. Другое дело, его не очень-то волновало, что он торговался с Лисандрой, используя те награды, которые она и ее соотечественницы заработали себе сами. Удачные выступления на арене уже обеспечили им новое и лучшее положение. Вот только стоило ли Лисандре об этом знать? Пускай лучше думает, будто приносит благородную жертву.

Еще он теперь знал, что миф о доверчивости спартанцев был столь же правдив, как и рассказы об их стойкости и воинской силе.

* * *

По возвращении в цирк Лисандра очень тщательно следила за выражением своего лица, не позволяя чувствам отражаться на нем. Внутри же она буквально рвалась на части, даже мышцы живота сводило судорогами. Девушка так до конца и не решила, что же ей делать, но не хотела обременять подопечных своими заботами. Это было бы недостойно. Ей отчаянно хотелось посоветоваться с Эйрианвен, но искать ее времени не было. Бальб велел спартанке сразу же идти в бани, чтобы приготовиться к посещению Фронтина, но она решила все-таки сперва заглянуть к своим эллинкам и поделиться с ними новостями… по

крайней мере хорошими.

— Что случилось? — взволнованно спросила Фиба, как только Лисандра переступила порог.

— Да ничего скверного. — Девушка принудила себя улыбнуться. — Все хорошо, и даже очень, — продолжала она. — Меня, как лучшую среди вас, пригласили на торжественный ужин, который устраивает сегодня правитель Малой Азии. Похоже, Секст Юлий Фронтин стал моим почитателем, ну а ланиста, понятно, готов угождать каждой его прихоти.

Тут Фиба закатила глаза, лицо у нее стало кислое. Лисандра про себя приписала все это обыкновенной ревности. Знать бы коринфянке, чем в действительности мог кончиться этот ужин!

— Другие новости касаются уже всех нас, — продолжала она. — Бальб весьма впечатлен нашими выступлениями и по возвращении в школу прикажет содержать нас получше.

Женщины закивали и заулыбались.

— Нас переселят из общего барака в хорошие домики. Меня, разумеется, назначат старшей над вами.

— Неужели? — Фиба склонила голову к плечу.

— Да, — сказала Лисандра. — Я буду отвечать

за наше совершенствование. В том, что касается воинских искусств и оружия, вам со мной не равняться. Я как-никак прошла неплохую школу.

— Да, — пробормотала Фиба. — Новости действительно добрые.

— Теперь мне пора. Когда вернусь, смогу порассказать вам немало занятного из жизни римского высшего общества…

Ни Фиба, ни остальные девушки не заметили иронии. Новостям они обрадовались куда меньше, чем ожидала Лисандра. Может, им было страшновато, воительницы сомневались, сумеют ли они соответствовать тому высокому примеру, который она собиралась им показать?

Это в самом деле будет непросто.

Но перво-наперво ей предстояло заплатить оговоренную цену…

XXIV

Когда они кончили с нею возиться, Лисандра едва узнала себя.

Небольшая армия девушек-рабынь, которым ее отдали на расправу, попросту стерла облик спартанки, сотворив вместо нее какую-то иную, незнакомую женщину. Ее лицо сперва выбелили мелом, после чего на щеках красной охрой нарисовали румянец. Той же охрой, только гуще замешанной, покрасили губы. Брови густо зачернили, а по векам прошлись раствором шафрана. Волосы зачесали наверх и уложили в прическу, по словам рабынь, соответствовавшую последней моде. Шаткое сооружение удерживала уйма шпилек, бесконечно раздражавших Лисандру. Ей приходилось все время бороться с позывом повыдергивать их из волос.

Ее облачили в длинный чисто-белый хитон в эллинском стиле, руки украсили браслетами весьма недешевого вида. Девушки ахали и охали, любуясь своей работой. Они поднесли ей зеркало из полированной бронзы, Лисандра глянула на себя и нашла, что выглядит глупо. Щеки спартан-

ки полыхнули краской стыда, она вскочила… и едва не утратила равновесие. Ей показалось, что ее подвесили к потолку за волосы, намотанные на железную проволоку.

«Да что же это за наказание такое! — сердито подумала она. — И как только женщины соглашаются подвергаться подобным мучениям?»

— Я просто раскрашенная кукла! — пожаловалась она одной из девушек. — Может, мне стоило бы походить на себя саму, а не на какую-то размалеванную флейтистку!

Рабыня, к немалому раздражению Лисандры, лишь захихикала.

— Не глупи, — сказала она. — Ты стала прямо красавицей!

— Дурой я стала, вот кем. — Воительница заглянула в большие прозрачные глаза девушки и увидела в них одно лишь недоумение.

Она с возмущением мотнула головой, вдруг поняв, что все мысли этих рабынь были заняты прическами, румянами, белилами для лица… да еще сплетнями о том, кто с кем спит.

— Ладно, пошли, куриные твои мозги. Мне пора!

— Куриные мозги!.. — воскликнула девушка, и ее товарки отозвались смехом. — Какая ты смеш-

ная, Лисандра!

Спартанке до смерти захотелось придушить маленькую пустоголовую дрянь. Она во всех деталях представила себе, как это делает, и ей стало чуточку легче.

Рабыни проводили ее через охраняемые помещения под ареной. Естественно, появление спартанки в подобном обличье другие гладиатрикс встретили весьма обидными выкриками. Лисандра внутренне кипела, очень просто объясняя себе их поведение. Надо же было такому уважаемому бойцу, как она, появиться в столь дурацком наряде! Впору было немедленно умереть от смущения, но, конечно, этого не случилось.

Дальше все стало еще сложнее. У самого выхода девушка заметила Катуволька, сидевшего в обществе Сорины. Галл вскинул глаза, прищурился на нее в полутьме, но узнал не сразу. Лисандра понапрасну попыталась сделать вид, будто вообще его не заметила.

— Так-так, — протянул он, подходя. — И что это тут у нас?..

Сорина насмешливо улыбалась у него за плечом.

— Меня пригласили на пир к правителю, — сказала Лисандра.

Со времени того памятного разговора, когда галл сознался спартанке в своих чувствах и был ею отвергнут, он упрямо отказывался иметь с нею дело, ограничиваясь нехорошими взглядами и неразборчивым бормотанием на родном варварском наречии. Однако похоже было на то, что ее появление в этом глупом наряде давало повод для шуточек, пренебречь которым было бы просто грешно. Лисандра решила напасть первой, подпустить яду, целясь в его спутницу.

— Прокуратор пожелал провести время в обществе лучшей гладиатрикс этих игр.

Говоря так, она смотрела не на него, а на Сорину.

— На пир! — захохотал Катувольк, дыхание которого отдавало противным египетским пивом. — Ну, мы-то с тобой знаем, что происходит на этих цивилизованных пирах, правда, Сорина?

— Вот уж воистину, — скривила губы эта старуха. — Иди, развлекайся, шлюха накрашенная. Еще до конца ночи тебя пронзят столько раз, что твоя промежность будет зиять, словно врата Хель!

Лисандра отшатнулась, пораженная грубой прямотой, до которой амазонка позволила себе опуститься.

— Вот уж сомневаюсь, — с презрением проговорила она. — Я, в отличие от тебя, не раскидываю ноги перед всеми и каждым, кому это может понравиться.

Мысленно она поздравила себя с тем, что поддела разом и Сорину, и Катуволька. Не будет она им девочкой для битья, пускай не надеются!

Однако удар оказался даже метче задуманного. Сорина зарычала от ярости и рванулась вперед.

Лисандра отскочила прочь и мгновенно приняла боевую стойку. Она была готова кулаками вбить эту дикарку по уши в землю, но Катувольк успел схватить рассвирепевшую амазонку в охапку и отшвырнуть ее за себя.

— Эта эллинка не стоит того, чтобы ее бить! — выкрикнул он.

Девушки-рабыни, сопровождавшие Лисандру, испуганно завизжали и бросились кто куда, лишь бы не попасть под руку Сорине.

Та смотрела на Лисандру с испепеляющей ненавистью. Спартанка в ответ лишь хмыкнула. По ее мнению, в этой стычке проигравшей осталась старуха.

«Больно лишь то, что Катувольк обратился против меня, — подумала девушка. — Почему?.. Я ведь никогда не давала ему никаких надежд,

ни разу даже не намекала, что между нами могло быть нечто большее, чем простая дружба. Откуда же такая внезапная враждебность?.. А он, похоже, еще и внезапно сдружился с Сориной. С какой бы это стати?.. Может быть, не сумев завоевать меня, этот галл тотчас утешился на стороне?.. Как-никак он варвар, а что с них взять!»

Лисандра отвернулась от них и ушла, не оглядываясь.

* * *

Девушки проводили ее до паланкина, ожидавшего за линией охраны. К нему оказались приставлены шестеро здоровенных носильщиков, впереди и позади шли по четыре легионера. Уж конечно, ланиста побеспокоился, чтобы с его ценной собственностью ничего не случилось.

Украшения и прическа мешали Лисандре откинуться на подушки и немного расслабиться в дороге.

«Да, отдохнешь тут, пожалуй!» — хмуро сказала она себе.

Перепалка с Сориной и Катувольком на время отвлекла ее от раздумий о пире в доме правителя, но теперь, оставшись одна, Лисандра о том только и думала. Ей пришлось сознаться себе, что она,

в общем, побаивалась того, что мог принести наступающий вечер. Бывшая жрица могла только молиться, чтобы злобное замечание Сорины оказалось далеким от истины. Только представить, что ее вот так будут использовать…

Лисандра содрогнулась.

Спартанку пугала даже не столько мысль о мужском вторжении в ее тело. Они с Эйрианвен часто обсуждали это. Подруги сообща пользовались кое-какими штучками, и Лисандра нашла упомянутое проникновение даже весьма приятным. Но то, что ей, судя по всему, предстояло… Тут ведь не будет ни нежности, ни заботы, ни ласки. Ей придется стать простым сосудом, в который кто-то будет изливаться для своего удовольствия.

Сегодня рабство оставит на ней еще одну несмываемую печать.

Даная была права, рассуждая о том, что жизнь в качестве гладиатрикс давала определенную степень свободы. Понятно, это занятие было весьма рискованным. Однако Лисандра солгала бы самой себе, взявшись утверждать, будто сама эта опасность не привлекательна. Да что там, жизнь в луде по суровости не шла ни в какое сравнение с ее юностью, проведенной в школе, к

тому же давала ей возможность славить Афину кровавыми боевыми деяниями. Пусть это была древняя, во многом отживающая традиция, но Лисандра чувствовала, что благодаря ей ее жизнь обретала смысл.

Сегодня же… Сегодня она собиралась принести благородную жертву во имя облегчения жизни подруг. Спартанцам было свойственно не уклоняться от исполнения долга. Вот только внутри нее поселился страх. Одно дело — ласковое проникновение той самой штучки, направляемой любящими руками Эйрианвен, и совсем другое — когда ее прижмут к ложу и примутся насиловать. Ведь именно это будет делать тот старый сенатор.

«Хватит! — сказала она себе. — Речь всего лишь о теле. Это будет что-то вроде выхода на арену. Пускай Фронтин увидит во мне Ахиллию, а вовсе не Лисандру. Это Ахиллия была рабыней и гладиатрикс, я же некогда служила Афине. Если Ахиллия умрет на арене или подвергнется недостойному обращению, то для меня это не будет иметь никакого значения.

Оказывается, можно облачить душу в доспехи и не позволить насилию ее осквернить!»

Мало-помалу Лисандра начала успокаивать-

ся. Она смогла найти выход из нравственного противоречия. Многим ли удалось бы такое? Преимущество образования и спартанского воспитания наделило ее способностью логически и непредвзято взглянуть на положение дел. Одна маленькая уловка, и вот уже и честь спасена, и подчинение будет лишь внешним, но никак не истинным.

К тому времени, когда носилки опустили на землю, девушка уже слегка улыбалась, радуясь собственному уму и присутствию духа.

По выходе из паланкина ее ожидало легкое потрясение.

Она предполагала увидеть роскошь, но покои Секста Юлия Фронтина явно соперничали даже с римским дворцом императора Домициана! От их размеров и убранства голова шла кругом. Громадные мраморные колонны поддерживали здание, едва ли не превосходящее сам Парфенон, — так, по крайней мере, показалось Лисандре. Дорожку к главному входу обрамляло множество статуй. Гостей, входивших в обиталище правителя Малой Азии, встречали все двенадцать богов и богинь пантеона. В саду, окружавшем дворец, журчали фонтаны, украшенные изображениями дельфинов и всяких чудесных созданий. Песенка

водяных струй придавала вечеру почти волшебное очарование.

Люди Бальба проводили ее до входных дверей и с рук на руки передали вооруженной охране. Стражи окидывали Лисандру плотоядными взглядами, явно не имея понятия о том, что она была способна изувечить или убить любого из них, если бы пожелала. Эта мстительная мысль помогла спартанке вынести похотливые взоры, заодно с гордостью признать, что она явно была красавицей… и ей нравилось сознавать себя таковой.

Впрочем, охранники и не пытались к ней прикоснуться. Они не могли знать, что перед ними рабыня. Должно быть, глупенькие девчонки из цирка весьма преуспели, делая из нее свободную римлянку.

Шагая через гигантский атриум, Лисандра помимо воли любовалась красотой и великолепием дворца. Ее рот готов был сам собой распахнуться от восхищенного изумления. Фрески по стенам, со вкусом расставленные сокровища… Спартанка то и дело спохватывалась и брала себя в руки, стараясь хранить пристойную невозмутимость.

По ту сторону атриума виднелись огромные двери. Там Лисандру ждал человек средних лет,

похожий на суетливую птичку.

Он улыбнулся девушке и вытащил из недр просторной тоги какой-то свиток.

— Я Ахиллия, — сказала она на самой правильной латыни, какую могла изобразить.

Человек пробежал глазами свиток и покачал головой.

— У меня тут помечена одна женщина без спутников… по имени Лисандра. — Он вопросительно поднял брови.

— Это ошибка, — властно проговорила спартанка, внутренне сокрушенная тем, что Фронтин, оказывается, знал ее настоящее имя.

«Нет уж, просто так отказаться от духовной брони они меня не заставят!»

— Ты, конечно, слыхал обо мне. Я — гладиатрикс…

— О да, — перебил он. — Ахиллия. Тот бой в прошлом месяце против каледонки был великим событием! Я видел его. Редкое было зрелище! Да, теперь я тебя узнаю. Что взять с простого писца…

Он вытащил стиль, переправил имя в списке и улыбнулся.

— Вот так!.. Теперь все правильно. Так мне объявить о тебе как об Ахиллии Спартанской?

— Как пожелаешь, — надменно проговорила Лисандра.

Она не желала даже самой себе сознаваться в том, как порадовало ее то, что этот ничтожный человечек узнал ее в лицо и восхитился подвигами на арене.

Тот огляделся по сторонам, убедился, что никто их не видит, и прошептал:

— На самом деле я страстный болельщик. Хочу спросить… — Писец помедлил и моргнул, как сова на солнечном свету. — Ты умеешь писать?

— Конечно умею! — искренне возмутилась Лисандра, чувствуя, как жаркая кровь снова прихлынула к ее и без того слишком разрумянившимся щекам. — Ты меня что, за слабоумную принимаешь или думаешь, что у женщины, как говорится, все мозги в титьках?..

— Нет! — Он извиняющимся движением вскинул ладони и тоже залился краской. — Я лишь хотел попросить тебя написать для меня свое имя. Ну, не совсем для меня… моим детям. Они тоже сами не свои, когда доходит до игр.

— Мое имя?..

— Ну да. — И писец протянул ей клочок пергамента. — Просто на память…

Подобная просьба несказанно изумила Лисанд-

ру, но она постаралась ничем этого не выдать.

— Да пожалуйста. — И она взяла у него стиль. — Как их зовут?

— Марк и Луций, — ответил он гордо. — Разбойники, конечно, но они — все, что у меня осталось после кончины жены несколько лет назад.

Лисандра написала несколько слов, поставила свое имя и вернула пергамент, по-прежнему не в силах отойти от волнения и восторга. Ее узнали!

— Спасибо, госпожа.

Явно польщенный писец поклонился, потом повернулся, распахнул перед Лисандрой огромные двойные двери и зычным голосом, которого трудно было ожидать в столь щуплом теле, объявил о прибытии «Ахиллии Спартанской, грозной гладиатрикс, выступающей на играх Эсхила».

Проводив Лисандру и прикрыв двери у нее за спиной, отец семейства взволнованно развернул пергамент, подписанный ею.

«Марк и Луций! — гласили строки. — Ахиллия Спартанская приветствует вас и увещевает во всем слушаться вашего отца. Ибо совершенство достигается лишь послушанием и дисциплиной». Чопорная высокопарность записки вызвала у него невольную улыбку, но он знал, что мальчишки будут прыгать от счастья. А сколько раз

он всем перескажет историю этой встречи! Великие мира сего так редко удостаивали людишек, подобных ему, даже взглядом.

Ахиллия Спартанская была, конечно, надменна, но сегодня у нее появился друг. Он, без сомнения, объяснит своим приятелям-болельщикам, кого именно им следует поддерживать с трибун.

* * *

— Значит, ты с ней не спишь?..

Сидя в помещении, отведенном для отдыха наставников, Палка с Катувольком еще не то чтобы тонули в своих чашах, но плавать в них определенно уже начинали. Покой для отдыха в действительности был просторным лабазом, расположенным неподалеку от цирка и нанятым на время игр. Стоил он относительно недорого, при этом вмещал столы для наставников из разных гладиаторских школ, давал приют изрядному количеству шлюх и служил вместилищем для бесчисленных бочек пива и вина. Ланисты платили за все это вскладчину, выражая таким способом признательность своим помощникам, как свободным, так и рабам.

— Нет. Она — друг. Знаешь… мы, дети завоеван-

ных племен, чувствуем себя вроде как родичами. Если не по крови, так по обычаю.

Катувольк обвел глазами комнату. Поодаль от них сидел Нестасен, окруженный дружками из иных школ. Эта пестрая компания происходила из самых разных уголков необъятной империи.

Галл вдруг подумал, что зло имело свойство сгущаться повсюду, куда бы ни отправился Нестасен. Достаточно было посмотреть на его собутыльников. Сущие головорезы, жестокие люди, получавшие удовольствие от своей работы…

Нестасен заметил взгляд Катувольк и помахал ему рукой, явно пребывая в добром расположении духа. Благодарить за это, по-видимому, следовало щедрую порцию конопли, которую нубиец с приятелями как раз воскуряли.

— Ну и хорошо, — глубокомысленно кивнул Палка. — Бальб с тебя шкуру спустил бы, узнай он, что ты спутался с Сориной. Он человек деловой, а это плохо для дела.

— Сказал же, и в мыслях не держу с ней улечься. А тебе-то, кстати, что за печаль?

— Перестань щетиниться! — Палка выкатил глаза. — Просто я за тебя беспокоился. Совсем недавно ты надышаться не мог на спартаночку, а теперь с Сориной не расстаешься. Знаешь, друг

мой, вот так посмотришь, и недолго решить, что ты как петушок в курятнике — то одну потопчешь, то другую. А это, сам знаешь, не позволено.

— Ну… — Катувольк надолго присосался к пиву. — Честно тебе скажу, я ни в кого не влюблен, и уж в Лисандру — всех менее. Сучка она, вот что. Спасибо Сорине, объяснила мне, что к чему.

— Вот как! Знаешь, а ведь эта сучка становится всеобщей любимицей. Я сегодня на рынке сам видел — люди продают самодельные статуэтки, изображающие Ахиллию. Что-то я не припомню, чтобы хоть одна девчонка добилась подобного успеха на первых же играх! В общем, как бы не выяснилось, что Сорина…

Тут Палка закашлялся, подавившись вином. Могучий галл от души похлопал его по спине и поддразнил:

— Не в то горло попало?

Сам он прославился тем, что мог выхлебать ужасающее количество пива и вина, почти не хмелея.

— Смотри-ка! — Палка вытянул палец. — Я было решил, что это она.

Катувольк повернулся туда, куда указывал парфянин, и у него отвисла челюсть. Какая-то девица разносила по залу напитки, ловко уворачиваясь

от лап полупьяных наставников. Она была разительно похожа на Лисандру, не обладая, впрочем, ее осанкой и ростом. Ни дать ни взять младшая сестра надменной спартанки.

— Гречанка, должно быть, — буркнул Катувольк, подпустив в голос изрядно презрения.

Палка внимательно посмотрел на него.

— Что-то у тебя все красноречие разом отбило…

Катувольк обжег его взглядом, но Палка уже смотрел совсем в другую сторону.

— Вот это да! — захохотал он. — Смотри, Нестасен успел глаз на нее положить!

Он не ошибся. Когда девушка проходила мимо нубийца, чернокожий гигант сгреб ее могучей рукой и живо усадил к себе на колени. Она заверещала, больше для виду, и попыталась удрать, но тем лишь распалила его еще больше. Ладони Нестасена накрыли ее груди, после чего он стащил с девушки тунику. Шлюшка обольстительно хихикнула и заерзала у него на коленях. Нестасен притянул ее вплотную, его лиловатый язык уже разгуливал по шее этой особы, а пальцы стискивали и оттягивали соски.

Катувольк видел, как девушка, которой вряд ли минуло шестнадцать, вздрогнула от боли. Впро-

чем, его это никоим образом не касалось, и он снова уткнулся в свое питье. Нестасен явно был очень груб в любовных делах, но девчонка при всей своей юности была потаскушкой, значит, успела привыкнуть к самым странным прихотям тех, кто ей платил.

«Совсем как Лисандра! — сказал он себе. — Обе они так или иначе торгуют своим телом для мужского удовольствия».

Катувольк был опытным наставником. Он встречал женщин, которые, став гладиатрикс, в самом деле начинали любить арену и скоро уже жить не могли без кровавого состязания и побед. Сорина объяснила ему, что Лисандра была как раз из таких. Она толковала о каком-то нравственном начале, о цивилизации. Но поскреби ее, и вылезет сущая дикарка, да еще какая. Этой цивилизованной Лисандре нескрываемо нравилось убивать! Она стремилась не выжить на арене, а получить удовольствие. Девчонка совратила Эйрианвен, чтобы оскорбить предводительницу общины. Лисандра сбила с пути истинного именно ту женщину, которую Сорина прочила себе в преемницы. Небось, это немало радовало ее…

Девушка в лапах у Нестасена закричала в голос. Катувольк вскинул глаза и увидел, что огром-

ный нубиец развернул ее к себе лицом и задрал свою тунику. Сотрапезники поддерживали его криком и улюлюканьем. Нестасен плюнул себе на ладонь, запустил руку ей между ног и весело показал приятелям влажно блестевшие пальцы. Смазав ее соками свое вздыбившиеся оружие, он с силой растопырил ноги девушки, чтобы присутствующие могли видеть все детали, устроился поудобнее на скамье и со всей животной силой вонзился туда.

Девушка отчаянно завизжала от боли, но это лишь привело его в неистовство. Подавшись вперед, он ухватил ее длинные волосы и стал тянуть, проникая все глубже.

Несчастная девчонка еще пыталась прикидываться, будто ее крики были вызваны не болью, а страстным желанием, однако Катувольк хорошо видел, как мучительно искажалось ее личико при каждом новом движении Нестасена. Нубиец что-то говорил ей. Катувольк ничего не слышал, но движение толстых губ позволяло ему угадать всевозможные гадости и непотребства. Он спрашивал бедняжку, нравилось ли ей, не хотелось ли, часом, еще?.. Маленькая потаскушка — а что ей оставалось! — сквозь слезы кивала ему, просила радеть изо всех сил.

Их у него имелось в избытке. Его бедра дергались вверх-вниз, ручищи сжимали, сминали, выкручивали, месили. Молодого галла замутило от отвращения, и все-таки он не мог оторвать глаз от нубийца, без устали загонявшего кол своей плоти в тело беспомощной жертвы. Вот он задвигался еще быстрей, так, что его собутыльники еле поспевали в такт хлопать ладонями. Глаза Нестасена сузились в щелочки, наконец он издал победный крик и излил свое семя. Судорога оргазма так сомкнула его челюсти у нее на плече, что показалась кровь.

На этом Катувольк решил, что с него достаточно.

— Ты куда?.. — не без труда ворочая языком, спросил Палка, но галл только отмахнулся.

Нестасен в это время вытащил вон свой слегка обмякший клинок и принялся понуждать девушку взять его в рот.

— Соси, — рычал он, к восторгу звероподобных приятелей. — Оближи его хорошенько. Он испачкался в тебе, грязная шлюха.

Когда девица подчинилась, Нестасен оглядел круг собутыльников и размягчено проговорил:

— Вам тоже не помешало бы отведать ее.

Девчонка жмурила глаза, кажется, боролась с

приступами рвоты, но поделать ничего не могла. Нестасен пригибал ее голову все ниже.

— Ну, кто будет следующим? — смеясь, обратился он к своим друзьям. — Кому неймется?..

— Мне, пожалуй. — Катувольк заставил себя весело улыбнуться.

Приятели Нестасена изумленно смотрели на безрассудного наглеца, отважившегося встрять в их веселье.

— Ты?.. — Нестасен отшвырнул девку, смерил галла взглядом и вдруг расплылся в улыбке. — О да!.. Ты хочешь ее по той же причине, по которой и я. Это же все равно что раздвинуть ноги Лисандре, ведь так? Нам обоим очень этого хочется.

— Только так я могу хотя бы мысленно наказать самодовольную сучку по заслугам, — сказал Катувольк, изо всех сил надеясь, что это прозвучит достаточно правдоподобно.

Мог ли он представить себе, до какой степени велика и страшна была ненависть к Лисандре, снедавшая Нестасена!

— Я сделаю все, что хочу, а потом еще и помочусь на эту распутницу, — добавил Катувольк, снискав одобрительную ухмылку гиганта.

— Так забирай ее, мой утонченный друг, — заржал Нестасен. — Только не забудь потом

вернуть.

— Вот уж сомневаюсь, — подмигнул Катувольк. — Я буду развлекать ее до-о-о-олго.

Никто не знал, какого усилия ему стоило удержаться и сей же миг не смять кулаком черную паскудную рожу.

— Пошли, — велел галл девчонке, и та кое-как скривилась в подобии игривой улыбки.

На юной, залитой слезами мордочке это выражение смотрелось попросту непристойно.

— Желаю славно повеселиться, — уже в спины им прокричал Нестасен.

Катувольк оглянулся через плечо и улыбнулся.

XXV

Войдя в триклиний, то есть пиршественную палату, Лисандра сразу ощутила взгляды гостей. Это было не то грубое простонародье, которое заполняло трибуны во время боев. Здесь собрались самые богатые и влиятельные жители Галикарнаса. В других обстоятельствах приглашение на подобную вечеринку было бы действительно великой честью, но сейчас девушка была здесь всего лишь еще одним блюдом, и это не радовало ее. Она знала, что обычная женщина уже умирала бы сейчас от ужаса, но была облачена в духовный доспех.

«Выдержка и внутренняя сила помогут мне невредимой пройти унизительное и тяжкое испытание. Я Ахиллия, не Лисандра», — напомнила она себе.

Триклиний был очень вместительным. Изрядная толпа гостей, приглашенных Фронтином, удобно расположилась в нем. Посередине покоя был устроен борцовский круг. Там как раз соперничали двое мужчин, но знатные персоны обращали на них очень мало внимания. Пе-

ред ними на столах красовались едва ли не все мыслимые лакомства, а в воздухе витал густой аромат благовоний, перебивавший даже запах гарума — любимой римлянами рыбной подливы. От Лисандры не укрылось, до чего искусно были расставлены обеденные ложа гостей. Они позволяли едокам беседовать между собой, не напрягая голоса, и в то же время давали достаточно места рабам, неслышно и незаметно подававшим еду и питье.

Лисандра знала, что хороший раб должен исправно делать свою работу, но при этом не мозолить хозяину глаза. Примерно так обстояло с илотами в Спарте. Они существовали только для того, чтобы служить.

Ну да, Лисандра и сама теперь считалась рабыней, но можно ли было ее сравнивать с той бессловесной скотиной?

Конечно, предстоявшая встреча с Фронтином заставила бы более слабую женщину почувствовать себя ничтожной невольницей, но спартанка вдруг поняла, что его внимание привлекли именно ее красота и духовная сила. Противно, но очень даже понятно. Мужчины ею восхищались, отрицать это было бы глупо. Взять хоть Катуволька. Разве он не признался ей в своих чувствах и не

впал в глубокое уныние, встретив отказ? А жадные взгляды с трибун, а каждодневные брачные и иные, вполне безнравственные предложения?..

Она вошла в триклиний, думая о том, что Фронтин, в общем, просто вел себя как пристало римлянину, облеченному властью. Он протягивал руку и брал все, что ему понравилось. Так поступали все богатые и влиятельные граждане империи.

Размышления Лисандры были прерваны. К ней, широко улыбаясь, подошел немолодой мужчина.

— Ахиллия Спартанская!.. — проговорил он.

Этот человек несколько уступал Лисандре ростом. Возраст и непогоды избороздили его лицо морщинами.

— Я — Секст Юлий Фронтин.

— Приветствую тебя, — кивнула Лисандра.

— Ты прекрасна, словно Венера, — сказал он, используя неверное римское наименование Афродиты.

Лисандра не могла понять, отчего римляне, полностью перенявшие эллинский пантеон, вдруг решили придумать богам новые имена. Неужели они думали, что так никто не догадается о подлоге?..

— Впрочем, думается, тебе больше подошло бы

сравнение с Минервой, — продолжал Фронтин. — Итак, богиня-воительница спустилась с Олимпа, чтобы почтить нас своим присутствием…

Сравнение с богиней, которой Лисандра некогда служила, несло в себе бездну иронии. Гладиатрикс еле удержалась от усмешки, вызванной этой невольной остротой.

— Благодарю за добрый прием, — склонив голову, ответила она. — Спасибо за такие слова обо мне, Секст Юлий Фронтин.

— Просто Секст. — Он обезоруживающе улыбнулся. — Я нахожу эти тройные имена ужасно длинными, а тебе как?

— Зато они очень римские.

— Я смотрю, не очень-то ты жалуешь Рим и римлян, — сказал Фронтин, ведя ее к ложам, выстроенным отдельным полукругом. — Оно и понятно, учитывая твое нынешнее положение.

— Ошибаешься, правитель, — возразила она, намеренно используя его титул.

Девушка не собиралась закатывать сцен, ибо пренебрегать внешним приличием было бы очень не по-спартански, но и не видела оснований дружески доверяться этому человеку.

— Я восхищаюсь Римом и вижу в нем естественного наследника эллинистических идеалов, хотя

и сработанного очень топорно.

Фронтин удивленно поднял брови и жестом велел подавать вино.

— Топорно? В твоих устах, дорогая моя, это почти похвала. Я наслышан о Спарте как о наименее культурном из эллинских городов.

Лисандра пригубила вина, глядя на правителя поверх кубка.

— Если понимать под культурой бесчисленные статуи, монотонную риторику и власть демоса — да, тогда твое наблюдение верно. Эти, с позволения сказать, качества вполне присущи Афинам. Но если считать культурой честь и достоинство, прямые речи и доблесть в бою — тогда моему родному городу равных не будет!

Ей показалось, что речь вышла неплохая, тем более что Рим по сути своей был государством воинов.

Фронтину, судя по всему, ее ответ тоже понравился.

Он улыбнулся, поднес чашу к губам и сказал:

— Радуйся, победительница! Кажется, я понял, что делает тебя такой опасной на арене. Твой язык так же остер, как и меч!

— А по-моему, это оскорбительно, — встрял в разговор мужчина помоложе.

— Гай Минервин Валериан, — представил его Фронтин. — Трибун Второго легиона, носящего имя Августа.

— Что показалось тебе оскорбительным, трибун? — спросила Лисандра.

— То, что женщина вздумала высказываться о вещах, которые не способна понять!

— Правитель пригласил меня за этот стол, трибун, и повел разговор о том, в чем, как ему известно, я разбираюсь. Я не собираюсь сидеть и глупо хлопать глазами, прикидываясь ничего не понимающей дурочкой.

Тут она быстро покосилась на Фронтина и увидела, что правитель наблюдал за ними, явно забавляясь перепалкой.

— Кто угодно может произнести несколько хорошо заученных фраз, госпожа моя, — издевательски хмыкнул Валериан. — Если греческих рабов за что и ценят, так только за их познания.

— Что ж, римлян, равных нам по знаниям и уму в самом деле немного найдется. — Губы Лисандры скривились в едва заметной улыбке.

Валериан налился краской от гнева.

— Я краем уха услышал, как ты тут болтала о боевой доблести своей страны, — проговорил он. — Если она и впрямь так могуча, то как вышло,

что сегодня она — всего лишь частица империи?

— Спарта является государством, зависимым от Рима, но не его частью, трибун, — поправила Лисандра. — Ответ же на твой вопрос — воля Посейдона и прикладные науки.

— Это как? — вмешался Фронтин, и его вскинутая ладонь пресекла дальнейшие реплики Валериана.

— Воля Посейдона, правитель, была явлена в виде землетрясения. После войны с Афинами мой город был главенствующей силой в Элладе, а стало быть, по реалиям тех времен, — и во всем мире. Но Спарта никогда не обладала многочисленным населением. Поэтому потери, причиненные землетрясением и многочисленными войнами, которые мы вели, оказались поистине невосполнимыми. Удержать положение, завоеванное Спартой, было невозможно, хотя наши воины всегда были величайшим украшением полей битв.

— А прикладные науки? — поинтересовался Фронтин.

Лисандре показалось, что премудрости, изрекаемые ею, производили на него примерно такое же впечатление, как если бы человеческим языком вдруг заговорила собака.

— Прикладные науки движут войну, прави-

тель, — продолжала она. — По мере того как полководцы призывали под свои знамена все новых воителей, эллинская фаланга стала устаревать. Давать оружие лишь мужам, обладавшим собственными земельными наделами, оказалось недостаточно. Люди низшего звания составили легкую пехоту, заметно возросла роль конного войска. Филипп Македонский поднял фалангу на новый уровень развития, получив воинский строй, равного которому еще не знал мир. То, что его сын сокрушил варваров-персов, есть свидетельство не только гениальности самого Александра, но и мудрости его отца, создавшего непобедимую армию.

Лисандра против воли обнаружила, что с удовольствием ведет этот разговор. Как же давно ей не доводилось рассуждать о любимом предмете с людьми, способными хотя бы отдаленно понять, о чем она толковала!

— Но как можешь ты утверждать, будто македонская фаланга была совершеннейшим воинским строем, когда мы, римляне, раз за разом били ее? — опять вмешался Валериан.

Он торжествующе улыбался, считая, что приговор истории обжалованию не подлежит.

— Прикладные науки, трибун. — Она объясняла

ему азы, точно ребенку. — Фаланга последовательно менялась, поскольку ей противостояли воинские формирования сходного свойства. По ходу дела сарисса — или, по-вашему, копье — все удлинялась, пока не достигла размеров поистине удивительных. В итоге она стала основным оружием армии, к чему изначально была совершенно не приспособлена.

Валериан лишь отмахнулся.

— Вижу пробел в твоих знаниях, госпожа. Македонские копья сметали и перемалывали врага. А ты берешься отрицать, что они являлись основным оружием фаланги.

— Работа копейщика состояла в том, чтобы заставить врага ввязаться в бой, завязнуть, застрять. После чего тяжелая конница наносила решающий удар, завершавший сражение. Так произошло при Херонее, так одержали все свои победы Александр и Филипп.

— Но это не объясняет, почему с фалангой так легко справились наши легионы, — горячо возразил Валериан. — Не уходи от сути, гладиатрикс!

Лисандра посмотрела на него, как на коровью лепешку, в которую ее угораздило вляпаться.

— Я уже говорила тебе, что Рим увидел лишь тень той фаланги, которая существовала когда-то.

Если бы ваша юная республика столкнулась с армиями Филиппа или Александра, не исключено, что мы поменялись бы ролями за этим столом.

— Ты меня оскорбляешь!

— Нет, — сказала Лисандра. — Тебя оскорбляют убожество твоих военных познаний и неразумное упрямство в споре, трибун. Римским военачальникам следовало бы получше разбираться в истории. И Пирр, и Ганнибал едва не довели Рим до поражения. А ведь их фаланги не шли ни в какое сравнение с теми, которые посылал в бой Александр.

— Удивительная рабыня!.. — хмыкнул Валериан, жестом приказывая подать еще вина. — Да ты, как я погляжу, знаток не только истории, но и тактического искусства!

— Конечно. — Лисандра позволила себе толику самодовольства. — Нас очень неплохо обучали в храме Афины…

Девушка не стала продолжать, но взгляд, которым она наградила Валериана, должен был ясно объяснить ему, что он, по ее мнению, не относится к числу хорошо образованных людей.

— Ты была жрицей? — подал голос Фронтин.

Кажется, он решил вмешаться, чтобы ее спор с Валерианой не превратился в простой обмен

оскорблениями.

— Да, правитель, — кивнула Лисандра. — Прежде чем попасть сюда, я жила под сенью Афины.

— Я кое-что слышал о вашем жреческом союзе, — к ее удивлению, заметил Фронтин. — Весьма в духе Спарты. Они там воспитывают и обучают вас точно так же, как и мужчин. Вот чем, стало быть, объясняется твое знание боевого искусства.

— Именно так, — подтвердила Лисандра.

— Почему же твое сестринство не сделало никакой попытки тебя разыскать, выкупить на свободу?..

— Они, вероятно, считают, что я умерла. Что ж, для той прежней жизни я и вправду мертва…

Девушку и саму поразили эти слова, вырвавшиеся так внезапно, но в них была сущая правда.

— Я не могу вновь стать прежней. Беда заставила меня пережить тяжкий внутренний разлад, но пришел мудрый человек, жрец, и сказал мне, что я могу славить Афину, сражаясь на арене. Да, теперь я рабыня, зато имею возможность славить свою богиню, принося ей кровавые жертвы, и вести беседы с правителем Малой Азии. Одна моя подруга как-то сказала, что арена дарует нам вольность, о которой свободным женщинам

не приходится даже мечтать. Мне кажется, она была права.

— Ты равняешь себя со свободными женщинами? — ядовито поинтересовался Валериан.

— Я не состою на побегушках ни у одного мужчины, — со значением проговорила спартанка, глядя на Фронтина. — Я живу своим искусством и владею им лучше многих других. Я не трачу день за днем, возясь с детьми и угождая прихотям мужа, совершенствую умения, которым посвятила всю свою жизнь. Так я понимаю замысел Афины, так исполняю его, служу ей и не считаю себя невольницей.

— Не состоишь ни у одного мужчины на побегушках?.. Что это за речи? Ты — рабыня, а я — римлянин! Пожелай я, и твоя голова окажется у меня на подушке. Будь уверена, я уж сумею преподать тебе твердый урок.

«Ну все, хватит, — сказала себе Лисандра. — Приличия приличиями, но от состязания в образованности и остроумии Валериан перешел к прямым оскорблениям, а этого я терпеть не намерена».

— Ты слишком много выпил, трибун, — хмыкнула она. — Что-то сомнительно, чтобы твой урок оказался достаточно твердым.

Бравый вояка, как и следовало ожидать, вскинулся с ложа и занес руку, чтобы съездить наглую невольницу поперек физиономии, но Лисандра опередила его. Она уже стояла на ногах, глаза девушки полыхали холодным огнем. Ее винный кубок громко прозвенел, ударившись о каменный пол, и гости начали поворачивать головы. Молодой римлянин ощутил на себе множество взглядов, сперва замешкался, потом опустил руку.

Наконец он повернулся к Фронтину и деревянным голосом выговорил:

— Прошу простить меня, правитель. Я должен покинуть твой пир, ибо едва не забыл о важной встрече, которая мне назначена.

Прокуратор холодно улыбнулся, кивком отпустил Валериана и проводил его взглядом. Трибун шел прочь нетвердым шагом, заметно покачиваясь.

Когда он скрылся за дверьми, Фронтин повернулся к Лисандре.

— Пойдем, — сказал он ей, поднимаясь. — Давай пройдемся.

Она пристально взглянула на него, потом согласно кивнула, но руки, поданной римлянином, не приняла.

XXVI

— Пора прекратить это, — объявила Сорина, глаза у которой были свирепые.

Эйрианвен пожала плечами и снова уткнулась в чашу с питьем.

— Не пойму, какое тебе дело до этого, — сказала она. — Понятно, ты предводительница нашей общины. Но я сама буду решать, с кем мне заниматься любовью.

Они с Сориной сидели поодаль от прочих воительниц. Вернее, это все остальные мудро сочли за благо оставить Гладиатрикс Приму и Гладиатрикс Секунду наедине. Сорина решила этим воспользоваться, чтобы окончательно разобраться с Эйрианвен, все крепче привязывающейся к Лисандре. Дакийка видела, что взаимное чувство двух молодых женщин крепло день ото дня. Ее неодобрения было явно недостаточно для того, чтобы заставить британку одуматься.

Значит, следовало поговорить с ней напрямую.

— Я ведь не по злобе тебе это говорю, Эйрианвен. Я хочу тебя защитить! Ты ступила на путь, ведущий к беде. Неужели ты сама этого не ви-

дишь?

Прекрасная силурийка подняла глаза.

— Я вижу, что ты стареешь, Сорина, и осень наполняет тебя горечью.

Амазонка вскинула голову, как от пощечины.

— Пока эта особа здесь не появилась, ты никогда не говорила со мной так! Она лишила твою душу ясности, Эйрианвен! Это как заразная хворь! Все понимают, куда дело идет, кроме тебя самой! Даже Катувольк, который с ума по ней сходил, наконец понял, что она в действительности собой представляет.

— Галл обиделся на нее, потому что она его отвергла, — сказала Эйрианвен. — Таковы уж мужчины. Ты мне сама про это рассказывала. Я просто не хочу больше обсуждать с тобой Лисандру. — Силурийка так пристукнула чашей по столу, что некоторые товарки оглянулись на них. — Это ты утратила душевную ясность, а вовсе не я. Горечь и злоба сожгут тебя изнутри, если ты их не превозможешь.

— Твоих советов мне только и не хватало, соплячка! Не забывалась бы ты! — наклоняясь вперед, предупредила Сорина. — Нос еще не дорос оспаривать у меня главенство!

Эйрианвен вздохнула, ее плечи поникли. Вс-

пыхнувший было гнев покинул ее.

— Я вовсе не собираюсь бросать тебе вызов, Сорина. Я просто нашла себе малую толику счастья… неужели ты мне завидуешь или ревнуешь?

— Не в том дело. Это мнимое счастье на самом деле губит тебя, а ты и не замечаешь. Я всего лишь хочу избавить тебя от страдания, которое ты готова на себя навлечь. Подумай!.. Пока мы здесь разговариваем, твоя Лисандра пьет вино с правителем Фронтином и, разумеется, уже ноги перед ним раздвигает. Повторяю, подумай об этом, силурийка! Когда в следующий раз приникнешь губами к ее лепесткам — вспомни, кто успел там побывать!

При упоминании о Фронтине Эйрианвен заново ощетинилась, и Сорина поняла, что стрела попала в цель.

— Да, — прошипела она. — Твои чувства достаточно ясно отражаются на лице… Ты ведь больше не уверена в ней и в своих чувствах к этой римской подстилке, правда? Я даже скажу тебе, что произойдет дальше. Она станет клясться, будто пошла туда против своего желания. Так вот, это будет очередной ложью. Мы с Катувольком видели, как она уходила — надушенная и раскрашенная, точно шлюха! Знай же, что под маской

целомудрия скрывается распутница!

Эйрианвен на это ничего не ответила, и Сорина принялась ковать железо, пока горячо:

— Ну, это-то для тебя не новость… как и для всякого, кому случается проходить мимо какого-нибудь темного уголка, где вы с ней уединяетесь, чтобы потереться. Она так стонет и всхлипывает, что поистине трудно не услышать и не оглянуться! Девчонка ведь неплохо услаждает тебя, Эйрианвен? Она и с этим римлянином поведет себя так же. Будет ублажать его и губами, и языком, и всяко-разно еще, унижаться и наслаждаться собственным падением…

— Хватит! — выкрикнула Эйрианвен. — Ты ее не знаешь, Сорина! Каждое твое слово — как удар меча. Меня и так блевать тянет оттого, что из всех римлян она принуждена была пойти именно с ним! Можно подумать, ее кто-нибудь спрашивал!.. Говорю тебе, довольно об этом! Я сделала выбор, и ты не богиня, чтобы меня за это проклясть…

— Коли так, то ты больше не состоишь в нашей общине.

Она произнесла эти слова совсем тихо, но в них прозвучала тяжкая поступь судьбы.

Эйрианвен побелела.

— Ты не можешь…

— Еще как могу. Если ты не порвешь с ней, то я тебя изгоню.

Затевая этот разговор, Сорина вовсе не хотела заходить так далеко, но страшные слова все-таки оказались произнесены, и она уже не могла взять их назад. Амазонка по-прежнему любила Эйрианвен, но ее подругой слишком бесповоротно овладела зараза, распространявшаяся от Лисандры. Сорина, как предводительница общины, не могла допустить ее дальнейшего распространения, но уже видела, что совершила опасную ошибку. Безупречные черты Эйрианвен начали складываться в гримасу ненависти, а голубые глаза, всегда доброжелательные и кроткие, превратились в две пустые дыры.

— В таком случае я бросаю тебе вызов, Сорина, — прошипела британка. — Здесь или на арене, как тебе будет угодно. Исход все равно будет только один.

Сорина мысленно ахнула, но пути назад не было. Члены племен, противостоявших Риму, не считали возможным отнекиваться от вызова, брошенного честь честью.

Гладиатрикс Прима прокашлялась, боясь, что голос все-таки дрогнет, и ответила:

— Тогда встретимся на арене. Если мы подеремся без согласия Бальба, то он все равно велит казнить победителя. Я схожу к нему и сообщу о нашем намерении.

— Хорошо. — Эйрианвен поднялась на ноги. — Помнишь, несколько месяцев назад я говорила тебе, что наши судьбы — твоя, моя и ее — накрепко связаны между собой? Теперь я вижу, что это действительно так. Это воля Морриган, богини темных судеб.

— Значит, ты уверена в том, что поступаешь верно? — Сорина расправила плечи, глядя снизу вверх на поднявшуюся Британику. — Ты в самом деле готова умереть ради этой спартанки?

Дакийка усилием воли добавила в голос железа, хотя на самом деле сердце в ней плакало:

— Я выиграла множество битв, малышка, побеждала врагов, которые дрались даже лучше тебя. Их души давно покинули плоть, а я, как видишь, все живу. Скоро и ты отправишься следом за ними.

Эйрианвен улыбнулась, но как-то очень уж недобро.

— Счастье переменчиво, предводительница, — сказала она, как плюнула. — Сегодня оно улыбается одному, а завтра другому. Время на-

ших бесед истекло. Между нами все кончено навсегда!

Она повернулась и ушла, не проронив больше ни слова.

* * *

Некоторое время воительница бесцельно бродила по коридорам подземелий, где содержались девушки-гладиаторы. Слезы слепили ее. Слова Сорины, упомянувшей ненавистного Фронтина, были для нее точно меч, глубоко пронзивший нутро.

Сама того не желая, Эйрианвен принялась вспоминать, как на ее родину пришли римские легионы. Огонь, блеск мечей, кровь родного народа… Легионеры двигались по стране, точно полчища муравьев, уничтожая все и вся на своем пути. Величайшие воины Силура ничего не могли противопоставить мелковатым, но связанным железной дисциплиной римским солдатам. Сила отважных воителей разбивалась о монолитную стену, составленную из множества трусов. Мужеств гибло, повергнутое в прах бесчестной, но хорошо отлаженной военной машиной.

Эйрианвен было отлично известно, что Лисандра отправилась к Фронтину. Весь луд о том

только и говорил, но британка так и не успела перемолвиться со спартанкой. Ту сразу увели, чтобы должным образом приготовить к этому посещению, и Эйрианвен осталось лишь готовиться к худшему. Тем не менее она хорошо изучила Лисандру и была уверена в том, что девушка не бросится в объятия римлянина, завизжав от восторга. Гладиатрикс Секунда понимала, что бывшая жрица, не имевшая опыта по этой части, успела ее полюбить. К тому же бесконечные рассказы Лисандры о спартанской чести были далеко не пустым звуком. Эйрианвен знала, что подруга в душе останется ей верна, даже если ее тело подвергнется поруганию и насилию. Вот только думать об этом было невыносимо тошно.

Эйрианвен много раз видела Фронтина. Неутолимая ненависть навсегда выжгла его обветренные черты в ее душе. Воительницу начинало выворачивать наизнанку, когда она представляла себе, как его руки и губы касаются тела Лисандры. Сорина ударила по больному. Эйрианвен помимо воли сомневалась, что когда-нибудь сможет воспринимать возлюбленную совершенно так же, как прежде.

«Но нет! Я нипочем не откажусь от Лисандры только потому, что так приказала Сорина. Мы со

спартанкой прошли немалый путь вместе. Этого просто так из сердца не выкинешь.

Сорина. Ох, Сорина!»

Мысль о предводительнице общины причинила ей новую боль. Дакийка была ее подругой. Сестрой. Матерью. Родственницей в том великом смысле, который связывал племена, бившиеся с Римом. Когда Эйрианвен только-только угодила в луд, именно Сорина помогла ей забыть первоначальные страхи, наделила мужеством продолжать сражаться и жить. Амазонка обучила ее приемам боя на арене, позволявшим выживать, побеждая.

Но мудрой Сорине что-то застило глаза, как только речь заходила о Лисандре. Да, спартанка не была связана с их племенами узами крови, но Эйрианвен чувствовала, что за ненавистью дакийки стояло нечто более глубокое. Оно ослепляло и пожирало Сорину, а стало быть, являлось злом. Морриган продолжала свои недобрые игры, дотягиваясь даже сюда, в далекую Азию. Даже здесь она настраивала друг против друга любящих людей.

Эйрианвен от всего сердца послала проклятие этой богине. Темная судьба сплетала и расплетала нити, смеясь над тщетными усилиями

смертных.

* * *

Катувольк долго вел девушку темными улицами Галикарнаса. Шел реденький дождик, благодаря которому меньше ощущался неистребимый тухловатый запах, витавший над лабазами. На ходу галл обнял девушку за плечи, и та благодарно прижалась к нему.

— Со мной можно делать все, что тебе угодно, — сказала она. — Обычно я принимаю только одного мужчину за вечер, но мне велели соглашаться на все, чего пожелают наставники гладиаторов. Еще я умею петь и играть на лире, только это никому обычно не нужно.

— Девочка, я ничего с тобой делать не собираюсь, — буркнул Катувольк.

— Ой!.. — оробела юная потаскушка. — Значит, ты хочешь наблюдать, как я… буду с другими? Или мне раздеться и плясать перед тобой?

— Нет. — Молодого галла передернуло от отвращения. — Я просто хотел увести тебя от Нестасена. Он… становится немного странным, когда нанюхается своей конопли.

— Да, — кивнула девушка. — Таково действие дурмана. Он придает мужчине выносливости, но

заставляет его вытворять странные вещи.

Она помолчала и отважилась вскинуть на Катувольк глаза.

— Спасибо тебе.

Галл заставил себя улыбнуться.

— Ну и хорошо. Ты слишком молода и не заслуживаешь подобного обращения. Никто такого не заслуживает!

— Со временем ко всему привыкаешь, — отмахнулась она. — Не то чтобы мне это нравилось, конечно, но платят нам все же неплохо. То есть деньги идут содержателю лупанария, однако и девушкам кое-что перепадает. По крайней мере, У меня есть крыша над головой, да и голодать почти не приходится.

— А сейчас ты хочешь есть? — спросил Катувольк, внезапно почувствовав, как от выпитого пива разыгрался его собственный аппетит.

— Еще как, — ответила девушка. — Я никогда не ем перед началом вечеринки. Боюсь, как бы меня не стошнило, когда кто-нибудь слишком глубоко… Ну, ты понимаешь.

Катувольк мрачно хмыкнул. Да уж, он понимал. Видел только что. Собственными глазами.

— Ну так пошли поедим.

Девчонка вдруг отстранилась, посмотрела на

него снизу вверх и требовательно спросила:

— С какой стати ты это делаешь?

— А с такой, что… — начал было Катувольк, но не договорил.

До чего же все-таки она напоминала Лисандру! Хотя в этой девушке была мягкость юности, которой у спартанки не было и в помине, пусть их и разделяло всего-то несколько лет. Ясное дело, юная потаскушка уже знала, почем фунт лиха, ей было не впервой подчиняться насилию. Все же Катуволька искренне покоробили жалкие попытки изображать удовольствие от унизительной пытки, которой подверг ее Нестасен. Сердце кровью обливалось, когда у него на глазах совсем молоденькую девчонку принуждали к подобному.

Тут он сообразил, что так и не ответил на вопрос, пожал плечами, усмехнулся и честно сказал:

— На самом деле даже не знаю. Зовут-то тебя как?

— Ну… — Девушка опустила глаза и пальцем ноги стала колупать мостовую. — Тут мне велели звaться Венерой. Но по-настоящему меня зовут Дорис.

— Странное имя.

— Оно греческое. Меня назвали по матери, — ответила она, словно оправдываясь.

— Красивое имя, — соврал молодой галл. — А меня зовут Катувольк.

— Ну что ж, Катувольк, — улыбнулась она и протянула ему руку. — В самом деле, пошли поедим? Я знаю несколько местечек неподалеку.

Ее маленькая рука утонула в его просторной ладони, и ему это понравилось.

* * *

Выходя вместе с правителем из триклиния, Лисандра старательно игнорировала косые взгляды и тихие двусмысленные напутствия. Понятно, для всех существовала лишь одна причина, по которой она вместе с Фронтином уходила прочь от гостей. Все это было до крайности унизительно, однако Лисандра была так напряжена, что для ярости у нее уже не оставалось сил.

— Какая же скука эти приемы, — идя к своим покоям, пожаловался Фронтин.

Его голос порождал легкое эхо, отражаясь от мраморных стен.

— Я должен извиниться за Валериана. Он, вообще-то, славный юноша, но выпивка действует на него скверно.

— Это не имеет значения, правитель, — сказала Лисандра. — Мне не привыкать к оскорблениям. Я слишком часто слышу их от зрителей.

— Да, верно, — кивнул он, вводя ее в небольшую приемную.

Здесь стояли три удобных ложа и стол, покрытый роскошной алой скатертью. В углу, возле маленького окна, виднелись письменный стол и стул.

— Здесь я работаю, — сказал прокуратор.

— Прекрасная комната, — пробубнила Лисандра и замолчала, не зная, как быть дальше.

Фронтин пересек приемную и опустился на ложе.

Лисандра осталась стоять возле двери, пытаясь сообразить, как вести себя.

«Может, мне следует просто скинуть одежду и постараться как можно скорее покончить с грязным и отвратительным делом?»

Она подумала об этом и вдруг поняла, что выбраться из дурацких нарядов ей будет не так-то легко.

— Что ты там стоишь?

Фронтин улыбнулся, взял кратер и сам налил вина ей и себе.

— Сядь, прошу тебя. — Он указал на соседнее

ложе.

Лисандра испытала мгновенное облегчение.

«Стало быть, все произойдет еще не сейчас. Вот была бы стыдобища, начни я раздеваться раньше времени!»

— А теперь скажи мне, как, по-твоему, ретиарий в чем-то превосходит мирмиллона? — велел Фронтин, когда она села. — Меня просто завораживают их поединки! Здесь сталкиваются противоположности, каждая из которых дает воину или воительнице свои преимущества, а с ними и недостатки. Кое-кто может сказать, что доспехи слишком уж надежно ограждают мирмиллона от трезубца и сети ретиария, но предугадать исход поединка оказывается не так-то легко.

— Меня не обучали пользоваться сетью, — подумав, ответила Лисандра. — Догадываюсь, что это дело требует немалого мастерства. Я вообще склонна думать, что ловкость и умение всегда превзойдут грубую силу. Однако все зависит от конкретного бойца. Среди гладиаторских стилей нет ни одного, который был бы непобедим сам по себе. Все дело в самом бойце, в его способности так или иначе применить на арене навыки, привитые в луде.

Фронтин продолжал расспрашивать девушку о ее отношении к играм, о различных бойцах и о том, кто, по ее мнению, чего стоил. По ходу дела их разговор, как и прежде, в триклинии, обратился к вопросам стратегии и военного дела вообще. В отличие от Валериана, Фронтин не пытался любой ценой навязать свою точку зрения. К своему удивлению, Лисандра обнаружила в нем умного и тонкого собеседника, разбиравшегося в предмете разговора порой даже лучше ее. Ну еще бы — с его-то опытом полководца! Спартанка поняла это и взялась за расспросы, жадно заполняя пробелы в своих теоретических познаниях.

Часы пролетали незаметно. Они спорили о битве при Киноскефалах, умозрительно сталкивали классические легион и фалангу, рассуждали о галльском походе Цезаря, о войнах Мария и тому подобных материях. Фронтин несколько раз заправлял лампу, в которой иссякало масло. Они попивали вино, но хмеля не было и в помине. Двое увлеченных людей рассуждали о предмете, который любили и знали.

В итоге Фронтин начал почти нравиться Лисандре. Он был остроумен и умен, а его познания в военном деле оказались поистине необозримыми. При этом прославленный полководец время

от времени соглашался с некоторыми ее доводами, и она чувствовала законную гордость.

Близилось утро. Лисандра порядком устала. Показывать это было бы вопиющей невоспитанностью, и она продолжала беседу, подстраиваясь под прокуратора, явно привыкшего к ночным бдениям. Но ее силы были не беспредельны, и девушка не сумела подавить зевка. В этот момент они обсуждали тактику спартанцев в проигранной ими битве при Левктрах. Фронтин умолк буквально на полуслове.

— Прости меня, — сказал он тут же. — Смотрика, до чего незаметно минула ночь!

Лисандра сглотнула. Ее сердце вновь тревожно заколотилось.

— Да, правитель.

Разговор раскрепостил и некоторым образом обезоружил бывшую жрицу, но теперь, кажется, наступала пора заново готовиться к самому мерзкому.

«Ну что ж, по крайней мере, все обставлено не так гадостно, как я ожидала».

Спартанка ведь полагала, что плотская прихоть римлянина осуществится, что называется, с ходу и без особых затей. К тому же Лисандра считала, что очень неплохо разбирается в людях. Длитель-

ная беседа помогла ей составить определенное мнение о Фронтине. Она по-прежнему не ждала, что получит от физической близости с ним какое-то удовольствие, но это по крайней мере будет не то скотское, грубое насилие, которое она со страхом предвидела накануне.

«Что ж, спасибо и на том».

Она подняла руку к плечу и начала стягивать тонкий шелк хитона.

Прокуратор приподнялся на локте.

— Что это ты делаешь? — спросил он с некоторым недоумением.

Лисандра неудержимо залилась краской. Раздевание оказалось делом еще более трудным, нежели она себе представляла.

— Ты хочешь, чтобы я оставила это на себе? Прости, я никогда не делала этого раньше. Мне трудно предугадать мужские желания.

— Но я пригласил тебя сюда совсем не для этого, — по-доброму улыбнулся Фронтин. — Не буду, впрочем, отрицать… если бы ты отдалась мне добровольно, то я почел бы это за честь. Твоя красота пленяет меня, не говоря уже об уме — столь редком качестве среди женщин.

Лисандра поспешно поправила плечико хитона. Она испытывала такое облегчение, что

забыла даже рассердиться на его замечание об уме женщин. Потом до нее дошло, что это не сама она неверно оценила намерения Фронтина.

«Бальб направил мои мысли в ложное русло. Если бы ланиста хоть промолчал, то я не испытывала бы сбивающего с толку беспокойства, а теперь из-за него еще и попала в очень неловкое положение. Если бы мне дали самой обо всем судить, то эта встреча с правителем прошла бы вовсе без сучка и задоринки».

Увы, дело повернулось так, что спартанка чувствовала себя дура дурой. Она кашлянула и невольно добрым словом помянула девушек-рабынь, наложивших на ее лицо такой толстый слой румян и белил. Фронтин, может, и не заметит, что ее щеки были пунцовыми, точно спартанские боевые плащи.

— Тогда почему ты велел мне прийти?

— Потому, что меня восхищает воинское искусство, — ответил правитель. — И еще потому, что в тебе я вижу задатки величия.

Лисандра невольно кивнула. Она слышала подобное уже не впервые, а раз так, то, наверное, это была правда.

— Как ты, должно быть, заметила, я страстный любитель гладиаторских игр, — продолжал

Фронтин. — У меня весьма наметанный глаз. Вот я и решил выяснить, есть ли в тебе нечто более глубокое, нежели просто умение отменно сражаться. — Тут он опять улыбнулся. — Да, я правитель, облеченный властью, но и меня слепят звезды, сияющие на арене. Как же мне не использовать свое положение и не встретиться лицом к лицу с теми, кем я восхищаюсь. — Он приветственно поднял кубок. — Я убедился, что в тебе определенно есть кое-что гораздо более глубокое, чем просто умение драться, Лисандра Спартанская!

Воительница ответным движением подняла чашу.

— Очень проницательное наблюдение, правитель. Пью в твою честь! — Она поставила кубок на стол и поднялась. — Будь здоров, Секст Юлий Фронтин!

— Будь здорова, гладиатрикс!

«Что за прекрасное создание! — сказал он себе. — Прямо как нарочно созданное для того, чтобы поспособствовать некоторым моим планам».

XXVII

— Слышать ни о чем таком не желаю!

Луций Бальб зло смотрел на Сорину. Ну за что, спрашивается, такая напасть? Стояло раннее утро, солнечный луч неторопливо переползал по рабочему столу в его галикарнасском наемном жилье… Вот тут-то ему и свалился подарочек на голову!

— От тебя на самом деле мало что зависит, ланиста, — ровным голосом ответила Сорина. — Мы все равно с ней сразимся. Вне зависимости от твоего мнения на сей счет. Однако надеюсь, что кто-то из нас выживет. Так почему бы тебе не получить от этого выгоду?

— Не о выгоде речь! — Бальб грохнул кулаком по столешнице. — Ты, случаем, не забыла, кто кому подчиняется? Напоминаю, что владелец этой гладиаторской школы — я! Без моего позволения никто не будет устраивать личных разборок просто потому, что им, видите ли, так захотелось!

На миг жесткие, резкие черты лица амазонки окрасило что-то вроде печали.

— Мне самой все это не нравится, — прого-

ворила она. — Но как бы то ни было, я должна сразиться с Эйрианвен.

Бальб поднял брови.

— Уверен, уж вы-то с ней как-то сумеете договориться, — сказал он примирительно. — Вы же всегда были так близки. Неужели нет способа все распутать и выправить без кровопролития?

— Ты не понимаешь наших обычаев и нашей души, Бальб, — вздохнула Сорина. — Это не сделка, которую можно обсудить, и не суд, где возможны переговоры. Мне брошен вызов, и я обязана на него ответить. Другого выхода нет.

— Но это же нелепо! — вырвалось у ланисты, он возвел глаза к потолку. — О боги, чем же мне досталось управлять!

— Я — Гладиатрикс Прима, — сказала дакийка. — Эйрианвен — Гладиатрикс Секунда. Теперешние игры принесли славу твоей школе. Разве Лисандра, новичок на арене, не была приглашена в гости к правителю?

От Бальба отнюдь не укрылось, с каким отвращением Сорина произнесла имя спартанки, однако он жестом предложил ей продолжать.

— Я знаю, что ты не собирался устраивать подобный бой, но он всем покажет, насколько же далеко ты готов зайти в своем стремлении уго-

дить толпам зрителей… не говоря уже об эдиторе. Выставив двоих лучших воительниц на бой до смерти, ты всем явишь небывалую щедрость, покажешь, что готов лишиться своих самых ценных вложений. До сих пор твоих девушек-гладиатрикс было смешно равнять с новичками из других школ. Будь уверен, зрители оценят небывалое зрелище. Только вообрази, какие ставки будут сделаны на каждую из нас! Спорю на что угодно, вы с Фалько сумеете выжать для себя кое-какие деньжата из толстяка Эсхила.

— Тут ты права, — нехотя согласился Бальб, сам ощущая, что алчность понемногу начинает брать над ним верх.

В утешение он сказал себе, что каждый добывает пропитание, как уж умеет.

— Только не воображай, будто я что-то пообещал тебе, — добавил он поспешно. — Я еще посмотрю, насколько хороши будут условия. Если они окажутся достаточно выгодными, тогда — ладно, будет вам поединок. Это по справедливости?

— Вполне. Бальб, я благодарю тебя.

На этом амазонка поднялась и повернулась, чтобы уйти.

— Сорина! — окликнул Бальб, когда она уже

протянула руку к двери. — Ну а мне-то на кого из вас ставить?

— В живых останусь я, ланиста, — не оборачиваясь, ответила дакийка. — Эйрианвен молода и сильна, ей не занимать быстроты. Но она никогда не будет предводительницей общины.

Сорина вышла прежде, чем Бальб успел задать еще один вопрос. Дверь хлопнула у нее за спиной.

Луций тяжело опустился обратно в кресло, стал так и этак прикидывать открывавшиеся перспективы и очень быстро пришел к выводу, что эта дикарка была права. Поединок, о котором она говорила, в самом деле мог принести ему состояние. Стареющей львице предстояло схватиться с молодой и задорной воительницей. Сила юности против мудрого опыта… Все приметы классического противостояния. Грех на них не сыграть.

— Никос! — громко закричал он, призывая писца.

В комнату тотчас вбежал тощий грек. Вид у него был несколько взъерошенный.

— Хозяин?..

— Пошли гонца к Септиму Фалько. Скажи, что я зову его к себе, причем как можно скорее.

— Да, хозяин!

Грек с поклоном исчез, оставив Бальба мысленно пересчитывать еще не заработанные деньги.

* * *

Проснувшись рано поутру, Лисандра хотела первым долгом идти разыскивать Эйрианвен, однако соотечественницы не проявили никакой чуткости к ее нуждам и буквально засыпали вопросами о вечере с правителем. По счастью, они быстро поняли, что не дождутся от нее искрометных подробностей, на которые рассчитывали. На этом их интерес угас, и женщины от нее отстали. При этом Лисандра не могла не вспомнить о Пенелопе, и эти воспоминания заставили ее грустно улыбнуться. Рыбачка всех больше была бы разочарована, так и не услышав от нее смачного: «А потом он меня… а я его… и тогда мы…»

— Не слишком надеюсь, что вы поймете, — с ноткой презрения завершила она свой рассказ. — Мы говорили о тактике, об искусстве войны. Все вы неплохие воительницы, но такие вещи, как стратегия и тактика, боюсь, вам не по уму.

Эти слова почему-то вызвали насмешливое хихиканье женщин. Лисандра решила, что таким образом они прятали свое смущение. Она ведь чистую правду сказала. Положа руку на сердце

они не могли этого не признать.

Ладно, так или иначе, но эллинки поняли, что от души посплетничать не удастся, и оставили ее в покое. Лисандра покинула жилой закуток и пошла по коридорам, довольно пустынным по причине раннего утра. Бойцы еще отсыпались после излишеств, которым предавались вчера вечером. Спартанка по-прежнему не понимала, что за удовольствие было до бесчувствия напиваться после выигранного поединка, но успела усвоить, что для всех остальных это было делом вполне обычным.

Она знала, что Эйрианвен тоже предпочитала по утрам не залеживаться в постели. Сколько бы она ни выпила накануне, — а влезало в нее удивительно много! — на рассвете ее всегда можно было найти в банях. Лисандра направилась в это заведение, устроенное при амфитеатре. Сердце у нее так и подпрыгнуло, когда она в самом деле увидела Эйрианвен. Прекрасная силурийка сидела на краю бассейна, болтая ногами в воде.

Девушка незаметно подобралась сзади, села за спиной подруги, обхватила коленями бедра и сомкнула руки на животе. Эйрианвен чуть вздрогнула, но Лисандра уже покрывала поцелуями ее шею и плечи.

— Доброе утро, — шепнула она, глубоко вдыхая аромат только что вымытых волос британки. — До чего же я по тебе соскучилась.

— Как прошла ночь?

Золотая голова откинулась на плечо Лисандры, но голос женщины прозвучал напряженно.

— Все было совсем не так, как я ожидала, — быстро ответила спартанка, стремясь скорее развеять все страхи Эйрианвен по поводу ее верности. — Оказывается, правитель — страстный болельщик. Ничто другое его не интересовало. Он пригласил меня для беседы, вот и все! Ты представляешь? Похоже, он без ума от нас.

— Жаль, что под это дело он не надумал оставить нас, силуров, в покое. Римский недоносок…

Лисандра прикусила губу. Она хотела успокоить и утешить подругу.

— Пожалуйста, не сердись на меня, Эйрианвен. Меня же никто не спрашивал, чего я хочу. Повторяю — между нами ничего такого не произошло. Мы просто сидели и разговаривали.

Наступила тишина, нарушаемая лишь падением капель влаги с потолка да отдаленным ревом пламени в печах, подогревавших воду для бассейна. Лисандра подумала, что настало самое подходящее время высказать правду.

Она плотнее притянула к себе Эйрианвен и шепнула:

— Я люблю тебя.

Та повернула голову, и Лисандру потрясло увиденное. Веки британки опухли и покраснели от слез.

Девушка принялась гладить мокрые щеки подруги.

— Что случилось? — целуя ее, шептала она. — Что с тобой? Что у тебя на душе?

— Любовь… — просто ответила та, повернулась и крепко обняла спартанку.

Так они и сидели некоторое время, наслаждаясь близостью друг друга, утешением и теплом.

— А все-таки, что случилось? — опять спросила Лисандра.

Она принимала близко к сердцу боль Эйрианвен. Ей самой хотелось разреветься, но усилием воли она отогнала слезы.

«Плакать недостойно! — с неодобрением напомнила она себе. — Хотя я только что и призналась в любви, но моих жизненных принципов это не изменило».

Эйрианвен первой отняла руки, слегка отодвинулась и заглянула ей в глаза.

— Я тоже люблю тебя, Лисандра, — проговорила

она, отчего сердце спартанки так и взмыло. — Только эта любовь приносит мне немалую боль.

— Каким образом? Почему?

Слова Эйрианвен вихрем закружили Лисандру, но она вновь сделала усилие и взяла себя в руки. Сейчас, как никогда, требовалась холодная ясность ума.

— Сорина… — сглотнула Эйрианвен. — Она ненавидит тебя! Ей поперек души то, что нас тянет друг к дружке. Она… — В глазах британки снова задрожали слезы. — Она вышвырнула меня из общины.

По мнению Лисандры, это было скорее благо. Она даже допускала, что Эйрианвен наконец поймет и оценит, как это здорово — быть цивилизованной женщиной, если сумеет вырваться из-под влияния свирепой старой суки. Одного жаль — подруга слишком болезненно переживала разрыв с прошлым.

— Может, Сорина еще передумает, — заметила Лисандра.

Она хотела утешить британку, но та покачала головой и сказала:

— Этому не бывать. Потому что я оспорила ее право так со мной поступать.

— Да уж, скверные новости. Боюсь, никто из

ваших приятельниц не отдаст голоса за нашу любовь.

Это последнее слово так приятно было произносить, ощущать на губах. Однако Эйрианвен ответила резковатым смешком.

— Голоса? — переспросила она. — Лисандра, не о голосовании речь! Я буду драться с ней за тебя. Насмерть…

Спартанка отшатнулась.

— Этого нельзя допустить! — вырвалось у нее. — Конечно, мы с ней совсем не испытываем взаимного восторга, но тебе-то она, как я понимаю, подруга! Предводительница твоей общины!..

— Когда-то была, а теперь — нет. Все идет к тому, что одна из нас должна умереть. Либо она останется предводительницей, либо я займу ее место. Третьего не дано. Но главная беда в том, что при обоих раскладах я проиграю. Если погибну… ну, что тут говорить. Но даже если я ее убью, то что от этого буду иметь? Нашим женщинам придется подчиниться мне, но я все равно навсегда останусь изгоем — из-за нашей с тобой любви.

Лисандра взяла руки Эйрианвен в свои.

— Бессмыслица какая-то, — сказала она. — Слушай, если все из-за меня, так мне этот груз

и нести!

Она вправду многое отдала бы, чтобы встать против ненавистной амазонки с мечом в руке. И в первую голову — из-за боли, которую та причинила Эйрианвен.

Однако британка лишь покачала головой.

— Ты не из наших, — проговорила она. — Но даже будь ты членом общины, вызов Сорине бросила все-таки я. Я и буду с ней драться.

— Не могу я этого понять, — пожаловалась спартанка. — Так поступать принято у… — Она еле успела прикусить язык и не сказала «у варваров». — Да, у племен, воюющих с Римом. Я воспитана по-другому, но вот в чем уверена, Эйрианвен. Вожди все одинаковы, к какому бы народу они ни принадлежали. Ты одержишь победу, и ваши женщины согласятся признать твою власть. Ты же сама так сказала, Эйрианвен! Сорину иссушила ненависть, ее повадки далеко не всем по душе.

Силурийка наморщила чистый лоб, обдумывая эти слова, и Лисандра едва удержалась от немедленного поцелуя, который неминуемо свел бы на нет все ее ораторское искусство.

— Неужели имеет значение, что мои предки были спартанцами, а твои — благородными жи-

телями Британии? — продолжала она. — Какое зло можно усмотреть в том, что нас соединила любовь? Особенно в таком месте, как это?.. Ну не пойму я, с какой стати Сорине не по душе наше счастье?

— Да с такой, что мы с тобой все-таки разные, — прошептала Эйрианвен. — Если подумать как следует, то станет ясно, что нам с тобой не на что надеяться. Наши шансы выбраться отсюда живыми становятся все меньше с каждым поединком. Но даже если мы обе и сумеем завоевать себе свободу, дальше-то что? Хороша парочка! Две женщины, дикарка да бывшая жрица… Где мы сможем найти себе место, чтобы нам на головы тотчас не посыпалась тысяча бед?..

— Любовь победит все. Я думаю, в этом изречении есть правда. Мы вырвемся на свободу, и никто нас не разлучит! — Говоря так, она сама страстно, искренне верила в эти слова. — Никогда прежде я не знала любви. Скажу тебе больше. Я ее отвергала, почитая за слабость. Но я заглядываю тебе в глаза и черпаю в них такую силу!.. Мне кажется, что когда я с тобой — на свете нет ничего, с чем нельзя было бы справиться! Мне плевать, что скажут другие. Пусть они презирают меня сколько угодно, лишь бы ты была рядом со

мной, а я — с тобой. Пусть мы обе — женщины, но наша любовь сильнее и глубже, чем у любых счастливых супругов. Ибо мы с тобой — равные, а это встречается очень редко.

Девушка увидела, как в прекрасных синих глазах подруги разгорелся огонек надежды.

— Ты думаешь, это сбудется? — спросила силурийка.

— Не думаю, а знаю, — сказала Лисандра.

Кажется, в самый первый раз не она отчаянно нуждалась в Эйрианвен, а наоборот. До сих пор силурийка, старшая и опытная, была ведущей в их отношениях. Но вот пришел ее черед растеряться на жизненном перепутье, и Лисандра ощущала небывалый прилив сил.

— То, что у вас случилось с Сориной, конечно, скверная штука, — проговорила она. — Что ж, в жизни сплошь и рядом случается какая-нибудь гадость. Но боги уравновешивают наше горе радостью и добром. То, что мы угодили в рабство, без сомнения, плохо, хотя мы не встретились бы, если бы не стали рабынями. Поистине, моя свобода — очень малая плата за то, что я сейчас чувствую.

Эйрианвен ничего не сказала в ответ, просто наклонилась и поцеловала ее очень нежно и

страстно.

Мудрено ли, что заботы и хлопоты бренного мира на некоторое время перестали для них существовать.

XXVIII

— Эсхил палец о палец не желает ударить.

Септим Фалько и Бальб отдыхали в своих любимых городских банях. Они любили сочетать полезное, то бишь деловые беседы, с приятным расслаблением вдали от суеты и шума амфитеатра.

— Вот жалость-то!.. — Фалько пошевелил пальцами ног, наслаждаясь теплой водой. — Но я не могу упустить свою выгоду, тем более что возможности еще не все исчерпал. — У него вырвался короткий смешок. — Тебя, Бальб, в любом месте поскреби, и посыплется золото, но мне-то каждый день на жизнь зарабатывать приходится! К тому же я слышал краем уха, что сам правитель заинтересовался таким поединком и, конечно, приковыляет на него посмотреть.

Бальб ответил, не поднимая опущенных век:

— А я думал, его симпатии принадлежат исключительно нашей Ахиллии. С чего бы ему платить за право взглянуть на то, как дерутся другие?

— Ты, похоже, с головой закопался в сиюминутных заботах! — Фалько оттолкнулся от бортика

и лениво проплыл немножко на спине. — Наш Секст Юлий Фронтин заделался ярым приверженцем воительниц. Верно, твоя Ахиллия для него прямо свет в окошке, но разве ты не замечал, в какую рань он является в цирк, чтобы не пропустить женские поединки?

Бальб насмешливо хмыкнул.

— Нет, — сознался он затем. — Не замечал. У меня дел и вправду невпроворот. Так что некогда особо смотреть, кто чем занят на трибунах и даже в ложе правителя. Надо платить лекарям, делать ставки, оценивая рабов из других школ, отвечать на письма, заключать сделки… — Тяжкий вздох означал, что Луций перечислил лишь малую толику своих обязанностей, — Друг мой, неужели кто-то сказал тебе, что быть владельцем школы очень легко и приятно? С чего это люди вообразили, будто для успеха нужна лишь горстка сестерциев да парочка вооруженных рабов?.. Знали бы они, во что впутывается ланиста!..

— Ну, про тебя можно сказать, что ты возвел девичьи поединки в ранг истинного искусства, — жизнерадостно подхватил Фалько.

Бальб нахмурился, а его молодой собеседник повернулся в воде на бок.

— Как бы то ни было, но подготовка к бою идет

своим чередом, — сказал он. — Я стараюсь выторговать как можно более выгодные условия. Фронтин так и загорелся этой идеей. Так что вопрос лишь в том, какую сумму мне удастся из него выдоить!

Бальб улыбнулся.

— Вот такая речь всегда звучит в моих ушах музыкой! — заявил он.

* * *

Слух о грядущем поединке между лучшими воительницами вскоре распространился по всему луду Луция Бальба, а там и среди бойцов иных школ. Сохранить дело в тайне представлялось решительно невозможным, даже если бы кто того и хотел. Рабы и рабыни сплетничали вовсю, и всех пуще — писцы, к которым волей-неволей обратился Бальб при составлении необходимых бумаг.

Эйрианвен переживала едва ли не худшие дни своей жизни. Ее выкинули из общины! Даже задушевные подруги больше не могли с нею общаться. Таков был закон. Лисандра делала все от нее зависевшее, чтобы ввести ее в свой круг, но гречанки слишком уж отличались от тех женщин, которых Эйрианвен знала с рождения.

Стало быть, в словах Сорины содержалась некая правда. Люди с берегов Срединного моря были особой породой, ни в чем не похожей на племена севера.

При этом эллинки были вполне дружелюбны. Эйрианвен не умела, а главное, не желала вливаться в их среду, но была им благодарна.

Она больше думала о том, насколько трудно будет ей занять место Сорины, стать предводительницей общины в случае победы в поединке. Соплеменницы будут презирать ее за то, что она приводила на свое ложе гречанку и вообще якшалась с этим племенем. По зрелом размышлении Эйрианвен пришла к выводу, что любовь к Лисандре ей, может, еще и простят, а вот дружбу с теми особами, которых ее община почитала враждебными, — ох, навряд ли.

Силурийка слишком хорошо представляла себе все последствия их с Сориной соперничества за главенство. Это будет не просто схватка двух женщин. Амазонка олицетворяла приверженность старым обычаям, она же, Эйрианвен, — перемены. При этом ярость первой воительницы успела заразить и других женщин. Сорина каждого человека считала частью чего-то целого, не более и не менее. Для нее не существовало индивиду-

альных различий, и Эйрианвен не могла с этим согласиться. Да, Рим был и оставался жестокой машиной войны. Но это же не делало мерзавцами всех поголовно римлян… ну, или греков, если уж на то пошло. Верно, Эйрианвен ненавидела Рим за то, что империя поработила ее народ. Но не судить же каждого римлянина за преступления его политиков и полководцев!..

Переполненные ненавистью разглагольствования Сорины рано или поздно должны были стать зародышем беспорядков в гладиаторской школе. Эйрианвен в этом нимало не сомневалась. Если какая-нибудь дикарка начнет без конца задевать жительниц побережья, те в конце концов не потерпят. Школа тут же разделится на два непримиримых враждующих лагеря, и жизнь в ней станет попросту невыносимой. В итоге кровь начнет проливаться не только на арене, причем все чаще и больше.

«И так уже смертей более чем достаточно, — думалось Эйрианвен. — На арене мы деремся по принуждению, но путь, избранный Сориной, грозит вообще потопить все в крови. Участвовать в этом я ни под каким видом не желаю.

Но стоит ли ради этого убивать Сорину?..

Как трудно принять правильное решение!»

Эйрианвен сама поддалась гневу и возвысила против нее голос. После чего они обе в запале наговорили одна другой таких слов, которые взять обратно было уже нельзя. При всем том британка не могла отыскать в себе ненависти к «старухе». Они слишком долго были подругами. Не имело значения даже то, что они вели род из разных племен. Замкнутый мирок луда давным-давно сделал их сестрами.

«Эйрианвен Убийца Родни. Вот как меня теперь назовут!»

Горькая мысль.

Гладиатрикс Секунда знала, что Сорина не даст ей ни малейшей поблажки, когда они сойдутся на песке арены. А значит, надо всемерно скрепить сердце и отставить чувства в сторонку. Иначе — неизбежное поражение и гибель. Эйрианвен и так опасалась, сможет ли она достойно противостоять дакийке. Да, она была моложе, но Сорина провела в битвах всю жизнь. Она дралась не только на арене, но и на широких равнинах своей родины. В арсенале Эйрианвен не было ни единого приема, которого не знала бы могучая амазонка. Ведь это она, предводительница, сама научила британку всем хитростям и ухваткам.

Как ни поддерживала ее Лисандра, Эйрианвен

понимала, что обстоятельства складывались не в ее пользу. Силурийка пыталась прибегнуть к дару ясновидения, унаследованному от отца-друида. Увы, даже он не позволял ей предугадать судьбу поединка. Морриган покрыла будущее слишком плотными пеленами.

Эйрианвен было страшно.

* * *

— Итак, я решил поставить на силурийку.

Палка и Катувольк вновь сидели в амбаре, оборудованном для отдыха наставников. Здесь они проводили почти каждый вечер. Как всегда, в помещении было полно народа. Все, кажется, только и говорили о предстоявшем бое между Примой и Секундой.

— Ни разу еще не видал такой бучи вокруг бабского боя, — продолжал Палка. — Глазам не верю! Неслыханные деньжищи на кон ставятся! Бальб и вовсе сияет, точно сам Гелиос. Ну а ты как думаешь? Которая из них победит?

Катувольк некоторое время молча смотрел в кружку с пивом.

— Трудно сказать, — проговорил он затем. — Вроде бы все говорит в пользу Сорины, но я печенкой чувствую, что Эйрианвен так просто

не скрутишь. У нее больше причин стремиться к победе.

— Вот как. — Палка отставил опустевшую кружку и пододвинул к себе полную. — И что это за причины?

— Сорина будет отстаивать то, что и так ей принадлежит. Эйрианвен станет биться за любовь. По мне, это всем причинам причина.

Палка в ответ рассмеялся, вернее, заржал.

— А ты, парень, стал мягкотелым. — В выпуклых глазах парфянина плескалось веселье. — Ишь заговорил, аж прямо как поэт какой! Только не рассказывай мне, будто у Эйрианвен с Лисандрой такая-растакая любовь, если они облизывают одна другую по темным углам! Брось, Катувольк!.. — И Палка хлопнул себя по бедру.

— Тошнит меня от тебя! — буркнул молодой галл.

— Вот уж спасибо, — фыркнул парфянин.

— Кстати, я не шутил, — продолжал Катувольк. — Я очень пристально наблюдаю за ними обеими с тех самых пор, как впервые заговорили про бой. Трудно поверить, но спартанка так ее опекает!.. Я сам думал, что она бревно бесчувственное, а на деле… Эйрианвен же, как я посмотрю, просто удержаться не может, чтобы

лишний раз ее не коснуться. Да, Палка, все это мелочи, но весьма много говорящие. Даже когда они просто беседуют, обязательно одна другой на плечо руку положит. Они в самом деле близки. Во всех смыслах.

— Мне бы к ним третьим. В серединку. — Палка мечтательно облизнул губы. — В луде я и в самом деле удерживаю свой меч в ножнах, но мужчиной-то быть не перестаю! Как подумаю, что Эйрианвен… эти ее пухлые титьки!.. Ясно же, чего девка хочет, так при чем тут Лисандра? Ей мужика надо, и говорю тебе, Катувольк, что этим мужиком стану я!

Галл невольно расхохотался.

— Палка, да она тебя на завтрак проглотит! И выше на целую голову, и дерется получше твоего…

— А я любовных сражений никогда не боялся, — расплылся маленький парфянин. — Представь только, как мы с ней сойдемся. Беленькая и черный, мягкое с твердым!..

— Нет, я точно сейчас блевану, — согнулся от хохота Катувольк.

Ничего более непристойного, нежели Палка, бьющийся в судороге страсти, вообразить было невозможно.

— Нанял бы ты себе шлюху, — посоветовал он парфянину. — Опустошись как следует и не изводи нас больше такими вот умствованиями.

Идея Палке понравилась. Он немедленно обвел заведение взглядом.

— Хочешь, вместе повеселимся?

Катувольк покачал головой.

— Нет. Я, пожалуй, лучше пройдусь.

— Опять в тот лупанарий потащишься? Искать ту… ну, как там ее звали-то?

— Дорис.

— А, ну да. — Палка так и лучился, готовя подначку. — Дорис. Милая Дорис… Ты, небось, уже целое состояние туда перетаскал! Вот что такое спятивший галл. Ты не забыл, что шлюхи здесь дармовые? За все платит ланиста.

— А я подожду, пока она кончит работу, — сказал Катувольк. — Я просто… быть с ней люблю.

Он и сам услышал, насколько глупо прозвучали эти слова.

— Так ты что же, и подол ей не задираешь? — Палка даже не заржал, а просто взревел от веселья. — И это Катувольк, наша гордость! Наш галльский петух!.. С ума сойти! Сперва Лисандра, а теперь еще эта…

Катувольк сдвинул брови, наливаясь краской

гнева и смущения, но Палка вдруг притих, на его лице нарисовалась улыбка.

— Повезло тебе, парень. Завидую, — проговорил он в кои-то веки без насмешки. — Нам так редко удается забыть о том, куда мы попали и в кого превратились. И как же это здорово, если Дорис вправду делает тебя немножко счастливей!

— Ты в самом деле так думаешь?

— Ну, по крайней мере, она вылечила тебя от Лисандры, — заметил наблюдательный Палка.

— Это верно, — кивнул Катувольк. — Честно тебе скажу, с тех пор как встретил Дорис, я больше не могу сердиться на Лисандру. Я с ней вел себя глупо. — Он махнул девушке-рабыне, требуя еще пива. — Она не могла бы стать женой мне и никакому другому мужчине. Об этом говорит все ее воспитание и то, как переменила ее жизнь в луде, которая хоть кого переменит, — добавил он тихо. — Для нее каждая победа — глоток свободы, лишнее подтверждение ее веры в собственное величие.

Палка негромко рассмеялся.

— Согласись, для бабы она действительно жуть какая головастая. Редко встретишь такую. Как по-твоему, все спартанки такие?

— Не знаю. Думаю, вряд ли.

Палка вновь стал серьезен.

— Сорина здорово обозлится, если вы с Лисандрой помиритесь. Особенно теперь…

Катувольк нахмурился. Он сам был кельтом и понимал неизбежность боя Сорины с Эйрианвен. Не принять брошенный вызов значило погубить честь. Зато любовные дела Эйрианвен и Лисандры никого, кроме них самих, не касались. Даже предводительница общины имела здесь очень мало прав для вмешательства. Катувольк сказал об этом Сорине, и дело кончилось ссорой.

— Мне жаль, что у них до этого дошло, Палка, — сказал наконец молодой галл. — И Эйрианвен, и Сорина — они обе по-своему хороши, но в том, что касается любви, нашей амазонке точно шлея под хвост попала. Сама она говорит, будто Лисандра должна непременно совратить общину и привести ее к гибели. Я думаю, правда состоит в том, что Сорина ревнует. Конечно, она показала себя добрым другом, когда мне было худо… Но она любит Эйрианвен, словно дочь родную. Ее без ножа режет то, что девчонка прилепилась к Лисандре, а сама Сорина вроде бы отодвинулась на второе место. Может ли она этакое спокойно перенести?

Палка грустно покачал головой.

— Да, — сказал он. — Если уж один варвар бросает вызов другому, то пути назад нет у обоих. Кто-нибудь непременно умрет. В любом случае это будет большая потеря.

— Еще какая, — согласился молодой галл. — Сорина места себе не находит, думая о том, к чему привела эта ссора. Ей предстоит драться насмерть с британкой, которую она привыкла считать почти дочерью. Наверное, она очень жалеет о случившемся, но деваться ей некуда. Такие слова назад не берут! А ведь закрой Сорина глаза на любовные шашни, до непоправимого не дошло бы.

Некоторое время мужчины молча потягивали пиво.

«Если бы на месте Эйрианвен оказалась любая другая женщина, то все кончилось бы иначе, — думал Катувольк. — Но Эйрианвен… Такая прекрасная, со всех сторон совершенная, прямо богиня, ступающая по земле… Действительно, столько достоинств редко сочетается в одном человеке. Телесная красота, добрый и дружелюбный характер, не говоря уже о бездне знаний, унаследованных от отца-друида. В общем, о лучшей наследнице Сорине трудно было мечтать, но Эйрианвен угораздило по уши влюбиться в гречанку!»

— Ну, пойду я к Дорис, — поднимаясь на ноги, сказал Катувольк.

Палка тряхнул головой, словно отгоняя мрачные мысли.

— Думаю, ты все же беспросветный дурак, если отказываешься острожить в этом пруду бесплатную рыбку. Ладно, катись отсюда и оставь настоящим мужикам настоящие мужские дела.

Палка подмигнул Катувольку, вылез из-за стола и отправился на поиски девиц.

Молодой галл оставил его развлекаться, а сам бодрым шагом направился привычной дорогой. Он лишь недавно познакомился с Дорис, но уже чувствовал искреннюю привязанность к ней. Наставника воительниц менее всего волновал способ, которым она зарабатывала себе пропитание. Его собственное ремесло временами тоже дурно попахивало. Те, кого он воспитывал и обучал, чаще всего погибали до времени или, хуже того, становились никчемными, беспомощными калеками.

Катувольк мотнул головой, злясь на себя за то, что разговор с Палкой настроил его на такой грустный лад. Впрочем, горечь рассеялась сама по себе, стоило ему увидеть дом, где работала Дорис. Она уже ждала его, стоя в дверях. Ее труды

на сегодняшний вечер были завершены. Девушка поспешила навстречу Катувольку, и ее торопливый шаг наполнил радостью его сердце.

XXIX

В стенах комнатки металось эхо воплей толпы зрителей, бушевавшей снаружи. Ритмичные выкрики достигали глубочайших подземелий в недрах амфитеатра, проникая сквозь камень словно бы отзвуками яростной, бьющейся музыки. Лисандра хлопотала вокруг Эйрианвен, умащивая ее тело маслом.

— Это для меня прежде всегда делала Сорина, — едва слышно прошептала британка.

— Не думай о ней так, — посоветовала Лисандра. — Она просто враг. Без имени, без лица.

— У нас так не принято, — ответила Эйрианвен. — Пусть мы и сходимся в поединке, но должны почтить одна другую.

— Ты ее почтишь, — не без колкости проговорила Лисандра. — У тебя будет для этого вполне достаточно времени, когда она свалится мертвой. Знаешь, я не очень долго была с ней знакома, но успела понять, что рука у нее сегодня не дрогнет. Если у тебя будет возможность ее поразить, то бей, не испытывая сомнений!

Эйрианвен ослепительно улыбнулась.

— Лисандра, а ты не думала о том, чтобы сделаться наставницей?

Та легонько ущипнула ее за нос, отчего Гладиатрикс Секунда рассмеялась и на какое-то время отвлеклась от мрачных раздумий.

— Уж верно, — сказала Лисандра. — Я справлялась бы с этим получше тех недоумков, с которыми нам приходится иметь дело сейчас.

Она отступила назад, придирчиво оглядела свою работу и удовлетворенно кивнула.

— Кажется, я ни пятнышка не пропустила… Слушай, а ты точно уверена, что не наденешь даже и сублигакулум? Никто ведь не приказывал тебе драться совсем нагишом. — Эйрианвен открыла было рот, но Лисандра вскинула руку. — Дай угадаю. Опять обычай ваших племен?

— Да, — кивнула силурийка. — Одна из нас уйдет из этого мира — голая, как и пришла. Нагота подчеркивает, что мы бьемся как равные. Доспехи не отведут ни единого удара. Тело против тела, меч против меча…

— Жаль, что спорить вы будете не о том, кто красивее! — Лисандра принудила себя улыбнуться, хотя ее сердце порывалось выскочить из груди от тоски и тревоги.

«Не годится показывать этого Эйрианвен. Пусть

любимая видит мою нерушимую уверенность и черпает в ней силы».

— Ты о чем?..

Эйрианвен завертела головой, повела плечами, разминая мышцы.

— Жаль, что исход поединка определит не красота, — перефразировала Лисандра, сообразив, что некоторые тонкости латыни так и остались недостижимыми для силурийки. — На жилистую старую клячу никто бы даже не посмотрел!

— Нехорошо так ее называть, — пристыдила подругу Эйрианвен, глаза которой смеялись. — Не волнуйся за меня, Лисандра. Я буду упорно биться и вернусь с победой, если боги пожелают!

Лисандра кивнула. А что ей еще оставалось?

* * *

Вблизи арены можно было оглохнуть.

Лисандра успела привыкнуть к грому здравиц в свою честь, но такого неистовства ей еще не доводилось слышать. Публика не просто ревела, приветствуя выход на арену лучших воительниц. От издаваемых ею звуков по-настоящему содрогалась земля. Лисандра стиснула пальцами прутья решетки, перегораживавшей ворота жизни, и почувствовала, что даже они дрожали.

Потом она нашла взглядом Сорину. Ее загорелое тело сплошь состояло из твердых, четко обозначенных мышц, перекатывавшихся под сухой кожей. По сравнению с амазонкой Эйрианвен была сама женственность. Лисандра отдавала себе отчет в том, что жилистая угловатость делает ее саму схожей с Сориной. Тело Эйрианвен являло нежные округлости и изгибы, но спартанка знала, что это была в основном видимость. Бархатные ножны, скрывавшие упругую сталь.

Вот они встали одна против другой и приветственным движением вскинули мечи. Сквозь немыслимый шум Лисандра еле расслышала пронзительный голос эдитора, толстяка Эсхила, возвещавшего начало поединка.

Воительницы не торопились двигаться с места. Несколько бесконечных мгновений они стояли, словно две статуи, изваянные скульптором, запечатлевшим воинскую готовность, которая никогда не завершится ударом. Публика постепенно притихла, словно поняв, что на арене должно было произойти нечто величественное. Тела обеих гладиатрикс блестели от пота, но двигались только плечи. Соперницы успокаивали дыхание, претворяя волнение в управляемую и смертоносную силу.

— Начинайте же! — тонко прозвучал голос Эсхила, раздраженного задержкой, но две женщины стояли по-прежнему недвижимо.

В тылах арены понемногу задвигались харенарии — рабы, подгонявшие нерадивых бойцов. Их руки были защищены кожаными перчатками, на жаровнях загодя калилось железо. Зрители хранили молчание, но сила, с которой двадцать тысяч человек желали начала схватки, была почти ощутимой.

В глаза Лисандре ударил солнечный луч, и лишь через миг она поняла, что отбросил его меч Сорины. Клинок амазонки с визгом рассек воздух, устремившись к Эйрианвен. Звон, с которым отвел удар меч силурийки, словно прорвал плотину, и трибуны взорвались неистовым ревом.

* * *

— Разве женщины из твоей школы сегодня не дерутся? — спросила Дорис.

Они с Катувольком сидели в маленьком садике лупанария. Девушка грызла яблоко, которое принес ей молодой галл.

— Дерутся.

Катувольк невольно повернул голову в сторону амфитеатра. Было отчетливо слышно, как бесно-

валась толпа.

— Судя по крику, как раз их и приветствуют.

— Может, тебе стоило бы остаться там?

— Нет уж, я с тобой лучше побуду, — сказал Катувольк.

Это была правда, хотя и не вся. Смотреть, как Эйрианвен и Сорина станут грызть одна другой глотки, он не хотел и не мог. С законом не поспоришь, но все равно это был неправильный бой. То, что он все-таки состоялся, было несправедливостью, оказавшейся превыше закона. Чем бы ни кончилось дело, кто бы из соперниц ни погиб, выжившая уже никогда не будет прежней. Исторгнув из противницы душу, победительница вместе с нею утратит частицу себя.

— А хозяин тебя не хватится? — спросила Дорис, нарушив цепь его размышлений.

Он вскинул глаза, и она пояснила:

— Я просто к тому, что не слишком ли часто ты отлучаешься… для раба?

«Вот она, цивилизованность», — с горечью подумал Катувольк.

Блудница, зарабатывавшая под стонущими незнакомцами, не постеснялась упомянуть о его подневольном положении. Лицо галла на миг потемнело от гнева, но Дорис, похоже, и в

мыслях не держала его оскорбить. На ее милом, густо накрашенном личике отражалась лишь забота о нем.

Катувольк тяжело перевел дух и хотел что-то сказать, но Дорис опередила его.

— Я просто знаю, что ты любишь меня такую, какая я есть. Тебе не важно, чем я занимаюсь. Боюсь, вдруг ты ушел из дома без разрешения и попадешь в беду из-за меня?!

— Мне разрешено выходить, когда захочу, — ответил Катувольк.

Он понял, что побудило ее задать такой вопрос, и почувствовал облегчение.

— Мой ланиста в этом смысле человек неплохой. Мы ему принадлежим, но обращается он с нами уважительно. Не всем рабам достаются такие хозяева.

— Хорошо, что он такой добрый. — Дорис улыбнулась, обхватила руками колени и уперлась в них подбородком. — Мне так нравится, когда ты приходишь. Ты меня как будто спасаешь, увозишь куда-то, хотя бы на время. Глупость, правда? Скоро игры завершатся, и тебе придется уехать.

— Верно, но мой луд находится всего в нескольких сутках пути. Я буду приезжать так часто, как только смогу!

Катувольк произнес это совершенно не думая и только потом осознал, что действительно намеревался именно так поступить.

— Если ты не сможешь, то я не обижусь, — сказала Дорис очень серьезно. — Только, пожалуйста, не обещай мне ничего, если не намерен сдержать слово. Вот это будет для меня горе.

— Слово чести. — Галл прижал правую ладонь к сердцу. — Клянусь при любой возможности тебя навещать!

— Катувольк!.. — как-то придушенно пискнула Дорис. — Какое это чудо!

Зашуршал шелк. Дорис обдала его запахом духов, обняла за шею и прильнула к груди.

— Никто еще так не поступал со мной!

Могучий галл гладил ее по голове. Ему очень хотелось немедленно поцеловать девушку, но он боялся, не оттолкнет ли ее такая попытка сближения. Ведь их дружба во многом основывалась на его мужской сдержанности. Естественно, ему хотелось бы большего, но он не отваживался на такой шаг. Эта девчонка и так слишком многого натерпелась. Катувольк успел достаточно изучить ее. Он понимал, что ее временами нагловатая повадка была лишь броней. Слишком тяжкая жизнь, слишком горькие обстоятель-

ства…

Так что, когда она вдруг потянулась губами к его губам, удивление галла было безмерно.

* * *

Сердце Лисандры колотилось в горле, порываясь выскочить изо рта, костяшки пальцев, сжавших решетку, мертвенно побелели.

Клинки Эйрианвен и Сорины свистели и мелькали в стремительном танце смерти. Они яростно сталкивались снова и снова. Длинные мечи не слишком-то позволяли наносить резкие уколы, так что поединок происходил почти без отступления от варварских правил. Широкие размахи, режущие выпады, летящие снопы искр…

Эйрианвен затеяла внезапную атаку. Ее меч готов был упасть на голову Сорине, но та встретила его и отбила. Меч силурийки возвратным движением устремился к ее шее, но амазонка снова отбилась. Движения британки были невероятно быстры и наполнены свирепой энергией. Блестящий меч рассек воздух, метя в голову предводительнице. Сорина едва не распласталась по земле, рука с клинком рванулась вперед.

Зрители ахнули. Кровь Эйрианвен брызнула, окрасив песок. Силурийка отшатнулась, зажимая

рану на животе.

Сорина, охваченная боевой яростью, взревела и устремилась в атаку. Она действовала мечом, как дубиной, понимала, что соперница теряет кровь, силы ее с каждым мгновением убывают.

Эйрианвен пришлось припасть на колено. Она еле сумела отбить удар, который мог бы раскроить ей череп. Два меча на какой-то миг сцепились. Амазонка налегла в полную силу, стремясь вдавить Эйрианвен в землю.

Лисандра закричала, не помня себя, и ей показалось, будто подруга услышала ее крик. Во всяком случае, Эйрианвен взметнулась с колен и отбросила противницу. При этом ее меч чиркнул Сорину поперек груди. Порез оказался не слишком глубоким, но кровоточил очень обильно. Кожа амазонки, и без того мокрая от пота, багрово залоснилась.

Толпа зрителей буквально зашлась от восторга, наблюдая, как две противницы, обе раненные, обе в крови, заново сошлись грудь на грудь. Лица воительниц напоминали бледные маски непреклонного мужества.

Поединок развивался в стремительном темпе. Ни та ни другая не желала уступать, невзирая на раны. Между выпадами они уже не пытались

отскакивать на безопасное расстояние, полагаясь не на увертки, а на свое искусство.

Клинок Сорины вновь достиг цели, на сей раз резанув по выпуклой окружности левой груди противницы. Зрители испустили что-то похожее на шипение. По торсу Эйрианвен пролегла кровавая полоса. Силурийка вскрикнула от боли. Сорина же тотчас повторила удар. На сей раз британка отразила его, вписалась в движение, крутанулась и эфесом шарахнула амазонку в лицо.

Сорина тяжело рухнула на песок, но Эйрианвен не сумела использовать свое преимущество. Раны постепенно делали свое дело, лишая ее быстроты. В следующее мгновение Сорина уже оправилась и вскочила. Ее нос был расплющен, рот и подбородок заливала густая красная юшка.

На сей раз поединщицы сошлись уже медленнее, однако мечи сверкали беспрерывно. Какие приемы, какие тонкости, какое искусство?.. Забылось все, осталась только решимость вконец измотать соперницу, лишить ее сил. Клинки раз за разом находили живую плоть, но и Сорина, и Эйрианвен выдохлись уже настолько, что не могли нанести настоящий смертоносный удар.

Лисандра не могла на это смотреть, но и ото-

рваться от жуткого зрелища — две женщины на арене попросту рубили друг дружку в куски — тоже не сумела. Каждый раз, когда Сорина доставала соперницу, спартанка чувствовала рану едва ли не острей, чем сама Эйрианвен. Когда от боли вскрикивала амазонка, Лисандра вместе с подругой исполнялась яростного восторга.

Соперницы уже шатались вовсю. Их все трудней делалось различить, сплошь окровавленных, вывалянных в песке.

При очередной сшибке меч Сорины поднялся как-то совсем уже вяло. Должно быть, это наконец начали сказываться ее годы. Тогда Эйрианвен ударила. Ее клинок тяжело обрушился на меч амазонки и выбил его у нее из ладони. Британка тотчас метнулась вперед, ее клинок полетел к горлу Сорины.

Та, изогнулась, подалась в сторону, перехватила оба запястья Эйрианвен, развернулась и завладела мечом. Еще несколько мгновений они раскачивались, потом амазонка из последних сил напряглась так, что вздулись все мышцы, и налегла.

Эйрианвен громко, отчаянно закричала. Собственный клинок торчал у нее в животе. Лезвие в туче кровавых брызг высунулось из спины.

Сорина отступила. Ее лицо было чудовищно исковеркано ужасом. Силурийка еще стояла, шатаясь, ее пальцы незряче шарили, силясь вытащить из тела металл, пронзивший его. Губы женщины двигались, но вместо звука из горла хлынула струя кровавой желчи. Рвота жутко и непристойно потекла с подбородка. Эйрианвен опустилась на колени, потом медленно завалилась набок.

Она приподняла голову, нашла глазами ворота жизни. Ее рука умоляюще тянулась к Лисандре.

«Помоги!»

Спартанка с безумным воплем бросилась на решетку, силясь проломить прутья своим телом и скорее бежать к Эйрианвен. Слезы застилали ей глаза, но все-таки девушка увидела, как упала на песок рука подруги, как перекатилась ее голова, и поняла, что Эйрианвен больше нет.

Лисандра завыла, смутно ощущая на себе множество рук, пытавшихся отодрать ее от решетки и оттащить прочь. С пеной у рта она отшвыривала эти руки и что-то кричала. Ей на голову обрушилось нечто тяжелое, но эллинка не утихла, даже вырвалась и опять бросилась на решетку.

Еще удар и еще. Потом наконец Лисандру поглотила тьма.

XXX

Пока раб-прислужник должным образом охорашивал и укладывал многочисленными складочками его тогу — это был длительный и нешуточно сложный процесс! — Луций Бальб тихонько мурлыкал что-то себе под нос, хотя, правду сказать, настроение у ланисты было не такое уж и безоблачное. Как ни крути, он безвозвратно лишился Эйрианвен, да и состояние Сорины внушало определенные опасения. Раны амазонки, полученные в этом бою, оказались очень серьезными. В данный момент она пластом лежала в лечебнице и, как говорили лекари, была близка к смерти.

При этом затраты и утраты Бальба окупились с лихвой! На этих играх он заработал такое количество денег, особенно принимая во внимание отчисления от ставок, совершавшихся на трибунах, что вполне мог позволить себе прикупить новых отменных девушек-воительниц и восполнить ряды воспитанниц луда. Кроме того, у него оставалась Лисандра!

Палка рассказал ланисте, что со спартанкой

тоже произошло что-то скверное, когда пала Эйрианвен. Эти девушки были очень близки. Понятное дело, Лисандра очень тяжело восприняла гибель подруги. Увы, тут уж от Бальба ничего не зависело.

Так размышлял ланиста, пока раб приглаживал его белоснежную тогу сладко пахнувшей отдушкой. Еще не хватало явиться к Фронтину и принести с собой запахи кожевенной мастерской!

Женщины, лишенные мужского внимания, волей-неволей начинают присматриваться друг к дружке. Бальб знал, что другие хозяева школ были в этом смысле гораздо строже его. Они старались искоренять любой намек на подобные связи, но Луций сознательно шел на неизбежные издержки, происходящие от слишком вольного содержания поединщиц. Может, еще и поэтому его воительницы, раскрепощенные в своих чувствах, дрались заметно лучше других.

Такова была природа дела, которым он занимался. Оно не терпело лобового подхода. Уступки, уступки, уступки… Они-то, как оказывалось, и приносили наибольшую выгоду.

Лисандра была молода. Владелец школы не сомневался в том, что со временем она оправится от

удара. Если еще и Фалько не оплошает, то из нее можно будет сделать сущий идол для поклонения толпы. Спасибо Фронтину! Женские бои и так уже привлекли небывалое внимание публики. Это означало, что работящему ланисте лишняя монетка обязательно перепадет.

Итак, зрителям понадобится любимица-героиня, и Бальб решил, что ею станет спартанка. Всего-то и понадобится несколько раз выставить ее против достойных соперниц. Пусть завоевывает себе славу и набирается необходимого опыта.

Бальб шел к носилкам и едва не пританцовывал от блистательных перспектив.

* * *

Катувольк хмуро стоял над неподвижно вытянувшейся Сориной. Лекарь, невысокий, вечно задыхающийся человек, под глазом у которого все еще красовался полновесный синяк, смазывал раны изувеченной амазонки чем-то едким и необыкновенно вонючим. Лицо Сорины заливала смертельная бледность, морщинки у глаз казались глубже обычного.

— Жить будет? — спросил Катувольк, и собственный голос в тишине лечебницы показался ему слишком громким.

Лекарь на мгновение вскинул глаза и ответил:

— Не знаю.

Судя по выражению лица, он еле воздержался от гораздо более грубого ответа. Ему слишком часто задавали этот вопрос.

— Она не особенно молода, — продолжал эскулап. — Однако очень крепко скроена и сильна. Каждая из ее ран сама по себе не смертельна, но вот все вместе… да ты и сам видишь, в каком она состоянии!

Катувольк видел, конечно. Он смотрел на беспомощно распростертое, почти безжизненное тело подруги, и в его глазах все расплывалось от слез. Галл молча призывал богов своего племени, умолял их оставить жизнь амазонке хотя бы для того, чтобы их с Эйрианвен смертельная схватка обрела какой-никакой смысл. Неужели у небожителей достанет жестокости забрать сразу обеих? Не может такого быть, не должно! Катувольк в это искренне верил.

— У меня еще дел по горло, — нарушил строй его мыслей голос лекаря. — Если хочешь подождать, то сиди снаружи. Вот только вряд ли что-то выяснится прежде утра, так что лучше иди пируй. Повеселись и напейся!

Умом Катувольк понимал, что это был добрый

совет. Он все равно ничем не мог здесь помочь, а временное забвение, даруемое пивной кружкой, было всяко лучше бесконечного ожидания в этой обители боли и смерти.

Молодой галл благодарно кивнул лекарю и вышел за дверь.

В коридорах и жилых помещениях внятно чувствовалось облегчение. Игры завершились. Выжившие бойцы тихо блаженствовали, ведь больше им ничто не грозило. Кроме того, по традиции для победителей устроили большой пир, то бишь попойку. Попозже вечером им предстояло славно повеселиться на той самой арене, где они сражались и убивали. Теперь им предстояло изведать здесь все стадии опьянения. Прославление жизни сменится грустью по ушедшим друзьям. В итоге все без чувств сползут под столы, в чем, кстати, опять-таки проявлялась мудрость ланисты. Назавтра после попойки бойцы будут ползать, точно сонные мухи, а значит, никаких происшествий при погрузке в зарешеченные телеги можно будет не опасаться.

Катувольк поймал себя на мысли о том, придет ли Лисандра. Палка ему уже рассказал, как она переживала гибель Эйрианвен. Ему даже пришлось ее запереть. По мнению Катуволька, это была

большая несправедливость, ибо лавры, которые школа Бальба снискала на играх, в немалой степени были заслугой Лисандры. Держать ее под замком, пока все прочие победители веселятся, наслаждаясь относительной свободой… Нет, это было нехорошо.

Парфянин обещал проверить, как она там, и выпустить, когда все успеют как следует нагрузиться, но Катувольк решил самолично к ней заглянуть. Как бы Палка сам не напился и не позабыл во хмелю своего обещания. Вдобавок галлу хотелось восстановить те добрые отношения, что у него когда-то были с Лисандрой, так сказать, навести мосты. Он слишком сурово с ней обошелся, наказал без всякой вины. Очень хорошим человеком Катувольк себя не считал, но, по крайней мере, был честен и справедлив. Он зря обидел девушку и собирался ей об этом сказать.

* * *

Лисандра сидела под замком и неподвижно смотрела в темноту. В целом мире для нее существовала лишь боль. Никакое физическое страдание, которое ей приходилось испытывать, не шло с этим ни в какое сравнение. Чудовищное горе когтило ей душу, от пытки не было избав-

ления. Ни разу прежде этого дня спартанка не давала воли слезам. Теперь ее горло сводила судорога, щеки покрыла соленая корка. Она постоянно видела одну и ту же картину, навеки врезанную в память. Прекрасная силурийка тянет к ней руку, зовет на помощь в последние мгновения жизни, а она не может ее спасти.

Лисандра не отнимала лица от ладоней. Ее тело содрогалось, заставляя звенеть кандалы. Все получилось не так, как должно было. Это она, Лисандра, а вовсе не Эйрианвен, должна была выйти на поединок с Сориной. Уж ее-то руку не остановил бы никакой помысел о родстве или дружбе. Жизнь проклятой амазонки утекла бы в песок, а все то, о чем мечтала бедная Эйрианвен, понемногу начало бы сбываться.

Но ничего этого не будет. Надежда погибла вместе с Эйрианвен. У Лисандры вырвали из груди сердце, так что продолжать жить больше не было смысла. Голос Афины больше не достигал ее, и Лисандра знала причину. Она прогневала богиню своей любовью к дикарке.

Сидя в темноте, спартанка пыталась возродить духовные навыки, вколоченные в нее с раннего детства, отодвинуть, запереть разверзавшуюся в душе жуткую пустоту, но ничего из этого не по-

лучалось. Вокруг не было совсем ничего. Только безмерная утрата Эйрианвен…

Откуда-то из-за двери до нее доносились отзвуки болтовни и смеха гладиатрикс, собиравшихся на пир, но Лисандре хотелось лишь умереть. Перестать быть. Со смертью, по крайней мере, кончится боль. Наступит забвение.

Любовь оказалась слишком жестокой. Ее потеря намного превзошла ту меру, которую способен вынести человек.

Оказывается, любовь изменила Лисандру. Она сама понимала это.

«Если не стало любви, тогда зачем все?.. Зачем мне отныне жить? Чтобы чтить Афину? Служить Бальбу?..

Какая бессмыслица!

До чего же ясно и просто все было прежде, до того как я угодила в этот луд. Тогда я стала рабыней и едва не отчаялась, но превосходство тела и духа, свойственное спартанцам, помогло мне восторжествовать и послужить своей богине даже в самых чудовищных обстоятельствах. Даже встреча с Эйрианвен — в подобном-то месте! — была великим промыслом Афины. Впервые в жизни я была по-настоящему счастлива, узнала любовь, нежность, дружбу, преданное участие.

Теперь все это у меня отняли, жестоко и страшно».

У спартанцев не в обычае было слезное оплакивание утрат. Лисандра так и слышала свой собственный голос, насмешливо порицавший Данаю, мол, нечего разводить сырость над телами павших друзей.

Только теперь девушка как следует поняла, что это в действительности значило — лелеять другого, как себя самого.

Она поднесла руку к лицу и стала рассматривать цепь, державшую ее возле стены.

«Нетрудно будет обернуть ее вокруг шеи… и затягивать, покуда не уйдет боль. Пусть Геката, покровительница самоубийц, примет меня в объятия и уведет в темные селения Гадеса.

Все лучше, чем жизнь в одиночестве!»

Потом она горько усмехнулась и отбросила от себя глухо зазвеневшую цепь. Воительница избрала для себя смерть, а это ясней ясного значило, что ей придется жить дальше.

Так велела спартанская честь, требовавшая величайшей жертвы.

XXXI

«Вот как следовало бы жить», — сказал себе Бальб.

Естественно, он и сам обустраивал свое обиталище как подобало культурному и образованному человеку, но это… Дом Фронтина являл собой не просто роскошь. Он наглядно показывал, какого совершенства может достичь человек, нисколько не стесненный в средствах и воистину утонченный.

Он, Луций Бальб, сидел здесь, за столом у правителя. Это свидетельствовало о том, что умом и неустанным трудом можно добиться очень многого. Эти качества возносили своих обладателей на любые высоты и прежде, и в особенности — теперь.

Толстяк Эсхил также был среди приглашенных. Он буквально купался в лучах успеха. Игры, оплаченные его деньгами, прошли попросту замечательно.

«Ну что ж, пусть он сделает еще один шаг к власти, — подумал Бальб. — Если этому греку удастся заполучить должность эдила, авось вспомнит,

что его игры так здорово удались во многом благодаря именно мне».

Ланиста поднял кубок, приветствуя тучного демагога, и тот ответил с улыбкой:

— Твоя школа завоевала славу, Луций! Ты подарил нам впечатляющее зрелище и поднял женские поединки на новую высоту!

Бальб вежливо кивнул, принимая заслуженную похвалу, и в свою очередь сделал греку комплимент:

— Добрый Эсхил, мои отчаянные девушки не нашли бы места для выступления, не предоставь ты им арену!

— Чем же ты теперь займешься, ланиста? — поинтересовался довольный толстяк.

Владелец школы пожал плечами.

— Хлопот у меня, как всегда, много. Утрата Эйрианвен грозит дорого обойтись мне. Ведь она была любимицей зрителей. Правда, мое недавнее приобретение, спартанка Ахиллия, обещает составить ей достойную смену.

— Это воистину так, — с энтузиазмом поддержал Фронтин. — Отличная воительница, при этом прекрасная собеседница!

Бальб снова улыбнулся и согласно кивнул. Ему уже было известно, что Лисандра произвела на

правителя самое благоприятное впечатление.

— Надеюсь, в будущем зрительская любовь к ней лишь возрастет, — сказал он. — Это редкостная жемчужина! Я полагаю, что в скором будущем публика станет ценить ее выше и Эйрианвен, и Сорины. Ее успеху лишь поможет то обстоятельство, что она не из этих варварок!

Эта шутка породила среди знатных особ сдержанные смешки.

— Согласен. — Фронтин поставил на стол чашу с вином. Думаю, что мне удалось нечаянно нащупать еще одну ступеньку для ее грядущего взлета. Нет слов, схватки один на один весьма занимательны, но, как всем нам известно, зрительские симпатии — штука непостоянная. Так вот, я полагаю, что мы способны устроить зрелище с участием доблестной Ахиллии, которое поразит даже Рим. Соответственно, Бальб, у меня есть к тебе предложение.

— В самом деле? — Луций наклонил голову, изображая вежливый интерес, хотя в действительности сразу почувствовал себя мышкой под взглядами двух проголодавшихся кобр.

«Таковы издержки вращения в высшем обществе, — сказал он себе. — Того и гляди удостоишься предложения, отказаться от которого

будет невозможно по соображениям высокой политики».

А Фронтин продолжал:

— Благодаря успехам твоего луда интерес зрителей к женским боям неизмеримо возрос. Зрелище, изначально предназначавшееся для разогрева трибун, превратилось в самостоятельное событие. Но, как я уже говорил, толпа очень капризна. Вот потому-то я и хотел бы угостить ее чем-то совершенно неслыханным.

Он сделал паузу, с искусством прирожденного политика подогревая интерес слушателей, и наконец произнес:

— Грегатим, составленный исключительно из женщин!

У Бальба отлегло от сердца. Грегатим был сражением, в котором сходились два гладиаторских войска. Эта забава отличалась от обычных поединков разве что большей смертностью. С учетом недавних доходов подобное мероприятие было ланисте вполне по плечу.

— В этом ты вполне можешь рассчитывать на меня, благородный правитель, — сказал он с поклоном, незаметно косясь на Эсхила. — Тебе даже не будет нужды нанимать кого-то еще.

Правду сказать, Луций еще таил обиду на грека

за то, что тот привлек на последние игры не одну его школу.

— У меня найдется горстка-другая отважных девиц.

Фронтин тоже посмотрел на Эсхила и продолжил:

— Я забыл сказать, что желал бы придать этому зрелищу настоящий размах, показать воистину грандиозную битву. Пусть люди вспоминают о ней так же, как о великой морской битве, устроенной божественным Клавдием!

Бальб едва не поперхнулся вином.

— Но, правитель!.. — вырвалось у него. — В морском сражении Клавдия участвовало почти двадцать тысяч осужденных преступников. — Тут он замолк, запоздало сообразив, что прокуратор и будущий эдил отнюдь не шутили. — Так о каком порядке цифр мы здесь рассуждаем, благородный Фронтин?

Тот успокаивающе махнул рукой.

— Нет, — сказал он. — Конечно, не о таком. Знаешь, в чем заключается мой замысел? Примерно через два года император Домициан намерен посетить нашу провинцию. Как я понимаю, это посещение совпадет с пятой годовщиной его облачения в порфиру, равно как и с днем рождения.

Очень надежные источники утверждают, что наш повелитель — ценитель и энтузиаст женских боев. Так что, полагаю, трудно придумать лучший способ отблагодарить его за оказанную нам честь, нежели грандиозное зрелище! — Фронтин наклонился вперед, все больше воодушевляясь. — Кстати, на эту мысль меня натолкнула твоя Ахиллия. Девушка выросла в спартанской школе и оказалась превосходным знатоком тактического искусства.

Бальб кивнул и мысленно поблагодарил жреца Телемаха, просветившего его на сей счет несколько месяцев назад.

— Вот тебе готовый полководец, способный возглавить эллинок, — продолжал Фронтин. — Я подумываю о том, чтобы заново разыграть битву с амазонками, о которой повествуют сказания! Представь только, Ахиллия с ее гречанками, а по другую сторону — варварская орда! Прикинь, Бальб! Ко всему прочему мы выведем игрище за пределы арены, устроим сражение непосредственно на лоне природы, точно Клавдий в старину!

«Очень неплохая идея, — рассудил про себя Бальб. — И не такая уж неслыханная. Но вот что касается стоимости подобного мероприятия…

окупится ли? Ох, навряд ли».

Он решился прозрачно намекнуть на это Фронтину, но тот ни в малейшей степени не колебался.

— Деньги не должны вставать на пути истинного искусства, — ответил он Бальбу. — Мы с Эсхилом рады будем помочь тебе в покупке и содержании рабынь. Ты же, в свою очередь, обеспечишь, чтобы к приезду императора все они были должным образом обучены и готовы сражаться. Подумай, это сделает тебя владельцем величайшей гладиаторской школы во всей империи! По крайней мере, на время…

«Вот именно! — сказал себе Бальб. — По окончании резни в живых останутся очень немногие».

— Благодарю за честь, — сказал он вслух. — За-то, что почли меня достойным и способным взять на себя такую задачу. Я лишь хотел бы прояснить два обстоятельства, если позволите. Во-первых, Ахиллия должна продолжать сражаться. Ей следует составить себе такую репутацию, чтобы люди жаждали увидеть ее во главе войска гречанок! Знаю, тут есть некоторый риск. Ведь она может и не дожить до великого дня. Во-вторых, вынужден признать, что ни один отдельно взятый луд не в состоянии выставить требуемое

количество бойцов. Кстати, если две наши «армии» будут жить и обучаться бок о бок, то война между ними может вспыхнуть и без нашего соизволения. Тогда нам всем мало не покажется!

Фронтин кивнул, соглашаясь с его доводами.

— Если Ахиллию убьют, то мы продолжим и без нее, сказал он. — Публике нравится кровь. Насчет двух армий все верно. Что ты предложил бы?

— Я бы посоветовал тебе нанять еще одного ланисту, — чуть не скрипя зубами, выговорил Бальб. — Пусть он готовит к сражению «амазонок», а я разыскивал бы и обучал гречанок.

Луция без ножа резала необходимость расстаться с половиной выгоды, но он понимал, что, замахнувшись на все, в итоге можно остаться ни с чем.

— О какой все же численности идет речь, благородный правитель?

Фронтин хищно, по-волчьи улыбнулся.

— Пять тысяч с каждой стороны.

Бальб мысленно ахнул, но усилием воли сохранил невозмутимое выражение лица.

— На сегодняшний день я не возьмусь ничего обещать, господин мой, — сказал он. — Естественно, я приложу все усилия, чтобы собрать требуемое количество рабынь. Страшно даже

подумать, в какую сумму это сулит обойтись! И потом, время… Если учесть, сколько всего нам предстоит сделать, два года — срок очень короткий. Я ни в коем случае не желал бы унизить тебя или себя, не говоря уж об императоре, выставив никуда не годных бойцов!

Он был мастером своего дела и не желал отступать от достигнутого уровня. Скупать по дешевке полуживых преступников, успевших надорваться на рудниках, и гнать их на арену значило бы для него распроститься с репутацией, завоеванной нелегким трудом.

— Найти и воспитать достойных гладиатрикс — дело очень небыстрое и непростое, — заявил Луций. — Могу обещать только, что сделаю все зависящее от меня.

— Всем сердцем верю в твой успех, добрый Бальб, — ответил правитель.

Фронтин улыбался, но ланиста отчетливо понимал, что оплошать невозможно ни под каким видом. Нельзя — и все тут!

* * *

Пир был в разгаре. Время от времени Катувольк поглядывал на парфянина и видел, что Палка быстро двигался к полному и окончательному

беспамятству. Недовольно косясь на собственную кружку с пивом, галл понимал, что и сам порядочно нагрузился. Они, уже пошатываясь, ходили кругом столов, за которыми веселились оставшиеся в живых гладиаторы, останавливаясь перемолвиться словечком то с одним, то с другим.

Нестасен не захотел к ним присоединиться. Нубиец сидел со своими приятелями из другого луда и вместе с ними, по обыкновению, нюхал дым тлеющей конопли.

Вот Палка задержался у стола, за которым собрались гречанки.

— Молодцы!.. Зубастые сучки!

Несмотря на отсутствие Лисандры, ее соотечественницы, кажется, пребывали в добром расположении духа.

Палка присел на край стола и отхлебнул пива.

— Честно признаться, я даже не думал, что в вас, распустехах, отыщется боевой дух. Но вы как-то умудрились пережить свои первые игры. Не забудьте, дуры, сказать мне спасибо!

— Мы ужасно благодарны тебе, Палка. — По лицу Фибы блуждала хмельная улыбка. — Что бы мы без тебя делали!

— А ничего, потому что погибли бы, — вскри-

чал Палка. — Но вы остались живы, паршивки! Теперь вы — настоящие воительницы!

Женщины не ответили на эти слова. На их памяти Палка очень редко кого-либо хвалил. Заслужить его одобрение, пусть даже обильно сдобренное бранью, дорогого стоило.

— А сам ты как сюда попал? — выждав немного, спросила его Фиба.

— В Малую Азию?.. — Палка громко рыгнул. — Я был солдатом в войске парфянской державы, гулял по всей этой вонючей империи… Сапог без счета стоптал! Я бывал даже в Армении, а она, да будет вам, дубинам, известно, служит чем-то вроде подушки между Римской и Парфянской империями. Потом мне надоело служить, обрыдли олухи-военачальники, с которыми куда более способные люди, вроде меня, досыта хлебали дерьма. Я ушел через границу, думая построить новую, лучшую жизнь… — Он не договорил, безобразную физиономию скривила насмешливая ухмылка. — Дурак был, что тут сказать. Меня сразу схватили как парфянского лазутчика и продали в рабство. Такое вот, девки, дерьмовое мое счастье.

История Палки от души повеселила гречанок. На самом деле смешного в его рассказе было

немного, но самоирония, с которой он все преподнес, вызывала улыбку.

— Только не воображайте, будто по возвращении в луд я так и буду с вами запанибрата, — пересаживаясь на скамью, предупредил Палка. — Хотя вы теперь у нас ветераны. Обращение с вами будет уже не такое, как с новенькими. Вы действительно это заслужили.

Катувольк тоже сел за стол. Ему нравились эта веселая болтовня и грубоватые шутки. Разливая напитки, он напомнил себе, что собирался проведать Лисандру.

«Да, конечно. Я только выпью еще кружку-другую».

* * *

Факельный свет заставил Лисандру зажмуриться, а тонкий скрип открываемой двери так резанул уши, что она стиснула зубы. Кто-то пришел ее выпустить или, может быть, наказать?.. Она поймала себя на том, что совершенно не волнуется по этому поводу.

— Так, так, так… Ну и что тут у нас?

Голос Нестасена! Лисандра напряглась.

Наставник вошел в ее закуток, сопровождаемый троицей незнакомых мужчин. Пока они

рассматривали спартанку, нубиец сунул факел в стенное кольцо. Отсветы пламени играли на его черной масляной коже, и Лисандра ощутила, как глубоко внутри нее шевельнулось что-то напоминавшее страх.

Она сглотнула и спросила:

— Тебя прислали освободить меня?

— Ага, прислали освободить, — тоненьким голоском передразнил Нестасен.

Он пнул дверь так, что она захлопнулась. Его приятели захохотали.

Лисандра поднялась на ноги и посмотрела ему прямо в глаза.

— Если ты явился сюда просто так, Нестасен, тогда лучше уйди, — сказала она с суровой уверенностью, которой на самом деле совершенно не ощущала.

Наставник подошел к ней вплотную, и она увидела, что зрачки у него были во весь глаз, а на дне их светилось безумие. Кулак нубийца без предупреждения метнулся вперед и пришелся ей в голову. Лисандра попыталась отвести удар, но ей помешали слишком короткие цепи. Девушка упала, на нее тотчас же накинулись все остальные. Удары и пинки посыпались безостановочным градом.

Лисандра свернулась в тугой комок, но это не помогло. Она была наполовину оглушена, с расшибленного виска капала кровь. Спартанку поставили на ноги. Она хотела было закричать, позвать на помощь, но Нестасен с силой всадил кулак ей в живот, оборвав дыхание. Потом он одним рывком содрал с девушки тунику, и его друзья хохотали над ее наготой. Страх придал ей сил. Она резко ударила ногой и угодила нубийцу в подреберье. Нестасен шатнулся назад, но один из мужчин, пришедших с ним, тотчас обхватил Лисандру сзади за шею, сдавливая ей горло.

— Поверни-ка ее!..

В хриплом голосе Нестасена мешались ярость и похоть. Спартанка отчаянно боролась, но справиться с троими мужчинами было превыше ее сил. Сопротивление лишь обозлило их. Кто-то шарахнул ее головой о каменную стену так, что перед глазами поплыли яркие звезды. Она ощутила чьи-то пальцы, которые раздвинули ей ягодицы, полезли внутрь…

Ей наконец-то удалось закричать. Насильники ответили хохотом.

— Заткнуть бы ее, — сказал один из них.

— Вот, возьми.

Грубые пальцы стиснули ей нос. Через несколь-

ко мгновений она открыла рот, пытаясь вздохнуть, и ей в зубы тотчас сунули грязную, мерзкую, вонючую тряпку.

— Только посмотрите, — мурлыкал Нестасен, с силой разворачивая ей колени. — Какое все у нас тут розовое и маленькое. Прямо мышиный глаз!

Она ощутила, как он пристроился позади, обхватил бедра и вторгся в ее плоть, причиняя невыносимую боль. Лисандра закричала так, что жилы вздулись на ее шее, но тряпка заглушила вопль.

— Ну что, сучка? Нравится? — Нестасен притиснул ее к грязному полу и навалился всем весом. — Ты давно на это напрашивалась, — проворчал он, наслаждаясь ее мучениями. — Вот и получай по заслугам.

Горячие соленые слезы жгли Лисандре глаза. Непередаваемая мука длилась и длилась. Спартанка вновь закричала, на сей раз умоляюще.

— Получай по заслугам, — повторил Нестасен. — Ты… ты!.. — и не договорил, полностью отдавшись долгожданному наслаждению.

Лисандра почувствовала, как он принялся двигаться все быстрей, потом хрипло зарычал и рухнул на нее сверху, на некоторое время удовлетворившись. Потом нубиец встал на ноги.

Лисандру начало трясти.

Он пнул ее в ребра и сказал дружкам:

— Точно говорю, ей понравилось! Ну? Кто хочет быть следующим?

— Я не откажусь, — подал голос тот изверг, который душил ее сзади. — Только поверните ее и поднимите ей голову. Пусть смотрит мне в лицо, пока я буду ей нутро разворачивать.

Лисандра закрыла глаза, и в ее тело был вбит еще один кол. Пучина страдания оказалась бездонной. Самые сокровенные уголки ее тела были пронзены и вывернуты наизнанку ради удовольствия Нестасена и его шайки. Над нею издевались всеми мыслимыми способами, терзали плоть и топтали душу. Ей причиняли невероятную боль и оскорбляли насмешками. Потом, утолив первое желание, они снова начали ее бить, подогревая похоть видом страданий.

Все пошло по новому кругу.

XXXII

— Да просыпайся же, галл!

Катувольк с трудом разлепил веки. Хильдрет тянула его за руку, пытаясь вытащить из-за стола, на который он поник головой.

— Просыпайся, тебе говорят!

Хильдрет сама раскраснелась от выпитого, ее дыхание отдавало пивом и чесноком. Катувольк шевельнулся, и его тут же вырвало на собственные коленки.

— Тьфу на тебя, — сморщилась Хильдрет.

— Лисандра, — кое-как выговорил галл.

— Она под замком сидит, дурень!

— Ее выпустить надо, — с пьяной убежденностью объявил Катувольк. — Нехорошо, что мы тут веселимся, а она сидит на цепи.

Он кое-как поднялся, собрался шагнуть, но вместо этого рухнул навзничь. Это показалось ему очень смешным, галл приподнял голову и расхохотался.

Хильдрет протянула ему руку.

— Вставай, пошли. Я тебе помогу. Сам ты туда вряд ли доберешься.

— Тсс… — Катувольк прижал палец к губам.

Они шли по коридорам. Их смех порождал эхо в каменных стенах, однако попытка унять брызжущее веселье лишь заново рассмешила обоих. Опершись друг на дружку и на стену, они хохотали и никак не могли угомониться.

— Ой, не могу. — Хильдрет держалась за живот, по ее лицу текли слезы. — Аж больно! — Она начала сползать по стене. — Держите, держите меня!..

Глядя на нее, Катувольк в который раз согнулся от смеха. Какое-то время они оставались на месте, всхлипывали, не могли отлепиться от стены и двинуться дальше.

— Хотел бы я знать, над чем мы смеемся, — еле переводя дух, сказал молодой галл.

— Видел бы ты сейчас свою рожу, — пискнула Хильдрет и передразнила: — Тсс-с…

Она кое-как поднялась на колени, а потом, цепляясь за стену, — и во весь рост. Запинаясь и пошатываясь, парочка все же добралась до двери, за которой томилась Лисандра.

Катувольк толкнул эту дверь, заранее улыбаясь.

Совершенно голая Лисандра лежала на полу. Факел на стене готов был погаснуть, но все еще

давал достаточно света, и Катувольк сразу увидел, что на теле девушки живого места не было от синяков, кровоподтеков и ссадин, а из раны на голове продолжала течь кровь.

— Боги!.. — ахнул он, бросился к спартанке и упал подле нее на колени.

— Она хоть жива?.. — тихо спросила мгновенно протрезвевшая Хильдрет.

Катувольк торопливо нащупал жилку на шее Лисандры.

— Жива, но очень плоха. Беги живо за помощью!

Галл принялся ощупывать замки на цепях, на чем свет кляня свою пьяную неуклюжесть, потом оглянулся и увидел, что Хильдрет по-прежнему стояла столбом, тараща глаза.

— Беги, кому сказано! — взревел Катувольк, но Хильдрет вытянула руку, указывая ему на пол.

Молодой галл присмотрелся и понял, что дело обстояло еще хуже, чем ему показалось вначале.

Под бедрами Лисандры растекалась огромная лужа крови.

* * *

— Замолчи!.. — Бальб закрыл руками лицо.

Свет, падавший из окошка, резал глаза. Час

был безбожно ранний, а он вчера отдал должное гостеприимству Фронтина. Палка и Катувольк, стоявшие перед ним и Титом, сами выглядели не лучше, проще говоря, смахивали на два несвежих трупа.

— Кто это сделал? — спросил ланиста, еле удерживаясь от площадной брани.

— Не знаю. — Палка передернул плечами. — Мы же праздновали, как и все. Кто угодно мог туда войти.

— Пока вы напивались, как свиньи, — прорычал Тит.

Двое наставников покаянно смотрели в пол.

— Почему кто угодно, а, недоумки? — Бальб поднялся на ноги, и его желудок едва не перевернулся вверх дном. — Сами же говорите, что она сидела взаперти, вашими собственными руками посаженная под замок! Значит, у того, кто это сделал, был ключ!

— Его можно украсть, — пробормотал Катувольк.

— Тем более что никто не хватился и не сообщил о пропаже! — заорал на него Бальб.

Катувольк ничего не ответил, и ланиста воздел руки к небесам.

— Всего один раз вас оставили без присмотра!

Вы двое небось каждый вечер отдыхаете за кружечкой пива, но стоит Луцию Бальбу однажды — всего лишь однажды! — выкроить себе время для отдыха и веселья, и что он обнаруживает по возвращении? Все вверх дном, а гладиатрикс, на которую он возлагал великие надежды, изнасилована и забита чуть ли не насмерть! К тому же мне что-то подсказывает, что вы даже не начинали грузить остальных девок в повозки, ведь так? Вижу, что так! Кто будет платить цирку за нашу задержку, я вас спрашиваю? Опять Луций Бальб?!

— Прости, господин, — пробормотал Катувольк.

Бальб ожег его взглядом.

— Я тебя, олуха, так прощу — за все хорошее гвоздями к доске! И ты, Палка, рядом будешь висеть!

Наставники молча переминались с ноги на ногу, не смея поднять глаз.

— Да чтоб вы провалились, — устало выдохнул хозяин школы.

Некоторое время в комнате стояла тишина. Бальб стискивал пальцами переносицу, словно пытаясь выдавить из себя гнев. Ну надо же такому было случиться! Ему в руки плыла главнейшая

сделка всей жизни, величайший куш, какой вообще мог сорвать ланиста за пределами Рима, не говоря уже о славе, которую необычный замысел правителя сулил доставить ему, Луцию Бальбу.

— Лекарь-то что говорит? — спросил он наконец.

Толочь воду в ступе, бранить галла с парфянином было все равно бесполезно. Лучше уж сразу выслушать самое скверное и начать соображать, как с этим справляться.

— Дело плохо, — без обиняков ответил Катувольк. — С ней страшные вещи творили. Лекарь сказал… — Галл сглотнул. — Да, там орудовали несколько человек. Они не просто хотели с ней… поваляться, пытали по-всякому, нарочно калечили. Похоже, эти гады ее до смерти ненавидели.

Бальб услышал это и кое-что вспомнил.

— Где Нестасен? — словно подслушав его мысли, резко спросил Тит.

— У себя, полагаю, — ответил парфянин.

— Стража!.. — не своим голосом завопил Бальб.

На пороге тотчас вырос один из охранников цирка, и ланиста велел:

— Приведи сюда Нестасена!.. Ты понял, парень, о ком я говорю? Здоровый такой нубиец, наставник из моего луда.

Охранник подумал и кивнул.

— Да, господин.

После этого все четверо в молчании ждали, пока стража обшаривала арену. Никого не удивило, когда выяснилось, что Нестасен бесследно исчез.

* * *

Сорина открыла глаза и первым долгом ощутила острое разочарование. Помнится, теряя сознание на арене, она успела поблагодарить богов за то, что они забирали ее. Перед глазами у нее так и стояла упавшая Эйрианвен, рука, тянущаяся к любимой спартанке, и кровь… столько крови!..

Раны Сорины саднили и зудели, но что значила эта боль по сравнению с пустотой, поселившейся у нее в сердце!

Если бы повернуть время вспять, то она, наверное, смогла бы оставить в покое Эйрианвен и Лисандру. Близость смерти обостряет духовное зрение, даром ли говорят, что человек крепок задним умом.

Предводительница! Теперь ее титул звучал горькой насмешкой. Из кого состояла община, которую она возглавляла? Из рабынь, собранных по всему свету. Вот уж великая честь быть над

ними вождем, поистине стоящая того, чтобы ради нее убить собственную приемную дочь.

Сорина попыталась сесть на постели, и боль в потревоженных ранах заставила ее скрипнуть зубами.

— Лежи! — властно произнес мужской голос, и амазонка увидела над собой лицо лекаря. — Я все иголки затупил, тебя зашивая, и не потерплю, чтобы раны открылись! Сделай доброе дело, полежи смирно, пока я другими занимаюсь. Водички принести?

Сорина кивнула, прислушалась к себе и поняла, что горло у нее совершенно пересохло — какое там разговаривать!.. Лекарь приподнял ей голову и поднес к губам чашку. Вода показалась Сорине божественно вкусной, она с жадностью присосалась…

— Нет, больше пока нельзя, — отнял чашку лекарь. — Будешь пить понемножку. Потом еще дам.

Он снова уложил ее и двинулся дальше. Амазонка проследила за ним взглядом и с изумлением обнаружила на соседней лежанке Лисандру. Узнать спартанку можно было лишь по длинным прядям иссиня-черных волос. Ее лицо было неузнаваемо изуродовано следами зверских

побоев.

— Что это с ней? — прохрипела Сорина.

Лекарь оглянулся через плечо.

— Ты отдыхай. Сама давай поправляйся, а о ней уж я как-нибудь позабочусь!

— Что с ней? — Воительница вложила в голос всю властность, какую только могла.

Лекарь вздохнул.

— Ее изнасиловали, избили и всячески изранили. Подозревают вашего наставника, нубийца Нестасена. Ну что, довольна, амазонка? А теперь послушай меня, уймись, лежи себе и отдыхай!

Сорина в изнеможении опустила голову на подушку. Все-таки Лисандру она по-прежнему ненавидела. Если бы не проклятая гречанка, то Эйрианвен сейчас была бы жива, все шло бы по-прежнему. Но… Сорина как-никак принадлежала к женскому полу. По ее мнению, насилие было наибольшей гнусностью, которой могла подвергнуться женщина, несмываемым грехом перед богами!

Никто подобного не заслуживал. Даже спартанка.

Она вновь скосила глаза в сторону неподвижного тела на соседней лежанке. Сорина слишком хорошо знала, насколько сильно случившее-

ся изменит Лисандру. Еще дома, в степях, она видывала женщин, которые попадали в плен и подвергались насилию. Одни выдерживали, другие ломались, но ни одна не оставалась такой, какой была прежде.

Сорина понимала, что друзьями им с Лисандрой не быть никогда. Все же, невзирая на взаимную ненависть, что-то еще можно было поправить. Эйрианвен все равно не вернешь. Жизнь без нее и так обещала быть едва выносимой, так стоило ли усугублять дело беспрестанной враждой со спартанкой, лишний раз напоминать себе о смерти той, которую они обе любили?..

«Впрочем, Лисандра вряд ли сделает хоть шаг мне навстречу, не снизойдет до замирения с такой дикаркой.

Так что первой протягивать руку придется мне.

Да, для этого я должна буду скрутить в бараний рог свою гордость, но чего только не сделаешь ради всеобщего блага».

XXXIII

— Будь здорова, гладиатрикс.

Лисандра приподняла веки, осознавая лишь боль, огненными токами перетекавшую внутри ее тела. Девушке казалось, что запредельная мука навсегда обожгла каждый нерв. Перед глазами спартанки все плавало и кружилось, но лекаря она узнала.

Какое-то мгновение бывшая жрица ничего не могла понять, потом на нее нахлынули воспоминания.

Каморка.

Цепи.

Нестасен.

И бесконечная пытка…

Она содрогнулась всем телом, дернулась на постели, и новая боль, причиненная движением, заставила ее вскрикнуть.

— Ну, ну, девочка, — ласково проговорил лекарь. — Здесь тебя никто не обидит. Ты в безопасности, Ахиллия. Вот, попей-ка. — Возле губ Лисандры качнулась чашечка. — Это вытяжка мака. Она тебе поможет во всех смыслах.

Лисандра позволила ему приподнять ей голову и влить в горло горькую жидкость. Гадостный вкус чуть не заставил ее поперхнуться, но она сделала усилие и не закашлялась, а проглотила снадобье. Лекарь уже подносил к губам страдалицы воду — ополоснуть рот.

Когда он бережно опустил ее голову на жесткую подушку, Лисандра зажмурила глаза, но из-под век все равно поползли горячие слезы.

Она по-прежнему видела их, слышала этот смех, чувствовала вонь мужских тел, взопревших от животного возбуждения, ощущала на себе чужие руки, плоть внутри своего разверстого тела.

— Афина!.. — вырвалось у нее. — Не оставь, помоги.

— Она непременно услышит и поможет тебе, — отозвался лекарь на языке эллинов. — Богиня никогда не предает своих верных.

Маковый сок медленно растекался по жилам спартанки. Телесная боль понемногу отступала, но воспоминания отнюдь не померкли, хотя Лисандра теперь присутствовала в них словно бы сторонним наблюдателем. Сцена пыточного насилия разыгрывалась в ее памяти снова и снова, заново растворяя душевную рану, которую силился заштопать дурман.

Все же лекарство действовало, и вот уже Лисандра не могла понять, явь это или дурной сон. Картины прошлого и настоящего сливались одна с другой, проплывая перед ее внутренним взором. Вновь погибала у нее на глазах Пенелопа, тянулась через пески слабеющая рука Эйриан-вен. Соперницы падали под мечом спартанки, но яростный восторг тех побед девался неизвестно куда, развеялся, точно дым. Потом Лисандру снова насиловали.

Опять и опять.

Она смутно слышала мужские голоса, звучавшие у ее постели, хотела открыть глаза, но веки отказывались подниматься. Прохладная рука коснулась ее лба, вытерла пот, и Лисандра почему-то не испугалась.

Потом голоса начали отдаляться.

Некоей частью сознания девушка понимала, что рано или поздно проснется и должна будет осознать правду.

Но это будет потом, а пока она тонула в объятиях Морфея. С нее было довольно.

* * *

Нестасен спешил со всех ног, пробираясь запруженными улицами Галикарнаса, и едва ли не

через каждый шаг оглядывался назад — нет ли погони. Нубийцу казалось, что каждый встречный-поперечный пялился на него и указывал пальцем. Вот он, беглый! Вот он, держите его!

Пот ручьями лился по телу гиганта, полуденное солнце немилосердно жгло его сквозь толстый плащ с глубоким капюшоном, низко натянутым на лицо.

«Ну что ж, я потерплю. Не то меня точно сразу узнают. Надо скорей найти спокойное место, где я смогу спрятаться, покурить конопли. Травка освежит ум, и я придумаю, как быть дальше».

Его отчаянно мутило, он как никогда нуждался в глотке благословенного дыма. Беглец знал, что все так или иначе уладится, как только он его вдохнет. Все будет хорошо.

Нубиец поплотнее запахнулся в плащ и увидел кровь у себя под ногтями.

«Кровь Лисандры! Ну да, сучка получила то, чего заслужила и, несомненно, втайне хотела».

Нестасен только не знал наверняка, убил ли ее тот удар ножом, который он нанес ей напоследок.

«Вот ведь дурак! Не удосужился проверить, что она и вправду издохла. Слишком отдался блаженству дурмана, кровавого насилия. Если

она еще жива, то назовет мое имя. Тогда на меня объявят охоту. Может, уже теперь люди Бальба рыскают по городу, расспрашивают прохожих. Трудно ждать, чтобы кто-то отказался заработать лишний сестерций, указав погоне на беглеца!

Все точно сговорились. Все против меня. Ох, глотнуть бы дымка!»

Нестасен очередной раз тайком глянул назад, и простое движение породило невыносимую волну дурноты, а с нею и страх. Они с подельниками договорились удирать по одному, каждый в свою сторону. Теперь Нестасен об этом жалел. Если их схватят, они ведь не затруднятся рассказать, кто был главарем!

В конце концов он выбрался на окраину и оказался в городской клоаке, где обитало отребье Галикарнаса. Куда ни плюнь, сплошные потаскухи, воры, убийцы, насильники. Здесь не принято было задавать лишних вопросов, признавалась лишь звонкая монета, зато за деньги можно было купить все.

В какой-то клопиной дыре, называвшейся постоялым двором, Нестасен заплатил хозяину с чирьями на роже и был препровожден в маленькую комнатку. Оставшись один, нубиец перво-наперво швырнул надоевший плащ

на постель и зашарил в поясном кошеле, ища драгоценные стебли. Он зажег один из них от масляной лампы, задул пламя и стал смотреть, как тлеет травинка. Вскоре комната наполнилась желанным ароматом дурмана. Нестасен накрыл стебелек глиняным цилиндром, подождал, пока там соберется побольше дыма, и жадно вдохнул. Его сердце тут же замедлило сумасшедший бег, да и мысли перестали беспорядочно и бестолково метаться.

«Чего я так боялся, дурак! — сказал он себе. — Кто из городских стражников отважится пойти по моему следу? Они же знают, на что я способен в бою. Всякий, кто меня догонит, будет убит. Да и жители города навряд ли станут рисковать жизнями, чтобы получить объявленную награду, схватить обидчика рабыни. Что бы там о себе ни воображала эта спартанка, но она именно рабыня!»

Нестасен усмехнулся и понюхал пальцы. Он наслаждался ароматом женщины, приправленным запахом свежей крови.

«Да, на самом деле Лисандра была несомненно в восторге. Она корчилась, кричала и отбивалась, но были мгновения, когда я улавливал похоть в ее глазах. Никто не разубедит меня в этом. Она

хотела еще — распутная сучка!»

Стоило нубийцу подумать об этом, и его плоть опять напряглась.

Конопля помогла, и в уме Нестасена зародился план.

«Я выберусь из города, куплю место на корабле и поеду домой. Там меня встретят земляки и воздадут почести герою, вернувшемуся из плена. Как же глупо было чего-то бояться!»

Наполнив легкие остатками спасительного дыма, Нестасен раскинулся на постели и принялся ласкать и гладить себя, представляя бледную кожу Лисандры, мысленно вслушиваясь в ее крик.

XXXIV

Двигаться было невмоготу, так что Лисандре до последнего ноготка пригодилась вся ее спартанская выдержка. Ее изувечили до такой степени, что было больно даже просто лежать на постели, а о том, чтобы попробовать приподняться и сесть, не хотелось даже и думать.

Однако еще невыносимей была мысль о лишней задержке в лечебнице. Лисандра и так уже провалялась здесь более недели, которая стала для нее целой вечностью кошмарных видений, беспомощности и боли.

Сорина тоже постепенно шла на поправку. Амазонка не делала попыток заговорить, и Лисандра до глубины души была ей благодарна за это.

Кое-как, пядь за пядью, спартанка все же села на лежаке, потом слезла с него, шаркая, подобралась к двери и выглянула в пустые и безлюдные коридоры. Тут ей пришлось тяжело опереться о косяк. Телесная слабость была унизительна. Девушка уже знала, что ее плоть со временем выздоровеет, но душу бывшей жрицы сжигала бешеная ярость из-за того, что Нестасен ушел

безнаказанным. Лекарь ей говорил, что на его поимку были брошены все возможные силы, но по здравом размышлении Лисандра решила, что его навряд ли поймают.

Никогда еще спартанка не ощущала подобного бессилия. Жизнь ни разу не воздвигала перед нею таких неодолимых препятствий. С этим не могло сравниться даже ее положение рабыни. Свое рабство она давно превозмогла и попрала, ее гений и мастерство посрамили угнетателей и завоевали зрительскую толпу. Но теперь… С нынешними обстоятельствами она ровным счетом ничего не могла поделать. Нестасен с подельниками скроются от погони и будут жить долго и счастливо, зная, что победили, восторжествовали над ней. Она не сумела им помешать, ничего не смогла противопоставить.

Воительницу принудили к подчинению, и стыд жег ее изнутри, как проглоченная кислота. Чего только она не отдала бы за право опять увидеть перед собой Нестасена, но чтобы на сей раз в руках у нее был меч! Она распустила бы негодяя на ленточки и выкупалась бы в его крови. То, что негодяй до сих пор ходил по земле и радовался жизни, было для нее невыносимым посрамлением и насмешкой.

От безысходности Лисандра пристукнула кулаком по деревянному косяку и тотчас пожалела об этом, ибо простое движение окатило ее волной мучительной боли.

— Ну что? Лучше тебе? — прозвучал в тишине комнаты голос Сорины.

Лисандра внутренне ощетинилась. Они ни разу не разговаривали с того самого момента, как очнулись в лечебнице. Спартанка и далее вполне обошлась бы без задушевных бесед с убийцей Эйрианвен.

— Я поправлюсь, — коротко бросила она.

С гораздо большим удовольствием девушка попросту промолчала бы, но поступить так значило бы опуститься до уровня варварки.

Сорина, морщась, с трудом приподнялась на постели, и Лисандра презрительно скривила губы. Спартанцы чувствовали боль в той же мере, что и прочие смертные, но никогда и ничем не выдавали ее — в особенности врагу. Бывшая жрица нимало не сомневалась в том, что достойно переносила страдания, даже пока валялась без памяти или плавала по волнам дурманного сна.

— Я сожалею о том, что случилось с тобой, — сказала Сорина. — Мужчины, которые так поступают, достойны проклятия перед лицом

всего женского рода!

Лисандра отшатнулась, как от удара. У старой суки еще хватало безрассудства выражать ей сочувствие!

Это было прямым оскорблением, и спартанка, чувствуя, что вот-вот потеряет самообладание, ответила:

— Ты бы лучше пожалела о том, что убила Эйрианвен!

— А я и жалею, — проговорила Сорина. — Очень жалею. Я любила ее, словно родную дочь. Но драться с ней не в полную силу я не могла. Дать поблажку значило бы оскорбить Эйрианвен.

Старуха очень здорово изображала искреннее раскаяние, но Лисандра не попалась на удочку. У этой особы не получится снять с себя вину, немного поболтав языком.

— Только избавь меня от своего словоблудия, — прошипела она. — Под самую осень своего никчемного существования ты истребила ту, что воплощала собой чистоту, красоту и добро! Твое тщеславие этого потребовало. Ты отняла у нее жизнь и еще заявляешь, будто по-матерински любила ее? Эта любовь, знаешь ли, велит жизнь отдавать за своего ребенка, а ты ее хладнокровно зарезала. Я-то видела, что она билась против тебя

не так, как могла бы.

— Лисандра, ты не знаешь обычая наших племен. — Голос Сорины звучал мягко, почти просительно.

— Хватит уже с меня вашей варварской чепухи! Я не Ата, богиня вины, чтобы исповеди выслушивать! Мое тело изранено, это так, но разум в полном порядке. И вот что я тебе скажу!.. На тебе клеймо смерти, старуха. Настанет день, и я убью тебя за то, что ты натворила!

Ореховые глаза Сорины вспыхнули гневом.

— Самонадеянная сучонка, — зарычала она и, пошатываясь, поднялась на ноги. — Я-то хотела примириться с тобой, чтобы позволить Эйриан-вен упокоиться с миром! Ты в ответ плюешь мне в лицо! У меня тоже есть гордость. Она превыше той тупой наглости, которой отмечена твоя душа!

— Гордость? Да чем тебе гордиться-то, убийца родни? — Лисандра употребила то самое прозвище, что некогда примеряла на себя Эйриан-вен. — Ты давно выдохлась. Ты знала, как трудно Эйрианвен поднять на тебя руку, и использовала это к своей выгоде! Иначе ты нипочем с ней бы не справилась. Так вот, я бросаю тебе вызов! Клянусь Афиной, моей руки ничто не удержит. Твоя

смерть не отяготит мою совесть. Клянусь, ничто не доставит мне большего удовольствия, чем вид твоей крови!

— А кишка не тонка? — осторожно делая шаг вперед, осведомилась Сорина. — Я и прежде тебя в землю вколачивала, когда мы сталкивались в луде. Или, может, ты тогда слишком пьяна была, чтобы запомнить? Я опять это сделаю, можешь не сомневаться. С мечом или без меча…

С Лисандры было довольно.

— Давай, попробуй!

Она рванулась вперед, не помня больше ни о чем, кроме одного — добраться до Сорины, выдавить из нее жизнь!..

Их уже разделяло расстояние, позволяющее нанести удар, но тут сильные руки, протянувшиеся откуда-то сзади, обхватили Лисандру и оттащили назад. Она не могла вывернуться и взглянуть, кто же ее сгреб, забилась, яростно завизжала, но хватка была железная.

Встревоженный ее воплями, в комнату стремительно влетел лекарь, и за ним — Палка и Катувольк.

— Во имя огней Гадеса!.. Что здесь происходит?

— Я убью ее!.. — взвыла Лисандра.

Катувольк проскочил мимо нее и схватил в

охапку Сорину, ковылявшую к ненавистнице и выкрикивающую оскорбления самого площадного толка. Лисандра попыталась достать ее хотя бы ногой, но этого не позволил сделать проворный парфянин.

— Уберите ее отсюда! — рявкнул лекарь, и извивающуюся спартанку просто вынесли вон.

— А мы-то шли проведать болящую, — пробурчал Палка.

Лисандра еще пробовала отбиваться, и он прикрикнул:

— Да утихни ты наконец!

Она ответила яростным взглядом. Ни на что большее у нее уже не было сил. Двое мужчин молча отнесли ее в закуток и там поставили на ноги.

— Бесподобное поведение перед лицом друга, — проворчал Палка и ткнул подбородком в сторону человека, находившегося за спиной у Лисандры.

Та крутанулась, полная неутоленной злобы… и замерла.

— Здравствуй, сестра, — улыбнулся ей Телемах, но его улыбка тут же погасла. — Не собираешься же ты и меня побить заодно?..

Лисандра выпрямилась, скручивая свой гнев.

— Не принимай на свой счет, брат мой, — сказала она. — Служителям богини не за что бить друг

друга. Я не стану срывать на тебе ярость, приберегу ее для той суки, с которой ты меня застал.

— Ну и хорошо. Сядь, пожалуйста. — И Телемах указал ей на скамью. — А то вид у тебя!.. И как только на ногах держишься!

— Я постою, — с вызовом сказала Лисандра.

На самом деле после всех зверств Нестасена ей исключительно больно было сидеть.

— Ну тогда ляг на бок, — посоветовал Телемах.

Лисандра залилась краской отчаянного стыда. Его слова означали, что он был прекрасно осведомлен о случившемся. Однако ее коленки не на шутку подламывались, и она последовала совету. При этом бывшая жрица натянула на лицо маску самого твердокаменного стоицизма, не желая показывать, каким трудным и болезненным было для нее самое вроде бы простое дело — лечь на бок.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, приняв наконец более или менее терпимую позу.

— Пришел тебя навестить, — ответил Телемах. — Бальб поведал мне, что с тобой случилось несчастье, и попросил заглянуть. Он сказал, что мы с тобой вроде друзья… Это ведь действительно так?

Они с Телемахом встречались всего один раз,

но Лисандра про себя рассудила, что это не имело значения. Они были соплеменниками и служили одной богине.

— Думаю, что да, — сказала она и пожала плечами. — Спасибо. Я уже иду на поправку.

— Нисколько не сомневаюсь, — кивнул Телемах. — Вот я и попросил Бальба оставить тебя со мной до полного выздоровления.

Лисандра вскинула голову.

— С какой стати? Мое место — в луде, с моими эллинками. Я их предводительница, они не справятся без меня.

— Ну, некоторое время они как-нибудь да продержатся, — сказал Телемах. — Да и тебе только на пользу пойдет чуть отдохнуть от них.

— У меня все хорошо, брат мой, — напряженно выговорила Лисандра. — Нет нужды меня жалеть.

— А я тебе жалости и не предлагаю. Наоборот, это мне нужна твоя помощь. Я знаю обо всем, что ты претерпела от этого так называемого наставника, о потере твоей подруги тоже наслышан. Бальб мне все рассказал. Прости меня, тебе и так нелегко, а тут еще я с просьбами…

Лисандра нахмурилась.

— Чем же я способна тебе помочь? Сам видишь,

я сейчас мало на что годна. Мы, спартанцы, привыкли с достоинством выносить боль, но я не настолько тщеславна, чтобы утверждать, будто полна сил и здоровья.

— Это так, — кивнул афинянин. — Ты еще не готова приступать к упражнениям в школе. Зато мне известно, что в Спарте воспитывают ученейших жриц, чей ум закален и остро отточен. Я знаю, что телесные увечья нимало не повлияли на твою духовную силу. Не будь ты спартанкой, я и беспокоить тебя не стал бы после всего, что ты пережила.

Лисандра ощутила, как невольная улыбка тронула ее губы. Все-таки Телемах был правильным малым. Будучи эллином и жрецом, он обладал врожденным пониманием спартанского превосходства.

— Ты полностью прав, — сказала она. — Мое тело изведало унижение, а дух омрачен утратой возлюбленной. — Говоря с Телемахом о своем чувстве к Эйрианвен, Лисандра не испытывала никакого смущения. — Но это не помешает мне прийти на выручку другу, которому требуется помощь.

— Работа предстоит очень большая, — сказал Телемах. — Нужно переписать множество свит-

ков из моего собрания. Я говорю о трудах Гесиода, Фукидида, Платона, и не только. Ты уверена, что хочешь этим заняться?

— Естественно, — ровным голосом ответила Лисандра, потрудившись ничем не показать огромное облегчение, охватившее ее при этих словах.

«Как здорово будет отвлечься от ощущения беспомощной униженности, преследующего меня все последние дни. Нет, это не уймет бессильного гнева, вызванного преступлениями Нестасена, но по крайней мере у меня будет занятие, требующее внимания и сосредоточения. Понятное дело, Телемах чувствует себя непоправимо виноватым, взывая ко мне о помощи именно сейчас, но, должно быть, он в самом деле не смог найти в Галикарнасе никого столь же сведущего и в жреческом деле, и в искусстве писца. В общем, хорошо, что мы с ним знакомы и даже дружны. Некогда он меня очень здорово поддержал, сегодня настал мой черед его выручить».

Она была благодарна жрецу еще и за то, что его поручение поможет ей хоть как-то отойти от скорбных раздумий об Эйрианвен. Потом Лисандра подумала о том, что, по всей видимости, владеет языками и словом куда как получше са-

мого Телемаха, значит, сумеет справиться лучше, чем вышло бы у него.

— Бальб-то не возражает? — спросила она.

— Ни в коем случае, — заверил ее жрец. — Он очень обрадовался, узнав, что о тебе станет заботиться искусный целитель, которому он еще и ничего не должен платить.

— Что еще за целитель? — удивилась Лисандра.

— Я весьма опытен в этом, — без ложной скромности кивнул Телемах.

— Похоже, твое искусство будет оплачено моим трудом переписчика, — усмехнулась Лисандра.

Усмешка потревожила струпья на разбитых губах, но она не позволила себе вздрогнуть.

— Вот именно. — Телемах протянул ей чистую тряпочку, чтобы утереть кровь. — Ну что, договорились?

— Договорились, — сказала Лисандра. — Когда ты меня забираешь?

— Прямо сейчас.

Он поднялся и хотел было подать ей руку, но спартанка не приняла помощи, встала сама.

Жрец повернулся к двери.

— Ну что ж, идем.

Телемах хмуро улыбнулся, пользуясь тем, что

Лисандра не могла видеть его лица. Когда Бальб явился к нему и рассказал, что произошло, жрец сразу понял, что оставить Лисандру наедине с ее мыслями значило дать девчонке погибнуть. Ланиста тоже беспокоился о ней, но его волновала судьба его собственности, Телемах же переживал о духовном и телесном здоровье спартанки. Собственно, он был не очень хорошо с нею знаком, но она была жрицей Афины. На ее долю выпало слишком много злосчастий. Ему захотелось помочь ей, тем более что это был его долг как духовного лица и как эллина. Вот он и убедил Бальба в том, что смена обстановки окажется для девочки самым лучшим лекарством.

Потом жрец вознес молитвы Афине и Немезиде об отыскании негодяев, содеявших над Лисандрой жестокое и срамное насилие. Пусть справедливая Паллада поможет привести беглецов на суд, а богиня мести — учинить над ними казнь, достойную такого злодейства.

XXXV

Щуря заплывшие синяками глаза, Лисандра оглядывалась. Было очевидно, что в святилище только что закончились обширные строительные работы. Похоже, раньше здесь был совсем простой, скромненький храм. Он и теперь не блистал особенной роскошью, но старое здание обросло свежими пристройками. Храм Афины в Галикарнасе явно процветал заботами и трудами жреца-афинянина, и на это приятно было смотреть.

Телемах провел Лисандру в небольшую комнатку и поставил на скамью кожаное ведерко со свитками.

— Ну вот, — сказал он. — Поживи здесь, пока будешь выздоравливать. Не дворец, конечно, но уж чем богаты.

Он развел руками, и Лисандра вознаградила его подобием улыбки.

— Здесь совсем даже неплохо, брат мой, — сказала она, прекрасно понимая, что он вполне представлял себе «роскошную жизнь» как при храме, так и в гладиаторской школе. — Не хотела

бы я провести в подобной неге весь остаток своих дней, но, пока здоровье ко мне возвращается, это, пожалуй, приемлемо.

Он покосился на нее, не очень понимая, шутит она или говорит всерьез, и Лисандра решила оставить его в неведении на сей счет.

— Когда мне следует приступить к работе?

— Времени более чем достаточно, — ответил жрец. — Спешить некуда. Повторюсь, однако, что труд велик, а твоя помощь — поистине неоценима.

Лисандра осторожно опустилась на скамью и уже привычно устроилась на боку.

— Давай-ка покамест осмотрим тебя, — сказал Телемах. — У меня имеются разные лечебные мази, которые я буду рад наложить на твои раны. Пойду принесу.

Он повернулся и стремительно вышел.

Проводив его глазами, Лисандра внезапно почувствовала, как на нее навалилась усталость. Стыдно было признаться, но короткая поездка в повозке от цирка к святилищу вымотала девушку до предела. Стиснув зубы, она сказала себе, что лежать бревном и жалеть себя было не лучшим способом вернуть былое здоровье.

Она кое-как села и принялась выпутываться

из туники. Дело шло мучительно медленно, Лисандру то и дело подмывало выругаться. Скотина Нестасен умудрился даже самое простое занятие превратить для нее в муку и подвиг Геракла! Ее голова застряла в вороте туники, но спартанка не сдавалась.

Послышались шаги, потом резкий звук рвущейся ткани — и одежка полетела на пол.

— Лисандра, — укоризненно проговорил Телемах. — Ну не всегда же выбирать самый трудный из возможных путей!

Он показал ей нож, которым рассек упрямую тунику.

— Я так привыкла, брат мой. Нельзя уклоняться от тягот.

Телемах невнятно проворчал что-то в ответ, всматриваясь в ее обезображенное тело. Его лицо выглядело непроницаемой маской стоика. Для Лисандры это был признак того, что выглядела она по-настоящему скверно. Чему уж тут удивляться!..

— Смотрится гораздо страшнее, чем ощущается, — проговорила она.

— Ну да, конечно, — не дал обмануть себя Телемах. — Если не возражаешь, я начал бы…

— Какие могут быть возражения, — ответила

Лисандра, растягиваясь на скамье. — Я привыкла к похабным выкрикам зрителей, охваченных похотью, но ты-то, брат мой, вряд ли вознамерился насладиться зрелищем моей наготы.

— Просто зови меня Телемахом, — проговорил он, со всей осторожностью начиная втирать мазь в ее подставленные плечи.

Он обработал вонючим снадобьем торс и предоставил Лисандре самой позаботиться о сокровенных местах.

— Ну и как оно? — спросил жрец погодя.

— Странное чувство, — прислушавшись к себе, сказала она. — Синяки как будто уже начинают рассасываться. Они меня не так уж и тревожат.

— Отлично. А теперь выпей-ка вот это. — Он протянул ей чашу. — Это не дурман, который того гляди превратит тебя в ходячего мертвеца, а лекарство. Хотя оно тоже должно помочь тебе расслабиться и отдохнуть.

— Спасибо. — Лисандра приняла чашу и стала глотать горькую жидкость. — Гадость редкостная, — сказала она, сделав последний глоток.

— Конечно, не заурядная, если даже спартанская жрица замечает ее вкус, — хохотнул Телемах. — Но если подумать, не таково ли чудо мироустройства? Все, что для нас вредно, почему-

то радует вкус, а все полезное — отвратительно.

Она весело ответила:

— Так полагают те, кто живет в развращенных Афинах.

— Вот уж спасибо. — Улыбка Телемаха погасла, но глаза по-прежнему светились пониманием и добротой. — Надевай. — И он вытащил откуда-то длинный хитон. — У него спереди завязки, так что тебе не придется с ним мучиться, как с туникой.

— Ты очень заботлив, — одеваясь, сказала Лисандра.

Телемах пожал плечами.

— Я ведь жрец, нас этому учат… По крайней мере, так делается в Афинах.

— Полагаю, это до некоторой степени оправдывает их существование, — уже сонным голосом проговорила Лисандра, укладываясь.

* * *

Телемах еще постоял над своей подопечной, глядя, как она все глубже погружается в сон. Когда ее грудь стала подниматься спокойно, ровно и глубоко, он бережно отвел с лица девушки прядь черных волос и тихо вышел.

У него еще оставалась масса недоделанных дел, к тому же в храме скоро должны были собраться

почитатели Афины. С тех пор как он вложил в обустройство святыни полученные от Бальба деньги, обязанностей и хлопот у жреца прибавилось самое меньшее втрое. Прихожан в обновленном и расширенном храме сразу сделалось больше, да и Телемаха среди местной эллинской общины заметно зауважали.

То обстоятельство, что эти деньги он заработал, оказав духовную поддержку Лисандре, поначалу беспокоило совесть жреца. Поразмыслив, однако, он пришел к выводу, что поступил правильно. От его услуги все оказались в выигрыше. Бальб получил отменную гладиатрикс, Лисандра обрела готовность к жизни и борьбе на арене, а богиня узрела, как похорошел и обогатился один из ее земных домов.

В этот раз все обстояло иначе. После того как Лисандру изнасиловали, Бальб буквально бегом бросился к Телемаху, сообразив, что между спартанкой и афинянином успело установиться дружеское доверие. Ланиста не был ни жестоким, ни бессердечным. Он вполне понимал, что последствия чудовищного испытания, которое постигло Лисандру, вполне могли довести ее до гибели. Бальб предлагал Телемаху деньги, но жрец решительно отказался.

Завершив дневные труды, он отправился в свою библиотеку и принялся подбирать тексты, чтобы предложить их Лисандре для переписывания. На самом деле у него не было никакой нужды в подобной работе, но ее следовало придумать. Это потребовало времени. Сказать по правде, большую часть его собрания составляли далеко не самые глубокие труды известных умов, и засаживать за них Лисандру он просто стеснялся.

Телемах так увлекся, откапывая достойные работы, что сам не заметил приближения позднего вечера. Но вот его лампа начала мигать, а это значило, что он рылся в хранилище уже несколько часов. Протерев усталые глаза, жрец оглядел внушительную гору подготовленных свитков. Вполне достойное поле деятельности для спартанки!

Он поднялся, с хрустом разогнул затекшую спину и отправился было к себе, но не дошел. В тишине храма отчетливо раздавался голос Лисандры. Она звала на помощь.

Мысленно обругав себя, Телемах кинулся в ее комнату, надеясь, что иссякающая лампа не погаснет на полпути.

Лисандра билась и корчилась на своем ложе. Судя по всему, ее одолевал жестокий кошмар.

Телемах прислушался к крикам и понял, что девушке кажется, будто ее вновь истязают насильники во главе с Нестасеном. Жрец немедля устремился на помощь.

— Лисандра!

Он осторожно потряс ее, стараясь не причинить лишней боли и не испугать, сделав пробуждение слишком внезапным.

Ресницы спартанки взлетели, глаза цвета синего льда в ужасе распахнулись.

— Прочь!.. — закричала она. — Прочь от меня!.

— Лисандра, это я… — начал было жрец, но ответом ему был лишь бессвязный и бессмысленный крик, полный страха и боли.

Телемах понял, что она еще оставалась во власти жуткого сновидения, и присутствие в темной комнате мужчины уж точно не шло делу на пользу. Он сдался, поспешно вышел за дверь. Крики начали постепенно стихать. Жрец вздохнул и сел прямо на пол, прислонившись спиной к стене. Кажется, ему предстояла долгая и очень неспокойная ночь.

«Как бы то ни было, Лисандру я в одиночестве не оставлю».

XXXVI

Бешеный гнев Сорины худо-бедно улегся лишь через несколько дней.

Все это время перед ней так и плавало лицо ненавистной спартанки, в ушах звучал хриплый от ярости голос, всюду мерещились эти странные, нагло прищуренные, пронзительные глаза. Теперь Сорина со всей очевидностью понимала, что Эйрианвен сказала правду. Морриган наложила печать на всех троих, связав их судьбы единым узлом. Богиня темных судеб, конечно же, замыслила устроить состязание, выжить в котором должна была только одна. Эйрианвен уже пала от руки амазонки. Теперь вот и Лисандра бросила ей вызов.

Сорина думала, что скоро она останется совсем одна, как было в самом начале, и взывала к богам. Она жарко молила их о скорейшем выздоровлении гречанки, чтобы их вражда поскорей разрешилась и перестала тяготить ее душу. Безмерная наглость этой соплячки сама по себе кого угодно могла довести до белого каления, но Лисандра еще и умудрилась швырнуть ей обратно в

лицо предложение дружбы, сделанное от чистого сердца. Сорину попросту начинало мутить, стоило ей вспомнить об этом. Знала бы эта дура, эта сучонка, чего стоило предводительнице общины первой произнести слова примирения, на которые та ответила оскорблениями!

Ну что ж, так или иначе, вызов был брошен, а Сорина еще в жизни своей ни разу не шарахалась от врагов. При обычных обстоятельствах она, как правило, сожалела о необходимости отнимать жизнь, но Лисандра…

«О, Лисандру я убью с истинным наслаждением. Я всажу ей в поганое брюхо три фута железа и с восторгом буду следить, как эти льдистые глаза расширятся от боли и изумления. Как сладка будет месть! В особенности оттого, что Лисандра провалится в Хель с мыслью о том, что ее победила, ее убила презренная дикарка».

Гнев, снедавший Сорину, отчасти выжег даже ее скорбь по Эйрианвен и тем самым придал ей сил. Да, она еще чувствовала вину, но и ее скоро смоет спартанская кровь. Ничего непоправимого ведь не случилось бы, не появись в луде Лисандра. Эта девица пожелала подчинить себе привычный и устоявшийся мир гладиаторской школы, замахнулась совратить храбрейших и лучших в

общине, соблазнив их через Эйрианвен!

Правду молвить, прежде бывали моменты, когда Сорина сомневалась в правильности своих рассуждений. Теперь она со всей ясностью видела, что до последнего пыталась усматривать добро там, где его не было и в помине.

Лисандра олицетворяла собой зло. Даже учиненное над нею насилие было знамением богов, возжелавших укротить ее наглый и бессовестный нрав. Самозваная жрица и это предупреждение пропустила мимо ушей. Ну что же, пускай прощается с жизнью!

Ненависть Сорины к Лисандре постоянно всплывала в ее разговорах с Луцием Бальбом. Ланиста частенько навещал ее, пока она поправлялась. Амазонка отлично понимала, что он заботился не столько о ее здоровье, сколько о благополучии своего крупнейшего денежного вложения. Бальбу требовалось, чтобы его лучшие бойцы упражнялись, сражались и приносили ему денежки, а вовсе не отлеживали бока в лечебнице при амфитеатре, весьма недешевой, кстати сказать.

Римлянин так и этак допытывался о причине их свары с Лисандрой, но Сорина всякий раз отвечала немногословно:

— Это касается лишь меня и ее, ланиста.

— Я больше подобного не потерплю! — Бальб наставил на нее палец. — Все равно Лисандра никуда из луда не денется, так что лучше смирись!

— Как скажешь, Бальб, — хмыкнула амазонка. — Но эта шлюшка не будет ни оскорблять меня, ни попрекать.

— Я прослежу, чтобы у нее было побольше других дел, причем подальше от тебя.

Луций улыбнулся и переменил тему:

— Чувствуешь-то ты себя как?

— Все болит, двигаться трудно, но лекарь говорит, что дело идет на лад. Скоро я смогу вернуться в луд. Правда, понадобится повозка. Для седла я пока еще не гожусь.

— Это не страшно. — Бальб потрепал ее по руке. — Лишь бы моя лучшая воительница поскорей встала на ноги, а все остальное мы как-нибудь да уладим.

— Что-то больно хорошее у тебя настроение, ланиста, — лукаво поглядев на него, проговорила Сорина. — Кстати, сам ты почему до сих пор в городе? Тебе что, в луде нечего делать?

— Дела задержали, — расплывчато пояснил он. — Это вы, гладиатрикс, вольны думать только о себе да о следующем поединке, а у ланисты

вечно хлопот полон рот! Кстати, обстоятельства складываются так, что в скором времени мне придется расширять школу!

Сорина отчетливо видела, как распирал Бальба нескрываемый восторг по поводу будущих выгод и как трудно ему было сочетать это чувство с необходимостью сохранять серьезный и торжественный вид. Ведь, если смотреть в корень, деньги, сыпавшиеся ему в карман, зарабатывались кровью бойцов.

— Значит, ты покупаешь новых рабынь?

— Ну да. — Бальб важно откашлялся. — А еще свожу знакомство со строителями, чтобы подрядить их возводить новые помещения в школе.

— У нас и так места хватит для вдвое большего числа народу, чем сейчас! Что все-таки затевается, Бальб? Насколько должна вырасти школа?

— Очень и очень. — Бальб улыбнулся, но как-то странно.

Сорина поняла, что трудности есть, и немалые.

А он продолжал:

— Ты пока об этом не переживай. Просто поправляйся, а там поглядим. Я велю перевезти тебя в луд, как только ты достаточно окрепнешь для путешествия.

Сорина хотела еще о чем-то спросить, но Бальб

поднялся на ноги, заканчивая разговор, и амазонка оставила расспросы на потом. Она подождет. Все равно ее любопытство будет вскоре удовлетворено.

* * *

Лисандра старалась с головой уйти в работу, к которой приставил ее Телемах, надеясь таким образом отвлечься от переживаний и бесконечных мыслей о Нестасене. Получалось не очень. Сцены насилия вновь и вновь проносились в ее воображении, и она ничего не могла с этим поделать. Хуже того. Когда на пергаментные листы падал солнечный луч, Лисандру неизменно посещал образ Эйрианвен, озаривший любовью беспросветную жизнь.

Но как ни худо ей было днем, еще больше она страшилась ночей. Ей не всегда удавалось заснуть, но лучше было бы не спать совсем! Каждый сон обращался в пытку. Никс, богиня кошмаров, отравляла ядом сладостные объятия Морфея. Стоило Лисандре смежить веки, и Нестасен являлся терзать ее. Либо же перед ней вновь раскачивалась залитая кровью арена и тянула, тянула руку умирающая Эйрианвен…

Недостаток сна исподволь делал свое дело, и од-

нажды вечером, корпя над очередным свитком, Лисандра наконец сломалась. В глазах внезапно вскипели слезы, а горло точно наполнилось битым стеклом.

Услышав плач, Телемах без промедления влетел в уголок, отгороженный ей для работы. Она подняла лицо — красное, опухшее, залитое слезами.

Жрец сел против нее.

— Что случилось?

Лисандра мотнула головой, отчего слезы закапали на пергамент, портя ровные строчки.

— Мне так ее не хватает!.. — спустя некоторое время с трудом выговорила она. — Я не смогу без нее.

Телемах вздохнул. Его губы, обрамленные бородой, сурово сомкнулись.

— Утрата любимого человека есть величайшая боль, — проговорил он негромко. — Это я хорошо знаю. И еще знаю, что мало кому в этом мире довелось страдать так, как тебе…

Лисандра шмыгнула носом.

— Да брось, не я одна такая, — выговорила она, и новая судорога горестных слез не дала ей продолжить.

Рука жреца легла на ее плечо. Мужское прикос-

новение заставило Лисандру вздрогнуть, но оно оказалось кратким. Телемах встал и ушел, чтобы вскоре вернуться с целым кратером вина.

— Страдание, которое испытываем именно мы, всегда худшее и страшнейшее. Умом мы понимаем, что и другие способны чувствовать боль. Однако сердце никакой логике не подлежит. — Он налил ей выпить.

— Прости мне эту слабость, — проговорила Лисандра. Я веду себя не так, как приличествует спартанке.

Между тем ее раздирала мука, от которой впору было бороздить ногтями лицо.

— Стыдиться нечего, — сказал Телемах. — Твоя душа приняла раны превыше тех, что может нанести меч. Обычная женщина попросту умерла бы, но ты… — Он помолчал, обдумывая дальнейшие слова. — Ты сама не осознаешь собственной силы. Сейчас ты, возможно, почти не веришь в себя, но время покажет.

— Мне стало просто незачем жить. — Лисандра содрогнулась всем телом, потянулась за чашей с вином и глотнула. — Нестасен… Я бы все вытерпела и перенесла, будь со мной Эйрианвен, чтобы держать меня за руку. Но я осталась одна, Телемах. — Она приложила руку к груди. — Здесь

теперь пусто.

Жрец покачал головой.

— Лисандра, милая, ты не одна. В дни горя приходят друзья, чтобы облегчить твою ношу. А я тебе друг, спартанка. Любая рана требует времени, чтобы затянуться. Ты вольна оставаться здесь столько, сколько понадобится.

Она ответила со всей серьезностью:

— Но я должна вернуться в луд, как только смогу снова сражаться.

— Все так, но пока до этого еще очень далеко.

Телемах вновь наполнил чашу, и Лисандра осушила ее до дна, зная, что Дионис, по крайней мере в ближайшее время, не подпустит к ней злобную Никс.

* * *

Телемах внимательно наблюдал за Лисандрой, вливавшей в себя неразбавленное вино. Когда она упомянула о возвращении в луд, в ее голосе прозвучало жутковатое нетерпение. Но отослать ее туда прежде, нежели как следует затянутся душевные раны, значило отправить девочку на верную смерть. Там она быстренько дойдет до самоубийства… в том или ином виде. Однако сказать ей об этом означало нарваться на отри-

цание.

— Выпей еще, — посоветовал он. — Вино не панацея, но иногда оно способно помочь.

Лисандра последовала совету и вскоре откровенно опьянела. Слезы полились потоком, она что-то несла то про Эйрианвен, то про насильников в тюремной каморке. Телемах сам чуть не плакал, глядя, как она убивалась. По природе своей он был не чужд цинизма, но его глубоко трогало отчаяние в голосе девушки, рассказывавшей ему про силурийскую гладиатрикс. Что же до того ужаса, который она пережила по милости Нестасена, то Телемах искренне и жарко молился о скорейшей поимке нубийца. Пусть мерзавец встретит такой конец, от которого станет худо даже видавшей всякие виды толпе толстокожих жителей Галикарнаса.

Наконец речь Лисандры стала совершенно бессвязной, а голова поникла на грудь. Убедившись в том, что сознание покинуло ее, Телемах отнес девушку в ее комнатку, бережно уложил, а потом принялся смешивать целительную настойку, хорошо зная, что проснуться ей предстояло со страшнейшим похмельем.

* * *

Первый месяц пребывания у Телемаха тянулся для Лисандры медленно-медленно. Кошмары продолжали изводить ее по ночам, но жрец всегда был тут как тут, готовый разбудить ее и вырвать из ранящих когтей прошлого. Поначалу она неизменно приходила в ужас от мужского присутствия в темноте, но потом, когда привычка взяла свое и Лисандра даже спросонья перестала воспринимать его как угрозу, на смену ужасу пришла благодарность, хотя девушка никогда не заговаривала об этом, ибо чувствовала, что тем самым смутит их обоих.

Между тем оказалось, что Телемах не зря называл себя весьма опытным лекарем. Его мази и целебные настойки быстро возвращали Лисандре телесное здоровье, так что скоро она уже могла ходить без посторонней подмоги. Более того, искусное лечение уберегло ее лицо от сколько-нибудь видимых шрамов. Не в обычае спартанцев было лелеять физическую красоту, но в глубине души Лисандра побаивалась, что останется навек обезображенной кулаками подельников Нестасена. Как все-таки хорошо, что хоть этого не случилось!

— Не хочешь мне сегодня помочь?

Лисандра оторвалась от Фукидида и увидела жреца, как раз входившего в комнату.

— Я почти завершила «Историю Пелопоннесской войны». Заметь, я не стала ничего подправлять, хотя на самом деле Фукидид пишет очень предвзято.

— Я совсем о другом. — Телемах подсел к ней на скамью. — Я говорю о храмовой службе.

Лисандра положила стиль так осторожно, словно опасалась сломать его.

— В каком качестве, Телемах? — спросила она. — Я ведь больше не жрица.

— С какой стати?

— Меня познали мужчины. — Лисандра трудно сглотнула. — А это запрещено.

— В Спарте — возможно, — отмахнулся Телемах. — Здесь же, я полагаю, тебе полезно будет оказать другим помощь в общении с нашей богиней. Истина состоит в том, что ни одному союзу смертных, женскому или мужскому, негоже изгонять жреца либо жрицу. Поступать так было бы слишком самонадеянно. Пусть Афина сама присматривает за людьми, посвятившими ей жизнь!

Сердце Лисандры учащенно забилось. Она

понимала, что в полной мере уже не сможет вернуться к жреческой жизни, и тем не менее… Помочь в храмовой службе, услышать в святой тишине обращенный к ней голос богини!..

Она-то думала, что все это навсегда заказано ей.

— Почту за великую честь.

— Отлично. Я знал, что ты не откажешь мне, и заранее приготовил подарок по этому случаю.

Он протянул ей небольшой сверток.

— Ой!

Лисандра почувствовала, что краснеет, что было не вполне в рамках приличий, но жрец поистине застиг ее врасплох. Она бережно развернула полотняную упаковку и вытащила новенький, с иголочки хитон, длинный, ярко-красного цвета.

— Ну как, угадал я с оттенком? — улыбаясь, спросил Телемах. — Мне довелось встретить на рынке одного малого, который клялся, будто жил в Спарте. Он уверял меня, что ваш союз носит одежды именно такого цвета.

— Воистину так! — Лисандра попросту сияла восторгом. — Он подобран так, чтобы враги Спарты вовек не увидели, какого цвета наша кровь!

— Полагаю, кровожадные враги здесь вряд ли

появятся, но я доволен, что тебе нравится.

— Еще как, Телемах! Такой роскошный подарок!

— Не такой уж роскошный, но если ты рада, то и я рад. — Жрец поднялся на ноги. — Что ж, переодевайся и приходи в храм. В кои-то веки посижу в сторонке и посмотрю, как служат другие!

* * *

Телемах был вполне удовлетворен тем, как шли дела у Лисандры. Дружеская забота и помощь все-таки помогли ей справиться с пережитым горем. Она по-прежнему часто рассказывала ему об Эйрианвен, но вместо былого надрыва ее голос звенел светлой печалью. Нестасена она предпочитала не упоминать вовсе, но Телемаху было известно, что жестокий нубиец еще посещал ее сновидения. Время от времени жрец спрашивал воинов, приписанных к городской страже, как обстояло с поимкой беглого наставника гладиаторов, но те лишь разводили руками. Не желая расстраивать Лисандру, Телемах не говорил ей об этом, но то, что она дала согласие провести службу, явно свидетельствовало о добрых и значительных сдвигах. Видно, не все россказни о стоицизме спартанцев были пустой болтовней.

Стоя у входа в храм, он приветствовал верных Афины, собиравшихся на церемонию. Может, кому и показалось несколько странным, что Телемах отступил от привычного распорядка, но вслух никто ничего не сказал. Вскоре помещение наполнилось, и жрец закрыл двери. Для собравшихся это был знак, что никто больше не войдет сюда с улицы, нарушая торжественность обряда.

В воздухе витал густой запах благовоний.

«Если спартанцы в самом деле исповедуют благородную простоту, значит, Лисандра не умеет обращаться с курильницами. А впрочем, все к лучшему. Пусть народ как следует удивится», — сказал себе Телемах.

И вот Лисандра показалась из-за статуи богини. Она несла в руках посвященное ей копье, и верные отозвались невольным ропотом удивления. Телемах же словно иными глазами посмотрел на спартанку. Теперь, когда ее раны зажили, а с лица пропали страшные синяки, она была воистину прекрасна. В храмовой полутьме, в струях душистого дыма многим наверняка показалось, будто сама Афина сошла с олимпийских высот почтить своим присутствием скромную святыню в Галикарнасе.

Лисандра уже возвысила голос, воспевая гимн

в честь богини, которой здесь поклонялись:

Я славу пою Афине Палладе, хранительнице городов,
Ей, сеющей страх, что с Аресом об руку направляет храбрых дела,
Крепости осаждает и дает силу боевому кличу воинов,
Той, что хранит их в жестоком бою и в дальнем пути.
Привет тебе, о богиня! Укрепи меня и озари своим светом!

Лисандра вела службу уверенно и весьма по-спартански, призывая собравшихся к непреклонной твердости перед лицом жизненных тягот, изобличая зло, коренящееся в размягченном образе жизни и изощренных удовольствиях тела. Слушая ее, Телемах в какой-то момент сообразил, что она не подбирала слова непосредственно на ходу. Это была великолепная декламация по памяти. Ораторское искусство молодой жрицы следовало признать безупречным. Его не портил даже лаконский выговор, казавшийся афинянину деревенским.

Афинянин отчасти сомневался лишь в том, найдет ли отклик подобная проповедь за пре-

делами ее маленького своеобычного полиса. Современному народу редко приходилось по вкусу, когда его призывали к жертвенности, к следованию долгу и нравственным обязательствам. Мир успел измениться. Старомодные ценности, которых упрямо придерживались спартанцы, давно вышли из обихода. Следование им теперь вызывало едва ли не насмешку.

Но вот Лисандра завершила свою речь, льдисто-синие глаза быстро обежали собравшихся. Последовала небольшая пауза… Внезапно юноша, стоявший в первом ряду, начал аплодировать. Рукоплескание было подхвачено, и вот уже под куполом храма эхом отдавались приветственные и благодарные крики.

Телемах только головой покачал. Вот уж чего он не ждал, так это того, что суровые призывы Лисандры встретят такой восторженный отклик. Пришлось и ему, невзирая на удивление, вежливо похлопать в ладоши. Может быть, он слишком строго судил этих людей?..

— Хочет ли кто-то из вас с чем-нибудь обратиться к богине… или к ее жрице? — дождавшись, пока утихнет овация, спросила Лисандра.

Юноша из первого ряда вскинул руку, и она подозвала его к себе. Кажется, он вовсе не решил-

ся бы подойти, если бы его не толкали под бока сразу несколько приятелей.

Наконец он прокашлялся и несмело промямлил:

— Позволено ли мне будет спросить?.. Я не знаю, ведь ты… Ахиллия?

Вот когда Телемах чуть не хлопнул себя по лбу. Уж конечно, не речи Лисандры произвели такое впечатление на толпу. Все дело было в ней самой. Они узрели свое земное божество, свою гладиатрикс. Телемаху было отлично известно, что Лисандру отнюдь не ослепила недавно приобретенная слава, но он умудрился забыть о том, что народ понятия не имел о своей Ахиллии как о живом человеке. Люди поняли только то, что несравненная героиня недавних игр, отважная эллинская воительница явилась предводительствовать ими на молитве.

Он увидел, как дрогнули ноздри Лисандры.

Она выпрямилась во весь рост и ответила:

— Да. Это я.

— Я нахожу тебя великолепной, — проговорил юнец, и даже густой дым благовоний не помешал Телемаху разглядеть, как вспыхнули его щеки.

— Это лишь предположение, а не утверждение истины, — по-спартански сурово отозвалась Ли-

сандра, но Телемах слишком хорошо знал ее, и от него не укрылось, что она с трудом сдерживала улыбку. — Однако здесь не место и не время для подобных речей. Есть ли у тебя дело к богине?

Юноша окончательно смешался и отступил прочь. Приятели принялись безжалостно пихать его локтями, пока строгий взгляд Лисандры не заставил их угомониться.

Более зрелые слушатели испросили у жрицы несколько советов, по мнению Телемаха, довольно поверхностных.

— Как мне вырастить сыновей добрыми людьми?

— Строгость и ответственность — родители добродетели, лаконично отвечала спартанка.

Однако большинство народа откровенно стремилось поскорее завершить службу. Телемах решил, что они желали переговорить с молодой жрицей в менее священной и торжественной обстановке.

Лисандра предложила всем, кто того пожелает, сделать приношения. Это означало, что ритуал близится к концу.

Как только двери храма заново распахнулись, люди хлынули на улицу, ожидая, чтобы к ним вышла Ахиллия. От Телемаха не укрылось, что

кое-кто спешил поделиться жгучей новостью с прохожими. Еще бы! Гладиатрикс в святилище!..

— Ты уверена, что тебе надо туда? — негромко спросил он, заметив, что Лисандра собралась выйти наружу.

— Конечно. Ты только посмотри, сколько сделано приношений!

Телемах посмотрел. Чашу, установленную на алтаре, переполняли монеты. Обычно на самом ее дне сиротливо позвякивали несколько сестерциев, но сегодня верные явили небывалую щедрость. Телемах быстро пересыпал деньги, заработанные славой Лисандры, в особый мешочек и возвел глаза к статуе Афины.

В это мгновение он мог бы поклясться, что мраморные губы осенила легкая улыбка.

— Да, богиня присматривает за людьми, посвятившими ей жизнь, — пробормотал Телемах, и на сей раз это были вполне искренние, глубоко прочувствованные слова.

Он ведь помогал Лисандре без какого-либо корыстного замысла, только желая уравновесить добром все то зло, что беспрестанно сыпалось ей на голову. Мог ли жрец предположить, что первая же ее служба доставит больше пожертвований, чем ему обычно удавалось собрать за неделю?..

Если он хоть что-нибудь понимал, то в последующие дни денежные сборы будут только расти.

— А-хил-ли-я! А-хил-ли-я! — нараспев скандировали на улице.

— Что ж, почему бы и нет, — со смешком пробормотал Телемах.

Он и сам отчасти понимал этих людей. Эллины оставались гордым народом, хотя в империи их отказывались воспринимать как равных. Да и пески арены, как правило, являли собой вотчину героев-варваров. То, что непобедимая Ахиллия была эллинкой, делало ее в их глазах чуть ли не знаменосцем национальной чести.

Подойдя к дверям, Телемах увидел Лисандру в окружении жадных поклонников. Ей совали в руки обрывки пергамента — подписать на добрую память. Иные желали хотя бы прикоснуться на счастье к одежде кумира. Афинянин внимательно присмотрелся к спартанке. Там, под внешне непроницаемой маской, Лисандра просто купалась в лучах всеобщей любви. Она так напитывалась энергией толпы, что казалась выше ростом. В какой-то момент эта самая толпа чуть не снесла Телемаха с ног. Он даже испугался за безопасность своей подопечной, но нет, оказывается, она очень хорошо умела управляться

с людьми. Под ее началом беспорядок вскорости прекратился, обожатели выстроились у стены и начали подходить к ней чинно, по очереди.

Телемах, на которого перестали обращать внимание, отступил назад, в тишину храма, и прислонился к стене. О да, шрамы, которыми наградили Лисандру недавние страдания духа и плоти, останутся при ней навсегда. Но, похоже, зрительское обожание было для нее самым могущественным лекарством. Ласковое прикосновение руки и разумное слово не могли произвести подобного действия. Они лишь затягивали страдание тонкой кожицей, замешанной на жалости. Народная любовь создавала броню.

Конечно, спартанский склад ума нипочем не позволит ей увидеть происходящее в истинном свете. Но прямо на глазах Телемаха попранное «я» Лисандры вновь воскресало из обломков. Если должным образом его направлять, то оно не обратится к тщеславию, не выродится во зло.

Надо только помнить, насколько переменчива толпа. Сегодня она готова любить Лисандру, но если гладиатрикс оступится на песке арены, толпа с той же легкостью от нее отвернется. Приветственные возгласы сменятся шиканьем, на смену обожанию явится презрение. Как она тогда

это переживет?

«Будущее покажет, — сказал себе Телемах. — Если зрительские восторги сегодня льются на нее целебным бальзамом, что ж, да будет так».

XXXVII

Лисандра была очень благодарна жрецу за то, что он позволил ей провести вечернюю молитву. Она понимала, чего тот добивался. Служба Афине вкупе с работой над свитками полностью занимала ее рассудок. Все это вместе было частью довольно-таки странной судьбы, сплетенной для нее рукою богини. Похоже, ей предстояло провести все свои дни в некоем публичном служении. Сперва она путешествовала как призванная жрица, несшая людям слово Афины. Потом были бои на арене. Теперь устами девушки опять вещала богиня, а впереди ее опять ждали схватки.

Как бы то ни было, здесь и сейчас она радовалась возможности довести до местных эллинов настоящее спартанское учение, ибо им оно было воистину необходимо. Она ведь слышала, как вел молитвы Телемах. Он был добрым человеком и хорошим жрецом, более того, Лисандра почитала его за друга. При этом жрец внушал людям расплывчатые аттические ценности, удалившиеся от истины едва ли не до полного ее извращения.

Воительница отдавала себе отчет в том, что ее

гладиаторская слава немало способствовала разрастанию сообщества почитателей Афины. Весть о том, что некоторое время службы в храме будет проводить знаменитая Ахиллия, распространилась мгновенно. В храм стало набиваться столько народа, что люди только что не свешивались с колонн. Это было правильно и хорошо. Лисандра посвятила богине всю свою жизнь, чтя ее когда словом, когда мечом. Слава Лисандры явилась, так сказать, побочным плодом благочестивой битвы, длившейся многие годы. Она принимала ее в честь своей богини. Хорошо, если благодаря ей храм будет полон, а люди услышат не искаженную мудрость Афины.

Лисандру вовсе не удивляло, что местная эллинская община видела в ней свою героиню. Прежде среди них совсем не встречалось спартанцев, — а ведь прочие эллины относились к ее родному полису с особым почтением, едва ли не благоговейно. Теперь Афина послала к жителям Галикарнаса настоящую спартанку, известную гладиатрикс. Естественно, они восприняли это как великую честь и ответили всеобщим восторгом. Что тут такого?

Спустя несколько недель Лисандра заметила, что обрела способность уже без слез думать и

вспоминать Эйрианвен, хотя боль утраты по-прежнему терзала ей душу. Она как-то вдруг поняла, что добрые и светлые воспоминания останутся с нею навсегда и никто уже не сумеет отнять их у нее. Однако ясно было и то, что на будущее ей следовало бы ожесточить свое сердце. Нельзя больше позволить себе подобной остроты чувства, иначе утрата будет совсем уж невыносимой. Любовь есть разновидность безумия. Надо научиться с нею справляться, а лучше всего — вовсе не допускать ее до себя. Лисандра решила, что в дальнейшем будет следовать именно такому пути.

Что же касается ночей, то редко какая из них обходилась совсем без кошмаров, но теперь Лисандре удавалось хоть сколько-то времени спокойно поспать. Пережитое отнюдь не изгладилось из ее памяти, как и ярость, вызванная бессилием.

«Спартанцы не ведают страха! — пытаясь разобраться в себе, повторяла Лисандра. — Наверное, у меня еще не совсем зажило что-то внутри, отсюда и страшные сны. Зато возвышенный спартанский дух явно помогает мне постепенно преодолевать все случившееся».

Она постоянно молилась о том, чтобы однажды

отплатить Нестасену!

Между прочим, как ни болезнен оказался ее жизненный опыт, он явно помогал ей доходчиво объяснять истины Афины людям, собиравшимся в храме у Телемаха. Она ведь уже повидала и вытерпела столько, что любому из этих горожан с лихвой хватило бы на целую жизнь, значит, могла вдохновлять внимательных слушателей еще и личным примером. Если ее врожденная харизма вкупе со славой, приобретенной на арене, заставляла людей вслушиваться в ее слова, так это же к лучшему.

Нет, Лисандра была весьма далека от того, чтобы пытаться вернуть себе былой, именно жреческий настрой ума. Она стала гладиатрикс и не собиралась легкомысленно уклоняться с пути, предначертанного богиней.

Как-то за ужином она поделилась этими мыслями с Телемахом.

— Совсем не обязательно возвращаться в школу, — проговорил он, подумав. — Здесь тебя никто не стережет. Ты легко можешь бежать, исчезнуть, вернуться в Спарту или поселиться где-нибудь в другом месте и жить так, как захочешь.

Лисандра настолько не ожидала подобного, что некоторое время молчала.

— Но это значило бы уклониться от исполнения долга, — ответила она наконец.

— Долга — перед кем? Перед Бальбом, вашим ланистой?

— Перед ними. — Лисандра кивнула в сторону улицы. — Перед теми, кто ходит сюда послушать меня, гордится моими делами на арене. Я уже не говорю про богиню. Или не ты меня уверял, будто мне свыше предначертано драться во имя Афины?

Телемах слегка покраснел.

— Да, но с тех пор я успел гораздо лучше узнать тебя. Тогда ты была для меня всего лишь очередной невольницей, которую ждет арена. Да и Бальб мне как следует заплатил, чтобы я переговорил с тобой, поддержал в час духовной нужды.

Лисандра опять ответила далеко не сразу.

— А я и не знала, что тебе заплатили за дружбу со мной… — сказала она затем, не в силах сразу дать оценку услышанному.

— Нет, мне платили не за это. Дружба за деньги не покупается, — тотчас ответил жрец, и девушка испытала несказанное облегчение.

Предательство одного из немногих людей, которым спартанка по-настоящему доверяла, непоправимо подкосило бы ее.

А Телемах продолжал:

— Бальб не жестокий человек, но он делает деньги на людских жизнях. Таково уж его ремесло. К рабам же у любого из нас отношение в какой-то мере двойственное. С одной стороны, без рабства никак, оно есть и будет. А с другой — после того, как мы познакомились и стали друзьями, думать о тебе как о невольнице я уже не могу. — Он вздохнул. — Как же я не хочу, чтобы ты когда-нибудь пала на арене.

— Вот уж этого можешь не бояться, — усмехнулась Лисандра. — Меня не так-то просто убить. Я очень искусна в бою. Пусть первые напутствия ты давал за деньги, но они действительно развеяли тьму. Ты заставил меня понять очень многое.

Она подумала и добавила:

— Поэтому-то я сплеча и не рублю, если ты заметил. Кроме того, я рабыня лишь по названию. Знаешь, когда тысячная толпа рвет глотки, выкрикивая твое имя, трудновато воспринимать себя как бесправную вещь.

Телемах улыбнулся в ответ, и ей показалось, что эта улыбка была окрашена грустью.

Бальб шлет мне письма, спрашивая, как твое здоровье и что у тебя на уме, — сказал он Лисандре. — До нынешнего момента я его не

особенно обнадеживал, но теперь вижу, что ты исцелилась и телом и духом.

— Так и есть, Телемах, — кивнула Лисандра. — Настала пора вернуться туда, где я должна быть.

— Я буду скучать по тебе, — сказал Телемах.

Это прозвучало очень искренне и потому понравилось ей.

— Ты так говоришь, словно мы навсегда расстаемся, — растроганно и оттого резковато проговорила воительница. — Луд не тюрьма, а я в ней не узница. Ты сможешь навещать меня, когда пожелаешь. Может, мне даже позволят одной покидать школу, поскольку, живя здесь у тебя, я вроде бы показала, что мне следует доверять. — Она улыбнулась. — Никуда не сбежала, чтобы начать новую жизнь.

— Но ты останешься, пока мы с ланистой не спишемся касательно твоего возвращения?

— Конечно, — кивнула она. — Надо же предупредить людей, что я уезжаю. Если однажды я просто закрою за собой дверь, то они почувствуют себя брошенными…

— Какая забота, — беззлобно поддел ее жрец.

Лисандра не осталась в долгу.

— А ты, я смотрю, очень разочарован. Еще бы, я уеду, и храмовые сундуки уже не будут ломиться

так, как сегодня. Надеюсь, это убеждает тебя в великом преимуществе нашего спартанского образа почитания богини!

— Ничто так не радует сердце, о жрица, как проповедь самопожертвования и строгой умеренности, — торжественно проговорил Телемах. — Увы, я предпочитаю держаться чуть более широкого взгляда на вещи, даже имею смелость полагать, что за пределами Спарты твой подбор тем для службы кому-то может показаться скучным, пресным и даже высокопарным!

Лисандра расправила плечи, в ее глазах искрилось веселье.

— Высокопарным! — передразнила она. — Да неужто ко мне можно применить такое слово? Что за чушь ты несешь, афинянин! Когда это мы, спартанцы, могли тягаться с вами в том, в чем ваша хилая демократия достигла небывалого совершенства?

Телемах расхохотался, а за ним и она. Давным-давно он не видел Лисандру такой открытой, радостной — и наслаждался этим моментом.

— Пойдем, — предложил затем Телемах. — Давай погуляем и выпьем где-нибудь в городе.

— С удовольствием, — отозвалась Лисандра.

XXXVIII

Забирать Лисандру явился Катувольк. Она видела, что ему было очень не по себе. Не зря же он переминался с ноги на ногу, всячески избегая встречаться с ней взглядами.

«Еще бы! — сказала себе девушка. — Вспоминает небось, как вел себя со мной, за что и был наказан зрелищем моих смертных мук. Ну и поделом!»

Отъезд из Галикарнаса прошел так, что лучшего и пожелать было нельзя. Эллинская община едва не в полном составе явилась проводить свою жрицу. Ей наперебой желали доброго пути, дарили подарки. Иные из вещиц были ценными и полезными, иные не очень, но она все принимала благодарно и благосклонно. Катувольк только поспевал грузить подношения в открытую повозку, в которой они собирались ехать назад в луд.

Жрец Телемах тепло обнял ее на прощание, пообещал вскоре приехать. Лисандре показалось, что он моргал несколько чаще обычного. Она надеялась, что он говорил от чистого сердца. В глубине души спартанка была бесконечно бла-

годарна ему за помощь и дружеское участие. Вот уже дважды в тяжелые дни он подставлял ей плечо, в первый раз, правда, за деньги, в чем и сознался. Теперь же его подвигла на это искренняя забота о ней. Девушка была не готова чтить его как отца, но вот то, что в Галикарнасе у нее с некоторых пор обитал старший брат, сомнению, кажется, не подлежало.

Наконец возок двинулся в путь извилистыми улочками города, провожаемый многоголосым «А-хил-ли-я, А-хил-ли-я!», долго раздававшимся позади. Катувольк точно на иголках сидел, тем самым доставляя Лисандре мстительное удовольствие. Первое время она с ним и не очень-то заговаривала. Для этого ей даже не требовалось особых усилий. Когда того требовали обстоятельства, девушка могла и умела быть замечательно красноречивой, однако спартанцы испокон века славились вошедшим в пословицу немногословием. К нему-то она теперь и прибегла, к тому же весьма сомневалась в том, что Катувольк вообще способен порадовать ее разумной беседой.

«Наверное, меня вконец избаловало пребывание в обществе соплеменников-эллинов. Взять хоть Телемаха. Он всего лишь афинянин, но можно ли равнять наши разговоры с пустопорожней

болтовней луда!»

Несколькими часами позже, когда Галикарнас уже таял в дымке у них за спиной, Катувольк наконец нарушил каменное молчание:

— Я хочу попросить прощения. Я был не прав.

Лисандра повернулась к нему и сказала после некоторой паузы:

— Да, это так.

Она не видела никакого смысла являть великодушие, которого он не заслужил. Провинился, теперь пусть помучается. Спартанка молчала и мерила его самым ледяным взглядом.

Молодой наставник прокашлялся.

— Я не должен был так вести себя с тобой после… того нашего объяснения. Мне следовало поверить тебе на слово и не искать скрытых причин. Просто твой отказ тогда меня сильно задел, хотя теперь-то я понимаю, что ты была кругом права.

— Вот и надо было меня с самого начала послушать, — согласилась Лисандра. — Тем более что задевать твои чувства я совсем не хотела.

— Теперь это мне тоже понятно. — Рыжий галл пожал широченными плечами. — Жаль, тогда у меня в мыслях полный раздрай был.

— Верно замечено, — подтвердила Лисандра.

Катувольк залился краской, и девушка решила смягчиться, может, даже чуть раньше, чем следовало бы.

— Ладно, это дело прошлое, — сказала она. — Давай просто все забудем и станем жить дальше.

Наставник испытал явное облегчение и даже отважился робко улыбнуться спартанке.

— Ну а ты сама как себя чувствуешь… после всего, что стряслось?

Лисандра отвела глаза и стала разглядывать пыльный пейзаж, расстилавшийся до горизонта.

— Чувствую себя очень разгневанной и беспомощной, что мне на самом деле не свойственно, — проговорила она погодя. — Я не смогла отбиться, остановить их, вообще ничего не сумела им противопоставить. Их все еще не поймали, так ведь?

— Нет, — сказал Катувольк. — Хотя и прилагали к тому все усилия.

— Не сомневаюсь, — фыркнула Лисандра.

Катувольк собрался было что-то возразить, но она лишь отмахнулась.

— Какая, в сущности, разница? Все случившееся опять-таки в прошлом, а буду ли я отомщена — богине решать. Расскажи лучше, что нового в луде?

— Кое-что изменилось. Бальб сдержал слово. Твоих подружек переселили в удобные большие дома. Ясное дело, за это он вычитает из их заработков, но с каждым новым поединком девушки получают все больше. Ведь их известность растет, по-моему, им особо не на что жаловаться.

— А Сорина как поживает? — ровным голосом осведомилась Лисандра.

— Упражняется еще усерднее, чем обычно, — сказал Катувольк. — Знаешь, я слышал о том, что ты бросила ей вызов.

— Чего еще ждать от Сорины, — презрительно процедила Лисандра. — Перво-наперво всем разболтала.

— На самом деле она никому ничего не говорила, кроме меня. Если Бальб об этом проведает, то не будет никакого поединка. Да, он когда-то позволил Сорине драться против Эйрианвен, но теперь дело совершенно иное. Он нипочем не допустит вашей сшибки. Ты — восходящая звезда, Сорина — бывалая и проверенная опора всей школы. Он не захочет рисковать вашими жизнями, да еще чуть ли не сразу после гибели Эйрианвен. Сорине это отлично известно, поэтому она держит рот на крепком замке.

Лисандре нож острый было слушать, как всуе

упоминалось имя Эйрианвен. Не то чтобы Катувольк был таким толстокожим и ляпнул что-то не то. Дело было в самой Лисандре. Кажется, она только теперь как следует поверила, что Эйрианвен действительно больше не встретит ее у ворот луда. Усилием воли спартанка отодвинула прочь нахлынувшую печаль и сосредоточилась на смысле услышанного. Ей горько было в том признаваться, но, похоже, Сорина верно понимала сложившееся положение.

— Пусть упражняется сколько душе угодно, — пробормотала Лисандра. — При всем том, что вы с ней друзья, Катувольк, дни ее сочтены, знай это. Можешь ей передать, что я сейчас сказала, мне все равно.

— Не буду я ничего передавать! — нахмурился молодой галл. — Хватит уже с меня ваших раздоров. Я вас обеих люблю и хотел бы, чтобы вы как-то поладили!

— Винить следует не меня. — Лисандра ни на йоту не повысила голос, но сама мысль о Сорине заставляла ее тихо звереть. — Если бы она вела себя по-другому, то сейчас все были бы живы и счастливы. Ее слепое предубеждение стало причиной беды. Ненависть ко мне толкнула ее на убийство Эйрианвен, за это злодейство Сорина

должна сполна заплатить!

Катувольк примирительно воздел руки.

— Еще раз скажу, как мне хочется, чтобы между вами все улеглось! Только вас обеих с избранного пути уже не свернешь, как я погляжу.

— Вот тут ты прав.

Лисандре было что сказать еще, но избыточные слова ничем не помогли бы делу. Катувольк и так совершил большое усилие, принес ей давным-давно причитавшиеся извинения. Однако Сорина оставалась его подругой. Как ни претил Лисандре подобный выбор друзей, она не хотела усугублять ситуацию, и так непростую для него. Это было бы низко.

Она перебралась в заднюю часть возка, вытащила один из еще не прочитанных свитков, позаимствованных в храме, и углубилась в чтение, показывая тем самым Катувольку, что разговор окончен.

* * *

Путешествие от Галикарнаса до луда, занимавшее несколько дней, протекало довольно приятно. Тем более что в дальнейшем Лисандра и Катувольк старательно избегали упоминать как Сорину, так и Нестасена, предпочитая обсуж-

дать не такие болезненные темы. Поразмыслив, Лисандра пришла к выводу, что ее дружба с молодым наставником если не восстановилась в прежнем виде, то, по крайней мере, изрядно окрепла.

Катувольк постоянно говорил за них обоих, в основном превознося добродетели своей новой подружки. То, что его мужской взгляд так скоро остановился на другой, заставило Лисандру ощутить укол ревности. Рассудок девушки твердил, что подобная ревность ничем не оправдана. Ведь она с самого начала не имела на Катувольк никаких видов. Тем не менее спартанку необъяснимо цепляло то обстоятельство, что рыжего галла сводила с ума уже не она. Конечно, Лисандра мигом совладала с собой, не подала никакого вида, и непрошеное чувство быстро прошло. Постепенно ее даже начали забавлять неуклюжие попытки Катувольк описать дешевую потаскушку языком высокой поэзии.

— Ремесло у нее, конечно, не самое почтенное, — говорил он, ни дать ни взять отстаивая проституцию как нечто вполне приемлемое. — Но хотя бы честное. По крайней мере, не милостыню собирает.

— Ни в коем случае, — ровным тоном отвечала

Лисандра.

Ее так и подмывало позлить Катуволька, но мысль о том, что это будет жестоко, останавливала ее. Должно быть, Катувольк из кожи вон лез, подбирая слова. Ведь он знал, что Лисандра когда-то была целомудренной жрицей богини-девственницы. Самого-то его нимало не беспокоило, что его девушка зарабатывала на жизнь, ложась под других.

— Она бы тебе точно понравилась, — убеждал он Лисандру. — Она гречанка, как ты. А умная до чего!

Спартанке легко было вообразить этот ум, его склад и направленность. Она против воли презрительно скривила губы, но Катувольк ждал от нее ответа, и ей пришлось быстренько превращать этот надменный изгиб в вежливую улыбку.

Потом их повозка благополучно въехала в ворота гладиаторской школы.

— Ну вот мы и дома, — сказал Катувольк.

Лисандра слезла наземь и огляделась, жадно впитывая все знакомое. Перестук учебных мечей, натужные всхлипы, вопли наставников… Привычная музыка луда была сладостна для ее ушей. И правда, как же здорово было наконец возвратиться домой.

— Лисандра!..

Она повернулась. К ней со всех ног мчалась Вария, распахнувшая объятия. Прежде чем спартанка успела призвать маленькую рабыню к порядку, девочка обвила ее руками и крепко прижалась, уткнувшись курчавой темной головенкой ей в грудь. Лисандра принялась неуклюже гладить худенькие плечи.

— Как же я тебя заждалась, — повторяла Вария.

Улыбка Лисандры получилась немного искусственной, ибо спартанцы не почитали достойным делом открытое выражение чувств, а за ее встречей с Варией наблюдало некоторое количество чужих глаз.

— Я тоже скучала, — проговорила она, выпутываясь потихоньку из цепких объятий девчушки. — Рада снова тебя видеть, Вария.

— Дай я твое новое жилье тебе покажу! — Девочка уже тащила ее за руку.

Делать нечего, Лисандра покорно дала увести себя.

* * *

Новое жилье весьма впечатлило ее.

Никакого сравнения с той крохотной клетуш-

кой, где она обитала до игр. Вария даже успела придать покоям Лисандры домашний и отчасти обжитой вид. Она натаскала откуда-то предметы обихода, расставила цветы, украсила стены скромными изделиями собственных рук.

Лисандре немедленно захотелось выкинуть это все на помойку, но Вария желала сделать как лучше, и обижать ее не годилось. Подумав немного, девушка сказала себе, что общее убожество здешней обстановки настолько отрицало какую-либо негу и роскошь, что, пожалуй, пребывало в согласии со спартанской традицией, а значит, можно было оставить его как есть.

— Я подумала, что тебе должно понравиться, — прервал стройный ход ее мыслей голосок Варии. — Вот это, это и это я перетащила из прежнего дома Эйрианвен. Я знаю, вы с ней дружили, и подумала, что тебе захочется получить ее вещи. Сорина пыталась остановить меня, но я ее обхитрила и кое-что все же сумела забрать.

Лисандра вздохнула, очередной раз скручивая овладевшие ею чувства. Рана, которую она почитала совершенно зажившей, как выяснилось, болела по-прежнему. Спартанка взяла с ложа покрывало, поднесла его к лицу и вдохнула запах. Ей показалось, что она коснулась губами кожи

Эйрианвен.

— Спасибо за заботу, Вария. Благодарю тебя.

Польщенная девочка так и расцвела.

Больше они ни о чем не успели поговорить, потому как приветствовать Лисандру явились сразу все эллинки. Кажется, они искренне рады были видеть ее, но, глядя на них после некоторой разлуки, бывшая жрица отчетливо видела, что перед ней были совсем не те женщины, с которыми она уезжала когда-то на игры в Галикарнас. Их лица и взгляды сделались жесткими. Арена наложила на них свою печать. По мнению Лисандры, перемена была весьма к лучшему. Рабыни сделались воительницами.

«Конечно, они никогда не сравнятся со мной самой ни врожденными талантами, ни приобретенными качествами. Но эти женщины вышли из кровавой купели. Они, по крайней мере, станут моими достойными сестрами по оружию».

Ей приятно было думать об этом.

XXXIX

Первые дни после возвращения в школу Лисандра упражнялась далеко не в полную силу. Ее едва окрепшее тело еще не могло осилить изматывающую работу. Поспешить, перенапрячься значило бы снова угодить в лечебницу, причем надолго.

Бальб, как обещал, наделил ее наставническими полномочиями, но она не торопилась гонять своих эллинок так, как могла и хотела бы. Ей претило давать ученицам задания, которых сама она не в состоянии была выполнить, да не как-нибудь, а превосходно. Поэтому спартанка предоставила подопечным повторять обычные для них упражнения, сосредоточившись на собственном физическом состоянии. Она подолгу бегала, разминала и постепенно нагружала все мышцы, стараясь в возможно более краткие сроки вернуть былую силу и ловкость.

Трудясь над собой, Лисандра нет-нет да и поглядывала на ту половину учебных площадок, где обычно работали варварки. По возвращении с игр эти женщины заметно обособились от всех

остальных. С некоторых пор они мало кого допускали в свой круг и сами не обращались к тем, кого считали чужими. Этот разброд безошибочно чувствовали все гладиатрикс, и ветераны, и новички, а уж Лисандра — острей многих. Утрата Эйрианвен отъединила от варварок и ее. Она общалась разве что с Катувольком и с Хильдрет, которую про себя считала очень приличной девушкой — для дикарки, конечно. Остальные связующие нити были оборваны.

Еще Лисандра видела, насколько беспощадно работала над собой Сорина. Эта старуха первой выходила поутру на учебные площадки и покидала их лишь тогда, когда наставники звали всех ужинать. Ну что ж! Она уже сказала Катувольку, что думала по этому поводу. Пусть амазонка хоть узлами завязывается, хоть из кожи вон лезет. Исход грядущего поединка лично для нее сомнению не подлежал. Лисандра ехала на ярмарку, Сорина же — с ярмарки. Это был простой закон жизни. Он их и рассудит.

Лисандре понадобилось несколько недель, чтобы обрести прежнюю быстроту, меткость удара и остроту восприятия. После этого она стала упражняться вместе с эллинками, по ходу дела подсказывая и направляя, но еще не посягая на

наставничество в полном объеме. Прежде чем выступить в этом новом качестве, она хотела должным образом утвердить свое превосходство. Уважения словами не добывают, его надо завоевать. Ведь ее эллинки больше не были зелеными новичками.

Однако время шло быстро, и первенство Лисандры делалось все очевиднее. Похоже было, что девушки от души радовались тому, как втягивалась в работу спартанка. В ее отсутствие некому было вести их за собой, и они страдали от этого.

Когда же она в полную силу взялась их обучать, очень многие цивилизованные женщины в луде стали всячески показывать, что были бы очень не прочь примкнуть к ее окружению. Лисандра этому не удивилась. Палка, Катувольк и особенно Тит тоже были отменными наставниками, но их приемы обучения происходили все-таки не из Спарты, а стало быть, значительно уступали ее собственным. Бальб, кстати, не возражал, видя, как разрастается ее группа, и, по мнению Лисандры, правильно делал. Не мог же он не замечать, что ее подопечные становились самыми подготовленными и смертоносными воительницами в луде!

— Помните! — говорила она им, еле живым по-

сле особенно тягостных упражнений. — Тяжело в учении, легко в бою! Вот где ключ к вашим победам! Любая дура может схватить меч и забить соперника точно дубиной, не ведая ни тактики, ни стратегии! — Она мотнула головой в сторону дикарок, которые продолжали заниматься с обычным для этих людей жизнерадостным и безалаберным ухарством. — Выучка и готовность тела — первейшее ваше оружие. Все мы видели, какие ошибки совершают на арене бойцы, когда начинает сказываться усталость! В следующий раз, когда вам покажется, будто я вас слишком жестоко муштрую, подумайте о вражеском мече, который может оказаться у вас в кишках. Вы сумеете выжить, только если окажетесь быстрее, сильнее, выносливее. Семеро наших подруг остались истекать кровью на песке арены. На их месте могли оказаться и вы! Посему затвердите себе, что избыточного запаса стойкости не бывает. Способность пробежать лишний круг может означать разницу между жизнью и смертью. И не только на арене. Не щадите себя!

Девушки дружным криком приветствовали эти слова, и Лисандра позволила себе чуть улыбнуться.

* * *

Хочешь не хочешь, Сорине приходилось встречаться за едой с ненавистными гречанками, и от этого желудок дакийки едва не выворачивался наизнанку. Два сообщества держались строго по разным углам, но пребывание под одной крышей с Лисандрой и ее приспешницами — римлянками и гречанками — все равно было едва выносимо для нее.

Они болтали между собой на своем щебечущем языке, и амазонка была уверена в том, что они насмехались над нею. Зря ли они время от времени оглядывались в сторону ее клана, после чего разражались хохотом! Сорина хотела даже переговорить с Бальбом насчет того, чтобы их кормили в разное время, но потом передумала. Еще не хватало дать ланисте понять, до какого предела дошло напряжение между общинами. Нет уж! Она твердо вознамерилась убить Лисандру и не хотела создавать себе помехи.

Желание истребить гречанку было так сильно, что Сорина почти ощущала на губах вкус ее крови.

— Ты в порядке? — Голос Тевты развеял сладостное видение Лисандры, насаженной на добрый

клинок.

— Только посмотри на них. — Предводительница общины мотнула головой в сторону гречанок, беседовавших за столом. — Эта их риторика! Не могу их ни видеть, ни слышать! Тошнит!..

Тевта хмыкнула.

— А ты внимания не обращай…

Как раз в это время маленькая служанка Вария поднесла амазонке еще вина, но Сорина раздраженно отпихнула девочку.

— Пошла прочь!

Вария шарахнулась, споткнулась и выронила кратер. Сорина почувствовала, что переборщила. Девочка родилась в ненавистной Италии, но была совершенно безобидной. Не стоило так на нее рявкать.

Она как раз собиралась помочь Варии подняться, когда обратила внимание, что в помещении вдруг сделалось очень тихо. Одна из гречанок, афинянка, вроде бы ее звали Даная, поднялась со своего места и пересекла невидимую границу.

— Не стоило так с ней, варварка, — сказала она, ставя на ноги перепуганную Варию. — Она просто делала свое дело.

— Не смей называть меня так! — огрызнулась Сорина.

Даная выгнула бровь. Это движение, явно заимствованное у Лисандры, окончательно вывело амазонку из себя.

А гречанка еще и сказала ей:

— Бить детей — это и есть варварство.

Ярость Сорины достигла такого накала, что ее тело сработало словно бы по собственному хотению. Она взвилась на ноги, сжимая кружку для вина, прозвучал глухой треск, потом отчаянный крик. Даная свалилась на пол с лицом, превращенным в уродливую багровую маску. В руке Сорины осталась отбитая глиняная ручка.

Гречанки и римлянки вскочили все разом и уже надвигались на половину противниц. Сорине бросилось в глаза удивительное бесстрастие их лиц. Боевого неистовства не было и в помине, хотя она только что, прямо у них на глазах, оскорбила и покалечила их подругу. То, что они сейчас шли требовать кровавой платы за ее кровь, было правильно и справедливо. Но выглядели эти женщины такими же спокойными, как орда муравьев. Это было сущим посрамлением перед лицом богини войны!

Варварки тоже успели вскочить, понимая, что всеобщая потасовка сделалась неминуема, и с яростным визгом кинулись на середину поме-

щения, чтобы вышибить из ненавистниц эту их холодную спесь.

С этого мгновения все обратилось в хаос. Гладиатрикс были безоружны. Сила ломила силу, кулаки впечатывались в незащищенные тела.

Сорина ощутила себя в родной стихии. Грудь на грудь — вот это было по ней! Ее подхватила некая вдохновенная сила, она бросилась в свалку, круша налево и направо, орудуя кулаками и раздавая пинки. Ее удары ломали кости, мозжили плоть.

Она продвигалась туда, где чуть повыше остальных голов мелькали вороные пряди Лисандры. Та, в свою очередь, пробивалась ей навстречу. Сорина ощерила зубы, ее пальцы скрючились в железные когти.

«Вот сейчас мы и встретимся. Вот сейчас и посмотрим наконец, кто кого!..»

* * *

— Ланиста!..

Бальб вскинул голову от пергаментов, в комнату влетел Палка. Маленький парфянин пребывал в самой настоящей панике.

— Что такое? — спросил Луций, начиная по-настоящему тревожиться.

Палку, насмешника и сквернослова, мало что

могло довести до подобного состояния.

— У нас бунт!.. — почти завизжал наставник.

— Поднимай на ноги стражу! — Бальб полез вон из удобного кресла со всей быстротой, на которую было способно его грузное тело.

— Уже! — Палка повернулся бежать обратно. — Они уже там. Тит их возглавляет.

Ланиста выскочил во двор следом за парфянином. Картина, представшая его взору, заставила владельца школы в отчаянии заломить руки. Его стража — вся поголовно! — по существу потерялась в чудовищной женской драке, тщетно пытаясь оттереть гречанок и варварок в разные стороны. Как и следовало ожидать, воительниц с берегов Срединного моря возглавляла Лисандра, уроженок римского пограничья — Сорина. Рукопашная происходила с чисто женским исступлением, от визга и воплей звенело в ушах. Лишь Хильдрет еще как-то удерживала своих германок чуть поодаль от общей свалки, явно не желая брать чью-нибудь сторону.

Прямо на глазах у Бальба две дикарки снесли с ног какую-то римлянку, обрушили ее на стол и перевернули его. У ланисты невольно вырвался вскрик.

— Да остановите же их наконец! — заорал он,

бросаясь вперед.

Палка обхватил его сзади за пояс, удержал и оттащил прочь.

— Ты что, спятил? — прокричал маленький парфянин. — Тебя же убьют! Пускай ими занимается стража!

Наемное воинство, укрытое броней, заслоняясь щитами, наконец-то проложило себе дорогу и сумело встать между враждующими общинами. Стражники действовали без какой-либо мягкости и пощады, дубинки в их руках взлетали и падали с пугающей силой. Бальб прямо-таки воочию видел, как опустошалась его мошна. Сколько переломанных костей, сколько воительниц, только-только подготовленных к выступлениям, надолго окажутся недееспособными!.. Какие траты на лекарей и лекарства!..

Все-таки ланиста сохранял относительное хладнокровие, ибо понимал, что виновен в сегодняшнем мордобое был отчасти он сам. Это помогло ему заметить, что гречанки Лисандры были близки к победе над варварками. Они дрались сплоченно, как единое целое, и готовы были одержать верх.

Ну как было не усмотреть в этом руку Фортуны?..

* * *

Штормовой прибой битвы так и не дал им подобраться друг к дружке. Сорина дико визжала от ярости и разочарования, силясь пробить, прогрызть, процарапать себе дорогу к Лисандре, но с каждым последующим шагом перед ней вставала еще одна гречанка, еще одна римлянка. Даже угар боевого неистовства не помешал амазонке осознать, что, уступая числом, соратницы Лисандры уверенно теснили ее соплеменниц. Они встали строем, перегородив поле боя. Если одна из них падала, то на ее место тотчас выдвигалась другая, и подуставшие варварки разбивались о них, как вода о скалу.

В какой-то миг Сорина сообразила, что надо отозвать своих назад, собрать их в кулак и слитным ударом переломить хребет девкам Лисандры. Она огляделась, хотела было выкрикнуть приказ, но тут кто-то сзади с силой ударил ее по голове. Сорина яростно крутанулась, ее кулак мстительно выхлестнул вперед, но лишь для того, чтобы расшибиться о твердое дерево щита стражника. Он ударил ее снова, потом — еще и еще. Ноги амазонки подогнулись, сознание поглотила ночь.

* * *

— Ну вот, все под замком, — устало доложил Тит.

Он смахнул со лба пот и добавил:

— Особо справляться, в общем, и не понадобилось. Они уже выдохлись, да и стражники дубинками поработали.

— Слава богам! — кивнул Бальб. — Велик ли ущерб?

— Трое убитых, — вздохнул бывший центурион. — Шестнадцать у Квинта в лечебнице. Неслабая драчка вышла, ланиста!

— Да уж, хотя могло кончиться и похуже, — проворчал Бальб.

Он успел прийти в себя после первоначального потрясения, и способность здраво рассуждать вернулась к нему.

— Кто зачинщицы?

— Лисандра с Сориной. — Тит сел в кресло. — Кому же еще?

— Действительно, об этом можно было даже не спрашивать.

Тит помолчал, глядя на Бальба, и ланиста понял, что сейчас получит от старого воина дельный совет.

— Знаешь, я стал замечать, что наши девки разбежались по этаким враждующим лагерям. В прежние времена такого вроде не случалось.

— Верно.

Тайное понемногу становилось явным, и Бальб принял решение посвятить Тита в свои планы.

— Я знаю. Это я допустил, чтобы подобное произошло. Скажу тебе даже больше. В дальнейшем я намерен только поощрять их раскол.

Центурион замер с открытым ртом, и Бальб несколько мгновений наслаждался произведенным впечатлением. Тит был славным малым, но с чего он взял, будто возраст и боевой опыт делали его самым сведущим в делах луда? Да, он был отменным наставником, но выше головы прыгнуть не мог. Все решал Луций Бальб.

Наконец Тит прокашлялся и сказал:

— Ты уверен, что поступаешь благоразумно? Они ведь будут только звереть!..

Тут вошел Эрос, поставил перед ними вино, после чего приглашающе подмигнул Бальбу. Тому понадобилось усилие, чтобы спрятать ухмылку. Ланиста отлично знал, что наставник презирал мальчишку. Он жестом отослал Эроса прочь. Ему требовалось полное внимание со стороны Тита.

— Скоро в нашем луде многое изменится, — про-

говорил он, когда они остались наедине. — Если мы сумеем все сделать правильно, то будем купаться в деньгах. Я говорю обо всех нас, — добавил он со значением. — Правитель обратился ко мне с просьбой организовать небывалое зрелище. Такое, какого ни разу не видывали за пределами Рима.

— Всех временами заносит. — Тит снова натянул личину старого, все в жизни повидавшего ворчуна, немало раздражавшую Бальба.

— Это не тот случай. — Ланиста позволил себе толику самодовольства. — Когда мы сидели с правителем и Эсхилом…

Он изложил подробности будущей гладиаторской битвы, приуроченной ко дню рождения Домициана. По ходу дела с лица Тита постепенно пропадал скепсис, и это полностью удовлетворило Луция.

— Вот потому-то я и позволил гречанкам и римлянкам так тесно сдружиться под водительством Лисандры. Раз уж ей суждено возглавить их в битве, пусть сплотятся кругом нее уже теперь!

— Но самой-то ей ты о своих планах еще не рассказывал? — пробормотал Тит.

— Еще нет, — кивнул Бальб. — Сегодняшняя заварушка лишь убеждает меня в том, что спе-

шить с этим не стоит. Пока все знают только то, что мы будем расширять луд. Я предполагаю разместить гречанок и их окружение в новом крыле. Пусть упражняются в своем кругу. Скоро я привезу столько новых рабынь, сколько сумею достать. Фронтин выделил на это вполне достаточно денег.

— Звучит здраво, — согласился Тит. — Ну и кто будет обучать для Лисандры это, с позволения сказать, войско?

Бальб улыбнулся.

— Она сама и обучит, хотя полагаю, ей все же понадобится твоя помощь, Тит. В конце концов, тебя не на пустом месте прозвали Центурионом. — Он наклонился к собеседнику. — Если ты поможешь ей, значит, поможешь и мне. Если все пройдет гладко, ты станешь богат, точно Крез, а твоя репутация взлетит до небес. Весь мир будет у твоих ног. Так что дело беспроигрышное!

— Не такое уж и беспроигрышное, — буркнул Тит. — А как же все те, кто погибнет?

Бальб подумал о том, что такая чувствительность была, конечно, похвальна. Однако денег на мягкосердечии, как известно, не сделаешь. Бойцы на арене неминуемо погибали, и наставнику это было отлично известно.

— Такова природа игр, Тит, — сказал Бальб.

— А до тех пор что?

— Будем вести дело как всегда. Я хочу, чтобы Лисандра по-прежнему участвовала в поединках, притом чем чаще, тем лучше. Зрители должны видеть ее. Придется Фалько эти два года вкалывать по-настоящему. — Сказав так, Бальб невольно представил себе восторг молодого устроителя игр от подобной перспективы. — А наших девиц надо не допускать друг до друга, пока я не переселю гречанок во вновь выстроенное крыло. Вот выпроводим их туда, тогда и вздохнем посвободнее.

Тит поднял чашу.

— Так выпьем же за успех!

XL

Когда Луций Бальб поведал о своих планах Лисандре, спартанка прониклась уважением к мудрости его суждений. Ланиста был совершенно прав. Никто, кроме нее, не мог должным образом возглавить и обучить войско. Еще она поняла, что его устами ей наконец-то явлен был замысел Афины во всей его полноте. Вот чему должно было послужить все ее воспитание, совершенное боевое искусство и глубокое понимание военной науки!

Сдерживая внутреннее волнение, она спокойно, коротко изложила новости своим подопечным и приняла как должное их единогласный восторг. Это лишь означало, что они были достойны общения с нею. Вдохновилась даже Даная, которой когда-то претила самая мысль о кровопролитии. На лице афинянки розовели шрамы, которыми наградила ее Сорина, и она рвалась отомстить.

— Да будет благословен любой случай избавить землю от этой мрази, — сказала она Лисандре. — Успех на арене сделал варварок не в меру наглы-

ми и спесивыми. Нужно подсократить их число. Мы это сделаем!

Удивительное дело, но Лисандру царапнули такие слова. До знакомства с Эйрианвен она поддержала бы Данаю с чистой душой, но с некоторых пор ненавидеть варваров только из-за низкого происхождения сделалось для нее невозможно. При этом спартанка считала, что ее подруга была среди них редкостным и единственным исключением. Эта дочь самого дикого и грубого племени, какое только можно представить, поистине удивительным образом сочетала в себе телесное и духовное совершенство. Увы, Лисандра хорошо понимала, что заговорить об этом значило бы серьезно подорвать боевой дух гладиатрикс. Обязательства перед ними в очередной раз заслонили ее личные соображения.

— Хорошо, что ты так настроена на битву, Даная, — похвалила она, надеясь, что голос прозвучит искренне.

* * *

Великолепную уверенность в собственных силах демонстрировала не только Даная. После достопамятной драки воинственный дух в римско-эллинской общине взлетел на небывалую

высоту. Они по справедливости считали себя победительницами, что бы по этому поводу ни говорили варварки. Когда Бальб объявил, что войско Лисандры — так их все теперь называли — переселяется в новое крыло, девушки сочли это лишь подтверждением своего превосходства.

Тем не менее, оказавшись во главе войска, Лисандра взяла своих подопечных в ежовые рукавицы. Перво-наперво она запретила им ввязываться в какие-либо свары с противницами и наказала держаться от них подальше. Спартанка сказала товаркам, что они уже всем все доказали. Предаваться мелким стычкам значило бы попусту растрачивать силы.

Еще она знала, что ее девушки должны были всячески оттачивать свое гладиаторское мастерство. Потому что прежде великой битвы, задуманной Бальбом, им всем предстояло выйти на арену еще не раз и не два.

Как только ланиста посвятил ее в свои планы, ум Лисандры деятельно заработал. Бальб, по сути, подражал Гаю Марию, хотя сам навряд ли это осознавал. Марий, как известно, вдохнул в римское войско новую жизнь, обратив его в сознательную и отлично подготовленную машину. Для того чтобы получше натаскать своих воинов в искусстве

рукопашного боя, этот политик и полководец нанимал наставников из гладиаторских школ.

Вот Лисандра и рассудила, что она должна хорошенько обучить своих нынешних подопечных военному строю, маршировке и азам тактики. Потом они уже и сами сумеют передать усвоенное тем новеньким рабыням, которых вот-вот начнет во множестве закупать Бальб.

На сегодняшний день девушки, кажется, уже обладали вполне достаточными познаниями, пусть и бесконечно далекими от ее личного уровня. Для того чтобы превратить толпу новобранок в железную силу, и этого должно было с избытком хватить.

Но вот что касается дисциплины, не говоря уже о начатках тактической сообразительности, то здесь Лисандре предстояло серьезно потрудиться, хотя бы уже потому, что очень немногие из этих бедняжек, родившихся вне Спарты, умели читать. Делать нечего, пришлось ей потребовать у Бальба образованных рабов, чтобы те помогали девушкам постигать грамоту. Дело сразу пошло на лад, ибо римлянки, не говоря уж об эллинках, были способны и даже желали учиться. Во всяком случае, они понимали, что грамотность была ключом к бесценным сокровищам, за которые

следовало побороться.

Варварки, как того следовало ожидать, наблюдали за подобной деятельностью со все возраставшим презрением и не стеснялись его всячески выражать. Лисандра призывала своих подопечных быть выше насмешек и оскорблений. Она говорила, что дикарки понятия не имели о выгодах просвещения. У них это ведь не в обычае.

Другой заботой Лисандры было наполнить сердца подчиненных духом товарищества.

«Вы лишь зоветесь рабынями! — внушала она. — Вы чувствуете себя свободными, а значит, и являетесь таковыми».

Сгоняя с них реки пота, Лисандра выковывала не простое сестринство гладиатрикс, а настоящую военную силу. Нечто сходное существовало между жрицами ее храма. Спартанка по себе знала, с каким трудом, однажды возникнув, рвались подобные связи.

Женщины под ее началом уже не были рядовыми воительницами. Они становились элитой, и сами отлично это понимали.

* * *

— Моим девушкам не повредили бы кое-какие послабления, — сидя с Бальбом и Титом в триклинии, сказала Лисандра.

Ланиста пристально посмотрел на нее.

— Ты это к чему?

— К тому, Бальб, что нельзя больше обращаться с ними, точно с узницами в тюрьме. Если все будет продолжаться по-прежнему, то задуманное пойдет прахом.

Она повернулась к Титу.

— Ведь ты служил в легионе, так?

Тот утвердительно кивнул.

— А раз так, то кому, как не тебе, знать, насколько важно душевное здоровье воинов. Нельзя все время держать нас взаперти! Вдобавок девушкам необходимо привыкнуть держать шаг в бросках на дальние расстояния, а когда наша численность возрастет — и к действиям на местности, не только на ровной арене.

Тит снова кивнул.

— Она дело говорит, Бальб. Но прежде ты должна дать нам слово, что никто из вас не сделает попытки сбежать. Речь идет о твоей чести, Лисандра.

— Клянусь именем Афины! — ответила она, и ее глаза заблестели. — Тит, нам это действительно необходимо. Мы должны стать не просто бойцами, предназначенными для арены. Мы способны на большее. Подобного никогда еще не делалось, мы — первые!

— Куда катится мир! — с притворным отчаянием вздохнул бывший центурион. — Грядут армии женщин. Повсюду амазонки!..

Лисандра фыркнула.

— У нас есть настоящая амазонка, — сказала она. — Сорина. Истинная дикарка, не ведающая дисциплины и строя. Пусть у них будет хоть десятикратное преимущество, им все равно нас не победить! Перед лицом вашего императора мы разгромим всех врагов и обратим их в бегство!

— Ты не особенно увлекайся, — воздел пухлые ладони ланиста. — Строевая подготовка, о которой ты все время толкуешь, — это, конечно, очень хорошо и даже необходимо, но не забывай, что все расходы должны быть оплачены. Поэтому ваши выступления на арене никто не собирается отменять. Скорее даже наоборот.

Лисандра гордо ответила:

— Мы знаем, Бальб, и готовы. Всегда.

— Вот и хорошо. Потому что у меня кое-что уже

назначено.

Она кивнула.

— Это еще одно упражнение, призванное нас укрепить.

* * *

Сорина напрягла ступни, пропуская песчинки между пальцами ног. Солнце согревало ей спину, обтянутая кожей рукоять меча удобно и привычно лежала в ладони. Это был всего лишь небольшой праздник, но цирк все же оказался набит, что называется, под завязку. Люди жаждали зрелищ, и эта жажда не ведала окончательного утоления.

После ее боя с Эйрианвен публика проявила к варварскому стилю неожиданный интерес, и по этой причине Сорина была снова вооружена длинным мечом ее родины. Только на сей раз о кровной вражде не было даже и речи, так что воительница облачилась в обычный доспех.

Против нее выставили уроженку Галлии, сражавшуюся под именем Эпоны… а впрочем, невелика разница, как там ее звали. В любом случае она очень скоро умрет, а Сорина в очередной раз подтвердит свое звание царицы песков.

Эпона оказалась рослой, со светлыми, коротко

подстриженными волосами. Такая прическа вкупе с румяным, немного свиноподобным лицом, видимо, должна была придать ей внешность совершенной дикарки, едва ли не животного. Ее тело было густо раскрашено вайдой, ярко-синей на белой коже. Щербато улыбнувшись Сорине, Эпона двинулась вперед, размахивая тяжелым железным клинком, точно топором дровосека.

Сорина холодно усмехнулась в ответ, ее взгляд оставался непроницаемым. Она приняла боевую стойку, готовая мгновенно ответить на любое движение. Какое-то время женщины топтались по кругу. Каждая старалась предугадать намерения соперницы. Потом Сорина с жутким криком прыгнула вперед, ее меч молнией метнулся к шее Эпоны.

Та едва успела вскинуть клинок в защитном движении. Это оказалось почти и все, что она способна была противопоставить Сорине. Та наседала как одержимая, только загорелая кожа блестела от пота. Она гнала и гнала Эпону, приближая неотвратимый конец.

Никаких выпадов и защит, никакого обмена ударами! С первых мгновений поединка сделалась очевидной безнадежная разница в мастерстве. Толпа зрителей начала медленно

хлопать в ладоши в знак своего недовольства подобным подбором гладиаторской пары.

Сорина услышала это хлопанье и немного ослабила свой беспощадный напор. Не стоит разочаровывать публику слишком скорым и незрелищным окончанием поединка.

Тут до нее дошло, что она, кажется, что-то доказывала себе самой. Может, Гладиатрикс Прима подспудно боялась, что выматывающий поединок с Эйрианвен выпил всю ее силу, лишил ловкости и быстроты?..

Что же до Эпоны, та дралась все с меньшей охотой. Похоже, первый наскок амазонки совсем лишил ее мужества. Она больше ни на что не надеялась, даже не пробовала отсрочить конец.

— Нападай же, — по-латыни сквозь зубы прошипела Сорина. — Тебе меня не побить, так заработай хоть миссио!

На эти слова ее подвигла вовсе не жалость. Уж скорее — боязнь, что столь жалкое выступление Эпоны заставит кого-нибудь усомниться в ее собственной доблести.

Хитрость, однако, не удалась. Ну да, Эпона довольно бодро устремилась вперед, но до чего же медлительно и неуклюже! Да и сражалась она словно бы не с Сориной, а с ее мечом, била и била

только по нему. В конце концов амазонке все это опротивело, она двинула кистью, и меч Эпоны улетел далеко прочь, вырвавшись из руки.

Он еще не успел упасть наземь, когда Сорина крутанулась и всадила локоть в лицо рослой противницы. Та запрокинулась и рухнула навзничь, обрызгав кровью песок.

Стоя над распластанным телом, амазонка отыскала глазами ложу правителя. Фронтин не заставил долго ждать своего приговора. Короткий жест — и Эпона забилась в предсмертных конвульсиях.

Зрители гудели, свистели, презрительно тыкали пальцами. Это вместо бешеных оваций, которыми привыкла наслаждаться Сорина! Никогда еще публика подобным образом не провожала ее.

Сопровождаемая оскорблениями, она быстро прошагала к воротам жизни.

— И это называется поединком? — коснулся ее ушей чей-то голос с ближней трибуны. — Если это была шутка, то весьма неудачная! Почему бы тебе не сразиться с кем-нибудь, способным за себя постоять?

— Да потому что она больше ни на что не годится, — ответили откуда-то сверху. — Состарилась!

— То-то ее выставляют против никуда не годных соперниц. Та же Ахиллия, как я понимаю, ее прирезала бы в два счета.

Сорина остановилась. Светло-карие глаза пристально обежали толпу, выискивая оскорбителя, и нашли его. Это был тощий, неряшливый недомерок в ярко-желтой тунике. Сорина зарычала и бросилась в ту сторону, молотя мечом по решетке, отделявшей арену от зрительских мест. Люди на трибуне с криками подались прочь, кто-то даже упал.

— Выйди-ка сюда, мелкий паршивец! — выкрикивала Сорина. — Ахиллия твоя — дерьмо и ничтожество! Слышишь меня? Дерьмо!..

Ей было еще что сказать, но подбежали служители арены и свалили ее на песок. Она больше не сопротивлялась, позволила им разоружить себя и увести под свод подземелья.

Насмешливые выкрики, правда, преследовали ее и там.

* * *

Бальб тоже следил за поведением зрителей, и ему было по-настоящему плохо. После оглушительного успеха на играх, устроенных Эсхилом, он желал всех убедить, что это было только

начало. Увы, славу умножают в боях против достойных противников, а их-то для его воительниц как раз и не находилось. Другие ланисты то ли приберегали своих лучших воительниц, то ли вовсе не могли противопоставить его девушкам ничего стоящего. Обученные гладиатрикс стоили очень немалых денег. Владельцы прочих школ, кажется, уже всерьез верили, что выставить свою воспитанницу против любой девушки из его луда значило наверняка ее потерять. Ланисты были прожженными деловыми людьми и на подобные предложения не велись.

То, что Сорина явно теряла поклонников, Бальба волновало меньше всего. Она неплохо послужила ему, но если ее время заканчивалось, значит, быть по сему. Тем более что теперь у него имелась Лисандра. Фортуна воистину улыбнулась ему, ниспослав встречу с самонадеянной юной спартанкой. Прежде он был уверен, что наследницей стареющей львицы естественным образом станет Эйрианвен, теперь же все свои надежды возлагал на Лисандру.

Да, слава Сорины клонилась к закату и уходила в прошлое. Не ее вина, что соперница оказалась пустышкой. Она ничуть не была виновата в том, что публика отреагировала на ее победу именно

так. Бальбу нужно было думать о своей собственной репутации и о том, что бы такое предпринять для ее поддержания.

Первая его забота была связана с тем, что Лисандре предстояло драться с женщиной из того же луда, владелец которого выставил Эпону против Сорины. Если учесть нынешнюю славу спартанки, восходящей звезды Галикарнаса, то получалось, что тот другой ланиста навряд ли отправит почти на верную смерть какую-нибудь из своих лучших воспитанниц.

Подозвав к себе Палку, Бальб велел парфянину наведаться к хозяину той гладиаторской школы. В уме ланисты уже вызревал план. А как же иначе! Он не был бы настолько успешен, если бы не умел достойно отвечать на каждый жизненный вызов.

Идея Бальба была настолько хороша, что он заранее потирал руки.

* * *

— Вот видишь!..

Даная, вернувшаяся с арены, растирала шею ладонью. Проследив за поединком Сорины, афинянка учла ее ошибки и не стала их повторять, устроив вместо этого для публики достойное

зрелище. Она верно оценила способности своей противницы и не бросилась, как Сорина, сразу ее убивать. Вместо этого эллинка поиграла с ней, как кошка с мышью, даже дала ей вкусить иллюзорную близость к победе, после чего одним ударом в голову отправила в Гадес.

— Ты хорошо билась, — похвалила Лисандра.

— Да с чем там было биться-то, — сказала Даная. — Я всю дорогу чуть не на себе эту сучку тащила!

— Это верно, — подала голос подошедшая Фиба.

В этот день она еще не сражалась и пребывала в радостном предвкушении. Сильных соперниц, кажется, не предвиделось, а значит, особо и переживать было не о чем. Все останутся живы.

— Все потому, что вы усердно учились, — напомнила им Лисандра. — Притом по-спартански, то есть превосходя все, что вам прежде внушали!

Даная на это ничего не сказала. Фиба же дождалась, пока Лисандра отвернется, и подмигнула подруге.

— Как вы, девчонки? — спросил Палка, заглянувший к эллинкам.

— Я в порядке, готова идти на арену, — сказала Лисандра.

— Я не тебя спрашиваю. Даная, ты как?

— Все в порядке, Палка, — отозвалась та. — Поединок оказался простым.

— Ну и порядок. — Парфянин выставил в ухмылке лошадиные зубы. — Потому что тебе предстоит драться еще.

— Что?.. — опешила Даная.

Как ни гладко у нее все прошло, но мало кому охота ставить на кон свою жизнь второй раз на дню.

— А то, что зрители недовольны. Другой луд оказался по уши в дерьме, потому что они привезли одних новичков, а те и попали… под вас. Все, кто худо-бедно разбирается в боях, видят, какие штуки вы проделываете с этими неумехами. Бьетесь до кучи еще и за них. Выглядит, конечно, не так скверно, как у Сорины, но тем не менее…

— Ну и когда ей драться-то?.. — напряженно спросила Лисандра.

— Позже, — сказал Палка. — В общем, так!.. Я вокруг да около ходить не умею, а потому вот вам вся правда. Фронтин обозлился на ту школу и выкинул ее с игр. Это значит, что отныне всех бойцов поставляет только наш луд. Ясно?

Эллинки дружно ахнули. Даная невольным движением отодвинулась от Лисандры. Все было

ясней ясного. Если дела пойдут совсем уже плохо, то может статься, что им придется встретиться на арене.

— Правитель отменил даже помилования, обещанные кое-кому из местных преступников, — продолжал Палка. — Сейчас они бьются между собой. Так он извиняется перед зрителями за то поганое зрелище, которое они до сих пор наблюдали. Тем временем ваши поединки переписывают по новой.

Женщины беспомощно переглянулись. Растерянной выглядела даже Лисандра.

— Случается и такое, — коротко довершил Палка. — Надеюсь, вы станете драться как следует.

— Но, Палка… — начала было Фиба.

— Никаких «но». Мы все равно ничего не можем поделать.

Он немного помедлил и договорил:

— Как ни жаль.

Хуже всего было то, что он говорил вполне искренно, и женщины это понимали. Круто повернувшись, парфянин вышел за дверь.

В помещении повисла тягостная тишина.

XLI

— Великолепное решение! — Фронтин приветственно поднял кубок с вином.

Бальб благодарно склонил перед ним голову.

— Спасибо на добром слове, правитель.

С некоторых пор они стали деловыми партнерами, но переступать разделявшие их границы отнюдь не годилось.

— А другого ланисту не очень огорчило твое предложение? — спросил Фронтин.

Бальб улыбнулся.

— Ни в коем случае, господин мой. Напротив, он даже обрадовался. С одной стороны, все то, что он имел в виду заработать, достанется мне, с другой — мои девочки выкосили бы весь его луд, так что в итоге он потерял бы больше. Мог бы и вообще разориться…

Взгляд Фронтина стал жестким.

— Но теперь и ты понесешь потери, ведь так? Твои лучшие воительницы вполне могут поубивать одна другую!

— Тоже верно, — согласился Луций. — Одна надежда, что их искусство побудит тебя даровать

им миссио.

Правитель ожег его испепеляющим взором.

— Полагаю, ты ни в коем случае не надеешься на то, что наши совместные планы как-либо повлияют на мой приговор.

Кровь бросилась Бальбу в лицо. Именно на это он и надеялся, но показывать такое было нельзя, и он лишь откашлялся.

— Тот, кто берется за дело, должен быть готов рисковать, — сказал ланиста. — Я заработал определенную репутацию и должен любой ценой ее поддержать. Да и зрителей нельзя лишать зрелища, которое они заслужили… не говоря уже о тебе. В моей школе много добрых воительниц. Если я кого-то из них потеряю, значит, такова воля богов. Правду сказать, ты меня просто потряс сейчас, предположив, будто я усомнился в тебе как в сугубо непредвзятом вершителе судеб поединков.

Кажется, правитель сменил гнев на милость.

— Против кого же ты думаешь поставить Лисандру? — спросил он.

Бальб развел руками и ответил чистую правду:

— Пока не знаю. Я честный человек и всякий раз велю метать жребий. На кого боги укажут, против того и поставлю.

— Не сомневаюсь в победе спартанки, — уверенно заметил Фронтин. — Кстати, как там обучается ее войско?

— Очень неплохо, господин мой, очень неплохо. Покамест она натаскивает своих ближайших сторонниц, но я веду в луде большое строительство, чтобы было куда поселить наших новеньких. К тому времени Лисандра вполне обучит своих подруг и обзаведется, как она выражается, последовательностью управления. Имеется в виду, что ее старшие ученицы возьмут новеньких под крыло.

— Прямо как в настоящем войске, — просиял Фронтин.

— Она приняла наш план очень близко к сердцу, — подтвердил Бальб. — Опять-таки и с рынка рабов до меня доходят добрые вести. Фалько, мой друг-устроитель, пребывает в каждодневных трудах. Он говорит, что твоя блистательная идея заразила многих ланист. Так что ко дню великой битвы У нас не будет недостатка в обученных гладиатрикс…

— Которые учинят кровавую баню, — кивнул Фронтин. — Императору должно понравиться.

— Не говоря уже о народе, — поддакнул Бальб. — Славлю тебя, господин мой, твоя идея осенена

гением!

— Спасибо на добром слове, ланиста. Надеюсь, ты останешься здесь со мной, чтобы мы могли насладиться зрелищем вместе?

— Почту за честь, — улыбнулся Бальб, молясь про себя, чтобы в этот вечер все сошло гладко.

Его так и преследовал вид мертвого тела Лисандры, распластанного на белом песке.

* * *

После услышанного от Палки смеяться и болтать не хотелось уже никому. Эллинки сидели на своих лежанках, угрюмо уставившись в пол. Фиба помогала готовиться Лисандре. Той предстояло драться по-фракийски, в одной набедренной повязке. Устроители игр предпринимали все усилия для умиротворения разгневанных зрителей. Вид ее почти обнаженного тела должен был стать успокоительным средством. Это при том, что по первоначальному плану ей надлежало идти на арену в тяжелых доспехах. Саму Фибу, как им удалось выяснить, должны были выпустить в качестве ретиарии, тоже одетую в один лишь сублигакулум.

Они молча намазывали одна другую маслом, избегая смотреть в глаза. Когда с самым необходи-

мым было покончено, девушкам осталось только заново усесться и ждать. Было слышно, как над их головами, за каменной толщей, притихла арена. Это значило, что поединки осужденных преступников подошли к концу. Наступал черед гладиатрикс.

Лисандра все еще пыталась совладать с потрясением. Мысль о том, чтобы обратить меч против подруг, была отвратительна и невыносима. У спартанцев не было заведено убивать союзников. Но проигрывать схватку было еще более не по-спартански! Она знала, что не сможет биться вполсилы. Наверняка о том же думали и другие. Губы Лисандры сошлись в одну прямую черту. Она вспомнила, как уговаривала Эйрианвен забыть прежнюю дружбу и не давать пощады Сорине.

«Нет, нельзя позволять себе сейчас думать об этом, если только я не собираюсь скорейшим образом воссоединиться с Эйрианвен в Гадесе! Быть может, некая часть моего существа когда-то к этому и стремилась, но моя добровольная смерть лишь разочаровала бы подругу, если бы мы и правда встретились по ту сторону Стикса».

Она обвела своих эллинок взглядом. При всем том, что жизнь в луде и совместное воинское уче-

ние очень тесно их сблизили, каждая стремилась остаться в живых. Вернейший путь к выживанию понуждал перешагнуть через мертвое тело соперницы на арене.

«Не соперницы. Врагини! — мысленно поправилась Лисандра. — Женщина, вставшая передо мной на арене, должна называться именно так. Врагам не полагается ни милосердия, ни пощады. Если мне придется прирезать Данаю или заколоть Фибу, что ж, я это сделаю».

— Лисандра!

Вскинув глаза, она увидела в дверном проеме рослый силуэт Катуволька. Он угрюмо смотрел на нее, и она молча поднялась на ноги.

«Дух — это ведь тоже оружие. Если мне доведется драться против какой-нибудь эллинки, то пусть все видят, что я готова и к этому. Промедли я, и они почтут мою медлительность за нежелание биться».

Шагая вперед, она сказала себе, что уже выиграла первую схватку, только это почему-то совсем не радовало ее.

* * *

Выйдя из жилого покоя, Лисандра попросила Катуволька оставить ее. Весь длинный путь до

выхода на арену она хотела проделать одна. К тому же девушка до последнего не хотела знать, с кем столкнет ее судьба, и боялась, что наставник сейчас вызовет еще кого-то из эллинок. Пусть врагиня как можно дольше остается безликой. Узнать имя значило сразу увидеть в ней человека.

Повсюду суетились служители арены, но шум и голоса постепенно словно бы отдалялись, делались глуше. Лисандра освобождала свой разум, дабы ничто не помешало боевому сосредоточению. Она должна была победить. Она. Должна. Была. Победить.

«Слишком многое стоит за мной. Мои эллинки. Мое войско. Они же пропадут без меня.

Боги, сделайте так, чтобы это оказалась Сорина!»

Остановившись наконец у ворот, Лисандра прикрыла глаза, выдохнула через нос и ступила на песок, приветственно воздевая руки. Уже — Ахиллия, не Лисандра. Она была готова сражаться.

Зрители сразу отозвались на приветствие и стали дружно выкликать ее имя. Уж она-то, Ахиллия, нипочем их не подведет. Уж она-то даст им какое следует зрелище. Да не простое, а несомненно

величественное, достойное памяти.

Лисандра остановилась на середине арены. Противоположные ворота лязгнули, отворяясь, и врагиня обрела лицо. При ее появлении зрители чуть не разнесли цирк. Они мигом поняли, что сейчас произойдет битва равных. Живой останется только одна.

* * *

Сорина с ума сходила от ярости. Она гневалась и на толпу, и на себя — за то, что во время поединка не удосужилась немного подумать. Даже этой дуре-гречанке Данае хватило здравого смысла понять, что соперницу надо было поводить, как рыбу на удочке, тогда как она, прославленная Амазона, поторопилась убить и лишила зрителей развлечения.

Но вот кого она первым долгом и с удовольствием сейчас задушила бы, так это Лисандру. Ненависть к обнаглевшей спартанке просто сжигала ее. В ушах так и звучали слова, произнесенные тем недомерком в желтой тунике. Они означали, что галикарнасский люд переметнулся от нее к Лисандре. Сорина презирала толпу, но эта измена больно била по ее самоуважению, по ее чести. Тем более что Лисандра была в самом

деле ничем. Кучкой навоза. Наглым подростком, нахватавшимся кое-каких приемов. Ничего от истинной воительницы в ней не было и быть не могло!

Когда Сорина узнала, какие изменения претерпело расписание боев, ее сердце так и запело. Боги, не иначе, вознамерились наконец-то наградить ее за все муки. Вот она, желанная возможность поквитаться с сучкой-гречанкой!

Она удалилась в свою комнатку и принялась истово, жарко молиться, чтобы жребий указал разом на нее и на Лисандру. Вот это было бы счастье превыше всего, о чем только можно мечтать!

Она так распалила себя, рисуя воображаемые картины смерти Лисандры, что между бедрами сделалось влажно и жарко. Она будет стоять, политая кровью спартанки, и рубить, рубить на части ее бледнокожее тело, а толпа станет приветствовать каждый удар слитным, яростным криком. В тускнеющих глазах Лисандры смешаются ужас и боль, предсмертные корчи заставят ее обмочиться. Сорина же испытает немыслимое блаженство, железной рукой вгоняя железный клинок в кровавую плоть.

Стремление убить Лисандру успело стать для нее сродни жажде, сосущему голоду. Она не чув-

ствовала подобной ненависти даже к римлянам, которые пролили немало дакийской крови и отняли у нее свободу.

«Дайте мне только одну-единственную возможность, — мысленно повторяла она. — Пожалуйста, боги. Только возможность встать против нее на арене. Больше я ни о чем не прошу».

Она с радостью отдала бы собственную жизнь, лишь бы Лисандра умерла мгновением раньше нее. Пусть спартанка провалится в Хель с мыслью о том, что она повержена.

Дверь за ее спиной отворилась.

— Сорина, — хмуро проговорил Палка. — Ты бы лучше готовилась.

Она обернулась к нему. Глаза первой воительницы еще не прояснились от страстных мечтаний и молитв.

— Скажи скорей, с кем я буду сражаться? — спросила Сорина почти умоляюще.

* * *

Зрители, снедаемые предвкушением, начали ритмично топать ногами. Уж что говорить, зрелище им предстояло не среднее. Фронтин тщательно старался изобразить этакую отстраненность и ничем не выдать снедавшего его жгучего интере-

са, но и он невольно заерзал, глядя, как навстречу Лисандре идет ее соперница. Это будет поединок из тех, которые долго потом служат пищей для пересудов. Германка несла громадный скутум и в целом была вооружена как мирмиллон. Ее руки и плечи защищали кожаный рукав и стальные накладки. Помимо доспеха на ней была лишь короткая кожаная юбочка, и толпа уже ревела от восторга. Обе соперницы являли собой сущее украшение своего пола — рослые и прекрасные, и от вида их прелестей по подбородкам зрителей стекала слюна. Похоть и смерть! Вот отчего сходят с ума. Вот ради чего они здесь собрались.

Что ж, Фронтин в изобилии давал им то и другое.

* * *

Лисандра суженными глазами наблюдала за подходившей соперницей.

— Здравствуй, Лисандра! Как ты сегодня? — с холодноватой улыбкой окликнула ее Хильдрет.

— У меня все хорошо, Хильдрет. А как у тебя? — отозвалась она, блюдя их давнишний дружеский ритуал.

— У меня тоже все хорошо, — сказала германка. — Жаль, что ты сегодня умрешь. Ты мне

нравишься.

Лисандра чуть помедлила. На нее нахлынули совсем непрошеные воспоминания… Вот они, новые приобретения Бальба, сидят в зарешеченной повозке, которая везет их в луд из Галикарнаса. Доброта Хильдрет, угостившей хлебом совсем незнакомую молодую эллинку. Смех германской девушки, выкрикивавшей непонятные латинские слова, которым учила ее Лисандра. Веселое изумление самой Лисандры при виде изобильной растительности на лобках варварок — пока им не придали вид, достойный цивилизованных женщин.

Тот их первый бой на учебной площадке. Невероятная сила и скорость германки, та легкость, с которой она опрокинула Лисандру и отколошматила ее деревянным мечом.

У спартанки даже теперь на какой-то миг пересохло во рту, а мышцы живота собрались узлами.

Хильдрет правильно истолковала ее взгляд, кивнула, а ее улыбка превратилась в оскал.

Это подействовало на Лисандру как приводящая в чувство пощечина. Она моргнула и выпрямилась. Ее слуха достиг выкрик аренного служителя, означавший начало поединка.

Германка тотчас пригнулась в боевой стойке. Лисандра стояла прямо, не торопясь повела шеей влево-вправо и дважды крутанула в руке меч, что успело стать ее отличительным знаком.

Толпа взвыла. По этому движению Хильдрет должна была уразуметь, что Лисандра ее не боялась.

У германки вырвался рык, но жест соперницы оказался недостаточным для того, чтобы понудить ее безрассудно устремиться вперед. Как ни убеждена была воительница в собственном превосходстве, у нее хватало здравого смысла не ждать очень легкой победы.

Вот она подняла меч, нацеливая его над краем широкого скутума, и тогда только Лисандра приняла боевую стойку, готовясь отводить своим маленьким щитом выпад германки. Рыжеволосая гладиатрикс начала сдвигаться вбок, выбирая положение для атаки, но и Лисандра не осталась на месте, не позволяя ей добиться преимущества.

Во время предшествовавших боев публику неизменно раздражало такое вот топтание по кругу, но сейчас зрители заворожено следили за каждым движением. Они отлично знали обеих воительниц. Обе успели снискать их любовь.

Победительница станет поистине великой.

И знатоки, и даже случайные посетители арены были уверены в том, что, когда Хильдрет и Лисандра наконец сойдутся, зрелище окажется достойным.

Спартанка напала первой. Это движение приветствовал многотысячный рев.

Ее клинок метнулся вперед. Меч Хильдрет принял его, отозвавшись ясным, чистым, далеко слышимым звоном. Германка ответила мгновенным выпадом, не давая Лисандре завладеть инициативой. Ее меч в свою очередь отлетел от маленького фракийского щита.

Лисандра танцующим движением отступила, приглашая Хильдрет последовать за собой. Германку защищала прочная броня, но она же, вкупе с увесистым скутумом, отягощала ее. Если слишком много двигаться, то она может скоро устать. Легкость и проворство против тяжеловесной медлительной силы — вот она, интрига, вот она, схватка противоположностей, которой так жаждала толпа.

Ну что ж, силы Хильдрет в самом деле было не занимать! Она шагала и шагала вперед, ее рука с мечом не ведала устали, стараясь прорубить изощренную оборону Лисандры. Та не

поддавалась и сама норовила ударить в ответ, но короткий меч раз за разом отлетал от громадного скутума. Вот Хильдрет еще подалась вперед, клинки встретились в воздухе и замелькали в рваной, стремительной пляске. Потом германка ударила щитом, обращая его в оружие нападения. Он угодил Лисандре прямо в грудь, обрывая дыхание. Спартанку швырнуло наземь.

Толпа буквально взвыла, зрители вскочили на ноги все до единого.

Хильдрет тотчас подоспела к упавшей сопернице, надеясь положить поединку скорый конец, но Лисандра уже перекатилась и приподнялась на одно колено, вскидывая свой собственный щит. Она успела остановить удар, нацеленный в шею. Хильдрет опять занесла скутум, желая заново сшибить ее с ног. Спартанка сделала неожиданный выпад и оттолкнула противницу.

Та споткнулась, это мгновение позволило Лисандре вскочить и немедленно затеять атаку. Варварка успела восстановить равновесие и благополучно ушла от ее ударов, мастерски орудуя тяжелым щитом. Лисандра, однако, не отставала, и один ее особо хитроумный тычок полновесно пришелся Хильдрет в бронированное плечо. Кожа и металл давали кое-какую защиту лишь

от удара вскользь, и на арену брызнула первая кровь.

Раздосадованная германка вскрикнула, принялась яростно отбиваться, но в тесной рукопашной ее длинному мечу было не развернуться. Ну что ж! Являя завидную сообразительность, она наотмашь приласкала Лисандру рукоятью в висок, почти оглушив ее.

Спартанка тотчас вышла из ближнего боя. Хильдрет устремилась в погоню и вычертила кончиком клинка длинную царапину у нее на спине. Толпа снова взревела. На солнечном свету бисеринами вспыхнули алые капли.

Лисандра закричала скорее от негодования, чем от боли и снова развернулась лицом к Хильдрет. Вдохновленная видом крови соперницы, германка, точно фурия, устремилась вперед, сверкая белыми зубами.

Предпочитая не подпускать ее вплотную, Лисандра прыгала влево и вправо, мечом и щитом отводя сыпавшиеся удары. Она хорошо видела, как залитые по́том груди Хильдрет вздымались все тяжелее.

«Уже скоро, — сказала себе спартанка. — Еще чуть-чуть».

Она дразнила противницу, стараясь вынудить

ее сделать ошибку, чуть не опаздывая защититься и вовсю притворяясь, будто совсем выдохлась, утратила скорость. Игра была очень опасная. Лисандра молилась, чтобы боевое неистовство помешало Хильдрет разгадать ее хитрость. Если подуставшая германка купится на обман, поверит, будто Лисандра утомилась куда как побольше ее самой, то она удвоит усилия, чтобы прикончить соперницу.

Их мечи встречались снова и снова. В какой-то момент напускная медлительность Лисандры сыграла с ней злую шутку — клинок Хильдрет глубоко вспорол ей бок. Лисандра ахнула в голос, когда чужое железо скользнуло по ее ребрам, тошнотворно скрежетнув вдоль кости, и отчаянно замахала мечом, силясь удержать Хильдрет на расстоянии.

Та отскочила прочь, радуясь передышке, тяжело дыша и не сводя глаз с кровавой раны на боку спартанки. Багровые струйки уже скатывались по ее бедру. Эта рана была началом медленного убийства. Так их когда-то учили. Кровь будет капать и капать, понемногу унося с собой силы. Чуть-чуть обождать — и изнемогшую Лисандру совсем легко будет прикончить.

Германка закусила губу. Когда-то она уже поби-

ла сегодняшнюю соперницу и, похоже, вплотную приблизилась к новой победе. Должно быть, сказывался боевой опыт воинственной варварки. Она с легкостью раскусила хваленую стратегию Лисандры. Да, Хильдрет сама была порядком измучена и в крови, но ее рана была ничто по сравнению с той, которую нанесла она сама.

Спартанка выпрямилась, привычно повела шеей из стороны в сторону и дважды крутанула мечом. Зрители встретили этот мужественный жест ревом восторга. Хильдрет же — и это не укрылось от Лисандры — от изумления округлила глаза.

Девушка хорошо понимала, что одной показной храбрости ей для победы не хватит. Хильдрет расправила плечи и снова двинулась вперед, высоко подняв щит. Увесистый скутум зримо подрагивал, делаясь по ходу поединка все тяжелее. Лисандра ждала.

Хильдрет сделала очередной шаг. Спартанка внезапно выпрыгнула вперед, ее нога мелькнула в классическом ударе, принятом в панкратионе. Ступня с лету врезалась в надвигающуюся стену скутума. Хильдрет закричала от боли, ее онемевшие пальцы выпустили ручку щита. Лисандра даже остановилась, не понимая, что такого могло

приключиться с соперницей. Только когда Хильдрет шарахнулась прочь, она разглядела, в каком неестественном положении пребывала ее рука. Удар вывихнул германке плечо.

Их глаза встретились, и во взгляде Хильдрет Лисандра прочла муку и бессилие. Та больше ничего не могла ей противопоставить.

Лисандра покачала головой. Нет, так не пойдет!

Она отшвырнула свой щит так, что он, вращаясь, улетел прочь по песку, и не торопясь отошла, позволяя противнице оправиться. Толпа завывала, топала ногами, стонала от восхищения. Благородство Лисандры никого не оставило равнодушным.

Хильдрет, пошатываясь, подошла к каменной стене, ограждавшей арену. Влюбленные зрители тянулись к ней сверху, стремясь прикоснуться, но она их не замечала. Германка сцепила зубы и с размаху ударила больным плечом в неподатливый камень. Лисандре показалось, она даже услышала хруст, с которым вскочил на место сустав. Девушка невольно содрогнулась от боли, обрушившейся на Хильдрет.

Та и вправду упала на колени, подвывая и корчась. Лисандра держалась поодаль, зажимая

ладонью рану в боку, силясь хоть как-то остановить кровь. У нее закружилась голова. Подобно германке, она присела на песок. Дыхание вырывалось из нее стонущими короткими всхлипами. Время потекло медленно-медленно, Лисандре показалось, будто даже сердце ее билось в унисон с размеренным топотом зрителей.

Тень упала ей на лицо, она подняла голову и увидела подошедшую Хильдрет. Лицо германки было белой маской боли, взгляд туманила чудовищная усталость. Ее рука вернулась на место, но висела подбитым крылом. Можно вообразить, каких усилий стоило ей любое движение. Лисандра заскрипела зубами и поднялась.

Хильдрет кивнула. Слова им больше не были нужны.

Они разом занесли мечи. Лисандра отчетливо понимала — пришло время наносить тот самый удар, пока она не потеряла сознания. От Хильдрет, похоже, не укрылось ее состояние. Германка закричала и сделала выпад. Лисандра каким-то образом сумела отбиться и ударила сама, но и ее клинок не достиг цели.

Некоторое время они так и рубились. Удар — защита. Выпад — защита…

Лисандра приблизилась к отчаянию. Ее кровь

текла наземь. С нею уходили последние силы, и она сама это чувствовала. Хильдрет же стояла скалой, отказываясь давать слабину. Мастерство больше не имело значения. Теперь речь шла только о том, кто из них окажется выносливей и сильней. Лисандра принялась наседать, выплескивая остатки сил.

Мечи встречались снова и снова, мелькая едва ли не быстрей, чем в начале схватки.

Потом, сама не особенно понимая как, Лисандра ударила низом, и ее клинок вошел во что-то мягкое.

Хильдрет ахнула, задохнулась… Они одновременно опустили глаза, чтобы увидеть меч Лисандры, по самую рукоять торчавший в животе германки. Обильная кровь уже заливала кисть и запястье Лисандры. Хильдрет качнулась вперед, и вес ее тела опрокинул на песок их обеих.

— Хильдрет!..

Германка перекатилась на спину, ее голубые глаза уставились в высокое небо. Лисандра крепко схватила ее за руку и стиснула так, словно пыталась не отпустить в Гадес.

— Хильдрет, я не хотела!.. — Ее голос сорвался, по щекам хлынули слезы. — Я пыталась лишь ранить!

Что бы она прежде ни думала о врагинях, которых необходимо убить, в этот миг она говорила чистую правду.

Хильдрет чуть повернула голову, их глаза встретились.

— Ты дралась не очень говенно.

Она закашлялась кровью и попробовала улыбнуться. Судорога сотрясла ее тело, изо рта вырвался болезненный крик. Еще миг Хильдрет боролась, потом затихла. Ее рука обмякла в ладони Лисандры. Душа воительницы отлетела.

Спартанка с трудом выпрямилась, прижимая рану в боку. Цирк неистовствовал, ее имя повторяли снова и снова, выпевая его, точно молитву. Она приветственно вскинула руку и на заплетающихся ногах поковыляла к воротам жизни.

XLII

Там ее встретила Даная, уже снаряженная для второго за этот день поединка.

— Лисандра, ты жива!..

Победительница что-то неразборчиво буркнула в ответ. Даная вряд ли восприняла ее слова, да, по сути, не очень-то в них и вслушивалась. Мысленно она уже вела свой собственный поединок. Спартанка, ковылявшая по каменному коридору, почти сразу перестала для нее существовать.

Даная сглотнула и постепенно принудила свое дыхание стать ровным и медленным. Как и многие ее подруги, она сумела укрепить свое тело и дух, как того требовала арена. Несчастная молодая жена из Афин давно осталась в прошлом. Теперь Даная была убийцей.

Она ступила на песок и услышала, как лязгнули ворота жизни, захлопнувшиеся у нее за спиной. Толпа еще ликовала, не в состоянии сразу утихнуть после того животного восторга, что доставили ей Лисандра и Хильдрет. Как славно, что следующий поединок начинался так скоро! Зрители даже готовы были забыть разочарова-

ние, причиненное слишком неравной парой в начале дня, и радостно приветствовали Данаю.

Подошедший служитель арены вручил ей меч, и она высоко воздела его, приветствуя Фронтина, а после и зрителей. Выходцы из Эллады дружно затопали, когда было объявлено ее боевое имя — Тесея. Как и Ахиллия, она состояла с ними в кровном родстве.

— А вот и ее соперница! — прокричал глашатай, отчаянно напрягая голос, чтобы перекрыть шум. — Перед вами свирепая воительница из степей севера…

Сердце Данаи убыстрило бег.

— Она уже билась сегодня, но так случилось, что схватка не произвела на вас впечатления. Сейчас она вернет себе славу, выйдя против великолепной Тесеи. Граждане Галикарнаса, я представляю вам… Амазону!

Звякнули, распахнулись со зловещей медлительностью створки ворот, противоположных тем, из которых вышла Даная, и солнечный свет озарил гибкую фигуру дакийки. Она также была вооружена как секутор, и толпа шумно выразила одобрение. Подобные поединки предпочитались всем остальным. Обе соперницы вышли на арену в тяжелых доспехах, а значит, могли порадовать

публику зрелищем длительным и кровавым.

Даная стиснула зубы, удерживая ярость, готовую выплеснуться. До того дня, когда ее изуродовала Сорина, она была красавицей. Амазонка сделала это мимоходом, небрежно, в ссоре, вспыхнувшей из-за пустяка.

Теперь судьба давала Данае возможность с ней поквитаться. Она видела, как бьется Сорина, и понимала, что сумеет дать ей достойный отпор. Амазонка была намного старше эллинки, а ее доспех — нешуточно тяжел. Надо будет попробовать утомить, измотать соперницу.

Крепко держа меч, она пошла навстречу Сорине. Лицо Данаи под шлемом было непроницаемо и сурово.

Дакийка вышагивала с ней в ногу, так что две женщины сошлись точно посередине арены и тотчас принялись осыпать одна другую градом ударов. Щиты встречались с мечами, щепки, покрытые лаком, летели во все стороны. Им не было нужды примериваться и приспосабливаться друг к дружке, обе вышли сюда убивать.

Они даже щитами ударили одновременно, раздался грохот дерева и громкий треск. Женщины сцепились и закружились. Каждая старалась достать противницу, ударив мимо доспеха и щита.

Даная зарычала сквозь зубы. Удержать амазонку оказалось очень непросто. По спине у нее уже вовсю стекал пот. Сделав усилие, заставившее ее оскалиться, она все-таки оттолкнула эту старуху. Сорина оступилась, и Даная тотчас ударила. Ее клинок лязгнул по шлему дакийки.

Она услышала, как выругалась Сорина, и ощутила жгучий мстительный восторг. Эллинка воодушевилась, замахнулась опять, но амазонка была все же слишком быстра. Она успела сдвинуться, ее меч атакующей гадюкой прыгнул вперед. Лезвие угодило в бедро, скользнув снизу вверх. Даная ахнула, нанесла ответный удар, но попала в деревянный щит амазонки.

Она попыталась отскочить прочь, но меч Сорины достал ее еще раз, пройдясь по боку, и по обнаженному торсу обильно потекла кровь. Зрители принялись гудеть и шипеть. Они желали победы эллинке, но пока было больше похоже, что выигрывала Амазона.

Поддержка трибун помогла Данае выкинуть из сознания боль и напасть снова, чтобы наконец-то прикончить увертливую амазонку. Она сделала стремительный выпад, но Сорина крутанулась, ушла от удара, а в следующий миг у Данаи вырвался вскрик — острое железо куснуло

ее в тыльную часть плеча. Сорина продолжала атаковать, и Даная еле успела вскинуть щит, останавливая удар, который иначе стал бы смертельным.

В тяжелом шлеме было непереносимо душно и жарко. Даная мечтала о передышке, чтобы сорвать его с головы, но противница знай наседала. Эллинка постепенно пятилась, принимая на свой скутум удар за ударом, и с отчаянием понимала, что сама-то она ни разу как следует не достала Сорину.

Это следовало исправить, притом как можно скорей.

Собравшись с силами, она устремилась вперед, но щит амазонки оказался точно на месте. Даная стала отводить руку назад, но делала это слишком медленно.

Резкая боль обожгла ей предплечье, а в следующий миг послышался приглушенный шлемом смех Сорины.

* * *

Лисандра осторожно спустила ноги с лежака.

— Скоро поправишься, — сказал ей лекарь. — Я умастил раны медом, чтобы не загноились. Так что ты просто…

— Не забывай менять повязки и добавлять мед, — перебила Лисандра.

— Верно, — кивнул лекарь.

Ему вряд ли понравилась такая резкость, но он ничем этого не показал.

— Вот, держи свою тунику.

Он передал ей одежду и помог натянуть ее.

— Благодарю.

Лисандра коротко кивнула, вышла в катакомбы и сразу направилась в сторону ворот жизни. Толпа на трибунах не особенно бушевала, но отдельные выкрики доказывали, что поединок Данаи еще продолжался. Лисандре пришлось проталкиваться вперед. У ворот, как обычно, толпились женщины, сошедшиеся поглазеть на поединки.

Когда она увидела, что творилось на арене, ее глаза округлились от ужаса.

Афинянка истекала кровью из доброй дюжины ран. Она шаталась как пьяная, а подле нее коршуном кружилась…

Сорина! Лисандра тотчас узнала ее.

Вот дакийка презрительно отшвырнула меч Данаи и снова резанула ее. Толпа зашипела. Людям явно нравилось столь длительное зрелище. Им бы только хотелось, чтобы выигрывала эллинка.

Все тело Данаи являло собой кровавое месиво, при этом она все еще пыталась отбиваться. Ее, как тотчас сообразила Лисандра, гнала вперед неутоленная ненависть к противнице.

— Падай!.. — закричала Лисандра.

Если Даная повалится, то скорее всего получит миссио.

Но этот крик будто услыхала Сорина. Амазонка оглянулась в сторону ворот жизни, сорвала с себя шлем, нашла взглядом Лисандру, улыбнулась, насмешливо пожала плечами, потом повернулась и жестом поманила Данаю к себе.

Та бросила тяжелый щит и захромала навстречу противнице, чтобы победить или умереть.

Сорина легко отбила ее неуклюжую атаку, пригнулась и всадила меч Данае в живот. Афинянка судорожно напряглась. Рассеченные внутренности кровавым потоком хлынули наружу, облепив завывающую амазонку. Сорина выдернула меч, Даная рухнула лицом вперед и беспомощно задергалась на песке. Кровь текла и текла, унося с собой ее жизнь.

Зрители вежливо аплодировали искусному убийству. Сорина высоко подняла меч, после чего указала окровавленным клинком на Лисандру, издеваясь над ее собственным жестом, которым

та всякий раз приветствовала свою богиню.

Сорина рассмеялась, отсалютовала правителю, не спеша плюнула на распростертое тело Данаи и лишь после этого покинула арену.

Лисандра в ярости стискивала руками решетку. Ей понадобилось все самообладание, чтобы тотчас же любым способом не вырваться на арену и не напасть на Сорину. Кровь спартанки кипела от ненависти.

«Сперва возлюбленная. А вот теперь и подруга…

Сорина умрет. И не в тайной потасовке в темном уголке луда. Нет. Я отправлю эту дакийку к ее богам на глазах у беснующейся толпы. Только так!»

* * *

— Великолепно!

Было похоже, что зрелище доставило Фронтину истинное наслаждение, и Бальб улыбнулся, пряча разочарование. Ему-то было нечему радоваться, ведь он только что потерял еще одного добротно обученного бойца.

— А скажи-ка, ланиста, кому это амазонка бросила вызов, перед тем как уйти? Ну, когда ткнула мечом в сторону ворот жизни?

Бальб едва не прибег к привычной лжи, но вовремя передумал. Если все вскроется, то неприятностей не оберешься. Дело того явно не стоило.

— Лисандре, — ответил он горестно. — Они люто ненавидят одна другую. Тесея — та женщина, что погибла сейчас, — была доверенной подругой Лисандры. На Эсхиловых играх, как ты помнишь, Амазона убила Британику. Так вот, до меня доходили слухи о любви между Британикой и Лисандрой. Их ненависть с амазонкой поистине замешана на крови.

Фронтин улыбнулся по-волчьи.

— Какая блистательная возможность для нас…

— Позволю себе возразить, господин мой, — начал Бальб осторожно.

«Лисандра хороша, но ей не хватает опыта. Не стоит стравливать ее с дакийкой, пока талант этой девчонки не раскрылся в полную силу».

Вслух он сказал:

— Не думаю, что Лисандра способна уже сейчас выстоять против Амазоны. Если она погибнет, тогда прощай все наши замыслы о великом сражении.

Фронтин задумался и кивнул.

— Возможно, ты прав. Хотя я, в общем, не убежден в этом. Думаю, Лисандра вполне способна

побить эту свою Немезиду. — Он усмехнулся. — Впрочем, тебе видней.

Бальб покачал головой.

— Господин мой, у тебя такой же острый глаз, как и у меня…

По его мнению, небольшая и безобидная лесть должна была сгладить некоторую неловкость, но взгляд Фронтина тотчас сказал ему, что его раскусили.

«Все как всегда, — подумал Бальб. — Такие уж они, патриции. С ними только свяжись, в любом случае останешься в проигрыше».

— Ну, может быть… Я все-таки их обеих каждый день вижу, наблюдаю, как они упражняются. Да, на арене не увидишь всего. К тому же у любого может случиться неудачный день, что нам недавно и продемонстрировала Амазона. Да, она выиграла, но очень не зрелищно. Народу не понравилось.

— Верно, — согласился Фронтин. — Но в этом смысле она только что себя обелила. Какое изощренное убийство! Искусство, доведенное до совершенства. Она буквально раскромсала Тесею на части и сделала это так, чтобы толпа могла сполна насладиться кровавым зрелищем. Это истинная воительница, знающая, зачем она

выходит на арену! Ну а насчет Лисандры, ладно, уговорил. Будем пока держать их подальше одну от другой.

Бальб кивнул больше затем, чтобы скрыть выражение своего лица. На душе у него было весьма неспокойно. Фронтин и Эсхил уже вложили в его луд вполне достаточно денег, но было похоже, что этот аванс придется отрабатывать прямо сейчас. До сих пор Бальб сам принимал решения, кому, когда и с кем драться.

«Всюду одно и тоже, — с горечью сказал он себе. — Кто платит, тот и принимает решение. Еще немного, и мой луд будет вынужден плясать под дудку прокуратора!»

Вино в кубке Бальба почему-то отдавало кислятиной.

XLIII

Игры продолжались.

Рана не позволяла Лисандре выходить на арену. Она с растущей тревогой приглядывалась к своим подопечным, следила за их выступлениями, отмечая сильные и слабые стороны каждой, потом раздобыла письменные принадлежности и стала записывать. Будет над чем поработать по возвращении в луд.

Она сама понимала, что придумывает себе занятие, чтобы отвлечься. Утрата Данаи оказалась для нее неожиданно сильным ударом. Естественно, она не разглагольствовала об этом и не выставляла своих чувств напоказ. Ей следовало при любых обстоятельствах хранить спартанскую невозмутимость, душевную твердость и ясность рассудка.

Но стоило девушке заглянуть в себя поглубже, и оказывалось, что гибель Данаи странным образом наложилась на утрату Эйрианвен. Она-то думала, что успела глубоко и окончательно похоронить свое горе, но Сорина заново вскрыла рану и заставила кровоточить.

Сорина, всюду Сорина!

Лисандре снова снился последний миг жизни Эйрианвен, ее протянутая рука. Вот только образ силурийки понемногу сливался с образом Данаи, заботливой и доброй, которую чуть не на ленточки распустила живьем проклятая варварка.

Вместе с Эйрианвен в сновидения Лисандры вновь вторгся и Нестасен. Гибель возлюбленной и бесчестье, постигшее ее собственное тело, стали единым злом, тревожившим ее по ночам. В душе Лисандры заново шевельнулся страх темноты.

Конец этому могло положить лишь кровавое противостояние. И чем скорее, тем лучше. Она убьет Сорину и тем навсегда избавится от кошмаров. Если ей не дано отмстить Нестасену, то уж убийцу Эйрианвен она с земли сотрет.

При всем том Лисандра отчетливо знала, что прямо сейчас выходить против дакийки было смерти подобно. Спартанская доблесть — это, конечно, да, но, не оправившись от раны, Лисандра стала бы для амазонки легкой добычей. Она старалась держаться как можно дальше от Сорины и ее окружения, утешая себя тем, что это была не трусость, а благоразумная осторожность. Лишь варварам свойственно ввязываться в драку, не обдумав все наперед, и тем самым обрекать себя

на поражение.

Катувольк часто приходил с нею поговорить. Он явно чувствовал, что ее одолевали черные думы, и пытался всячески укрепить их возрожденную дружбу. Наставник даже как-то вечером пригласил ее в город — познакомиться с этой его девушкой, Дорис. Хорошо хоть, у галла хватило соображения не отвести служительницу Афины непосредственно в лупанарий!

Лисандра загодя послала весть Телемаху и очень порадовалась, когда жрец выразил согласие к ним присоединиться. Действительно, все четверо неплохо провели вечер, если не считать бесчисленных поклонников, одолевавших Лисандру.

Так или иначе, она отвлеклась хотя бы на время. Но какая же, оказывается, мощная сила — жажда мести! Словно пожар, сжигающий все и вся на своем пути.

* * *

Гладиатрикс возвращались в луд под усиленной охраной. Луций Бальб хуже смерти боялся, как бы враждующие стороны не схлестнулись до срока. Взаимная ненависть между ними уже не знала границ.

Лисандре следовало отдать должное. Она держала своих сторонниц в строгой узде. Каждый день они строем выходили за ворота школы, чтобы заниматься на местности. Дикарки по этому поводу рычали и плевались, но ланиста не отменял своего распоряжения из-за их недовольства. Впрочем, не желая допускать открытого возмущения, он утешил окружение Сорины, приказав увеличить выдачу пива. Дикарки теперь каждый вечер напивались, так что день за днем проходил относительно тихо.

Как-то утром ланисте захотелось взглянуть на занятие войска — это наименование уже прочно прилипло к девушкам Лисандры, — и он выехал из школы вместе с Палкой и Титом.

— Они каждый день работают примерно одинаково, — сказал ему Центурион. — Так что ты все увидишь.

Оказалось, что раннее утро Лисандра посвящала упражнениям на выносливость. При этом каждая гладиатрикс несла на одной руке круглый щит, а в другой — восьмифутовое копье. Доспех составляли кольчуги, по дешевке купленные Бальбом из армейских излишков. Рубашки из крохотных железных колечек были не особенно тяжелы и хорошо облегали тело, не стесняя дви-

жений. В остальном, выдерживая исторический характер будущего сражения, девушки выглядели сущими гоплитами старинных времен. Гребни коринфских шлемов колыхались в такт их шагу.

— Впечатляет, — вырвалось у ланисты.

Тит одобрительно добавил:

— А они у нее быстренько забегали как настеганные.

После бега и упражнений в доспехах наступила очередь работы в строю, и вот тут Луцию стало ясно, в чем Лисандра действительно добилась успеха. Она выкрикивала короткие команды, Фиба дула в заржавленную трубу, извлекая из нее, правду молвить, довольно жалкие звуки, и женщины с завидной легкостью выстраивались по ниточке, занимая каждая свое место. Потом формирование принималось маршировать. Отвечая на различные приказы трубы, оно совершало то один маневр, то другой.

Бальб был в восторге.

— У них самый что ни на есть настоящий вид, — поделился он с Палкой. — Именно так, читая древних историков, я и представлял себе войско гоплитов! Я слышал когда-то, что этот ее спартанский жреческий союз до сих пор остается единственным местом на свете, где сохраняют

такую традицию… Но одно дело услышать, совсем другое — самим обзавестись настоящими гоплитами!

Палка в ответ только крякнул. По его мнению, это была всего лишь бессмысленная игра.

Маршировка продолжалась, маневры становились все более замысловатыми. Малейшая нестройность рядов жестоко наказывалась — если не самой Лисандрой, то ее ближайшими подручными. Тит пояснил ланисте, что наказание осуществлялось в форме долбежки — так они тут называли дополнительные упражнения. Выслушав это, Бальб про себя отметил, что Лисандра так и не прибегла к кнуту, которого, судя по всему, досыта напробовалась у себя в Спарте.

— Скоро они сделают передышку, после чего перейдут к обычному гладиаторскому учению, — пояснил бывший центурион.

— Что ж, я видел достаточно.

Бальб довольно потер руки, прежде чем развернуть коня и ехать обратно в луд. Он как раз собирался толкнуть лошадь пятками, высылая вперед, когда его окликнула Лисандра. Ланиста натянул повод.

Спартанка подходила к нему, держа шлем на руке, взмыленная, в покрытых пылью доспехах.

Он, впрочем, отметил, что сама она в маршировке участия не принимала. Должно быть, берегла свою рану. Что ж, молодец.

Бальб заговорил первым:

— Твои девушки весьма меня впечатлили!

— Хорошо, — коротко отозвалась она. — Но нам этого мало, Бальб.

— Ты это к чему? — спросил он осторожно.

— Пока у нас есть лишь тяжеловооруженные гоплиты, но для успеха необходимы и другие войска. Если сказания об амазонках содержат хоть толику правды, то варвары останутся верны своей обычной тактике: ударь и беги. Я должна буду обучить кого-то из твоих новых невольниц. Понадобятся пращники, лучники и…

— И кто еще?

Доводы Лисандры показались Бальбу разумными. В самом-то деле, пусть учит кого хочет и как хочет, лишь бы в судьбоносный день они выступили как надо, порадовали императора и принесли денежку. Почему не довериться Лисандре, уже показавшей себя даровитой наставницей?

— Понадобится конница, — сказала она. — Как легкая, так и тяжелая.

— Конница?.. — задохнулся ланиста. — Да ты

хоть представляешь, во что это обойдется? На одних лошадей сколько потратить придется! Ты меня что, вконец разорить хочешь?

— Ланиста, на Эсхиловых играх я видела, как гонялись за осужденными преступниками конные фессалийки, — спокойно проговорила она. — Еще я слышала о команде египетских наездниц, которые выступают в тяжелых доспехах и выделывают на лошадях всевозможные трюки. Думаю, таких женщин можно найти. Если ты хочешь приблизиться к исторической правде и желаешь, чтобы мы выиграли, — раздобудь их для меня!

Бальб решил воззвать к доводам разума:

— Лисандра, я понимаю и ценю те усилия, которые ты прилагаешь, стараясь воссоздать легендарную битву. Ты стремишься не упустить ни единой мелочи, но…

— Для спартанцев в военном деле не существует мелочей, ланиста, — перебила она. — Мне нужна конница.

Такое нахальство заставило Бальба недовольно поджать губы. Что ж, сам виноват. Предоставил ей немало свобод, вот она теперь ими и пользуется. С другой стороны, она была единственной во всей его школе, кому он мог позволять подобные

вольности и не сомневаться в том, что порядок будет соблюден. Так что Луцию волей-неволей приходилось терпеть.

— Содержание конницы влечет чрезмерные расходы, спартанка, — сказал он наконец, зная, как льстило ей подобное обращение. — Я и так уже возвожу новое крыло луда и закупаю немалое число новобранцев для твоего войска.

Губы Лисандры сжались в упрямую черту.

— Ты вынужден действовать в одиночку, Луций Бальб, — сказала она. — Тогда как против нас сообща выступит сразу несколько школ. Значит, и денег у них будет побольше, чем у тебя. Уж они-то на всадниц обязательно раскошелятся. К тому же варвары, из которых, как ты сам говорил, будет состоять это войско, на весь мир славятся искусством верховой езды, и к их женщинам это также относится. Если мы сойдемся с всадницами чисто в пешем строю, то они нас быстренько выкосят. Я даже местность использовать не смогу. Ведь все будет происходить на равнине, не так ли?

— Вроде того, — вынужденно кивнул Бальб. — Людям ведь захочется видеть все детали боя. Зрителей не выведешь на позицию, которую ты захочешь занять.

— Вот и я о том же, ланиста. Если бы я имела

возможность по своему произволу выбрать место для битвы пешего войска против конной орды, то заняла бы возвышенность, вдобавок защищенную по бокам. Но, увы, такой возможности у меня не будет. Не знаю я и того, что именно будут представлять собой наши враги. Если они в самом деле приведут на бой тяжелую конницу, то крыльям нашего войска несдобровать. Это заранее неизвестно, вот я и хочу подготовиться по всем правилам военного искусства. Быть может, нам придется встать в оборону или вовсе придумывать что-то прямо на месте, если враг предпримет какие-то своеобычные действия. Имея свой собственный летучий отряд, я при любом раскладе смогла бы оборонить крылья и позволить фаланге нанести решающий удар. А вот если ее лишить надлежащего охранения…

Бальб выставил перед собой ладони. Для него это была уже военная заумь, вникать в которую он не хотел. Однако Луций покосился на старого центуриона и по выражению его лица понял, что Лисандра городила не такую уж чушь.

— Все зависит от того, намерены ли заводить конницу наши враги, — сказал он со вздохом.

Лисандра кивнула.

— Что ж, разведаем, — пообещал Бальб. — Если

я и вправду узнаю, что в других школах тренируют наездников и лошадей, значит, будем изыскивать дополнительные средства. Но если нет, то и нам они не понадобятся.

— Благодарю, — сказала Лисандра.

Бальб видел, что она чуть не отсалютовала ему по-воински, но все-таки передумала, просто повернулась и пошла прочь.

— Разорюсь я, право слово, — пожаловался он Титу.

— Все может быть, — рассмеялся седой центурион. — Вот только зрелище должно получиться и в самом деле невиданное! Все-таки восхищаюсь я, Бальб, этой девчонкой…

Луций чуть натянуто улыбнулся в ответ. Денег было отчаянно жаль, но и Тит говорил правду.

— Надо будет приставить к делу Фалько, — проговорил ланиста. — Правду сказать, Тит, в это дело вложено уже столько, что победа нам вовсе не помешает!

— Прежде чем сюда угодить, я ведь служил в легионе… — начал Тит.

Бальб приготовился выслушать одну из его бесконечных историй, но тот всего лишь сказал:

— Она обязательно выиграет, ланиста, вот помяни мое слово. Дай ей то, что она просит, и

девчонка тебя не подведет. Она так напоминает мне одного молодого трибуна, которого я когда-то знавал в германских лесах…

— Я отправлю Фалько разузнавать, — поспешно перебил Бальб.

Тит смерил его разочарованным взглядом и снова стал смотреть, как упражнялось войско Лисандры.

XLIV

— Он правда едет? Сюда?!

Более чем когда-либо в жизни Секст Юлий Фронтин был близок к панике.

— Да, государь мой, — спокойно отвечал бывшему хозяину Диокл, его вольноотпущенник-грек.

Фронтин встал с ложа.

— Когда?

— Месяца через три. — Диокл провел пятерней по редеющим волосам. — Если не раньше. Письмо отправлено в июле, скоро уже сентябрь.

Прокуратор беспокойно заходил по комнате.

— Вот так, без предупреждения! — пожаловался он и глянул на своего письмоводителя, словно тот был причиной всему.

— Рим не считает себя обязанным соблюдать правила, господин мой, — без особого одобрения подтвердил вольноотпущенник. — Он сам их устанавливает.

Фронтин остановился и вперил в него пристальный взгляд.

— Сказать тебе, что это значит?

Бывший раб только кивнул. Попробовал бы он

ответить как-то еще.

— Они высылают соглядатая, чтобы проверить, как у меня дела! Другого объяснения нет! Он едет сюда удостовериться, достаточно ли усердно я тут готовлюсь к празднованию дня рождения Домициана! Эти выскочки полагают, будто мы, старая гвардия, без их помощи шагу не сумеем ступить.

— Вот именно, мой господин, — старательно храня непроницаемый вид, поддакнул Диокл.

— Ну так я покажу этому Траяну, из чего мы тут в Галикарнасе сделаны. Пусть знает!

— Непременно, мой господин.

— Три месяца! Все полностью перед ним разыграть мы, конечно, не сможем, но и допустить, чтобы в Риме болтали, будто в моей провинции все вот так сиднем сидят… Ведь не допустим, верно, Диокл?

— Именно об этом я сейчас думал, мой господин.

Опытный слуга подпустил в свой голос точно отмеренную толику скуки, чтобы показать Фронтину, что довольно пустой болтовни, пора принимать решения, причем побыстрее.

На какой-то миг правитель был готов ощетиниться, но потом махнул рукой и расхохотался.

— Все равно нет смысла паниковать по поводу

того, что мы не в состоянии изменить.

— Да, мой господин.

— Раз так, то надо созывать всех. Пригласи ко мне Бальба и того сирийца, поставщика шлюх, как там его… ну ты понял, о ком я.

— Полагаю, господин, я уже понял, что ты имеешь в виду. Всевозможные утехи для глаз и для чувств. Игры, конечно же. Опять-таки всю свиту необходимо должным образом разместить. И так далее, и так далее…

— Совершенно верно, Диокл. — Фронтин снова опустился на ложе и вытер вспотевший лоб. — Паршивцы вообразили, будто вот так обойдут старого полководца на повороте. Пусть попробуют!

— Все будет сделано, господин мой. Я за всем прослежу.

Диокл чуть улыбнулся, почтительно наклонил голову и удалился. Ему предстояло много работы.

* * *

— Дело замышляется крупное, — поведал Бальб наставникам, собравшимся у него. — Оно должно превзойти даже игры Эсхила. Право же, это станет великолепным зачином той битвы, которую

мы думаем устроить на будущий год. Для этого надо привести девок в самый лучший вид, на какой они только способны. — Пухлый палец нацелился на парфянина.

Палка, валявшийся на ложе, слегка приподнялся и спросил:

— А как же наше растущее войско? Полководец Лисандра вряд ли будет довольна, если все ее занятия вдруг полетят кувырком.

— Думаю, тут не о чем беспокоиться, — вмешался Тит. — Нам не понадобится вмешиваться. Она и так творит чудеса со своими воспитанницами. Так что там говорит Фалько? Другие школы закупают наездниц? — спросил он ланисту.

Бальбу совсем не хотелось уводить разговор в сторону, но и Тита, явно болевшего за подготовку к сражению, обижать не стоило.

— Да, — сказал он. — Закупают. И что за привычка у этой Лисандры! Вечно она оказывается права!.. До меня дошел слух, что другие ланисты в основном уповают на численность и на врожденное умение своих варваров управлять лошадьми. Так что все будет так, как хотелось нашей спартанке. Другое дело, что Фронтин отнюдь не торопится развязывать кошелек, особенно теперь, с этим неожиданным визитом важно-

го вельможи из Рима. Остается надеяться, что доходы от предстоящих игр с лихвой покроют будущие затраты.

Палка не верил собственным ушам.

— Значит, нам предстоит своими силами набирать еще и женскую конницу? Да где ж мы денег возьмем?..

Бальб развел руками.

— Будем собирать, приторговывать, еще что-то придумаем. Учти, если Лисандра потерпит поражение, мы вообще окажемся на улице. Если же выиграет, то денег получим столько, что ни одному скряге и во сне не приснится. О славе я уже не говорю. Но это когда еще будет, что же касается безотлагательных дел…

Бальб понял, что настала пора применить все свое умение управлять людьми, которым он не зря гордился.

— Вот что, друзья, права на ошибку у нас нет, — сказал он, чувствуя себя военачальником перед решительной битвой. — Наши девочки обязаны будут во всей красе показать себя перед советником Домициана. Рим должен прослышать о нашей работе. Кто знает…

Ланиста не договорил. Перед его глазами пронеслись картины имперской столицы, обожания

ликующих толп.

Бальб сделал усилие, возвращаясь на бренную землю.

— Одним словом, наша репутация полностью зависит от грядущих Траяновых игр, как их теперь уже называют. Это в первую голову значит, что свары в школе должны быть полностью исключены. Надо известить женщин, что на подобных играх римляне охотно вознаграждают доблесть свободой. Какие-либо стычки повлекут не только суровое наказание, но и отлучение от арены.

— То есть от возможной свободы, — удовлетворенно кивнул Тит. — Мудрое решение, Бальб.

Ланиста самодовольно улыбнулся.

— Надеюсь!..

* * *

Новые рабыни прибывали в луд во все большем количестве. Все они были перепуганы, не знали, какой участи ждать в этом новом и неведомом месте. Лисандра, впрочем, видела, что Бальб кого попало не приобретал. Большей частью это были крепкотелые эллинки с руками, натруженными стиркой и работой за ткацким станком.

Эти новенькие и составили основную часть

ее войска. Как ни хороши были ее теперешние гоплиты, для победы требовалась гибкая мощь, вовсе не свойственная воинскому строю, бытовавшему столетия назад. Все верно. Они будут разыгрывать историческое событие, а значит, современные черты придавать войску нельзя. Но если применить македонский опыт, то все останется в допустимых границах. Ну, почти…

Вскоре будущие воительницы уже орудовали длинными сариссами — восемнадцатифутовыми копьями, теми самыми, с которыми воины Филиппа и его сына Александра наводили такой страх на врагов. Правильно устроенная фаланга обращала к противнику сплошной лес копий, проникнуть сквозь который не представлялось возможным. Всякий, кто сунется, повиснет на остриях. А кого не сметет фаланга, с теми расправятся лучшие маневренные силы.

Перезнакомившись со всеми и каждую расспросив, Лисандра выделила уроженок Родоса и Крита. Первые в большинстве были пастушками, то есть искусно владели пращой. Это древнее оружие испокон веку помогало отгонять волков и других хищников от овечьего стада, да и на войне применялось вовсю. Девушки с Крита больше привыкли пользоваться луками. Дальнобойность

у этих двух видов оружия была разная, но если с умом их сочетать, то можно было обрушить на вражескую конницу смертоносный град стрел и камней. Немалую подмогу лучницам и пращницам мог оказать отряд легковооруженных пелтастов, которые, выскочив из засады, смешают вражеские порядки.

Как и прежде, Лисандра сперва обучала избранную горстку, после чего перепоручала дело тем, кто способен был вести за собой остальных. В итоге возникала цепочка нисходящего подчинения, простая, действенная и очень надежная.

Как выяснилось, Лисандра очень вовремя сформировала ее. Довольно скоро ожидалось начало роскошных гладиаторских игр, и ей волей-неволей приходилось выкраивать время для собственной подготовки. Но теперь она вполне могла себе это позволить. Войско и без нее работало как хорошо отлаженный механизм.

* * *

— Трудно небось отрываться от любимого воинства, а, полководец? — дружески подначила ее Фиба как-то вечером, после учебного поединка.

— Еще как. — Лисандра уселась и вытерла мокрый лоб. — Когда человек видит плоды,

приносимые его гением, он чувствует удовлетворение.

— Ну конечно, — улыбнулась Фиба. — Лишь ты могла свершить такой подвиг, о великая.

Лисандра немного подумала и кивнула.

— Пожалуй, ты права. Любая спартанская жрица обучена тем же боевым искусствам, что и я, но не каждой, как мне, присущи харизма и богоданная способность вести за собой людей.

Фиба закатила глаза. Вот что у Лисандры было действительно богоданным, так это ее беспредельная самоуверенность.

Эта наглость вызывала почти умиление, и эллинка поддакнула:

— Сам Александр позавидовал бы!..

Лисандра улыбнулась в ответ. Все же трагический конец Данаи и гибель Эйрианвен заметно смягчили спартанку. Она оставалась как прежде упрямой и высокомерной, но Фиба видела, как ее подруга прорабатывала за оплошности своих новеньких. Ни пыток, ни битья, по ее же словам, бытовавшего у спартанцев.

Наверное, двойная утрата все же переменила ее, причем не однозначно в лучшую сторону. В Лисандре появилась некая одержимость. Войско и собственная подготовка — вот и все, чем теперь

ограничивался ее мир. Она и говорить-то ни о чем не могла, кроме тактики, оружия и способов убийства врага. Казалось, спартанка ковала себе броню, защищаясь от будущей боли, а с нею и от любого естественного чувства. Под маской Ахиллии больше не было молодой жрицы, с которой Фиба познакомилась когда-то. Рядом с ней сидела гладиатрикс, ставшая совсем чужой.

— Ты что, смеешься надо мной? — прервала Лисандра ход ее мыслей.

— Я? — с напускным возмущением ответила Фиба. — Да кто я такая, чтобы насмехаться над великим полководцем?

Она была исполнена решимости обращаться с Лисандрой как прежде. Вдруг это поможет спартанке обрести прежнюю душу?

— Похоже, будущие игры должны прогреметь, — сказала та, меняя русло беседы.

— Да уж, — отозвалась Фиба. — Я слышала, сенатор, ни больше ни меньше, едет из Рима их посмотреть. То-то все бегают как ошпаренные! Такого зрелища в этой провинции еще не видали. Четыре месяца игр! — Она покачала головой. — Подумать только!

Лисандра посмотрела на равнину, где вышагивало ее войско.

— Надо будет заручиться согласием Бальба, чтобы после поединков мне было позволено возвращаться сюда и присматривать, как идет дело, — сказала она.

— Он вряд ли откажет, — кивнула Фиба. — Подготовка к будущему сражению обходится ему в жуткие деньги. Ради победы ланиста сделает все, а лучше тебя никто войско не обучит. Без шуток говорю!

— Кто бы сомневался. — Лисандра поднялась на ноги. — Ну что? Продолжим?

Фиба встала, пряча улыбку. Нет, эта гладиатрикс своей для нее так и не сделалась. Как была наглая паршивка, так и осталась.

XLV

В луде царила лихорадочная деятельность. Наставники гоняли девушек без всякой пощады. Каждая гладиатрикс должна была выйти на песок арены, пребывая на вершине возможностей.

Разрываясь между собственной подготовкой и обучением каждодневно растущего войска, Лисандра оказалась близка к пределу выносливости.

После того как учебная схватка с какой-то германкой едва не кончилась для нее поражением, Палка отозвал девушку в сторонку.

— Уймись, — посоветовал он. — А то добром это не кончится.

— Я сама знаю, что мне по силам, а что нет, — огрызнулась спартанка.

Она стояла согнувшись, положив руки на бедра, ее грудь ходила ходуном.

— Нет, не знаешь. — Наставник поднял ладонь, пресекая все возражения. — Уймись, тебе говорят, а то драться нечем будет, когда время придет. Посмотри на себя! Ты из последних сил боролась с этой соплячкой, когда должна была

одним щелчком ее на задницу посадить!

— Послушай, я не ребенок, чтобы выслушивать твои указания. Я сама знаю, что мне делать!

— Нет, это ты послушай! — рассердился парфянин, и Лисандра против воли напряглась, выпрямившись во весь рост.

Палка же неожиданно огляделся, подошел к ней вплотную и проговорил, понизив голос до шепота:

— Вот что, девочка. Я ведь не глухой. Я по ночам прохожу мимо твоего дома и слышу, как ты кричишь во сне. Тебе страшное снится, так ведь?

Палка не стал уточнять, но было ясней ясного — он отлично знал, кто именно являлся терзать Лисандру ночами.

— Короче, еще раз повторяю: уймись! Не то велю отлупить тебя так, чтобы не могла заниматься!

— Неужто Бальб тебе позволит?..

— Его здесь нет! — Палка пригрозил ей посохом, вырезанным из упругой лозы. — Иди-ка отсюда. Заберись в баню. И чтобы никаких упражнений! Ни войска, ни всего этого! — Он обвел рукой площадки. — Отдыхай, это приказ. Читай, пиши, молись своей Афине, делай что хочешь, мне все равно, только расслабься. Ты хоть представля-

ешь, сколько сейчас стоишь, спартанка? Ну так вот, я совсем не хочу, чтобы кто-нибудь размотал твои кишки по песку только из-за того, что ты от усталости не могла биться. Отлежись, отоспись… Дошло?

— Дошло, Палка. — Губы Лисандры сжались в знакомую упрямую черту. — Только ты все равно ошибаешься.

— А мне все равно. Короче, брысь отсюда, да не вздумай переживать! Любая другая на твоем месте прыгала бы от счастья.

Лисандра пошла прочь, но напоследок бросила:

— Если ты еще не заметил, Палка, я — не «другая».

* * *

Про себя Фронтин твердо решил, что нипочем не позволит считать себя этаким замшелым провинциалом. Он — настоящий римлянин, который покажет этому Траяну, выходцу из Иберии, что очень даже умеет развлечь гостя так, как принято в столице. Галикарнасский правитель не считался ни с какими затратами и не терял втуне ни единого мгновения, готовясь к прибытию доверенного советника Домициана. Нет уж, он в

лепешку расшибется, но римский посланец увидит роскошь, достойную столичных вельмож!

Помимо чисто внешнего лоска Фронтин с помощью неутомимого Диокла убедился в том, что римские войска, расквартированные в округе, были как следует вымуштрованы, что все панцири должным образом блестели, а кожа доспехов была как надо окрашена и промаслена. Нельзя было упустить ни единого пустяка, ничто не списывалось на авось. Фронтин знал, что малейший недосмотр тотчас привлечет внимание иберийского выскочки, а значит, в Риме о нем станут думать такое…

Чем дальше, тем больше дни правителя были заполнены безотлагательными делами, не говоря уже о прошениях от разных городских партий, каждая из которых жаждала вложить деньги — и, соответственно, заработать на высоком посещении. Фронтину приходилось несладко, но, с помощью Диокла, он как-то справлялся.

Хорошо хоть, от Луция Бальба не приходилось ждать подножек в решительный миг. Ланиста уже заверил его, что подготовка к играм продвигалась отменно.

Септим Фалько, верный соратник Бальба, подогревал публику с того самого дня, когда впервые

распространился слух о приезде Траяна. Город наводнили приезжие не просто со всей Малой Азии, но даже из Греции. Это было хорошо. Пускай все запомнят, как он, Секст Юлий Фронтин, в небывалые сроки устроил игрища столь роскошные, что люди приехали взглянуть на них даже из-за моря. Такой политический задел на дороге не валяется!

Все было готово, тем не менее в день приезда Траяна Фронтин не находил себе места. Когда же ему донесли, что сенатор со свитой уже в городе и движется к его дому, прокуратор аж заметался.

— Не волнуйся так, господин мой, — утешал верный Диокл. — Вот, выпей вина и немного отдохни, пока есть время. Не будет никаких неожиданностей. Все идет своим чередом.

Фронтин ожег вольноотпущенника взглядом, но все же послушался и устроился на ложе. Диокл был прав. Когда явится иберiец, тут уж не отдохнешь.

— Надеюсь, все и правда в порядке, — сказал он и потянулся за чашей разбавленного вина.

Время тянулось медленно. Правитель успел даже слегка задремать, но только для того, чтобы рев медных труб грубо выдернул его из сладкого забытья. По счастью, предусмотрительный Дио-

кл успел унести вино, а не то, чего доброго, он спросонок облил бы безукоризненно белую тогу.

Фронтин поднялся, внутренне собираясь.

Распахнулись двери, и люди правителя вытянулись в струнку — в покой входила свита сенатора.

Процессию возглавлял рослый светловолосый мужчина лет тридцати с небольшим. Он был крепко сложен и одет подчеркнуто по-военному — сплошные пряжки и блестящая бронза. Этот человек подошел к прокуратору, на мгновение замер и вскинул руку вперед от плеча.

— Приветствую тебя, Секст Юлий Фронтин! — сказал он отрывисто и громко, с характерным выговором своей родины.

— И я тебя приветствую, Марк Ульпий Траян, — отозвался тот, мысленно давая первую оценку стоявшему перед ним человеку.

Он уже видел, что военная выправка Траяна была отнюдь не наигранной. От взгляда Фронтина не укрылись скрещенные шрамы на его правой руке. Это был не какой-нибудь столичный хлыщ, увешанный наградами, купленными чужой кровью. Правитель Малой Азии увидел перед собой мужчину и воина, не понаслышке знавшего, насколько сладок хлеб легионера. У этого мужчины

был такой же цепкий, оценивающий взгляд, как и у него самого. Фронтин протянул ему руку и встретил крепкое пожатие. Удивительное дело, Траян начинал ему нравиться.

— Приветствую тебя в моем доме.

— Большая честь для меня, господин мой, — наклонил голову иберием.

— Пойдем же. — Прокуратор повел гостя вдоль строя легионеров. — Мы посетим бани, и ты расскажешь мне о путешествии и о его цели. — Тут он искоса глянул на молодого сенатора.

Траян усмехнулся.

— Вот что я называю лобовой атакой!..

— Мы родились воинами, ты и я, — пожал плечами Фронтин. — Политиками нас сделало стечение обстоятельств.

Это была похвала, и Траяну она очень понравилась. Тем более в устах человека, водившего в бой легионы, когда он еще сосал материнскую грудь. Если он почитает тебя как равного, то это дорогого стоит.

А Фронтин продолжал:

— Люди вроде нас предпочитают говорить напрямик. Нам нет нужды в словесных уловках.

— Верно сказано. Итак, идем в бани. Там и побеседуем.

* * *

Бани, как и все прочее, у Фронтина были роскошные. Обильный пар струями поднимался под потолок, мешаясь с драгоценными египетскими благовониями в ароматный туман. У бассейна дожидались господ несколько рабов обоего пола и разных цветов кожи, избранных за телесную красоту. Мало ли какие желания возникнут у высокого гостя? Надо, чтобы он смог их тотчас удовлетворить.

Сперва беседа вращалась вокруг Рима и политической обстановки в столице. Прокуратору не терпелось узнать о походе против изменника Луция Антония Сатурнина, вступившего в союз с германскими племенами. Траян участвовал в нем.

— Одного из тамошних вождей я видел на недавних играх, — сказал Фронтин. — Представь, это была женщина!

— Ничего удивительного, — ответил сенатор, блаженно раскидываясь в воде. — Они дерутся бок о бок со своими мужьями, ни в чем им не уступая, а временами и превосходя. Некоторые племена даже наделяют женщину равными правами с мужчиной. Более того, они их почитают.

Правда, странный обычай?

— На войне — согласен, это нелепость, — ответил Фронтин. — Но вот что касается гладиаторских игр, то женские бои мне кажутся довольно занятными. Волнующее зрелище, ты не находишь?

— Я? — Траян поднял брови. — Я таких боев, можно сказать, и не видел. Вот божественный Домициан — да, является большим их поклонником. У него даже есть любимица, германка по прозвищу Ауриния. Так что в Риме женские поединки сейчас весьма даже в моде. Их, как и мужские бои, проводят ближе к вечеру, при факельном свете.

Эта последняя фраза прозвучала весьма неодобрительно. Фронтин сделал вывод, что сам иберiец схватками воительниц не увлекался, скорее напротив. С другой стороны, упоминание о факельном свете означало, что в столице женские поединки достигли невиданного размаха и славы.

«Вот так меняются нравы, — подумал Фронтин. — Воистину наступили новые времена».

— А еще в Риме поговаривают, будто в Малой Азии как нигде знают и любят это… изящнейшее из гладиаторских зрелищ, — сказал вдруг Траян.

Фронтин не поторопился с ответом. Он прекрасно понимал, что здесь следовало соблюсти разумную осторожность.

— Мы не претендуем на что-то выдающееся. Стараемся, конечно, сделать все возможное, но живем всего лишь в провинции. Не сомневаюсь, что игры, вдохновляемые императором, с легкостью затмят все, что мы способны устроить здесь.

Траян рассмеялся. Стены бань откликнулись эхом.

— Да ладно, правитель, не ты ли сказал, что мы по рождению воины, а не политики! — Он повернулся и пристально посмотрел на Фронтина. — Не бойся сказать то, что почитаешь за правду. Неужто ты считаешь, что я вернусь к Домициану и доложу ему, будто ты хвастаешься тем, что твои зрелища превосходят столичные?

Он вышел из воды, встал на краю бассейна и поманил к себе рабыню с полотенцем.

Фронтин окинул взглядом его молодое тело, одетое крепкими мышцами, украшенное боевыми рубцами, но еще не изведавшее калечащего прикосновения старости, и ощутил мимолетную зависть. Он тоже выбрался из теплой воды, и прохладный воздух заставил его вздрогнуть.

Траян поднял руки, и миловидная карийская девушка принялась промокать его кожу.

— У нас в Риме премного наслышаны о недавних играх Эсхила. Говорят, именно ты добился такого повышения уровня женских поединков, что они из второстепенного развлечения превратились в самостоятельное и едва ли не основное зрелище. У нас болтают, что здешние гладиатрикс — так, кажется, их принято называть? — достигли неслыханного уровня мастерства. Твои женщины якобы великолепно обучены, об их схватках рассказывают несусветные вещи! Кое-кто даже склонен считать, что наши столичные бойцы очень неплохи, но по сравнению с воительницами Малой Азии они просто бледная немочь. Верить ли этим слухам?

Фронтин отмахнулся.

— Не хочу врать. Пожалуй, мы действительно подняли женские бои на небывалый уровень. Но, может статься, зрители попросту увлекаются новизной? Все со временем приедается.

Траян вновь рассмеялся, и мужчины отправились одеваться.

Потом они отдыхали на удобных ложах в рабочей комнате Фронтина, закусывая маслинами и виноградом.

— Тебе, конечно, уже известно, что я прислан сюда ради одной цели. Мне поручено убедиться в том, что подготовка ко дню рождения императора осуществляется в соответствии с его вкусами, — продолжая беседу, сказал Траян. — Без сомнения, ты понимаешь, что досада императора может обернуться для нас самым худшим.

Правитель даже закашлялся, после чего ответил:

— Истинные слова.

— Мне стало известно, что в последнее время ты лихорадочно готовил игры в мою честь, — добавил Траян и не без самодовольства воспринял удивленный взгляд Фронтина. — Ты, конечно же, согласишься с тем, что без доносчиков и соглядатаев в наше время не обойтись.

— Ну, насчет лихорадочности я бы поспорил, — вежливо возмутился Фронтин. — Твоего приезда мы, в общем, не ждали. Другое дело, что здесь, в Малой Азии, еще не забыто римское искусство немедленно отвечать на вызов, который бросают нам обстоятельства, и тем подчинять их.

Да, мальчишка был прав, но прокуратор никому не позволял садиться себе на голову.

Траян не рассердился.

Он чуть склонил голову и сказал:

— Я употребил неудачное слово, господин мой.

Это прозвучало как извинение.

Фронтин им вполне удовольствовался, а сенатор продолжал:

— Как бы то ни было, я прибыл сюда узнать, правдивы ли слухи и можно ли ждать, что твои игры окажутся достойны нашего божественного цезаря.

— Я, в свою очередь, полагаю, что тебе ни в коем случае не придется скучать, Траян!

Правитель приветственно поднял кубок. В уме он стремительно перебирал варианты действий. Ясно было, что молодой сенатор стремился увидеть нечто совершенно особенное.

«Ну что ж, — решил про себя Фронтин. — Он получит желаемое».

XLVI

Бальб велел доставить к себе в приемную шестерку самых здоровенных стражников луда и лично расставил их вдоль стен. Они стояли с равнодушными глазами, непроницаемыми квадратными рожами и держали наготове дубинки, чтобы не допустить каких-либо неожиданностей.

Вскоре в помещение вошел богатырь Катувольк. По обе стороны от него держались женщины. Бальб увидел, что галл счел необходимым заковать обеих в ручные и ножные кандалы, и содрогнулся. Легко было представить, чего стоило этим воительницам пережить подобное унижение.

«Прямо как дети малые! — неслышно вздохнул ланиста. — Разговаривать с ними придется соответствующим образом, потому что детки эти особые. Смертельно опасные».

Он заставил себя улыбнуться.

— Приветствую вас, красавицы, — проговорил ланиста, боясь оказать одной из них честь вперед другой.

Женщины ответили довольно-таки кровожадными взглядами, и он понял, что выбрал верную линию поведения. Бальб положил руки на стол и сплел пальцы.

— Я пригласил сюда сразу вас обеих, потому что у меня есть для вас общий подарок. Кое-что такое, чего вы обе страстно желаете. — Он поднял пергамент, лежащий на столе, и показал его им. — Это послание Секста Юлия Фронтина. Прочесть его вам?

Публику всегда следовало держать в напряжении, и Бальб, давний устроитель зрелищ, не изменил себе даже теперь.

— Прочти, — сказала Лисандра. — А то ведь эта дубина дикая грамоте не обучена.

Сорина зарычала и дернулась было к ней. Катувольк перехватил амазонку и пихнул ее в руки ближайших стражей. Лисандра презрительно хмыкнула вслед.

— Все полностью читать нет нужды.

Бальб вздохнул. Предосторожности Катуволька, увы, оказались вовсе не лишними.

— Как вам обеим известно, Фронтин устраивает игры для высокопоставленного сенатора, приехавшего из Рима. Это великое событие, равного которому наша провинция доселе не знала. — Он

сделал паузу, добавляя значимости словам. — Так вот. Во-первых, женские бои впервые не будут проводиться как вспомогательные. Их не только приравняли к мужским, но и выдвинули на главное место. Во-вторых, вы обе не будете участвовать в рядовых поединках. Решено, что ваша схватка увенчает собой зрелище. Вам предстоит драться между собой насмерть при закрытии игр.

Сорина показала в улыбке разом все зубы.

— Погоди, Бальб, — сказала она. — Чтобы позабавить сенатора, следовало бы устроить бой равных. Эта девочка-тростиночка слишком быстро уступит моему клинку. Так случилось с ее любовницей, а потом и с подругой.

Лисандра вспыхнула, ее глаза сузились, но лишь на миг. Бальб мысленно возблагодарил богов за то, что бывшая жрица по-прежнему владела собой, как полагалось спартанке. Уж Сорина-то на ее месте сейчас точно рвалась бы к горлу оскорбительницы. Подумав так, он запоздало подивился той силе ненависти, что звучала в словах амазонки. Ведь она тоже некогда любила Эйрианвен, а теперь упомянула о ее смерти просто ради того, чтобы побольнее задеть Лисандру.

Какая же бездонная пропасть вражды разверз-

лась между ними!

— Так вот, послушайте меня, вы обе! — Бальб наставил палец сразу на обеих. — Итак, назначен день, когда вы друг до дружки дорветесь. Выйдете на арену и хоть режьте одна другую, хоть ешьте, но прежде даже не думайте! У каждой из вас есть последовательницы. Я требую, чтобы вы соблюдали сдержанность и призвали к тому же своих подруг. Если до или во время игр у нас произойдут какие-либо беспорядки — какие угодно, слышите! — то я буду считать виноватыми именно вас. Тогда я прикажу выколоть вам обеим глаза и продам в рудники. Не думайте, что это пустая угроза. Именно так я с вами и поступлю. Если на играх что-то пойдет не так, то мне и самому впору будет руки на себя наложить. Но прежде я с вами расправлюсь!

Кажется, его грозная речь заставила содрогнуться даже Лисандру. Бальб понял, что рассчитал верно. Гладиатрикс не запугаешь смертью, а вот увечьем, да еще таким…

Вслух он сказал:

— Надеюсь, мы с вами поняли друг друга.

Женщины промолчали. В воздухе витала вполне ощутимая ненависть. Бальб жестом велел им удалиться и решил напомнить Фалько, чтобы

в своих разговорах с людьми тот всячески напирал на непримиримое соперничество между Ахиллией и Амазоной.

Скверно, что Фронтин заставил его выставить их на бой до смерти, однако Бальб был деловым человеком. Да, ему предстояло лишиться одной из двух своих лучших гладиатрикс, но кто сказал, что он должен был терять ее даром?

* * *

Лисандра и Сорина, разделенные стражей, молча дошли до учебных площадок.

Лишь там Сорина произнесла:

— Я убью тебя. Так и знай.

Льдисто-синие глаза обдали ее морозом, надменные губы презрительно скривились. Сорина чуть удивилась, не встретив во взгляде спартанки ни ярости, ни страха — вообще никаких чувств. Это был неподвижный взор мраморной статуи.

— Не думаю, — бросила она.

Катувольк снял с нее цепи, и Лисандра ушла, не проронив более ни слова. Сорина стояла и смотрела ей в спину. Спокойствие Лисандры показалось первой воительнице очень зловещим.

Она встряхнулась, отгоняя неприятное чувство. Лисандра не проявила радости по поводу гря-

дущего поединка. Это значило, что у нее кишка оказалась тонка. Она боялась Сорины и скрывала свой страх, делая каменное лицо.

Катувольк освободил ее от оков, и амазонка проговорила со звериной улыбкой:

— Боги наконец-то мне улыбнулись.

— А мне вот кажется, что они над всеми нами смеются, — ответил галл.

Сорина фыркнула.

— Скоро она умрет. Я взрежу этот ходячий гнойник. Возможно, тогда к тебе вернется трезвость суждений. Между нами и такими, как она, не может быть никакой дружбы!

Молодой наставник передернул плечами.

— Может, все будет так, как ты говоришь. — И он двинулся прочь.

Амазонка вполне понимала, что галл говорил неискренне, но ей было все равно. От мысли о поединке у нее за спиной точно выросли крылья.

Она убьет Лисандру посередине арены.

* * *

Спартанка так ни разу и не оглянулась. Она была довольна тем, что сумела неплохо скрыть от Сорины свой восторг. Пусть амазонка побесится. Тем верней проиграет.

Сорина небось этого не поняла, но на самом деле поединок между ними уже начался. Пускай веселится. Все равно одолеет та из них, что будет лучше готова. Лисандра намеревалась одержать победу еще до того, как они со старухой выйдут на песок.

«Разум — главнейшее оружие. Варварам понять этого не дано. Быть может, это оттого, что они вообще вряд ли способны достигать высших уровней восприятия?..

Покамест я пообещаю себе только одно. Я не буду стремиться к быстрой победе. Никаких ударов в горло, никаких попыток скорее оборвать жизнь старой карги. Не-ет, надо будет потянуть время, заставить Сорину страдать так же, как страдали Даная, Эйрианвен и я сама.

Пусть она отправится к своим варварским богам истерзанная, сломленная, изорванная в кровавые клочья».

Лисандра нашла взглядом изваяние Афины, стоявшее по ту сторону учебной площадки, и воздела руки, придавая своим мыслям силу обета.

XLVII

Галикарнас жил предвкушением. Его улицы, и в обычное-то время всегда переполненные, теперь напоминали реки, готовые выплеснуться из берегов. Не осталось стены, на которой не висел бы пергамент, живописующий предстоявшие Траяновы игры. Ожидаемые события были чуть ли не единственным предметом застольных пересудов во всех городских кабаках. Азартные люди бились об заклад на страшные суммы, споря об исходе каждого поединка. Доверенные лица только поспевали принимать деньги. Кто-то должен был безумно обогатиться, кому-то предстояло неизбежное разорение. Ставки делали и завсегдатаи цирка, и едва ли не каждый горожанин, обладавший хоть какими-то средствами.

Гостиницы и постоялые дворы трещали по швам. Кругом карийской столицы вырос палаточный лагерь, который оказался едва ли не обширней самого города. Городская казна пухла как на дрожжах. Ремесленники трудились не покладая рук. Торговцы стекались в Галикарнас со всех сторон света. Повозки с рабами,

передвижные кухни с поварами при них, произведения искусства, полчища шлюх с хозяевами и охраной… Чуть ли не все население провинции и сопредельных земель стеклось в Галикарнас, питая надежду урвать хоть крошку от пирога!

Фронтин и сам не без труда верил цифрам, которые показывал ему Диокл.

— Неслыханный доход, господин мой, — кивал невозмутимый письмоводитель. — Даже невзирая на твои траты ради игр будущего года, кубышка полна! Правду сказать, мы годами не видели такого достатка.

Фронтин довольно улыбнулся.

— Замечательно! Ты же помнишь, Диокл, какие сомнения терзали меня в отношении Траяна, но теперь я убедился в том, что его неожиданный приезд только выявил мои лучшие стороны.

— Несомненно, — кивнул бывший раб. — Посему, господин, я позволю себе напомнить, что пора готовиться к выходу. Вряд ли тебе стоит пропускать церемонию открытия игр, особенно после всего, что ты сделал для подготовки этого события.

— Верно подмечено! — Фронтин отставил недопитый кубок с вином. — Как думаешь, мне выйти в военном облачении или тогу надеть?

Вольноотпущенник отступил на шаг, скрестил на груди руки и задумчиво посмотрел на прокуратора.

— Я выбрал бы тогу, господин мой. День обещает быть жарким. Лучше любоваться зрелищем, а не печься в доспехах.

— Да, но если Траян наденет их? Не хочу, чтобы он решил, будто я отвык переносить трудности.

— Если этот сенатор их наденет, господин, значит, он всего лишь глупый мальчишка, который будет валяться в обмороке уже к полудню.

— Хотел бы я на это посмотреть, — проворчал Фронтин. — Мальчик и в самом деле немного честолюбив, но в целом он мне нравится.

— Ты глубоко видишь суть каждого человека, правитель. Так мне позвать рабов, чтобы они облачили тебя?

— Что?.. — спросил Фронтин и спохватился: — Ах да… тога. Распорядись, Диокл. — Он потянулся было за кубком, но вольноотпущенник проворно выхватил чашу почти у него из руки. — Эй! Мое вино!..

— Оно успело прокиснуть, господин, — не моргнув глазом, отозвался Диокл. — Я велю принести свежего. — И удалился с поклоном.

Оба понимали, что никакого вина больше не

будет. «Ну и жадина ты, Диокл, — обиженно подумал Фронтин. — В собственном доме уже не допросишься выпить».

* * *

Проход гладиаторов вызвал среди горожан такое же исступление, как и мистерии в честь Диониса. Лисандра успела насмотреться на толпы, сходившие с ума от крови и похоти, но это было нечто особенное даже на ее многоопытный взгляд. Облаченная в алую тунику, она возглавляла процессию, вышагивая бок о бок с Сориной, а по сторонам улицы лезли друг другу на головы приезжие и жители Галикарнаса. Крик стоял такой, что звук обретал плоть и весомо обрушивался на шагающих гладиатрикс.

Все это заставляло Лисандру вспоминать тот свой самый первый раз на арене. Только тогда она была ошеломлена и даже немного робела, теперь же ярость и страсть, пропитавшие воздух, были ей желанны. Она слышала, как выкликали ее имя, и не могла сдержать едва заметной улыбки.

— Сегодня они взывают ко мне, — проговорила она углом рта. — Где твои былые обожатели, Сорина?

— Через четыре луны все они запоют по-друго-

му, спартанка, — с дикарским оскалом отвечала амазонка. — Радуйся, как умеешь, своим последним денькам.

— Будет так, как угодно богам, — ровным голосом сказала Лисандра. — Но все-таки как похоже, что зрители от тебя устали.

— Думай что хочешь! — рявкнула дакийка, и Лисандра вполне удовлетворилась видом толстой жилы, выступившей у нее на лбу.

Отвечать Сорине она не стала, повернулась к толпе и приветственно махнула рукой, породив восторженный рев множества голосов.

* * *

Попав в жилые катакомбы под ареной, спартанка сразу почувствовала перемены.

Для начала ей была предложена отдельная комнатка, поодаль от других эллинок, и она согласилась ее занять. Похоже, и публика, и устроители, и сами подопечные Лисандры успели понять, какая бездна разделяла их и ее. Тому было множество причин, начиная с происхождения и воспитания. Потом появилось войско. Простым воинам следует оказывать уважение полководцу! Девушка собиралась брать пример с великого Александра, делить тяготы и испытания

со своими людьми, но все же оставаться хоть на ступеньку, а выше.

Они по-прежнему не могли без нее обойтись. Фиба, к примеру, успела стать предводительницей хоть куда, но Лисандра слишком хорошо представляла себе ограниченность коринфянки. Да, та многому научилась у нее, но можно ли было равнять навыки этой девчонки и целую жизнь военного опыта, доставшуюся самой Лисандре?

— Ты ее обязательно победишь, — сказала ей Фиба на пиру, устроенном в первый же вечер.

— Обязательно, — кивнула Лисандра. — Нет, ты только посмотри на нее! — Она презрительно ткнула подбородком в ту сторону, где сидели варварки. — По обыкновению напивается, как свинья!

— А я вот думаю, не последовать ли ее примеру, — сказала Фиба, поглядывая на кувшин с вином. — Мне предстоит драться только через несколько дней.

Лисандра хотела было одернуть ее, ибо очень не одобряла пьянство, но резкая отповедь так и не сорвалась с ее языка. На нее смотрели подопечные, и Лисандра принудила себя улыбнуться.

— Верно, Фиба. Так порадуйся жизни вместе с подругами. — Она обвела взглядом стол. — Как

старыми, так и новыми.

Перед ней было полно свежих лиц. Замена павшим.

— А сама ты разве не поднимешь с нами кубок, Лисандра? — подала голос одна из новых девушек, прелестная уроженка Аргоса по имени Елена. — Выпьем за полководца!

Лисандра сощурилась, припоминая, кем та была в войске. Ну конечно. Елена стояла в фаланге, и Фиба неплохо отзывалась о ней.

— Ну что ж, отчего не опрокинуть чашу-другую, — наконец проговорила Лисандра. — Пусть пьют все, кроме тех новичков, кому завтра сражаться! Им надо оставаться трезвыми и не терять бдительности! Передайте это остальным.

Елена тотчас вскочила и побежала от одного стола к другому, разнося эллинкам приказ Лисандры. Кто-то заворчал, кто-то скорчил рожу. Лисандра отметила, что в целом девушки выглядели немного пришибленными. Они долго и старательно готовились к поединкам, но мысль о том, что скоро им предстояло сражаться и умирать для потехи толпы, внушала эллинкам страх. Лисандра невольно вспомнила Данаю, какой та была в самом начале, и опечаленно опустила глаза.

— Что с тобой? — тихо спросила Фиба, от которой не укрылась перемена в ее настроении.

— Я подумала о Данае, — так же тихо отозвалась Лисандра. — Она была так похожа на них. — Спартанка кивнула на новеньких.

— Все мы были такими.

Фиба осушила кубок и поправилась:

— Большинство из нас, я хотела сказать.

Лисандра великодушно простила ей оговорку.

— А вот Елена, по-моему, не особенно переживает, — сказала она.

— Славная девчушка, — кивнула Фиба. — Молоток, как у нас говорят. Знает свое место в строю, выполняет все приказы быстро и четко. Тит отметил, что она одной из первых была готова для арены. Есть в ней эта жилка. Новенькие в большинстве своем уже неплохо подходят для боя в строю, но пока еще не особенно годятся сюда. — Фиба обвела рукой цирк.

— Вот именно, — кивнула Лисандра. — Есть разница в подготовке солдата и гладиатрикс. Немногие из нас способны и на то и на другое.

Фиба нахмурилась.

— Лисандра, ну не всем же дано быть вроде тебя.

— Не всем, — подтвердила спартанка. — Но я

не только о себе говорю, Фиба. Ты по-настоящему здорово управляешься со своим отрядом и в поединках хорошо дерешься. Отменно даже!

Фиба чуть не подавилась вином.

— Ты правда так думаешь?..

— Да. Если бы дело обстояло иначе, то я не упражнялась бы вместе с тобой.

— Я… — Фиба не находила слов. — Спасибо, Лисандра.

Спартанка поднялась на ноги и поставила кубок.

— Веселитесь, — сказала она и пошла прочь. Полезно все же бывает вовремя похвалить человека. Это придает ему уверенности в собственных силах и лишний раз напоминает о ее роли предводителя.

Вот так, занятая приятными мыслями, она шла к своей комнатке.

Девушка еще не успела как следует запомнить ее местоположение в путанице коридоров. Несколько раз Лисандра сворачивала не туда и в конце концов заблудилась. Раздражаясь, она брела непонятно куда, пытаясь найти хоть какое-то знакомое место.

Когда ее ноздрей коснулась мерзкая вонь, Лисандра сообразила, что оказалась возле тюрьмы,

где содержались преступники, приговоренные к смерти. Обреченных мятежников и воров держали в совершенно невозможных условиях. Они питались помоями и сидели среди собственного дерьма, дожидаясь неминуемой смерти.

«Поделом им! — сказала себе Лисандра, ибо это были сущие человеческие отбросы. — Законы пишутся для того, чтобы их исполняли».

Идя мимо, она невольно покосилась сквозь решетку внутрь одного вонючего закутка, и ее сердце мгновенно взлетело к самому горлу.

Там, скорчившись на голом полу, спал в углу Нестасен.

XLVIII

— Ты совершенно уверена, что это был он?..

Бальб пребывал в весьма дурном расположении духа. Никос, его помощник, поднял хозяина ни свет ни заря лишь оттого, что Лисандра, мол, требовала встречи с ним. Наспех одеваясь, ланиста раздраженно бормотал что-то о зарвавшихся бойцах, склонных забывать свое место. Может, следовало напомнить спартанке, кто здесь хозяин?..

Но стоило Лисандре поведать ему о сделанном накануне открытии, как с Бальба слетел весь сон.

— Ты уверена?

— Естественно! — отрезала она.

— Так!.. — Бальб стиснул пальцами переносицу. — Хорошо. Значит, он сидит среди приговоренных. Если хочешь, я устрою, чтобы его убили прямо сегодня. Полагаю, ты с удовольствием на это посмотришь.

Ледяной взгляд спартанки ввинтился ему в зрачки.

— Я хочу сама с ним покончить, — сказала она.

— Вполне понимаю, — проворчал Бальб. — Я позабочусь об этом. Полагаю, нам не откажут. Более того! — Тут он даже воодушевился. — Публике наверняка понравится. Связанный насильник, обретающий наказание от рук своей жертвы…

— Похоже, Бальб, ты не вполне понял меня. Я хочу не расправы над связанным. Я собираюсь драться с ним и убить.

Луций недоуменно вскинул глаза, но тотчас понял, что спартанка говорила абсолютно серьезно.

— Но это неслыханно, — проговорил он. — Ты очень хороший боец, но всего лишь женщина! Нестасен, как бы плохо ему ни пришлось, живьем тебя съест!

Спартанка подняла бровь.

— Полагаю, ты заблуждаешься. Я должна драться против него!

— Лисандра! — вздохнул Бальб. — От тебя теперь столько зависит! Ты хочешь, чтобы я позволил тебе драться с мужчиной? Ваш поединок с Сориной — гвоздь всего происходящего. Если тебя убьют…

Он в отчаянии развел руками.

— Но мне необходим этот бой!

Лисандра хлопнула ладонями по столу. Ла-

ниста чуть не подпрыгнул от неожиданности, постепенно начиная сердиться. Что за поведение, в конце-то концов?..

Потом он вскинул глаза, увидел ее лицо, и его гнев мгновенно утих. Бледноватые щеки спартанки раскраснелись, но вовсе не от бессильного раздражения. По ним текли слезы.

— Тебе не понять, — проговорила она. — Унижение, боль, ярость… Я же заново переживаю все это каждую ночь, вижу тот закуток, где сидела в цепях! Они ворвались… эти мужчины… их тела… Бальб, тебе не уразуметь, что это за пытка.

— Лисандра!

Бальб полез было из-за стола, чтобы утешить девушку, но вовремя передумал и просто сказал:

— Понимаю, это было ужасно.

— Я непременно должна выйти против него, — повторила она. — Я больше не могу носить это внутри. Стоило мне увидеть его, и все всколыхнулось! Его лицо так и стоит у меня перед глазами. Эта туша вдавливает меня в пол. — Спартанка досадливо смахнула влагу со щек. — Я чувствую, как он снова рвет мое тело! Вонючий скот! — Она мотнула головой, силясь взять себя в руки. — Я должна заставить его почувствовать то, что чувствовала сама. Пусть страдает, как я страдала.

Я должна его победить и освободиться от него наконец.

«Деньги! Подумай о деньгах!.. — мысленно увещевал себя Бальб. — Не давай голоса сердцу, помни о том, что перед тобой лишь дорогостоящее вложение. Кроме того, Лисандре нипочем не выстоять против Нестасена».

— Я хорошо понимаю, что ты чувствуешь, — сказал он вслух. — Но женщина еще никогда не выходила на арену против мужчины. Это просто неправильно!

— Несправедливо? Неправильно? — закричала она. — А насиловать меня в углу во все дырки, это правильно было?!

Бальба невольно покоробил такой подбор слов.

— Ни в коем случае, — сказал он. — Но давай представим, что я дал согласие и ты проиграла. Как тебе понравится умереть с мыслью о том, что твой насильник снова восторжествовал?

— Все равно, — ответила она. — Это мой выбор. Пожалуйста, Бальб!

«Пожалуйста». Луций чуть не свалился со стула. Она сказала «пожалуйста». Он только тут осознал, что ничего подобного от нее не слыхал. Прежде была лишь спартанская гордыня, сплош-

ные требования, истерики и угрозы. Просьб он что-то не припоминал.

Ланиста даже чуть тряхнул головой, словно для того, чтобы взглянуть на нее свежим взглядом, не замутненным привычкой. Какая-такая еще Лисандра Спартанская?.. Перед ним была его собственность. Кусок мяса для удовлетворения аппетитов арены. Товар, который он выгодно продавал. Разве не так?

«Ох, староват я становлюсь, — сказал себе Бальб. — Душой болеть начинаю за каждую девку. Совсем размяк. Вот и в Лисандре этой не могу видеть просто рабыню, живую вещь. Что это со мной происходит? Сперва у Сорины на поводу пошел, потом — у прекрасной Эйрианвен, теперь эта вредная спартанка. Лет десять назад они с такими выходками у меня живенько на невольничий рынок угодили бы. Рука бы не дрогнула. А теперь?»

От себя-то правды не скроешь. Ему было больно видеть слезы этой гордячки. Чтобы Лисандра да вдруг плакала, а он, прожженный ланиста, об этом переживал?

Бальб прикрыл глаза. Кто мог предвидеть подобное?..

Нет, право, что за бессмыслица. И что с того, что

она рисковала жизнью на арене, дабы принести ему прибыль. Это было в порядке вещей. Отправлять ее в лапы Нестасену на верную смерть Бальб нипочем не хотел.

— Этого никто еще ни разу не делал, — сказал он погодя. — Публика такого не примет.

— Еще как примет, — со всей убежденностью ответила Лисандра. — Бальб, они уже считают женские бои основным зрелищем. А чем хуже смешанный бой?

— Но так не делается, — возразил он. — Женщины и мужчины бьются раздельно. Так тому и следует быть.

— А ты о деньгах подумай, — внезапно проговорила она.

— О каких еще деньгах?.. — нахмурился Бальб.

«Нет уж, я не позволю спартанке вертеть собой, как это делала Сорина».

— Вообрази, какие будут делаться ставки, — сказала Лисандра. — Наверняка все против меня. Когда я побью Нестасена, у тебя в руках окажется целое состояние. Прикинь, как выгодно можно будет представить этот бой! «Жрица-воительница получает возможность совершить возмездие над похитителем ее чести!»

А ведь девчонка была права. Бальб ощутил, как

поколебалась его недавняя уверенность.

— Ты хочешь, чтобы весь город обсуждал твое изнасилование? — спросил он. — Неужели отмщение стоит того?..

— Пусть твои устроители распишут его какими угодно красками. Мне все равно. — Лисандра выпрямилась, ее лицо снова стало непроницаемым и холодным. — Ты сам никогда не дрался на арене, Бальб, но среди зрителей сидел, стало быть, знаешь, какая похоть двигает эти игры. Это же правда, пусть низкая и некрасивая. Или ты думаешь, я не слышу, какие слова мне кричат из толпы? Боги!.. — Она воздела руки. — Мы же выходим драться полуголыми, а то и совсем нагишом! Для чего, спрашивается? Для проворства движений?.. — Спартанка растянула губы в жестокой ухмылке. — Или для того, чтобы кто-то мог заглядывать нам между ног, пока мы бьемся за свою жизнь? Они видят наши лица, когда мы гибнем или побеждаем, и заходятся в экстазе. Для них это словно соитие!

Вот тут она попала в самую точку. По своему обыкновению, воительница обрисовала дело самым раздражающим образом, но суть от этого не менялась. Богатеи, жаждавшие переспать с гладиатрикс, сулили Бальбу баснословные суммы,

которые он неизменно отвергал, ибо не желал опуститься до уровня какого-нибудь поставщика шлюх. Он один-единственный раз уступил Фронтину, когда тот потребовал к себе Лисандру. Правда, оказалось, что у старика на уме была отнюдь не постель, но сам-то Луций тогда в первую голову подумал о стыдном.

Ланиста принял решение.

— Я дам согласие, Лисандра, — проговорил он и увидел, как ее отпустило страшное напряжение, а глаза загорелись сумасшедшим восторгом. — Но хочу, чтобы ты знала вот что. Лично я не буду делать на этот бой никаких ставок.

— Почему? — удивилась она.

— Потому что… — Бальбу не сразу удалось облечь в слова владевшее им чувство. — Потому что ты решила встать за правое дело. Я не позволю себе наживаться на твоем бесчестье. Да, было время, когда я сделал бы это не задумываясь, но теперь… Помни только, что я разорюсь, если ты проиграешь, — добавил он с улыбкой.

Лисандра вскинула подбородок.

— Луций Бальб, я не проиграю.

* * *

— Эта сучка готова как угодно собой торговать, лишь бы толпа ее не забыла! — возмущалась Сорина.

Весть о грядущем поединке Лисандры и Нестасена разлетелась по жилищам гладиатрикс со скоростью морового поветрия. Ни о чем ином в казематах под ареной попросту не говорили. Сорина, не в силах ничему помешать, металась по своему покою, точно бешеная тигрица.

— А как поступила бы ты на ее месте? Ну, будь у тебя такая возможность?

Верная Тевта, как обычно, пыталась взывать к голосу разума, но амазонка ничего не желала слушать.

— Для начала я нипочем не позволила бы себя изнасиловать! — выкрикнула она. — Девчонка сама напросилась! Я думаю, она безотчетно хотела его, вот и дразнила!

— Сорина!..

— А сейчас она просто хочет покруче мне насолить. Эта спартанка не даст мне убить себя, предпочитая погибнуть от рук мужчины — ах, что за честь! Толпа запомнит ее великую храбрость, а я не смогу отомстить ей и останусь ни с чем!..

Тевта поднялась и успокаивающе взяла ее за плечо.

— Но она может выиграть. Разве ты сама не убивала мужчин?

Сорина сбросила ее руку.

— Тогда было по-другому! Я убивала их в битве, в неразберихе. Но здесь ей не победить! — Она ткнула пальцем вверх, где располагалась арена. — Ты же видела его, Тевта! Ты помнишь, как невероятно он силен! Не-ет, спартанка намеренно лезет смерти в зубы, чтобы я с носом осталась.

Раздался осторожный стук, и дверь отворилась. На пороге, держа поднос со сладостями и вином, стояла Вария.

— Перекусите, пожалуйста, — сказала девочка.

— Вон! Вон отсюда! — Сорина, найдя выход своей ярости, сорвалась на визг.

— Но мне приказали…

Сорина замахнулась, Тевта успела вклиниться между ними и проворно выхватила поднос у Варии из рук.

— Ступай, — шепнула она.

Перепуганная Вария умчалась прочь со всех ног, а Тевта поставила поднос на столик.

— Нет нужды вымещать на ней зло. Лучше успокойся. Мы все равно ничего не можем по-

делать. — Она попробовала вино и облизала губы. — Бальб расщедрился. Выпей, Сорина!

Тевта приглашающе похлопала по скамье рядом с собой.

Сорина села. Ее еще трясло от так и не выплеснутого гнева. Она схватила кувшин и принялась пить прямо из горлышка. Алая жидкость потекла у нее по подбородку.

Подруга внимательно следила за тем, как она глотала вино.

— Так-то лучше, — сказала она, когда Сорина утерла рот. — Полегчало?

— Если бы не эта тварь, то Эйрианвен была бы жива. Ненавижу!..

Тевта вздохнула.

— Догадываюсь. Но не позволяй ненависти разрушить себя, Сорина. Как бы ни обернулось дело, Лисандра умрет. Ты увидишь ее бездыханное тело. Боги примут жертву, невзирая на способ ее заклания. — Она осторожно коснулась бедра Сорины. — Давай на время выкинем Лисандру из наших помыслов и сердец.

Амазонка откинулась на лежанке и распахнула ноги. Тевта опустилась на колени, ее язык начал нежную и восхитительную игру. Сорина запустила руку ей в волосы и вдруг грубо рванула к себе.

— Мне не нужна любовь!.. — прошипела она. — Дай мне облегчение!..

* * *

Вария бежала хитросплетениями коридоров, стараясь не натолкнуться на гладиатрикс, спешащих по своим делам. Она была счастлива, как никогда прежде. Девочка в самый первый раз попала на игры и вообще выбралась за пределы луда. Более того, ей позволили прислуживать Лисандре и остальным эллинкам.

Лисандра еще не вернулась к себе. Не было ее и у других женщин. Вария пустилась на поиски и обнаружила спартанку на разминочной площадке. Та сошлась в учебной схватке с Катувольком. Девочка знала, что вмешиваться было нельзя. Желая что-то сделать, она приготовила кувшин воды для своей госпожи и уселась ждать. Как сладостно в применении к Лисандре звучали эти слова — «моя госпожа»!

Спартанка нападала и защищалась, двигаясь со скоростью рассерженной змеи. Варию оторопь брала от зрелища подобной силы и быстроты. Никто не победит госпожу. Даже Нестасен. Катувольк отбивался длинной палкой, обрезанной по длине варварского меча, Лисандра действовала

двумя деревянными клинками, готовясь к поединку в качестве димахайры.

— Он больше и сильней, — тяжело дыша, повторял Катувольк. — Побеждай за счет быстроты. Ты должна стать быстрей, чем когда-либо.

Лисандра молча кивнула. Взгляд, лишенный выражения, был устремлен на соперника. Катувольк рявкнул и метнулся вперед. Его меч со свистом размазался в воздухе, ища тело гибкой спартанки. Лисандра ушла в сторону и назад, но галл наседал. Свист меча прерывался коротким стуком дерева о дерево — Лисандра отбивала удары.

— Нет! — заорал на нее Катувольк. — Не так! Уклоняйся!

— Не смогу я от него без конца бегать! — огрызнулась Лисандра. — Рано или поздно у нас все равно дойдет до рукопашной!

Катувольк бросил палку.

— Только после того, когда ты его начисто измотаешь. Так, чтобы руки поднять не мог. Иначе он тебя вмиг заломает!

— Все уши прожужжал, — сказала Лисандра. — С самого утра только это и слышу!

— Да потому, что это святая правда! — взорвался наставник. — Если тебе понадобилось

вляпаться в подобную глупость, так постарайся хоть выжить! Для этого ты должна держать дистанцию и понемногу разбирать его на кусочки!

— Глупость, говоришь? — Лисандра вскинула бровь. — По-твоему, искать отмщения глупо?

— Нет, я не о том, — пробормотал Катувольк.

Вот ведь девка! Ей мало что было известно об обычаях пограничных племен, но она и эту малость использовала, чтобы его уколоть.

— Месть — дело святое. Я о способе, который ты выбрала! Мы могли бы устроить…

— Нет, — перебила Лисандра. — Он должен умереть перед зрителями. От моей руки. Так, чтобы смерть стала для него унижением.

Катувольк безнадежно вздохнул и подобрал палку.

— Ладно, — сказал он. — Продолжим.

Лисандра зло улыбнулась и приняла боевую стойку.

* * *

Эти учебные бои заставляли спартанку отдавать все, на что она была способна. Катувольк оказался очень искусным и невероятно сильным бойцом. Стоило ей попытаться развить захваченное было преимущество, как он просто

наваливался на нее корпусом и сносил с ног. Лисандра бесилась, негодовала, но в то же время понимала, насколько правильно поступал галл. Пока она не научится противостоять ему, о Нестасене можно не помышлять.

Между прочим, спартанку поразило то, что всего лишь один взгляд на нубийца мгновенно воскресил ее прежние страхи и кое-что похуже. Чувство беспомощности, унизительный стыд… Разум напрасно твердил, что на самом-то деле она ничего постыдного не совершила. Откуда же это жуткое ощущение вины, не имевшее логических объяснений? Почему с того момента, как она увидела его сквозь решетку, к ней с новой силой вернулись ночные кошмары? Непостижимо!

Внешне она сохраняла твердокаменную уверенность, не показывая страха, поселившегося в ее душе. Лисандра боялась вовсе не смерти, но поражения. Что она сможет противопоставить мастерству и чудовищной силе нубийца? Может, бывшая жрица по своему упрямству собиралась совершить непоправимую глупость, но как еще она сумела бы очистить свою душу, избавиться от вины и стыда?

Только победив его на арене, где он считал себя сильнее всего.

Катувольк делал все от него зависевшее, чтобы помочь ей. Упражняясь с ним, спартанка выкладывалась до предела, ходила в синяках и ссадинах, но заметно оттачивала свое искусство. В первый же день занятий они провели на площадке несколько часов, и под конец Катувольк тоже явно устал.

— Продолжим завтра? — спросила она.

Галл стоял согнувшись и тяжело переводил дух, упираясь руками в бедра.

— Ага, — сказал он, потирая свежие ушибы. — Отдохнем и проверим, чему ты научилась сегодня.

Лисандра кивнула ему и пошла прочь. Вария с кувшином воды побежала следом за ней.

— Это я для тебя приготовила! — радостно объявила она.

Лисандра жадно присосалась к кувшину, и девочка добавила:

— Ты так здорово билась!

— Еще недостаточно здорово, — ответила Лисандра. — Ты сделала, как я тебе велела?

— Да! — весело кивнула Вария. — Она там от злобы по потолку бегает, кричит, будто ты идешь против Нестасена только затем, чтобы он тебя убил и она не сумела бы отомстить.

— Вот тут она не вполне права, — кривовато улыбнулась Лисандра. — А вино взяла?

— Не знаю. Я сбежала, иначе она побила бы меня.

Лисандра чуть улыбнулась.

— Значит, она была достаточно сердита, чтобы наброситься на тебя с кулаками, но, допустим, вино все же взяла. Хорошо. Я хотела бы, чтобы она заглядывала в кубок как можно чаще. Ненависть и вино заставят ее утратить сосредоточенность.

Тут Лисандра невольно задумалась о необходимости самой пребывать в полном сосредоточении. Ей ведь предстояло перешагнуть не только Нестасена, но и Сорину. Только тогда призраки перестанут ее посещать.

— Ты молодец, Вария, — кивнула она девочке. — Я довольна тобой.

Та вспыхнула, польщенная.

— Госпожа!..

Лисандра, уже двинувшаяся было прочь, оглянулась.

— Что такое?

Девочка, кажется, не на шутку собралась с духом.

— Госпожа, я хочу стать гладиатрикс, как ты! Я хочу быть героиней! Ты ведь научишь меня, как

стать лучшей? Тогда мне не придется быть у всех на побегушках, как теперь. Нет, госпожа, я это не про тебя. Я служу тебе с радостью, это для меня великая честь. Я к тому, что не хочу оставаться обыкновенной рабыней!

Все это излилось довольно бессвязным потоком, так что Лисандра уловила суть не без некоторого труда.

— Бальб ничего не говорил о том, чтобы сделать из тебя бойца, — ответила она, и у девочки вытянулось лицо.

Это заставило Лисандру нахмуриться. Только детских обид ей сейчас не хватало.

— Я не могу тебя учить, — со всей твердостью продолжала она. — Мне это запрещено.

На самом деле все обстояло не совсем так, но лучшего способа утихомирить Варию спартанка не видела. Маленькая невольница была полезна именно своей незначительностью и незаметностью. Пустое место, девочка на побегушках. Идеальная лазутчица для выведывания настроений Сорины.

Вария готова была разреветься. Лисандра хотела было призвать ее к порядку, но в последний миг передумала. Как бы ее лазутчица от обиды не переметнулась. К тому же — стыд и срам! — ей

не хотелось слишком уж задевать чувства Варии. Они ведь были дружны с самого первого дня ее пребывания в луде. С тех самых пор эта девочка неизменно оставалась на ее стороне.

Поэтому Лисандра сказала:

— Как бы то ни было, Бальбу совсем не обязательно знать все обо всем, верно?

— Верно. — Вария босой ножкой ковыряла песок и не поднимала взгляда.

— Ну и хорошо. Я буду тебя учить.

В глазах девочки полыхнуло такое счастье, что спартанка поспешно добавила:

— Займемся этим после того, как я выиграю поединки с Нестасеном и Сориной. Прежде — никак нельзя, пойми это. Я ведь жизнью рискую всякий раз, когда выхожу на арену. Мне надо подготовиться!

— Ты — лучшая, — сказала Вария. — Ты обязательно победишь.

— Правильно, — кивнула Лисандра. — Но великий воин потому и велик, что не склонен недооценивать своего врага.

Она подумала и добавила:

— Вот тебе самый первый урок. Никогда не жди, что успех придет сам по себе! Если ты станешь поступать так, то Ника, богиня победы, обязательно

от тебя отвернется.

— Да! — Вария жадно впитывала каждое слово кумира. — Можно мне приходить и смотреть, как ты занимаешься? Я буду учиться.

— Конечно, — разрешила Лисандра. — Ты ведь уже так и поступаешь. Я скажу другим, что ты — моя личная рабыня и не обязана исполнять их приказания. Договорились?

— Да, госпожа! — просияла девочка. — Я все сделаю, что ты скажешь!

Вот бесхитростная душа. Лисандра невольно улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она. — Следуй за мной.

Они уже шагали прочь, когда воительница вдруг осознала, что назвала Варию своей личной рабыней. Оговорка, если вдуматься, была потрясающая, но Лисандра не стала возвращаться к ней и вносить ясность. Поступить так значило бы проявить слабость. Поразмыслив, она решила впредь думать о Варии как о своем илоте. Да, это верное слово. Оно отражало подчиненное положение девочки и лишний раз подчеркивало спартанское происхождение самой Лисандры.

Такое решение было правильным со всех сторон.

XLIX

Нестасен стиснул кулак, ощущая, как напряглись мышцы предплечья. Сидя за решеткой, он изрядно потерял в весе, но былая сила еще не покинула нубийца. Тем более что схватили его относительно недавно, причем вовсе не за нападение на Лисандру, а за самое обычное воровство и убийство.

Сразу после побега он подумывал купить место на корабле и пробраться на родину, но быстренько растратил все деньги на коноплю и о морском путешествии пришлось забыть. Тогда Нестасен покинул город и направился пешком на восток, но и тут ему не удалось уйти далеко. Все та же тяга к конопле заставила его повернуть с полпути и погрузиться в сумеречную жизнь городского дна, где пропитание и дурман добывались в основном грабежами. Спустя некоторое время он напал на человека, не пожелавшего безропотно отдавать кошелек. Мужчина принялся сопротивляться, и Нестасен его убил. Это, конечно же, был несчастный случай, но никто не стал разбираться. Нубиец был схвачен и вскоре приговорен к

казни на великих Траяновых играх.

Какая злая издевка! Он, бывший наставник смертников, был сам обречен погибнуть на арене. Да еще и без оружия! Позорная смерть для воина и мужчины.

Его первые дни за решеткой были наполнены всеми муками преисподней. Лишенный привычного снадобья, он бредил, метался, сходил с ума. Его тело и душа корчились в судорогах, выворачивались наизнанку. Прочие узники боялись подходить к нему, считали нубийца опасным лунатиком. Однако ничто в этом мире не вечно, и постепенно боль рассосалась. Впервые за долгие годы Нестасен увидел окружающий мир не сквозь дымок конопли, а в истинном свете.

Жаль, но этот мир сузился для него до непотребного каменного закутка.

Сквозь прутья упала тень. Нестасен поднял голову, щурясь на яркий свет, потом кое-как рассмотрел человека, державшего факел.

— Катувольк? Ты, что ли?..

— Я.

Голос галла отдавал холодом. Рядом с ним стояли несколько здоровенных рабов с дубинками наготове.

Катувольк бросил за решетку разомкнутые

кандалы и велел:

— Надевай.

Нестасен повиновался, сердце билось глухо и тяжело.

— Меня что, выпускают? — спросил он, не смея надеяться.

Катувольк скривился.

— Нет. Будешь драться.

— Ну да, пока меня не убьют.

Нубиец рывком развел руки, показывая тюремщикам, что оковы были и вправду застегнуты.

— Не знаю, — проворчал Катувольк, отпирая решетку.

В факельном свете его глаза показались Нестасену совсем черными.

— Надеюсь, что так, — продолжал молодой галл. — Моя бы воля, сам бы тебя и убил.

— Неужели ревнуешь? — осклабился арестант. — Получается, что она так тебе и не дала?.. Хотя понимаю, после меня эта цыпочка на других мужиков вряд ли посмотрит. Уж больно ей понравилось, как я ее на вертел насаживал.

Катувольк повернулся к нему, и удар кулака оборвал похабное хвастовство. Скованный нубиец не мог как следует защититься и упал на пол. Молодой галл успел наградить Нестасена

несколькими пинками, потом стражники оттащили его. Бывший наставник кое-как сел и выплюнул изо рта кровяной сгусток.

— Чего доброго, она еще явится навестить меня напоследок, — зло поддел он Катуволька, поднялся и порадовался бессильной ярости, написанной у того на лице. — Я снова смогу насладиться лакомым кусочком, на который ты так долго облизываешься.

— Ну, пошел! — Стражник толкнул Нестасена вперед, заодно вклинился между ним и галлом.

Нубиец по-прежнему боялся поверить в свое освобождение, но его вывели из вонючего узилища в коридоры под ареной, и в нем заново проснулась надежда. Стражники не позволили Катувольку переломать ему ребра! Это могло означать только одно. Он действительно будет драться.

Коли так, то у него появится шанс отвоевать себе свободу.

Есть все-таки справедливость на свете.

* * *

— Нубийца переселили, — рассказал Катувольк Лисандре следующим утром. — Держат его отдельно, но ему позволено упражняться. Не

годится, чтобы все выглядело так, будто мы его тебе на блюдечке поднесли, полуживого, прямо из заточения. Я бы, конечно, ему готовиться не дал, да кто меня спрашивал! Хочешь на него посмотреть?

Лисандра приостановила разминку.

— Ты что, шутишь? — огрызнулась она. — Видеть не хочу до того дня, когда настанет пора его убивать!

— А я вот думаю, тебе было бы полезно понаблюдать за ним, Лиса.

Ей показалось, что уменьшительное имя случайно сорвалось у него с языка, и она не стала перебивать.

Катувольк продолжал:

— Тебе кстати будет всякое преимущество, какое только можно заполучить. — Он сделал паузу и перехватил ее взгляд. — К тому же представь, что ты впервые после того раза увидишь его только на арене! Это запросто выбьет тебя из колеи. Лучше заранее привыкни к виду его паскудной рожи. Хотя, понимаю, это для тебя нелегко.

— В том, что ты говоришь, есть правда. Только из колеи меня не очень-то выбьешь. Я уже пережила то, что случилось!

Тут она, мягко говоря, отчасти преувеличи-

вала, но Катувольку не было нужды знать все подробности.

— Что ж, пойдем и глянем на него. Но сперва я тут с тобой разберусь.

Спартанка взяла в руки парные мечи димахайры.

* * *

Сорина хмуро отвернулась. Она не один час наблюдала за тем, как упражнялась эта девчонка, и увиденное внушало ей беспокойство. Вслух амазонка отзывалась о способностях Лисандры с неизменным презрением, но в действительности было похоже на то, что победа над юной гречанкой потребует от нее нешуточных усилий. Лисандра становилась опасней день ото дня.

Сперва Сорине казалось, что появление Нестасена должно было сработать против спартанки. Пусть переживает, пусть перегорит еще до поединка! Теперь амазонка видела, что ее врагиню только подстегнуло возвращение насильника. Даже лютая ненависть не мешала Сорине восхищаться учебными боями спартанки. Бывшая жрица не давала никакого спуску могучему Катувольку. Она увертывалась от его ударов, утекала водой и сама била его, как хотела и когда хотела.

Ну, почти.

Первой воительнице было ясно, что Лисандра вознамерилась повернуться лицом к преследовавшим ее страхам и делала это единственно возможным способом. Она собиралась встретиться со своим мучителем там, где он был сильнее всего, — на арене. Если спартанка выживет в поединке, то станет еще сильней, чем была.

А эта особа вполне могла выжить. Было очень даже похоже на то, что чернокожему гиганту несдобровать в схватке с ней.

Не без помощи все того же Катуволька арсенал боевых приемов Лисандры заметно обогатился. Галл не только давал ей бесценный опыт борьбы против гораздо более сильного и тяжелого соперника. Он еще и включил в разминку чисто мужские упражнения для развития силы, вроде поднятия тяжестей, и Лисандра без единой жалобы таскала железо. Вот и теперь, после изнурительного учебного боя с наставником, она почти без перерыва взялась за тяжелые железные чушки. Спартанка сцепила зубы и принялась раз за разом вскидывать груз над головой, а Катувольк повел счет подъемам.

Сорина поглядела на свою кисть и сжала кулак, словно пытаясь разгладить на костяшках

морщины, оставленные прожитыми годами. Нет, она знала, что текучих песков времени обратно не повернешь.

«Ну что ж! — угрюмо сказала она себе. — На то, чтобы вышибить дух из Лисандры, меня еще хватит».

Она прекрасно отдавала себе отчет в том, что будущая противница пыталась ее еще и перехитрить, обеспокоить, вывести из равновесия. Пусть пытается, ничего у нее не выйдет. Сорина была слишком опытна, чтобы попасться на эту удочку.

Другое дело, незримая борьба характеров сошла на нет сразу после того, как в застенке под ареной был обнаружен Нестасен. Лисандра как будто забыла о своем противоборстве с Сориной и памятовала лишь о вожделенной мести нубийцу. Амазонка решила, что настала пора как следует прищемить ей хвост. В том, что она задумала, чести было немного, но в их схватке с Лисандрой не было и быть не могло запрещенных приемов. Следовало использовать к своей выгоде любую возможность. Она не могла допустить, чтобы у нее отняли месть.

Уже зная, что делать, Сорина отвернулась от спартанки и пошла прочь.

L

Нубиец и амазонка стояли друг против друга.

— С какой стати ты предлагаешь мне помощь, Сорина? — щурясь на солнечный свет, спросил черный гигант.

Он был одет лишь в сублигакулум, и тело, словно вырезанное из черного дерева, лоснилось от пота.

— Помнится, мы с тобой не слишком дружили.

— Это верно. — Сорина ровно и спокойно смотрела ему в глаза. — Однако причины имеются. То, что ты натворил…

Она помолчала, чтобы голос не выдал ее.

Преступление Нестасена было смертным грехом перед лицом всех женщин, при всем том, что наглой спартанке досталось, конечно же, поделом. Эта последняя мысль поразила Сорину. Вот, стало быть, до какого предела дошла ее ненависть к черноволосой греческой девке!

— То, что ты натворил, было злом, — продолжала она. — Но я не могу не согласиться с тем, что Лисандра сама, как говорится, допрыгалась. Она у нас вся такая холодная и целомудренная, но на

самом деле очень даже понимает свою красоту! Она совратила Эйрианвен. В итоге моя младшая сестра, приемная дочь лежит мертвая. Видела я и то, как Лисандра по-женски дразнила тебя. Чему же тут удивляться?! Ты самую малость перебрал с травкой и не смог с собой совладать.

— Ну да, конопля!.. — Голос Нестасена на краткий миг окрасила тоска. — Она надо мной больше не властна, но ты права. Я ни разу не пожалел о том, что сделал. — Он улыбнулся, показывая белые зубы. — Знаешь, я ведь был у нее первым.

Сорина безумным усилием воли принудила себя к ответной улыбке.

— Вот она, справедливость, — пробормотала она. — А что ты думаешь о вашем бое?

— Тебе не придется сразиться с ней, амазонка. Я не в поддавки с ней играть выйду, заколю, не моргнув!

— Как бы не оказалось, что ты ее недооцениваешь, Нестасен. Вот тут я сумею тебе помочь. Мы обе легче и быстрее тебя. Конечно, я не уступаю ей в мастерстве. Мы, женщины, деремся иначе, чем вы. Ум у нас по-другому работает. — Она постучала себя по лбу.

— Ты еще не сказала, почему взялась мне помогать, — проговорил нубиец. — Неужто не хочешь

сама убить ее, раз отдаешь мне?

Сорина пожала плечами.

— Так или иначе, гречанка будет мертва. Да, я горю желанием насадить ее на клинок, но если она повиснет на твоем мече, то в этом будет некая высшая правда и красота.

Сказав так, Сорина сама поморщилась от нечаянной двусмысленности, но Нестасен расхохотался и ничего не заметил.

— Кроме того, что-то я не вижу огромной толпы жаждущих поупражняться вместе с тобой, — продолжала она.

— Это верно.

Черный великан огляделся и подбоченился, меряя Сорину оценивающим взглядом.

— Да, — сказал он затем. — Думается, мы способны друг другу помочь.

Сорина зверски оскалилась.

— Вот и я так думаю, — проворчала она.

* * *

Желудок Лисандры едва не перевернулся вверх дном, стоило ей взглянуть на будущего противника. По настоянию Катуволька они отправились на другой конец разминочных площадок при цирке, чтобы посмотреть, как работает Нестасен.

По правде говоря, перспектива увидеть нубийца тревожила Лисандру куда больше, чем она даже мысленно позволяла себе признать. Пока они шли, ее внутренности начали завязываться узлами, а сердце — отчаянно колотиться о ребра. Девушка твердила себе, что все это глупости, но ужас почему-то не отпускал ее.

Потом она увидела Сорину, дравшуюся с ним на учебных мечах.

То, что амазонка вызвалась помогать Нестасену готовиться к схватке, было лишним плевком в лицо Лисандре. При этом Сорина ему еще и подыгрывала. Они перешучивались и смеялись, обмениваясь ударами.

Лисандра тяжело опустилась на кстати подвернувшуюся скамью, поставила локти на колени и оперла на них подбородок. Больше всего на свете ей хотелось развернуться и бежать прочь.

«Нет! Поджимать хвост — это не для меня».

— Глазам не верю, — пробормотал Катувольк.

— Так уж и не веришь! — Лисандра вскинула глаза, пылавшие гневом. — Эта амазонка готова на что угодно, лишь бы оскорбить меня еще раз! Низости и подлости этой женщины нет предела. А она еще болтает о чести! — Спартанка покачала головой. — Что за честь в том, чтобы ему помо-

гать? Может, она думает почтить Эйрианвен, заведя дружбу с этим скотом, обесчестившим меня?.. Нет, — ответила Лисандра собственным мыслям. — Сорина просто старая дура, если полагает, что все это мне как-либо помешает. Нестасен для меня — всего лишь ступенька. Он — точильный камень, а я — острие, которое сразит старую распутницу на арене. Кроме того, она даже не сама додумалась до того, чтобы встать против мужчины. — Тут Лисандра презрительно фыркнула. — Это придумали мы.

— Раз так, то очисти свой ум от всего наносного, — посоветовал Катувольк. — Следи за ним. Ищи слабости и недостатки. Думай о том, как используешь их!

Нестасен будто услышал голос рыжего галла. Он обрушил на Сорину град ударов, столь же действенных, сколь и свирепых. Сноровистый нубиец пустил в ход всю свою силу и вес, вышиб у амазонки оружие и ткнул ее в живот так, что она опустилась на колени.

— Силен мужик! — пробормотал Катувольк, сам того не осознавая, и лишь яростный взгляд Лисандры донес ему, что он выговорил это вслух. — А что? — сказал он, как будто оправдываясь. — Разве это не правда?

— Всего лишь предположение! — отрезала Лисандра. — Я считаю, что ты сможешь подготовить меня против него!

— Спасибо на добром слове.

— Хватит с меня. Насмотрелась.

Девушка поднялась на ноги. Катувольк не стал ее удерживать, и она пошла прочь.

Проводив взглядом гибкую фигуру удалявшейся спартанки, галл неслышно вздохнул. Он только теперь начинал как следует понимать, до какой степени и Сорину, и Лисандру изменило их соперничество. Наставник снова обратил взгляд на разминочную площадку и подумал о том, что амазонка, снедаемая честолюбием, напрочь утратила разум. Воительницы так явно стремились подавить одна другую еще до схватки, что наблюдать за этим было почти смешно. Но то, что Сорина опустилась до учебных боев с Нестасеном, было действительно подло. Не подобало предводительнице общины так поступать.

«Обязательно переговорю с ней об этом», — сказал себе Катувольк.

* * *

Всю дорогу до небольших бань, устроенных при арене, Лисандре хотелось кого-нибудь разорвать.

Возле приземистого здания под руку ей попалась Вария. Девчушка издали приметила своего кумира и подбежала узнать, не нужно ли чего.

— Приготовь стол для массажа, — рявкнула на нее Лисандра, швырнула девочке пропотевшую тунику, нырнула в бассейн и принялась сильными взмахами разрезать подогретую воду.

Плавая взад и вперед, она словно бы пыталась то ли смыть, то ли еще как-то изгнать гнев, душивший ее.

«Наверняка со стороны я выгляжу странно и глупо, — думала спартанка. — Что бы я ни говорила Катувольку, но вид Сорины вместе с Нестасеном — это оказалось для меня слишком. Я словно бы во плоти увидела свою неотвратимую Немезиду. Черный и белая. Мужчина и женщина. Похититель моей девственности — и убийца возлюбленной».

Лисандра выбралась из бассейна и привычно вскинула руки над головой, чтобы Вария могла ее обтереть.

— Двое самых ненавистных мне людей объединились против меня, — сказала Лисандра, укладываясь на стол для массажа.

— Какая разница, чем они там занимаются, — не по возрасту прозорливо рассудила Вария. — Ты

все равно победишь сперва Нестасена, а потом и Сорину, потому что ты — лучшая!

— Так и должно быть, — проговорила Лисандра, начиная едва ли не извиваться от удовольствия под умелыми пальчиками юной римлянки, выдавливавшими из ее тела дурное напряжение. — Я просто обязана сойтись с Нестасеном, Вария.

— Но почему бы нам просто не казнить его за… — Вария вовремя прикусила язык. — Ну, за то, что он натворил?

— Нам? — подняв бровь, с удивленной улыбкой переспросила Лисандра.

Вария, сосредоточенно трудившаяся над ее ногами, не ответила, и спартанка сказала:

— Я мечтаю отомстить и совсем не хочу, чтобы его просто казнили! Афина будет на моей стороне. Я одержу победу. Мой последний удар пронзит ужасом сердце Сорины.

Лисандра немного помолчала, соображая, стоит ли излагать девочке самые заветные и не особенно внятные мысли. На миг ей стало стыдно, однако подспудная нужда открыть кому-нибудь сердце все-таки победила.

— Теперь я понимаю, что это самое важное.

— Перевернись, — велела Вария.

Девочка умастила бедра Лисандры и спросила:

— Ты о чем?

— Я не вполне убеждена, что сумею выиграть у Сорины, — тихо, ответила спартанка. — Мало ли что я говорю. На самом деле я совсем не так уверена в себе, как следовало бы. Каждой из нас очень даже есть за что драться. Я не сомневаюсь в своем искусстве, но ее жажда победы ничуть не меньше моей. Может, я моложе и в чем-то сильней, но она — Гладиатрикс Прима, ни разу не побежденная. У нее огромный опыт, который может сказаться.

— Что за глупости, — упрекнула Вария. — Была она когда-то великой, да вся кончилась. Ты победишь!

Лисандра пропустила мимо ушей высказывание девочки, полное слепой веры, и продолжала:

— Если я побью Нестасена, то у меня уже не будет сомнений в том, что я сделаю следующий шаг и одержу победу над ней. Поэтому в первую голову мне надо непременно выйти против него. Тогда у меня вырастут крылья. Победить его — это сейчас для меня все. Побить Нестасена — и Сорина сразу станет в два раза меньше, в смысле, вот тут. — И она постучала себя пальцем по лбу.

Вария пожала плечами.

— Не пойму, о чем ты так переживаешь, — сказала она. — Он уже все равно что мертвый. На арене еще не бывало такой гладиатрикс, как ты. Ты — лучшая с самого начала времен!

— Ну да, — ответила Лисандра больше по привычке, нежели убежденно. — Я, наверное, и правда взялась глупости городить.

Ей и самой очень хотелось бы верить в это.

LI

— Не делом ты занимаешься, — утирая рот от пивной пены, проговорил Катувольк.

— Нет, это ты неизвестно чем занят, — ощетинилась Сорина. — Ты тренируешь ее!

— Лисандре необходима помощь, чтобы справиться с Нестасеном, — серьезно ответил молодой галл. — К этой схватке только я могу худо-бедно ее приготовить.

— Верно, — сказала Сорина. — Но, помогая ей, ты, возможно, тем самым готовишь мое поражение. Ты делаешь ее все быстрей и сильней, чтобы дать ей возможность противостоять силе мужчины. Так что ты сам вынудил меня упражняться с Нестасеном. Если я и вправду собираюсь ее убить, то мне нужны все те качества, которыми, благодаря тебе, обладает она!

— Может, и так. — Катувольк передал дакийке бурдючок с пивом. — Но это ведь не главная причина, верно? Тебе гораздо важнее вывести ее из равновесия.

— Да, не без этого, — кивнула Сорина. — А что такого? Ей можно строить против меня козни, а

мне против нее — нельзя? Пусть знает, что меня так просто не проведешь. Не одной ей можно в игры играть.

Катувольк чуть помолчал, потом спросил:

— Неужели ты не могла найти другого напарника для учебных боев? Кругом уйма гладиаторов. Ни один не отказался бы тебе помочь.

— Это так, но я уже выбрала Нестасена. О причинах мы уже говорили.

— Он ведь изнасиловал ее, Сорина! То, что ты делаешь, бесчестит тебя!

— Честь, Катувольк?.. — Ореховые глаза амазонки так и сверкнули. — Она умерла вместе с Эйрианвен, а может, и раньше, когда я стала рабыней. Эта самая честь воскреснет не прежде, чем Лисандра будет мертва, а Эйрианвен — отомщена. Остальное не имеет никакого значения.

— Неужели ты думаешь, что британка одобрила бы твои дела? — с нескрываемым отчаянием проговорил Катувольк. — Нравится тебе или нет, а ведь она любила Лисандру.

— А я любила ее, — вспыхнула гневом дакийка. — Она мне как дочь была, Катувольк! Эйрианвен умерла — и у меня будто часть сердца откроили! Ты представить не можешь, что я пережила! Ну да, удар нанесла я, но ее кровь — не

на моих руках. Лисандра! — Сорина выговорила это имя с такой жгучей ненавистью, что у Катувольк а мурашки побежали по спине. — Всюду она!.. Пока не появилась эта спартанка, мы были счастливы, насколько это возможно в местечке вроде нашего луда. Мы с тобой очень дружили. Себе-то не соврешь, Катувольк, наша дружба стала не та, что когда-то! Эйрианвен была жива… Все стояло на своих местах, было правильно. Даже Нестасен!.. — Сорина воздела руки. — Сколько лет он провел в луде, и никогда ничего! Да, он всегда был жестоким, но никого не насиловал! Вообще пальцем не трогал! Явилась эта спартанка, и его как подменили. Она ведьма, Катувольк! Где ни пройдет — всюду ненависть и смерть! Снаружи вся такая целомудренная и отстраненная, а тело свое демонстрирует будь здоров как, утверждая, что это якобы естественно! Помнишь, как ты сам попал в ее сети? Бальб исполняет каждую прихоть этой девицы! Палка — прикинь, даже Палка! — и тот ее полюбил!.. К кому он когда вот так относился?.. Лисандра постоянно творит свое ведовство, и добром это не кончится. Я убью ее, пока она не погубила всех нас.

— Женщина, ты спятила от ненависти, — сказал Катувольк. — Ты не совладаешь с Лисандрой,

потому что ненависть туманит твой разум!

Сорина вскочила со скамьи.

— Не смей так говорить! — срываясь на визг, закричала она ему прямо в лицо. — Я ее уничтожу, рассеку на части и выкупаюсь в ее крови!

Молодой галл даже попятился. Глаза дакийки полыхали безумием. Разговаривать с ней, как ни печально, было больше не о чем. Огорченный наставник повернулся и собрался было идти.

— Катувольк!

Он глянул через плечо. Сорина поймала его взгляд и не спеша, этак с расстановкой, плюнула наземь.

— Ну и отправляйся… к этой. Между нами все кончено.

— Между нами все кончилось уже очень давно, — ответил он тихо. — Сорина мертва. Как и честь, она умерла вместе с Эйрианвен и сама того не заметила. Я только теперь это понял.

— Ты тоже умер для меня! — пылая гневом, бросила дакийка и, не дожидаясь ответа, зашагала прочь.

* * *

Аттал отчаянно зевал. Македонец успел устать, а его стража все не кончалась.

«Впрочем, на Бальба работать все равно здорово, — подумал он. — Платят неплохо, а опасности никакой. Уж всяко лучше, чем принимать присягу легионера или таскаться с городской стражей по грязным заулкам, кишащим лихими людьми».

Но и на непыльной службе у Бальба случались не очень радующие моменты. К примеру, сейчас Аттал стерег дверь, за которой спал тот чернокожий гигант, Нестасен. Вот ведь злобный сукин сын. Лисандра, ясный пень, сама далеко не подарок, но то, что он над ней учинил…

Стоя в одиночестве, Аттал время от времени косился на дверь каморки, где помещался нубиец, и ему было не по себе.

«Лисандра успела стать сущей любимицей толпы, — размышлял македонец. — Вот так и припомнишь, что именно я самым первым заговорил с ней, и она еще поиздевалась над моей корявой латынью. Мне надо было еще тогда догадаться, насколько она непохожа на всех остальных. Да уж, если хоть одна женщина на свете способна одолеть налитого силой мужчину, так это Лисандра. Баба с яйцами, иначе не скажешь. И яйца эти, если на то пошло, куда как побольше, чем у иных стражников».

Подумав так, Аттал негромко хихикнул.

В следующий миг сильные руки, протянувшиеся откуда-то сзади, стиснули его голову. Прежде чем он успел хотя бы позвать на помощь, прямо ему в глаза метнулась каменная стена коридора. Резкий, дробящий кости удар, тошнотворная боль…

Аттал пробовал было сопротивляться, но последовал новый удар головой об камень. Македонец ощутил, как беспомощно подогнулись колени, а дальше не было совсем ничего.

* * *

Когда закуток озарился факельным светом, Нестасен моргнул и проснулся.

— Что еще?.. — пробормотал он, торопливо протирая глаза. — Эй, ты что тут делаешь? — спросил нубиец, спуская ноги с лежанки и расплываясь в улыбке. — Неужели собираешься постель мне согреть?..

Клинок вошел ему прямо в грудь. Он заорал от ужаса, неожиданности и внезапно хлынувшей боли. Из раны бьющимися струями хлынула кровь, и Нестасен откинулся обратно на лежак, силясь заслониться руками.

— На по… — закричал было он, но крик стал

невнятным воплем животной боли.

Свистящий удар рассек мясистое предплечье, следующий пришелся в лицо. Меч опускался снова и снова, рубя черное тело. Так не режут даже скот на бойне.

Нестасен снова закричал что было сил, понимая, что оборониться не сможет. Стены каморки были сплошь забрызганы его кровью, кишечник нубийца опорожнился от смертного ужаса, по ногам стекала вонючая жижа, кожа на руках висела лохмотьями.

Клинок взвился для последнего удара.

— Почему?.. — прошептал Нестасен, на толстых губах которого вскипали кровавые пузыри.

— Потому что мне нужна победа!

Меч сбоку врубился в его шею, кровь взвилась фонтаном, по полу со стуком покатилась отрубленная голова. Черты лица Нестасена так и застыли в маске смертного ужаса.

— И еще потому, что ты — свинья!

* * *

Закуток буквально тонул в крови. Невзирая на прохладу раннего утра, в него успели проникнуть мухи, ведомые безошибочным чутьем. Они уже пировали, облепив бездыханное тело.

— Во имя Юпитера! — Бальб провел пятерней по редеющим волосам. — Ну и месиво!

Пронять ланисту видом крови было вроде бы мудрено, но чудовищно изрубленное тело вызвало тошноту даже и у него.

— Допрыгался, что сказать, — пробурчал Палка, присаживаясь на корточки рядом с тем, что когда-то звалось Нестасеном. — Вот уж навряд ли кто будет его горько оплакивать.

— Не о том речь, Палка! — Бальб говорил скорее отрешенно, чем с раздражением. — Мы не должны были этого допустить.

— Ну и как по-вашему, кто это сделал? — спросил Катувольк.

Палка оглянулся на него, потом встал и плюнул на пол. Тощего парфянина ничто не могло поколебать.

— Да ты посмотри, в каком он состоянии! Не надо быть Архимедом, чтобы обо всем догадаться. Наша спартаночка явно решила провести свой поединок вне расписания.

— Лисандра ни за что не поступила бы так, — возразил Катувольк.

— Неужели? — подал голос Луций. — Всем нам известно, что он с нею сделал. Во имя всех олимпийских богов! Уж если кто и заслуживал

подобной смерти, так Нестасен!

— Вот и я про то же, — кивнул Катувольк. — Вздумай Лисандра с ним расправиться, она нипочем не стала бы действовать таким вот образом. Вы же знаете, какова она, — продолжал молодой галл. — Спартанка просто воткнула бы в него меч, да с тем и ушла.

— Кто знает, что на самом деле происходит у нее в голове, — пробормотал ланиста. — Аттал, понятное дело, ничего не может припомнить. По его словам, он знай себе смотрел на дверь, а потом вдруг… — Бальб щелкнул пальцами. — Его задули как свечку. Следовало бы мне выпороть этого македонца за небрежение при исполнении долга, но делайте со мной что хотите, а я только и думаю — как же здорово, что мы все-таки избавились от Нестасена.

Бальб вдруг подумал о том, что у него вырвалась сущая правда. Да, он пошел на поводу у Лисандры с этим ее поединком, но мысль о том, что теперь схватка не состоится, заставила его облегченно вздохнуть. Что бы она ни говорила о своей готовности, но Луций полагал, что для победы над черным великаном ей понадобилось бы вывернуться наизнанку.

Он повернулся к стражникам, топтавшимся в

коридоре, и приказал:

— Уберите эту падаль и проследите, чтобы все было сожжено. Теперь ты и ты!.. — Его палец указывал на Палку и Катуволька. — Надо учинить Лисандре допрос. Пусть не воображает, будто может убить кого угодно и все сойдет ей с рук. В моем луде должен быть порядок. Нарушений я не потерплю!

Лишь под утро усталость помогла Лисандре забыться глубоким сном. Увы, совсем скоро девушку разбудил резкий грохот открываемой двери.

«Кто посмел?!»

Спартанка увидела перед собой потрясенные физиономии Палки, Катуволька и Бальба, сгрудившихся на пороге.

— В чем дело? — рассерженно закричала она. — Я что вам, животное в клетке, чтобы пялиться на меня сонную? — Тут она начала что-то чувствовать. — А это еще что за сырость?

Лисандра подняла руки. Они оказались липкими и красными, с пальцев капала кровь.

Девушка неслышно ахнула, опустила глаза и увидела, что все ее одеяло было пропитано алым. Прямо на нее, выставив изо рта чудовищно распухший язык, смотрела отрубленная голова

Нестасена.

Бывшая жрица в ужасе завизжала, выпрыгнула из постели и шарахнулась от жуткого трофея, насколько позволяли размеры узенькой комнатки. Голова Нестасена скатилась с лежака и упала на пол, путаясь в тугих завитках черных волос.

Лисандра вновь закричала, тараща глаза.

— Уведите ее отсюда, — громко приказал Бальб.

Катувольк бросился вперед и за руку вытащил перемазанную в крови гладиатрикс за дверь.

LII

Лисандре было худо. Да, она привыкла убивать, но это все-таки не приготовило ее к виду отсеченной головы, которая мертвыми глазами смотрела на нее с одеяла и чуть ли не обвиняла.

Скверным оказалось и то, что спартанка явила прилюдную слабость. Можно было бы владеть собой и получше. Увы, как она ни ругала себя, но противная дурнота никак ее не отпускала. Ладони, залитые кровью, никак не переставали трястись.

Заботливый Катувольк отвел ее в бани и там собственноручно ополоснул теплой водой из бассейна.

— Со мной все в порядке, — сказала она. — Ты надо мной квохчешь прямо как наседка. Да, я была потрясена, но это и все.

Он свел к переносице рыжеватые брови.

— Ты вправду успокоилась?

— Конечно!

Это была ложь, оттого она и вырвалась резче, чем следовало бы.

— Я уже сказала тебе!

Катувольк протянул ей чистую тунику.

— Значит, не ты это сделала?

Глаза Лисандры вспыхнули. Она приготовилась разразиться гневной тирадой, однако прикусила язык. До нее вовремя дошло, как все это должно было выглядеть со стороны.

— Нет, — смиряя себя, проговорила девушка. — Я здесь ни при чем. Хотя, полагаю, все именно на меня и подумали.

— Да, Бальб сразу заговорил о тебе, — кивнул Катувольк. — Я стал ему возражать.

— И правильно сделал, — сказала Лисандра. — Я выше подобного варварства и не унизилась бы до тайного убийства в ночи. Поединок с Нестасеном слишком много для меня значит, чтобы просто пырнуть его в темноте.

Она вдруг замолчала и отчаянно покраснела.

— Лисандра?..

— Эта сука!.. — с яростной ненавистью вырвалось у нее. — Эта трусливая и коварная сука!..

— Да о чем ты?! — Голос Катувольк заметался между стенами.

— Сорина!.. — Лисандра не находила себе места. — Ну да, все сходится! Эта дрянь отлично знала, как много значил для меня поединок! Знала!.. О, чтоб ей провалиться в Гадес.

— Не пойму.

— Да чего ж тут не понять! Вот ради чего она с ним упражнялась, Катувольк, неужели не ясно? Эта дикарка хотела, чтобы он начал ей доверять! Чтобы она могла с легкостью подобраться к нему вплотную и украсть у меня месть!

Глаза спартанки наполнились слезами, она гневно смахнула их с пылающих щек. Сорина поразила Лисандру ее же оружием, и от этого она еще горше страдала. Но кто мог предвидеть, чем все обернется?

— Нет, я с ней разберусь прямо сейчас! — Лисандра бросилась было мимо Катувольк, но тот перехватил и удержал ее. — С дороги! — закричала она. — Не то я тебя…

— Лисандра!

Он пустил в ход властный голос наставника, которым разговаривал с подопечными, и это сработало. Привычка к повиновению, выработанная годами, заставила Лисандру присмиреть, хотя бы на время.

— Подумай о том, что ты намерена сделать, — продолжал Катувольк. — Если ты пойдешь к ней прямо сейчас, растрепанная и зареванная, то она будет торжествовать, поймет, что достала тебя! Задумайся, девочка! — Он дал Лисандре несиль-

ный подзатыльник. — Неужели ты позволишь ей так просто себя победить?

— Но Нестасен был моим! — чуть не плакала спартанка. — Он стал бы моим орудием победы над ней!

— И она лишила тебя его. Еще бы! Ты взялась с ней мериться еще до поединка, и она доказала, что по хитрости тебе до нее далеко. Она — матерая львица, ты же, Лисандра, совсем еще девочка. Во всяком случае, Сорина так говорит, — быстро поправился Катувольк. — Ты все время говоришь о боевой тактике и о том, что в сражении надо в первую очередь думать, верно? Как по-твоему, следует ли показывать врагу, что он завоевал преимущество, что его хитрость удалась? А?

— Но это же совсем другое дело. — Лисандра жалко шмыгнула носом.

— Не вижу никакой разницы! — продолжал наседать галл. — Да ты и сама все это знаешь. Если пойдешь к ней сейчас, то дашь ей в руки оружие. Лучше изобрази, будто ее хитрость нисколько на тебя не подействовала. — Утихомиривая Лисандру, молодой наставник и сам постепенно успокаивался. — На самом деле для победы над ней тебе не было никакой необходимости начинать с Нестасена. Ты вполне способна ее побить,

и она прекрасно это понимает.

— Неуверенна, — тихо проговорила Лисандра. — Я думала, если справлюсь с Нестасеном, то легко совладаю и с ней, но теперь сомневаюсь в этом. Я говорила об этом только Варии. Смерть Нестасена значила для меня все! Дело не просто в том, что он тогда со мной сотворил. Мне хотелось, чтобы она увидела, как я его убиваю. Я стремилась ей показать… — Лисандра недоговорила. — Она — Гладиатрикс Прима. Я боюсь ей проиграть.

Такое признание застало Катуволька врасплох.

— Послушай, — проговорил он тяжело. — Я знаю, как важен был для тебя бой с Нестасеном по многим причинам. Как бы то ни было, теперь его нет. Он умер, и его смерть была очень нехороша. Уж ты мне поверь, я видел тело. Сорина, может, и ополоумела от ненависти к тебе, но любви к мучителям женщин у нее нет ни вот столечко! Она его выпотрошила мастерски. У тебя, право, не получилось бы так. Он умчался к своим богам, вопя и извиваясь от смертных мук.

Лисандра сжала губы в одну черту, потом тихо проговорила:

— Все-таки убить его должна была я.

— Возможно. Сорина отняла у тебя это право, чтобы причинить боль. Она умна и хитра, а по-

тому догадалась, что тебе нужно было встать против него и тем себя утвердить. Амазонка знала, что ты обретешь внутреннюю готовность к поединку против нее, если его победишь. Вот она и похитила твою уверенность. Так о чем это тебе говорит?

— О том, что она меня переиграла. Случилось именно то, чего я боялась. — Лисандра села на каменную скамью и уткнулась лбом в ладони. — Я моложе и сильнее Сорины, дерусь лучше. Однако она знает куда больше всяких хитростей, которых я еще не успела освоить.

— Ты правда так думаешь? — Катувольк присел подле нее и положил руку ей на плечо. — А мне вот все видится в несколько ином свете, Лисандра. Она всем показала, что боится тебя.

Лисандра вскинула глаза и увидела невеселую улыбку рыжего галла.

— Сорина сделала это от безысходности, прекрасно зная, что ты не остановишься, пока она не упадет мертвой. На арене всегда есть шанс. Может, тебе дадут миссио, и, даже проиграв, ты выберешься оттуда живым. Но в этом поединке такого не будет. Одна из вас непременно погибнет. Твоя противница считает, что умирать придется ей.

— Хотела бы я в это верить, — проговорила Лисандра и почувствовала, что где-то глубоко внутри снова подняла голову надежда.

— Я верю. Слушай, Лиса, ведь мы с ней дружили до тех пор, пока она не спятила из-за вашей вражды. Знаешь, Сорина плюнула между нами наземь, показывая, что больше мы не родня. Я ей сказал, что она для меня умерла, причем давным-давно.

— Неужели она не в себе, как и я?..

— Даже больше. Опыта и хитрости у нее действительно не отнимешь, но она совершенно запуталась, сама себя довела до безумия. Слишком много лет на арене, в рабстве… — Катувольк пристально посмотрел Лисандре в глаза. — Да и гибель Эйрианвен тяжким грузом легла ей на душу.

— Мне тоже, — с горечью кивнула Лисандра. — Она отняла ее у меня.

— Это так. Но, убив ее, она и сама умерла. Если ты на мгновение отодвинешь ненависть в сторону, то увидишь это так же ясно, как я. Вы с ней из разных миров, Лиса. То, что хотите создать вы, жители срединных прибрежий, Сорина считает злом. Порядок, прямые дороги, стены из камня — все это для нее чужое. Ты со своими эллинскими обычаями воплощаешь все то, что она ненавидит.

Эйрианвен отдала тебе свое сердце, тем самым она отвернулась от общины. Сорина яростно любила ее и не могла видеть рядом с тобой.

Тут он вдруг замолчал, и Лисандра поняла, что эти воспоминания бередили ему душу не меньше, чем ей самой.

— Разве ты не понимаешь, что за эту правду она собственной дочери всадила в кишки клинок? Можешь представить, что с ней после этого было?.. Нет ничего хуже, чем поднять руку на родича! Стать убийцей родни! Все-таки она на это пошла, ибо страшилась, что любовь к тебе совратит Эйрианвен и распространится, точно зараза, среди нас, варваров, — произнес он без горечи и насмешки. — Для нее это стало последней каплей, толкнуло за край. Я в то время был ослеплен другими вещами и вовремя не увидел, что с ней творилось, а когда понял, было уже поздно. Я тебе все это рассказываю не потому, что желаю ее предать. Просто ты должна знать — смерть станет для нее избавлением. Она ведь была предводительницей, повелительницей всадников и коней, великой женщиной. И во что она превратилась? В убийцу. В рабыню, чьи надежды разбиты, чья младшая сестра, почти дочь, пала от ее же руки.

Катувольк надолго умолк, а когда заговорил снова, его голос был тих и невесел.

— Она боится погибнуть в схватке с тобой, но земной путь Сорины завершен. Смело выходи на арену — и отпусти ее.

Лисандра принимала каждое слово, точно каплю целительной влаги. Прикрыв глаза, она размышляла над услышанным. Правда, отставить в сторону ненависть к Сорине, на чем настаивал Катувольк, ей так и не удалось. Успело случиться слишком много такого, что невозможно забыть и простить.

— Надо подумать, — хрипловато проговорила девушка.

Она поднялась на ноги, покинула бани и направилась в сторону арены. Здесь все было спокойно и тихо. Лишь ветер еле слышно шуршал, перегоняя песок.

Лисандра вспомнила бесноватую толпу, следящую за гибелью своих любимцев вот здесь, на этом самом песке, свой самый первый бой против той соломенноволосой девушки из Галлии, путешествие в луд Бальба вместе с германками, доброту Хильдрет, которой больше не было. Спартанка посмотрела на середину арены. Здесь пали Хильдрет, пронзенная ее мечом, Пенелопа и Да-

ная, с которой они тогда сидели над мучительно умиравшей рыбачкой. Кроткая, ласковая Даная… Ее убила Сорина, чтобы досадить Лисандре.

Спартанка опустилась на корточки, пряди черных волос закрыли лицо. Эйрианвен, прекрасная возлюбленная!..

Глаза девушки обожгли слезы, горло забил тугой колючий комок. Она медленно подняла глаза и сквозь пелену слез увидела протянутую к ней окровавленную руку британки. Лисандра посмотрела на свои ладони, только-только отмытые, и в ее груди перевернулось то самое сердце, которое она так старалась обратить в камень.

Ведь все могло быть по-другому, если бы не безумная ненависть Сорины и ее собственное себялюбие. Она могла бы предотвратить гибель любимой, отказавшись от сладости и тепла ее объятий. Теперь спартанка понимала, что была повинна в смерти Эйрианвен не меньше Сорины. Она ведь могла и должна была прекратить эту связь, но голос сердца, стосковавшегося по любви, оказался сильней. Все годы в храме, вся ее выучка, вся жреческая школа пошли коту под хвост. Она не сумела сберечь ту единственную, которую полюбила.

— Неужто ты оплакиваешь своего черно-

кожего? — раздался знакомый ненавистный надтреснутый голос, и на песок перед Лисандрой упала тень. — Знаешь, это я убила его, — сказала Сорина. — Прикончила, как прикончу и тебя.

Лисандра смахнула с глаз слезы и медленно поднялась. Удивительное дело, она впервые не находила ничего стыдного в том, что показала свои страдания этой старухе.

— Да что с тобой, девочка? — продолжала издеваться Сорина. — Неужели расстроилась? Спартаночка, твоя маленькая игра немножко не удалась. Ты, глупенькая, решила, будто что-то можешь сделать против меня! Я видела много таких и увижу еще, когда ты будешь в земле. Ты — пустое место! Я уже предвкушаю, как выпотрошу тебя подобно тому, как сделала это с Нестасеном.

Лисандра покачала головой.

— Неужели ты думаешь, будто это имеет какое-то значение? — проговорила она. — Прикончила ты его, и что с того? Для меня он должен был стать лишь вехой на пути к нашему поединку. Я собиралась убить его на арене и тем доказать тебе, что я — лучше. Ты не допустила этого. Что же между нами осталось? Эйрианвен больше нет, как и Нестасена. Теперь — только ты и я. Вот на этой арене, — И Лисандра широко развела

руки. — Ты была создана здесь, а меня бросили на этот песок. От жрицы, которая попала сюда два года назад, осталось немногое. Да и в тебе уже нет ничего от предводительницы общины, старуха. Мы — всего лишь две гладиатрикс, обязанные драться до смерти.

— Ты боишься меня и пытаешься скрыть свой страх за частоколом слов, — прошипела Сорина. — Знай, ничто не помешает мне умыться твоей кровью, спартанская шлюха! Ты заплатишь своей жизнью за все то, что сделала с моей.

— Я ничего не делала с твоей жизнью, Сорина. Во всем виноваты только мы сами. Поэтому-то и погибла Эйрианвен. За это я тебя никогда не прощу. Пусть часть вины падает и на меня, но убила ее ты и за одно это должна умереть от моей руки. Так и будет.

Больше говорить было не о чем. Еще некоторое время они молча смотрели одна на другую. Лисандра чувствовала себя опустошенной. Да, она возлагала на себя вину, признавала ошибки, горевала об утратах, но все это так и не помогло ей обнаружить в своей душе ни понимания, ни прощения. Перед ней стояла сломленная женщина с искореженной и злобной душой, достойная лишь ненависти. Лисандре жарко и яростно хотелось

пришибить ее прямо на месте, здесь и сейчас. Ничего более.

Она первой отвела глаза и повернулась, всей спиной ощущая ненавидящий взгляд амазонки. Спартанка знала, что все кончится очень скоро, так или иначе.

LIII

— Случайность, говоришь? Непредвиденное несчастье?.. — гневно вопрошал Фронтин, сверля водянистыми глазами Бальба, переминавшегося перед ним.

— Я уже сказал, господин мой, что никак не мог предвидеть подобного.

Ланиста счел за благо без обиняков сразу поведать прокуратору об участи Нестасена. Тем более что откладывать этот разговор было все равно бесполезно.

— Что ж, весьма удачный для нас оборот обстоятельств, — подал голос Траян.

Бальб про себя считал выходцев с Иберийского полуострова близкой родней варварам, но этот хотя бы держался так, как пристало римлянину, и безупречно говорил на латыни. Вероятно, его родители в самом деле были из Рима.

— Я с самого начала знал, что у этой вашей женщины-воина, у спартанки, не было ни единого шанса устоять против мужчины, — продолжал сенатор довольно назидательным тоном. — Отважусь предположить, что какой-то болельщик

спохватился, понял, что сделал неверную ставку и вот-вот все потеряет.

Траян покосился на правителя, и от Бальба не укрылось, как нахмурился Фронтин.

Ланиста прокашлялся.

— Нет, господин мой, уверяю, дело обстоит совершенно не так. У меня есть все основания думать, что убийство случилось по личным причинам, из-за старой вражды между рабами.

Он напустил на себя точно выверенный вид терпеливого сожаления. Да, лучше уж принять сторону Фронтина, который останется в Галикарнасе, а Траян скоро уедет.

— О поединке между Ахиллией и Нестасеном еще не было объявлено публично. Если кто и мог сделать какие-то ставки, так только вы сами, потому что больше об этой схватке никому не было известно.

У Траяна был вид человека, которого обманули.

Он негодующе хмыкнул и спросил:

— Убийцу поймали?

— Увы, господин мой, — проворно солгал Бальб. — Очень многие презирали и ненавидели Нестасена. Что греха таить, если кто и знает этого убийцу, то отнюдь не торопится его выдавать.

Конечно, существует немало действенных способов установления истины, но рабов, каждый из которых был на это способен, слишком уж много. Опять-таки, это может оказаться стражник, служащий арены, да мало ли кто! — Бальб помолчал и виновато развел руками. — Я могу лишь сожалеть, если столь прискорбная случайность нарушила некое благородное пари, которое вы между собой заключили. Как бы то ни было, заверяю, что тут не велось никакой нечестной игры. Конечно же, вы вправе любым способом расследовать убийство Нестасена, если явите такое желание.

Ланиста говорил подчеркнуто ровным голосом, очень надеясь на то, что его невинный обман не будет тотчас раскрыт. Если ему повезет, то это предложение о расследовании лишь убедит обоих вельмож в его прямодушии.

Он здорово перетрусил, увидев, что Траян собрался что-то сказать, но Фронтин заговорил первым:

— В этом нет никакой нужды, добрый Бальб. Я отлично знаю, что ты всегда вел дела честно, от чистого сердца предложил нам разобраться в убийстве, но людям нашего положения не пристало вникать в подробности гибели каких-то

рабов.

Была бы его воля, Бальб расцеловал бы Фронтина за эти слова. Даже если Траян и думал о разбирательстве, теперь он нипочем не станет на нем настаивать из боязни показать себя человеком мелочным и недостойным своего звания.

— Конечно, господин мой, — проговорил он вслух. — Я сболтнул глупость, но, как ты опять-таки верно заметил, от чистого сердца. Увы и увы, при всех предосторожностях, которые мы принимаем, различные несчастья все-таки происходят.

— Да. — Фронтин сделал жест, означавший, что разговор завершен и Бальбу позволено удалиться.

Тот множество раз поклонился и с большим облегчением покинул помещение. Другое дело, мысль о том, что он делается староват для подобных игр, никак не покидала его. Кто помоложе, вероятно, даже удовольствие получал бы от всех этих подходов-отходов, рискованной словесной игры, общения с высшими и ничтожнейшими. Он же просто устал и рад был отдохнуть хоть некоторое время.

* * *

Игры, названные Траяновыми, шли своим чередом, но Лисандре некогда было следить за ними. Выжженные карийские пейзажи сливались у нее перед глазами. Она бежала и думала только о том, как сделать очередной шаг. Быстрота. Выносливость. Сила. Стойкость. Мастерство. Вот все, что интересовало ее в этом мире. Дни следовали за днями, похожие, как близнецы. Все больше миль оставалось за плечами. Ныли синяки и ссадины от деревянного рудиса, полученные в учебных боях.

Она сама чувствовала, как крепнет ее и без того точеное тело, как наливается неистовой силой каждая мышца. Ни одна женщина уже не могла составить ей достойную пару, и она тратила свои сбережения, нанимая мужчин-гладиаторов для тренировок.

Время состояло из пота, боли и работы.

Впереди Лисандру поджидала Сорина.

* * *

— Давай! Еще чуть-чуть! — подбадривала верная Тевта.

На руках Сорины вздувались бугры. Амазонка в очередной раз дотянулась подбородком до перекладины.

— Теперь ноги!

Сорина без видимого усилия вытянула ноги вперед.

— Тридцать подъемов! — крикнула Тевта. — Раз!

Гладиатрикс Прима молча повиновалась.

* * *

Деревянные мечи Лисандры сливались в две свистящие полосы. Она нападала на жилистого эфиопа. Проворный чернокожий двигался очень быстро, успевая парировать ее удары и ответить на них. Они плясали взад и вперед, и вот уже лицо мужчины стало меняться, приобретая сходство с Сориной. Лисандра с воплем удвоила усилия, ее мечи плели в воздухе прозрачную паутину.

Она даже не поняла, который из них достал эфиопа и свалил его без памяти наземь.

* * *

Сорина тоже обнаружила, что обычных учебных боев против женщин ей сделалось мало.

Когда она дралась на площадке, ее лицо становилось безумным, хищным и страшным. Одно движение тотчас перетекало в другое. Будь мечи настоящими, каждый удар был бы смертелен.

Мужчина, вышедший против нее нынче, был гибок и быстр, но недостаточно. Сорина метнулась под его замах, и ее мечи ножницами скрестились у него на горле.

— Добудь мне другого! — велела она безропотной Тевте.

* * *

— Девяносто шесть, девяносто семь, девяносто восемь…

Лисандра подтягивалась на перекладине, а Фиба считала. Вария, маленькая рабыня, храбро пыталась подражать гладиатрикс.

— Девяносто девять, сто! Отлично, хватит. Отдохни!

Лисандра обливалась потом, ее руки дрожали, но она лишь заскрипела зубами и приказала сама себе:

— Еще пятьдесят!..

* * *

Мешок с песком ходил ходуном, из него во все стороны летела пыль. Кулаки Сорины без устали молотили плотную стеганую холстину. Каждый раз, впечатывая в нее костяшки, амазонка воображала, как проминается, брызжет кровью холодно-прекрасное ненавистное лицо, и последующий удар получался еще сильней предыдущего.

* * *

Мужчины, собравшиеся поглазеть на тренировку девчонки, разразились шумным восторгом. Здоровенный германец рухнул на землю, заливаясь кровью из разбитого рта. Лисандра стояла над ним, тяжело дыша от напряжения. Разъяренный гладиатор тотчас вскочил, чтобы обрушить вихрь ударов на увертливую спартанку. Уклониться удавалось не всегда, и тогда Лисандра отбивала удары. Когда и с этим не получалось, она сама била в ответ. Ее ступня выстрелила вперед и влепилась германцу как раз между ног. Тот закрыл больное место ладонями и рухнул сперва на колени, а потом и врастяжку. Его приятели

свистели и хохотали. Лисандра оглянулась на них и позволила себе улыбнуться, что случалось очень нечасто.

* * *

Месяц шел за месяцем. Каждый день обе женщины оттачивали себя, словно оружие, стремясь к совершенству. В юности Сорина считала себя очень сильной, чем и гордилась по праву. Теперь, когда ее подгоняла Лисандра, тело амазонки демонстрировало такие способности, о которых она прежде даже не подозревала.

Лисандра, вспоминая храмовую выучку, тоже отчетливо понимала, что достигла небывалых для себя высот. Она могла все. Ей все удавалось.

* * *

Наступила самая последняя ночь. Она подошла как-то даже неожиданно, знаменуя внезапное окончание всеобъемлющей подготовки, так долго определявшей их жизни.

Лисандра опустила мечи и проследила за тем, как Сорина нанесла последний, крушащий удар по мешку с песком. Они встретились взглядами, стоя по разные стороны учебной площадки. Вре-

мя будто остановилось.

Всего через сутки одна из них будет лежать мертвой.

Думать об этом было большим утешением для обеих воительниц.

LIV

— Ты уверена? — Фиба придирчиво осмотрела Лисандру. — Они такие красивые.

— Да. Я уверена.

Две женщины и Вария сидели в комнатке спартанки. Высоко над ними неразборчиво гудела арена, слышались приглушенные аханья и вскрики толпы.

— Раньше тебя никогда это не беспокоило.

— Сегодня все по-другому.

Фиба пожала плечами.

— Ну, как хочешь…

Она взялась за волосы Лисандры и бронзовыми ножницами отстригла густую прядь. Упавшие локоны подбирала с пола Вария.

— Покороче так покороче, — сказала Фиба, щелкая ножницами. — Но наголо стричь не буду, Лисандра, ты уж как хочешь!

— Вот так и хочу, — пробормотала спартанка. — Стриги давай.

* * *

— Ты полностью готова, Сорина.

Тевта мягко разминала и разглаживала мышцы на плечах у подруги.

— Ты была воительницей всю свою жизнь. Из колыбели — прямо в седло, а потом и сюда. Ты всегда была лучше всех, предводительница. То, что ты ненавидишь врагиню, воздает честь богам, а то, что это Лисандра, не значит ничего. Еще одно тело, из которого ты вышибешь душу. Еще одна жертва твоему мечу. Ты сразишь ее!

— А я и не сомневаюсь в этом, — пробормотала амазонка.

* * *

Карийская гладиатрикс, исполняя волю трибун, прикончила соперницу.

Траян вежливо похлопал в ладоши, потом повернулся к Фронтину.

— Должен сказать тебе, правитель, что я весьма впечатлен. На этих играх я многое понял. Ваши воительницы попросту восхитительны. Однако я все-таки остаюсь при своем мнении. Да, женские бои, которыми ты столь увлечен, придают зрелищам замечательное разнообразие, но силы и мастерства настоящих гладиаторов этим девушкам все же недостает!

Фронтин пожал плечами и ответил не без неко-

торой гордыни:

— Нашей публике, похоже, равно нравятся те и другие. — Он обвел рукой море человеческих лиц. — Тебе разве не кажется?

Траян кивнул.

— Не могу не согласиться, — ответил он с оттенком презрения. — Тем более что воительницы, которых ты нам показал, на голову превосходят все, что мы видим на римских аренах.

Говорить обиняками и скрытно ревновать было уже ни к чему, и сенатор добавил:

— Я думаю, в следующем году император будет вполне доволен зрелищем, если оно хотя бы приблизится по своему уровню к нынешнему. Так я ему и доложу, — сказал он, приняв окончательное решение.

Фронтин подмигнул ему.

— Позволь напомнить, что самых лучших ты еще не видал, но все равно спасибо на добром слове.

Траян жестом велел Диоклу налить им обоим еще вина.

— Не за что благодарить, друг мой, — сказал он прокуратору и снова обратил взгляд на арену.

* * *

Лисандра сидела одна. После того как Фиба умастила ее, Лисандра отослала их с Варией прочь. Очень скоро ей предстояло предстать перед взорами многотысячной толпы, но сейчас спартанке требовалось уединение. Она подняла глаза к маленькой статуэтке Афины, что стояла в нише над ее ложем. Прекрасное лицо, вырезанное из слоновой кости, хранило загадочную полуулыбку.

— Пребудь со мною сегодня, — прошептала Лисандра, потом со вздохом провела рукой по остриженной голове.

В Элладе подобное считалось знаком скорби. Если она победит, то и в самом деле будет скорбеть. Не станет Сорины — и Лисандре больше не с кем будет сражаться.

Ну да, она докажет самым полным и неоспоримым образом, что она — лучшая. Что она — спартанка. Что она превзошла всех.

Ладно, а дальше-то что?..

Каждый день будут появляться молодые дарования, подобные прежней Лисандре, жаждущие сражаться со знаменитостями и побеждать их, тем самым что-то доказывая. Погибнет Сорина, и бывшая жрица займет ее место. Она сама ста-

нет… Сориной, Гладиатрикс Примой, той самой, которую все мечтают свалить.

Вот она, ее судьба, о которой когда-то говорил Телемах. Лисандра подумала о жреце-афинянине и улыбнулась. Вот бы знать, сидел ли тот где-то там, среди беснующейся толпы, пришел ли поболеть за нее в этот день жизни и смерти.

Лисандра не знала наверняка, но почему-то была совершенно уверена в том, что он пришел.

* * *

Сорина разглядывала свое отражение в большом бронзовом зеркале. Нет, на ее теле не было ни единой отметины возраста. Ее бедра прикрывал сублигакулум, но обнаженные груди смотрелись задорно и горделиво. Такими крепкими и скульптурными, как ныне, они не выглядели уже много лет. На животе воительницы просматривались твердые квадратики мышц вроде тех, что любили изображать на своих статуях римляне.

Как и Лисандра, Сорина пребывала наедине со своими мыслями. Странно, но тяжесть, придавившая ее в день гибели Эйрианвен, словно бы испарилась. Развеялось проклятие Морриган, давным-давно предсказанное прекрасной дочкой друида. Оглядываясь в прошлое, амазонка готова

была признаться себе, что действительно сходила с ума от ненависти к спартанке. Да, она была одержима. Ненависть изменила ее, несмываемо заклеймила и чуть не уничтожила. Но теперь Сорина исцелилась. Сумасшествие кончилось. Осталась лишь ненависть, но и та не задержится в ней надолго.

Настал день, когда Лисандра падет. Тогда Сорина освободится совсем, в ее душу снизойдет мир.

Сегодняшний поединок станет самым последним. На арену она больше не выйдет, пусть даже для этого ей придется себя искалечить. Бальб не сумеет ни запретить, ни помешать. Это будет ее выбор. Она слишком долго ждала, но теперь все будет так, как захочется ей.

— Пора.

Сорина подняла взгляд и увидела на пороге кряжистую фигуру Тита.

— Центурион! — Губы амазонки тронула непрошеная улыбка. — А я думала, ты в луде.

— Я там и был, — ответил наставник. — Но как же я мог пропустить этот бой, Сорина! Разве не о нем мы думали и говорили последние несколько месяцев? Вот я и приехал в город, чтобы пожелать удачи тебе и ей. Вам обеим. Победу одержит сильнейшая. Только этого следует желать, только

на это надеяться.

— Тогда она достанется мне! — Сорина поднялась на ноги. — Что ж, идем!

* * *

Лисандра шагала туда, где брезжил свет. Она шла коридорами, вокруг смолкали все разговоры, прекращалась обычная суета. У выхода собрались все ее друзья и подруги, не говоря уже про Бальба, Палку и Катуволька. От нее не укрылось, что молодой галл привел с собой Дорис. Рядом с ними стоял Телемах. Стало быть, она не ошиблась, полагая, что жрец непременно придет.

Спартанка задалась было вопросом, отчего они собрались с ее стороны арены, но тут из потемок возник Тит. Рядом с ним шла Сорина. Как и Лисандра, дакийка была облачена лишь в набедренную повязку. Ее тело, натертое маслом, мерцало в факельном свете.

Лисандра чуть напряглась, но старуха не сделала никакого угрожающего движения, даже не хмыкнула. Ее глаза были пусты, взгляд обращен внутрь.

Тит поставил амазонку бок о бок со спартанкой, указал им на ворота жизни и положил руки женщинам на плечи.

— Вот теперь все так, как тому следует быть, — проговорил Центурион. — Удачи вам обеим.

Он легонько подтолкнул их вперед. Лисандра и Сорина двинулись на арену, шагая в ногу.

Туннель попросту содрогался от рева толпы, столь знакомого воительницам. Тем не менее сегодня все было по-особому, не так, как всегда. Они шли к яркому свету, и все то, что называлось Лисандрой или Сориной, облетало с них, точно осенние листья.

Ворота заскрипели, растворились. Гладиатрикс залило светом, а на головы им обрушился осязаемо плотный рев людского множества. Казалось, за пределами арены рыскал чудовищный зверь и ждал кровавого пира, готового вот-вот начаться.

Когда женщины вышли на свет, трибуны неистово взвыли, распаляясь похотью и предвкушением крови.

Больше не было ни Лисандры, ни Сорины. Как снятые одежды, они затерялись где-то там, во тьме коридоров. На арене стояли Ахиллия и Амазона.

LV

Лисандра никогда еще не слыхала, чтобы они так ревели. Звук только что не валил с ног, несясь над песками подобно буре, поднятой Посейдоном. Он отдавался в груди, от него ощутимо пошатывались зубы. К Лисандре подбежал раб-харенарий и вложил ей в руки пару мечей. Другой служитель поднес оружие Сорине.

Женщины одновременно взмахнули мечами, и толпа ответила слитным воплем в два раза громче прежнего.

Лисандра дважды крутанула мечами, повела шеей туда-сюда и приняла боевую стойку. Ее левый меч косо смотрел вперед, правый прикрывал тело.

Сорина ответила примерно тем же. Она выставила левый меч, а правый занесла над головой. Амазонка была равно готова и к нападению, и к защите.

Шум толпы отдалился, теперь Лисандра слышала лишь собственное дыхание, удары сердца и — невероятным образом — шорох ветерка, перегонявшего песчинки у ступней. Она сжала

пальцы ног, ловя запутавшиеся крупинки, резко выдохнула через нос, а потом шагнула вперед — навстречу врагине.

Сорина не стала топтаться по кругу и тем паче пятиться от нее. Она тоже ступила навстречу, и ее шаг был равен шагу Лисандры. Теперь, когда они уже могли достать одна другую, гладиатрикс помедлили, глядя друг дружке в глаза поверх тускло блестевших клинков. Какое-то мгновение прошло в неподвижности.

Лисандра закричала и устремилась вперед.

Ее мечи сверкнули двумя молниями и с визгом рассекли воздух, летя навстречу Сорине. Старуха ответила хитроумной защитой и ответным выпадом, который мог бы отведать плоти Лисандры, но спартанка перехватила удар.

Клинки свистели и мелькали, переливаясь в факельном свете.

Никто не уступал, не просил и не давал передышки. Удары наталкивались на непроницаемую оборону, заставляя зрителей напряженно гадать, которая из воительниц первой допустит промашку.

Тело Лисандры блестело от пота, смешанного с маслом. Она яростно пыталась проникнуть сквозь защиту Сорины, но старуха двигалась со

скоростью, превосходившей всякое вероятие. Ни один удар Лисандры не остался без достойного ответа. Потом амазонка перехватила инициативу, и спартанка почувствовала, что ее начинают понемногу теснить.

Сорина крутанулась на месте. Лисандра мгновенно сделала выпад, но не распознала уловку соперницы. Как оказалось, та готовила ей не удар мечом, а пинок. Нога Амазоны резко выхлестнула вперед, вмазалась Ахиллии прямо в бок и лишила ее равновесия. Она споткнулась, и толпа ответила криком, в котором ужас мешался с восторгом. Сорина тигрицей рванулась вперед, ее мечи двумя молниями резанули сверху вниз.

Лисандра вовремя перекатилась, отделавшись лишь тем, что мокрое тело покрылось корочкой песка.

Сорина торжествующе зарычала и продолжала наседать на нее. Лисандра в ярости прыгнула навстречу. Железо громко и отчетливо зазвенело, столкнувшись в воздухе с таким же железом. Гладиатрикс кружились, рубясь в ближнем бою, клинки подбирались все ближе к ничем не прикрытым телам. В какой-то момент Лисандра еще подалась вперед и пожертвовала защитой ради того, чтобы локтем нанести Сорине скользящий

удар в голову. Ее расчет оказался верен. Амазонка моргнула, безупречный рисунок движений оказался нарушен. Клинок Лисандры успел пройтись поперек ее торса, вычертив кровавую полосу чуть пониже грудей.

Ради того восторга, что испытала спартанка при виде крови Сорины, поистине стоило жить! Вдохновленная успехом, Лисандра мгновенно нанесла еще один режущий удар — на сей раз по животу.

Сорина шатнулась назад, боль и потрясение внятно читались у нее на лице. Радости Лисандры не было предела. Вот оно!..

Спартанка прыгнула вперед, занося мечи, чтобы раз навсегда завершить эту повесть ненависти и вражды, и вот тут-то Сорина нанесла встречный удар. Уже в движении Лисандра распознала очередную хитрость дакийки. Амазонка пошла на то, чтобы принять две поверхностные раны и прикинуться чуть ли не умирающей, но теперь клинки старухи искали плоти врагини и наверняка должны были испить ее крови, потому что поделать спартанка ничего уже не могла.

Ну, почти ничего.

В последний миг она отчаянно выгнулась, и клинок противницы не рассек ей кишки, а лишь

пустил по ребрам кровавую бахрому. В рану тотчас затек пот, она вспыхнула огнем.

Боль — ничто! Ее просто не существует! Лисандра прислушалась к жжению, хладнокровно оценила свой ущерб, после чего перестала думать о нем.

Женщины снова смотрели одна на другую, их плечи ходуном ходили от напряжения. Потом, словно по молчаливому согласию, они шагнули вперед, пятная кровью песок. Вновь зазвенела резкая песнь сталкивающихся клинков, сопровождаемая стонами предельного усилия и ритмичными выкриками толпы. Вертясь в бешеном танце, воительницы еще несколько раз достали одна другую. Это были всего лишь царапины, но они-то и выцеживают всю кровь, постепенно лишая гладиатора силы.

Измаранные алым, облепленные песком, они продолжали нападать и защищаться, движимые той яростью, что гонит человека за все пределы выносливости.

Мечи Сорины затеяли двойную атаку. Один из клинков Лисандра отбила, но второй заставил ее зашипеть, больно ужалив в левое плечо. Брызнувшая кровь попала ей в волосы и на лицо. Сорина заскрипела зубами, точно хищное живот-

ное, и попыталась дослать клинок, добираясь до кости. Ореховые глаза горели плотоядным торжеством. Лисандру окатила тошнотворная боль, от которой подломились колени. Ее больная рука выпустила меч, но лишь для того, чтобы протянуться вперед и мертвой хваткой сомкнуться на теле Сорины.

Гладиатрикс рухнули на песок и покатились по нему. Наверху оказывалась то одна, то другая. Все четыре меча разлетелись в разные стороны, выбитые из ладоней. Ни одна из женщин не пожелала давать другой ни малейшего преимущества. Оставшись безоружными, они боролись и наносили удары, со зверским восторгом всаживая кулаки в ненавистное тело.

В итоге Лисандра все-таки отшвырнула старуху. Обе вновь поднялись и тут же изготовились для рукопашного боя. У спартанки сновали перед глазами черные точки. Это делала свое дело усталость. Девушку утешало лишь то, что Сорина, конечно же, чувствовала себя не лучше.

Не поразив амазонку оружием, Лисандра была исполнена решимости расправиться с ней голыми руками, забить насмерть кулаками, удавить пальцами.

Но первой за дело взялась Сорина. Удар наот-

машь с силой кувалды врезался Лисандре в скулу. Кожа лопнула. Разъяренная спартанка тотчас дала сдачи, всадив основание ладони прямо в нос дакийке. Хрящ и хрупкие кости вмиг стали месивом, размазанным по лицу задохнувшейся амазонки. Держа кулаки наготове, Лисандра поспешила вперед и не заметила ногу дакийки, взметнувшуюся навстречу. Удар пришелся в низ живота, Лисандра согнулась пополам и лбом вписалась в жесткое колено Сорины.

Перед глазами девушки полыхнуло белое солнце. В его сиянии качнулась жилистая фигура противницы, смазанные лица на трибунах и наконец — темно-синее вечернее небо. Лисандра рухнула навзничь. Боль порывалась скрутить ее спазмами рвоты, но все же спартанка разглядела тень Сорины, ринувшейся добивать поверженную противницу. Едва ли не последним отчаянным усилием спартанка встретила ее ударом ноги вроде того, что достался ей самой. Когда же амазонку согнуло, Лисандра сгребла ее за плечи, по-борцовски рванула к себе, и Сорина, увлекаемая собственным весом, головой вперед перелетела через нее.

Она упала и пропахала песок, оставив в нем кровавую борозду. Лисандра перекатилась на

четвереньки, силясь подняться. Как выяснилось, ее левый глаз совсем ничего не видел, заплыв страшным синяком от предыдущего удара дакийки. Лисандра попробовала встать, однако ноги уже не держали ее, и она повалилась опять. Воля и разум яростно приказывали телу: «Поднимайся!» Оно вздрагивало и корчилось, но выполнить приказ не могло. Его силы были исчерпаны.

Сорина тоже перевернулась на живот и теперь пыталась подобрать под себя руки, чтобы оторвать от песка хотя бы голову. Титаническое усилие приподняло ее на колени, но это было все. Она дрожала и качалась. Лисандра посмотрела на нее и поняла, что амазонка уже не встанет.

Она сцепила челюсти и поползла к ней.

То, что последовало за этим, было по-звериному страшно. Опираясь на руки и колени, они обхватывали одна другую и качались, точно колонны обрушенного храма, столкнувшиеся на полпути до земли. Начисто забыв все боевые приемы, Лисандра сомкнула кулак и бросила его Сорине в лицо. У той запрокинулась голова, но чуть погодя она ответила спартанке тем же. Удар следовал за ударом. Обеим воительницам давно пора было упасть без сознания, но жутким напряжением воли они продолжали сражаться.

Наконец женщины прислонились одна к другой, чтобы не рухнуть.

Пальцы Лисандры нашарили горло Сорины.

Пальцы Сорины медленно доползли и сомкнулись на горле Лисандры.

Они смотрели друг дружке в глаза и все сильней стискивали руки.

В последний раз.

Увидеть, как в зрачках соперницы меркнет огонек жизни, — и тогда уже провалиться в блаженное отдохновение смерти!

* * *

Траян давно вскочил с кресла, да так и остался стоять, что-то выкрикивая, поддерживая воительниц. Творившееся на арене было против всех римских обыкновений, но он просто ничего не мог с собой поделать. Какое мужество! Какое искусство!.. Когда обе гладиатрикс остались без оружия, он ждал, что вот-вот будет объявлено об окончании поединка, но нет. Эти женщины принялись забивать одна другую насмерть голыми кулаками. Траян никогда не видел ничего подобного. Сколько гладиаторских поединков прошло у него перед глазами, но такой страсти, такой яростной воли к победе ему еще не встречалось.

Когда они поползли одна к другой, Траян словно очнулся, подхватил дубовый ларчик, стоявший возле его кресла, и бросился из почетной ложи на арену.

* * *

Лисандра увидела, как начали стекленеть глаза ненавистной врагини. Ее собственный разум кричал криком, требуя воздуха, сила и выносливость были вычерпаны до дна, но какое это имело значение? Еще несколько мгновений, и амазонка умрет.

Эйрианвен будет отомщена.

Тут сильные руки сгребли спартанку за плечи и потащили куда-то, вырвав Сорину из ее убийственной хватки.

Соперницы буквально взвыли, хватая воздух, царапаясь и тщетно пытаясь освободиться.

— Нет!.. — хрипло закричала Лисандра.

* * *

Траян стоял между израненными гладиатрикс, которых удерживали крепкие харенарии. Сверху в немом изумлении взирала зрительская толпа. Люди уже понимали, что у них на глазах проис-

ходило нечто небывалое.

— Поднимите их, — негромко велел Траян служителям арены.

Он возвысил голос, чтобы его отчетливо слышали в каждом уголке цирка:

— Люди Галикарнаса! Я — Марк Ульпий Траян, римский сенатор, друг и советник божественного императора. Слушайте же! Сейчас много говорят о великом амфитеатре Флавия и о дивных зрелищах, которые можно в нем лицезреть. Я там был и своими глазами видел все то, о чем говорят люди. Но я готов засвидетельствовать перед всеми богами, что ни разу в жизни не удостаивался чести узреть бой, равный сегодняшнему! Вы по праву разделили со мной эту великую честь! Эти женщины подарили нам поединок, о котором вы будете рассказывать внукам!

Траян открыл ларец и извлек две пальмовые ветви, выкованные из чистого золота.

— Каждая из них предназначена для победительницы! — выкрикнул он, вкладывая золотые листья в бессильные пальцы воительниц. — Они почтили нас поединком, и я употреблю свою власть, чтобы наградить их. Я, Марк Ульпий Траян, римский сенатор, дарую Амазоне и Ахиллии свободу! Пусть им вручат деревянные мечи в знак

того, что впредь они не будут сражаться — разве только по своей воле.

Толпа, вознесенная на вершину восторга, многоголосым хором принялась выпевать имя сенатора.

Траян придвинулся вплотную к израненным гладиатрикс и покачал головой.

— Я в самом деле ни разу еще подобного не видал, — сказал он. — Да пребудет милость богов с вами обеими.

Победительниц увели.

Каждую — в ее собственные ворота.

LVI

Катувольк об руку с Дорис, Фиба, Палка, Тит, Телемах и, конечно же, Вария, исполненная обожания, собрались в лечебнице у постели Лисандры.

Девушка бормотала слова благодарности, но на деле ощущала лишь боль да всеобъемлющую горечь отнятой победы. Невзирая на всю подготовку, весь душевный жар, всю волю, собранную в кулак для этого боя, у нее ничего не получилось. Сорина еще жила.

Свобода, дарованная Траяном, отдавала горестной пустотой. По закону Лисандра была отныне свободна, но в глубине души понимала, что на самом деле свобода не вернется к ней, пока Сорина еще дышит. Когда за спинами друзей затворились двери, глаза спартанки обожгли злые слезы бессилия. В полумраке лечебницы она оплакивала свое поражение.

— Лисандра!

Это, оказывается, явился Бальб. Ланиста помедлил у двери, подошел к ложу и сел подле своей бывшей гладиатрикс.

— Приветствую тебя, Луций Бальб.

— То, что ты сегодня сделала… — начал он и умолк, не договорив.

Владелец школы опустил голову и смотрел на свои руки, сплетая и расплетая пальцы.

— То, что сотворили вы с Сориной сегодня на арене, и вправду неслыханно. Ни здесь, ни в самом Риме не было ничего похожего. Известно тебе, что люди уже хотят заказать фриз в память о вашем бое? Подумать только, Амазона и Ахиллия, обретающие бессмертие в камне! — Бальб покачал головой. — Это тоже неслыханно, если говорить о женских боях.

Он подумал и добавил:

— Что-то мне подсказывает, что подобное уже не повторится. Таких, как вы с ней, никогда раньше не было и больше не будет.

Лисандра хотела упрямо сжать губы, но боль в иссеченном лице превратила надменное выражение в жалкую гримасу.

— Я провалилась, — выговорила она. — Я дралась недостаточно хорошо, не сумела убить ее.

Бальб пожал плечами.

— Теперь ты свободна. Так какое это имеет значение?

Лисандра медленно приподнялась на локте, от-

крыла рот и обнаружила, что не может подобрать нужных слов. В самом деле, способен ли Бальб был почувствовать то же, что и она, уразуметь, что без смерти Сорины свобода была для нее пуста и никчемна, как и вся жизнь — без Эйрианвен?

В конце концов она просто сказала:

— Полагаю, ты прав.

Ланиста кивнул, откашлялся и спросил:

— Чем же ты теперь предполагаешь заняться?

Лисандра чуть не улыбнулась при этих словах. Вот в этом был весь Бальб! Он думает только о своем кошельке. Лишившись двух лучших воительниц, отпущенных заезжим сенатором на свободу, он вряд ли еще когда-нибудь сможет рассчитывать на такие сборы, как в прошлом году. Мало того, ланиста еще и лишился надежд на устроение знаменательной битвы в честь дня рождения Домициана. Ведь без нее, Лисандры, встать во главе гладиаторского войска не сможет никто. Великолепное зрелище, создаваемое по всем правилам военного искусства, сразу выродится в пустышку, и Бальб, конечно же, понимает это. Как и то, что Лисандра не захочет, да и просто не сможет покинуть своих эллинок, которых так старательно обучала. Бросить на произвол судьбы Варию и Фибу?.. Да ни за что!

— Я останусь с тобой, — негромко проговорила Лисандра. — Теперь мое место здесь, Бальб.

— Примерно такого ответа я и ждал от тебя, — ответил Луций странно охрипшим голосом, как будто в горле у него застрял сухой и жесткий комок. — Ты останешься, но не со мной, — добавил он совсем тихо. — Два минувших года… Ты, Сорина, Эйрианвен… да, и Эйрианвен! Я вполне убедился в том, что стал староват для подобных забав. Мне довольно!

— Никак собираешься на покой? — Лисандре казалось, что уже ничто больше не способно ее изумить, и все-таки это случилось.

— Да, собираюсь. Мы с Эросом хотим отправиться в Грецию. Там на нас с ним по крайней мере не будут коситься. Я сказал, в Грецию? В Элладу, конечно, — поправился он и был вознагражден слабой улыбкой спартанки. — Нужно только уладить кое-какие дела. Я уже переговорил с Титом, Палкой и Катувольком. Все они подтверждают, что в народе наш луд давно уже называют не школой Луция Бальба, а школой Лисандры. Я решил вручить эту школу тебе, чтобы ты поступила с ней по своему разумению. Твои подопечные, как ты их именуешь, воистину станут таковыми. В твоей власти выпустить их всех на свободу,

или все-таки устроить битву для Домициана, или вовсе перепродать луд, кому пожелаешь. Можешь даже продолжить выходить на арену, хотя, надеюсь, этого ты все же не сделаешь. — Бальб вздохнул. — Благодаря тебе я многое понял о себе самом. Так что вот тот единственный подарок, который я в силах сделать тебе.

Ланиста наклонился и тихо поцеловал ее в лоб.

— Прощай, Лисандра Спартанская, — проговорил он, поднялся, вышел и притворил за собой дверь.

В лечебнице воцарилась тишина. Лисандра постепенно осознавала огромность дара, поднесенного Луцием Бальбом, и ее глаза вновь наполнились слезами. Как же ей поступить?.. Некогда она сказала Фронтину, что уже не сможет вернуться в Спарту и снова быть жрицей. Эта часть ее души отболела и умерла.

Осталась лишь гладиатрикс.

ЭПИЛОГ

Год спустя. На границе Дакии

Марк Сабин скорчился в инстинктивном страхе, укрываясь за горой трупов. Он прослужил в легионе около двух лет, но еще ни разу не был в сражении, и то, что происходило теперь, наполнило животным ужасом его душу. Люди и кони падали, зарубленные мечами или утыканные стрелами, подобно ежам.

Они появились на закате, перемахнули земляные стены и бешеной бурей пронеслись через полевой лагерь. Их жуткий пронзительный боевой клич мешался с гудением пламени и стонами умирающих римлян. Варваров нельзя было сосчитать! Безумные всадники на разъяренных конях вынесли ворота и галопом влетели внутрь.

Едва начавшись, битва была безнадежно проиграна. Марк решил спасти хотя бы собственную шкуру, для чего и зарылся в груду погибших. Но над лагерем снова понеслись ужасные крики — это победители пытали пленников, взятых живыми. Дикари безжалостно калечили их,

оскопляли, бросали в костры. Марк обгадился от страха, но ему было не до того, чтобы испытывать стыд. Он молился всем сразу олимпийским богам, выпрашивая себе жизнь, просил своих давно умерших родителей не забирать его к себе прямо сейчас. Сабин очень не хотел умирать.

Потом чьи-то грубые руки принялись растаскивать тела, под которыми он искал убежища. Легионер в ужасе закричал, попытался удрать, но ничего из этого не получилось. Его мгновенно схватили, сорвали панцирь, а потом и тунику.

— Пожалуйста! — повторял он, заикаясь. — Пожалуйста, не убивайте меня.

От вида этих варваров, в чьих глазах светилась лишь смерть, по его ногам снова потекла вонючая жижа. Они без умолку трещали на своем диком наречии и волокли его куда-то сквозь дымные руины некогда упорядоченного и стройного лагеря. По сторонам высились врытые в землю колья, на которых торчали легионеры, уже мертвые или еще не совсем, кричащие и бьющиеся в последних муках.

Вот тут до Марка начало постепенно доходить, что нападавшие — все поголовно! — были женщинами. А он-то, дурак, смеялся над побасенками о дакийских амазонках, считал их досужими

вымыслами. Кто же мог ждать, что страшилки, которыми баловались солдаты у походных костров, внезапно обретут столь пугающую плоть?!

Потом к Марку подъехала воительница, явно возглавлявшая отряд. Верхом на коне, облитая зловещим светом пожара, она показалась ему жуткой, точно сама смерть. У ее седла болтались свежие лоскуты кожи с волосами, сдернутые с римских голов. Колчан амазонки был пуст, с меча, густея, капала кровь.

— Римлянин! — произнесла она на отличной латыни, пригвождая Марка к месту взглядом ореховых глаз. — Из всех, кто незваным явился сюда, живым уйдешь только ты один. Но не потому, что я исполнена милосердия. Оглядись! Навеки вбей в свою память, в каких муках умирали твои товарищи по оружию! Запомни, судьба постигнет всякого римлянина, осмелившегося ступить на землю моей родины! Найди людей своего племени и поведай им о том, что здесь произошло. Скажи, что Сорина Дакийская выполнила обещание, данное некогда одной спартанке. Сообщи римлянам, что я вернулась забрать то, что по праву всегда было моим! Хорошо ли ты понял меня, легионер?

Марк, сотрясаемый отчаянной дрожью, сумел

лишь робко кивнуть.

— Вперед!.. — закричала амазонка, вздергивая коня на дыбы.

Ее названые сестры разразились пронзительным боевым кличем и понеслись за ней в ночь. Земля глухо гудела под копытами их коней.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

«Гладиатрикс» — художественное произведение, так что относиться к нему прошу соответственно. Я не претендую на глубокое знание классической истории и на то, что мне удалась ее стопроцентная реконструкция. При этом моя книга основывается на некоторых незыблемых фактах.

То, что женщины действительно дрались на гладиаторских аренах Древнего Рима, сомнению не подлежит. О них упоминают некоторые древние авторы, например Светоний: «Домициан устраивал в Колоссеуме и в цирке множество удивительных зрелищ. Помимо обычных гонок колесниц, запряженных парами лошадей, давали настоящие битвы, одна с участием пешего войска, другая — конного. В амфитеатре разыгрывались морские бои. Происходили охоты на диких зверей и бои гладиаторов при факельном свете. В них участвовали и мужчины, и женщины».

Послеполуденное время и вечер отдавались главному событию — гладиаторским боям. Таким образом, упоминание о факельном свете

служит свидетельством, что Домициан со всей серьезностью относился к поединкам женщин. Другое дело, что по своей популярности и общественной значимости они все-таки никогда не превосходили мужские бои. Здесь можно провести параллель с современным футболом. Женский футбол снискал популярность у определенной группы болельщиков, но доминируют в этом виде спорта все же мужчины. Точно так же обстояло дело и в гладиаторских состязаниях.

Помимо произведений современников о гладиатрикс нам рассказывает такое веское свидетельство, как одна каменная стела, найденная в XIX веке в городе Галикарнасе. На ней изображены две женщины-воительницы, стоящие одна против другой в боевых стойках. Обе — в тяжелом вооружении, но надпись не оставляет сомнений, что перед нами именно женщины. Приводятся их имена — Амазона и Ахиллия. Это последнее есть женская форма от всем известного Ахилла. «Амазона» же, несомненно, происходит от древнегреческого названия племени легендарных воительниц.

Над головами поединщиц высечено греческое слово «апелитезан» — имеется в виду, что обе женщины с почестями оставили гладиаторскую

карьеру. Из этого можно сделать вывод, что Амазона и Ахиллия — почти наверняка это были их гладиаторские псевдонимы — завоевали себе свободу небывалой доблестью на арене.

В своей книге я попытался воссоздать историю, которая могла стоять за двумя таинственными женщинами из древнего Галикарнаса и подвигнуть современников изваять каменный фриз в честь их схватки. Учтем, что это была очень трудоемкая и дорогостоящая работа. Значит, произошел действительно выдающийся поединок, который надолго запомнился людям.

В целом я постарался насколько возможно вплести «Гладиатрикс» в ткань известных исторических фактов.

Секст Юлий Фронтин в самом деле был правителем Азии в 85–86 годах нашей эры, в правление Домициана. К тому времени он успел прославиться подавлением восстания силурийских племен на территории нынешнего Уэльса, а его дальнейшая карьера протекала в Дакии.

Марк Ульпий Траян, римский сенатор, испытавший в моем сочинении такое потрясение при виде невероятного женского поединка, в итоге стал императором Рима и оставил след в истории своими походами против даков.

Спартанская царевна Архидамия, о которой в книге упоминает жрец Телемах, также была реальным лицом. Плутарх в «Жизнеописаниях» рассказывает, как во время Пиррова нашествия Архидамия «вошла в [спартанский] сенат с мечом в руке», после чего повела женщин города рыть окопы для обороны. Также есть мнение — изложенное в Википедии, а стало быть, это не выдумки! — что под ее началом сражался целый женский отряд.

А вот то, что спартанки затем основали женский военизированный жреческий союз, где и воспитывалась наша главная героиня, Лисандра, — уже мое допущение. Нет никаких свидетельств, что в Спарте, где в целом достаточно высоко ставили женщин, действительно существовала подобная секта. Однако, учитывая высокий религиозный и воинский дух, которым было пропитано спартанское общество, я решил, что совершу не слишком большую натяжку.

В целом я старался как можно строже придерживаться известных нам исторических фактов, но у художественной литературы свои законы. Ради живости повествования мне приходилось кое-где отступать от них. Если вам бросятся в глаза неточности и ошибки, то мне остается лишь

извиниться за них.

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу сказать спасибо Барри Робинсону и Фионе Скин, моим уникальным тестовым читателям. Это им я обязан смелостью и верой, без которых не смог бы продолжать работу над книгой.

Благодарю Свенжу Гроссер за мудрую критику и дельные советы. А также Кэтрин Коулгров, за помощь в переводе с латыни. И Олистера Лесли, за предоставление научного материала.

Спасибо Грэму и Лиз Эшфорд, Эмме Хис, Джону Моргану и Элизе Вэнлинт из «Лудус гладиаториус», а еще Дэйву и Линдси Ричардсон из «Легио секунда аугуста».

Пользуюсь случаем, чтобы выразить признательность Айлану Эшкери. Рискуя навлечь на себя гнев издателей, он присылал чудесную музыку, которая так вдохновляла меня. Без этого вдохновения я бы не смог вообразить и записать вошедшие в книгу сцены. Поэтому музыку Айлана можно считать саундтреком к моему роману.

Спасибо Дэвиду Уоттсу из «Литературного бюро Жакью Беннета», на многое открывшему мне глаза. Теперь я четко знаю: если гладиатрицы

первого века и могли бы рассчитывать на «снисходительность редакторов», то для писателей двадцать первого столетия это абсолютно недоступная роскошь.

Спасибо и тебе, Эд Хэндисайд, мой издатель и самый замечательный редактор, о котором только может мечтать автор. Ведь это главным образом твоими стараниями «Гладиатрикс» обрела вид книги, которая затем попала на прилавки.

Благодарю Донну Джиллеспай. Она много лет меня воодушевляла и продолжает воодушевлять. Это ее великая книга «Светоносец» вызвала у меня неодолимое желание стать писателем. Без ее Арианы не было бы моей Лисандры, о чем мною было сказано Донне много раз, при каждой встрече, — а вот теперь еще и напечатано.

Но самое горячее «спасибо» я приберег для своей прекрасной супруги. Салли, не представляю, как тебе удалось вытерпеть творческие муки благоверного! А его долгое — по неделям — безвылазное просиживание в кабинете! А эти многочасовые просмотры передач на канале «История»! Знаю, знаю, для тебя все это было сущей пыткой. Прости, милая. Твоя любовь — самое дорогое, что у меня есть.